

СМОЛНА

СЕРГЕЙ ВЫСОЦКИЙ • НЕ ЗАГОНЯЙТЕ В УГОЛ ПРОКУРОРА АНАТОЛИИ ДЕРЯБИН • ЗУБЫ ЦЕН

АЛЕКСЕЙ АТЕЕВ • ЗАГАДКА СТАРОГО КЛАДБИЩА

АЛЕКСАНДР КИЗЕВЕТТЕР • ДЕНЬ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

1'93

(Читайте стр. 133.)

1993

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года.**

**Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ**

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного
редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного
редактора

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный
художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 22.10.92.

Подписано к печати 19.11.92.

Формат 84×108¹/₂.

Бумага газетная «Газетная».

Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.

Уч.-изд. л. 23,10.

Тираж 398 500 экз.

Заказ № 2127.

Цена свободная.

101457, ГСП, Москва.

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок

212-11-27 — отдел писем

212-23-79 — отдел молодежных
проблем

251-04-10 — отдел литературы
и искусства.

Учредитель —

коллектив редакции

журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,

А-137, ул. «Правды», 24.

1 (1539) ЯНВАРЬ

© Издательство «Пресса».

© «Смена», 1993.

В НОМЕРЕ:

2

Проза

24

АЛЕКСЕЙ АТЕЕВ. ЗАГАДКА СТАРОГО КЛАДБИЩА
Мистическая повесть

146

СЕРГЕЙ ВЫСОЦКИЙ. НЕ ЗАГОНЯЙТЕ В УГОЛ ПРОКУРОРА
Роман

Поэзия

142

ГЕНРИХ САПГИР

Человек и общество

4

АНАТОЛИЙ ДЕРЯБИН. ЗУБЫ ЦЕН

14

АЛЕКСАНДР КИЗЕВЕТТЕР.
ДЕНЬ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

101

ЮРИЙ ЧУРБАНОВ. «РАССКАЖУ ВСЕ, КАК БЫЛО...»

Культура, музыка, искусство

90

СТАНИСЛАВ КУДРЯВЦЕВ. ЛЕСТНИЦА В НЕБО

133

НЕЗНАКОМЫЕ ЗНАКОМЦЫ.
Конкурс знатоков отечественной истории

275

АЛЕКСЕЙ ЗАЙКИН. ПРОСТО ДЖОРДЖ

285

СВЕТЛАНА ТОНИНА. ДМИТРИЙ ФИЛОВ

278

ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ

На нашей
обложке:
фототюд
ОЛЕГА
БЕЛОУСОВА.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Если вы не успели вовремя подписаться на «Смену-93», не отчаивайтесь — на оставшиеся до конца полугодия номера подписка принимается всеми отделениями связи без ограничения до первого числа предподписного месяца.

Цена одного номера по каталогу — 39 рублей.
Индекс — 70820.

В розничной продаже «Смену» искать, увы, бесполезно — наш журнал распространяется только по подписке.

2•93

3

■ ФРЭНСИС П. ВИЛЬСОН. «ЗАСТАВА»

Действие остросюжетного мистического романа Фрэнсиса Пола Вильсона «Застава» разворачивается весной 1941 года в старинном замке на одном из перевалов суровых и загадочных Трансильванских Альп. Небольшой отряд регулярной армии, несущий службу на заставе, сталкивается с немыслимым порождением потусторонних сил тьмы. Но дьявольскому злу противостоит вечный страж справедливости и добра, воплощенный в себе и земную, и сверхчеловеческую мощь неотвратимого правосудия.

Неожиданные повороты сюжетных линий, глубокие экскурсы в историю европейской цивилизации, романтика личной жизни героев сделали роман бестселлером, а нарастающее от главы к главе тревожное ожидание трагического финала держит читателя в постоянном напряжении, приближая развязку, с библейской прямотой воздающую каждому по делам и вере его.

■ МИХАИЛ КОВАЛЕНСКИЙ. «ПУТЬ НА ПОЛЬЗУ»

Страницы книги дореволюционного историка рассказывают о путешествии Российской императрицы в Крым и Новороссию.

■ АЛЕКСАНДР ГЕРА. «НАД ВСЕЙ РОССИЕЙ СЕРОЕ НЕБО». Повесть-памфлет

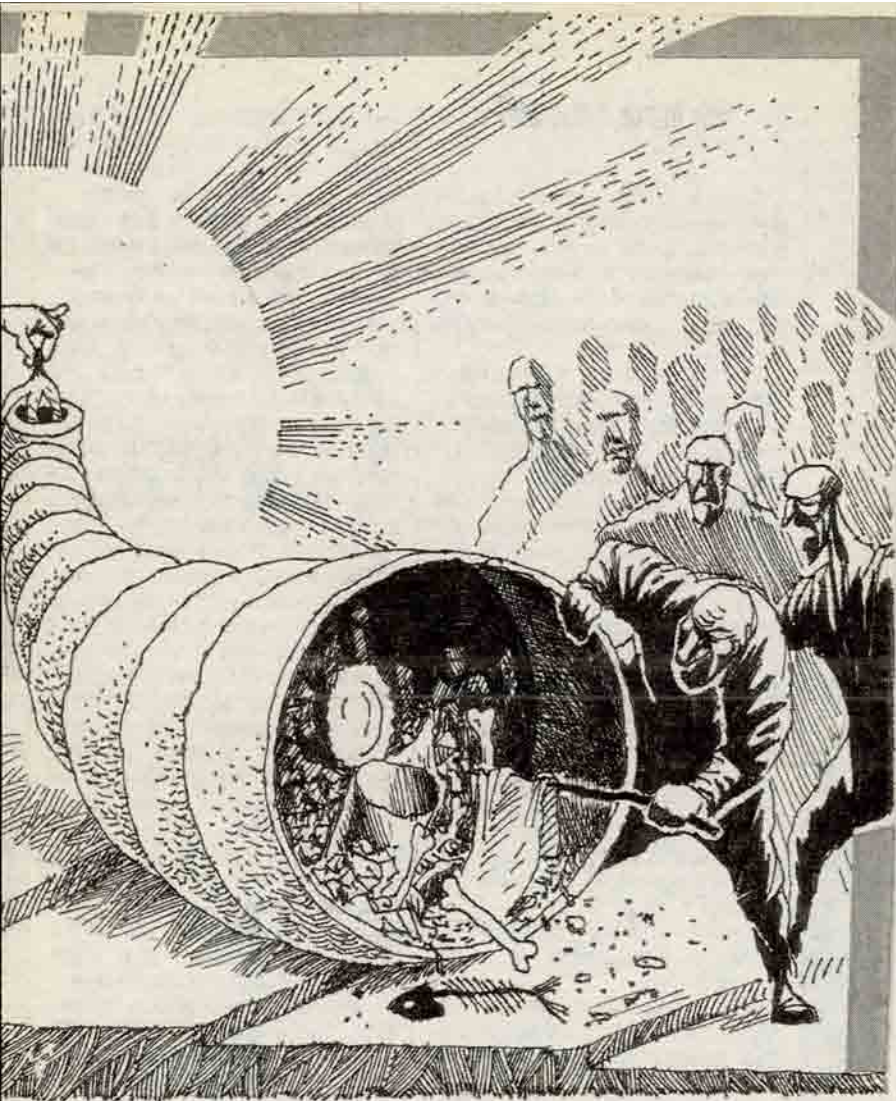
АНОНС:

Рисунок АЛЕКСЕЯ МЕРИНОВА

АНАТОЛИЙ ДЕРЯБИН,
доктор экономических наук

ЗУБЫ ЦЕН

Когда хлеб еще стоил двадцать пять копеек, а кило колбасы — 2.20, я писал в «Смене» (№ 11 за 1989 год), что не нужно торопиться с повышением цен. Объяснял — почему, предлагал другие способы для экономического выздоровления, говорил о последствиях (негативных)... Напоминаю об этом спустя почти четыре года не для того, чтобы востребовать славу «прорицателя». Просто хочу подчеркнуть: во время реформ людям мучиться вовсе не обязательно (а именно в неизбежности жертв нас уверяли сперва Горбачев, потом Ельцин). Существуют безболезненные способы преобразований. И ученые их видели и видят...

Чем плоха инфляция?

Кое-кто, особо близкий к правительству, утверждает: а что такого, если цены растут — ведь зарплата тоже повышается. Или: подумаешь, инфляция — в Израиле она еще выше одно время была — и ничего.

Однако, и здесь я абсолютно согласен с Лениным, инфляция — худший вид косвенного налогообложения. Богатые при ней богатеют, а бедные беднеют.

Бедные беднеют потому, что их доходы (зарплаты, пенсии, стипендии) отстают — всегда! — от роста цен. (В истории экономики известен лишь один случай, когда зарплата повышалась быстрее, чем цены: это было на Западе в семидесятые годы после резкого увеличения стоимости энергоносителей.) Хотя наши руководители приводили сведения о том, что летом прошлого года зарплата якобы росла быстрее, в действительности — если взять реальный индекс цен, а не сочиненный в недрах госорганов — все было наоборот.

Именно поэтому стремительно падает уровень жизни. Катастрофически!

Богатые же имеют возможность скупать квартиры, земельные участки, драгоценности. Все это дорожает быстрее, чем повышается средняя цена. Было у человека десять миллионов. Цены увеличились, скажем, в два раза. Но он купил на свои деньги золото или квартиру и поэтому не просто сохранит свой капитал, а получит сорок, шестьдесят, а то и восемьдесят миллионов. А раз он богатеет, значит, кто-то беднеет.

Беднеет — бедный...

Раньше говорили: война — кому беда, а кому — мать родна.

Так вот, инфляция тоже кому беда, а кому — мать родна. Например, биржевым спекулянтам. **Четыреста рублей за доллар — абсурдный, в десятки раз завышенный курс. Уверен, во многом он — следствие «игры» спекулянтов.** Тоже людей не бедных.

Крупные коммерческие банки нарочно покупают друг у друга валюту. Видя это и ожидая, что доллар станет дороже, более мелкие предприниматели начинают хватать его. Курс растет. Когда «акулы» дойдут до предела — валюту продадут по очень высокой цене, дальше уж некуда, они начнут обрушивать курс. Предлагать все больше и больше долларов на продажу. Начав с десяти миллионов «зеленых», можно вздуть курс и выручить за них четыре миллиарда рублей. А когда курс снизится — купить на эти «деревянные» уже двадцать миллионов долларов...

Подобные сговоры раньше были обычной историей на биржах западных стран. Но сейчас там существуют законы, которые этому препятствуют. И правительства всех стран не допускают значительных скачков курсов валют. Наш же Центральный банк и руководство своими действиями и заявлениями порой еще больше нагнетают ажиотаж. И те, кто занимается биржевыми спекуляциями, наживают огромные деньги.

Другая беда инфляции: пока она велика, никто не заинтересован вкладывать деньги в производство. Выпускать товары неэффективно по сравнению с любыми торговыми операциями. Если у меня есть, допустим, десять миллионов рублей и я положу их в банк, то смогу получить 120 процентов годовых — через год у меня станет двадцать два миллиона. А если направлю те же деньги на производство, то при нынешней системе налогов смогу

рассчитывать максимум на десять процентов дохода, то есть спустя год у меня будет всего одиннадцать миллионов. Вот вам результат инфляции. Инвестиции (вложения денег в экономику) сократились и направляются в основном из государственного бюджета. А частных почти нет. Не допустили бы инфляцию — положение было бы прямо противоположным.

Почему цены все растут и растут?

Гайдар уверял в декабре 1991 года, что цены повысятся максимум в три раза. Правительство говорит: мы предвидели повышение цен. Но их предвидение так же похоже на действительность, как детский рисунок дождика на настоящий ураган.

Специалисты нашего сектора, когда стало известно о грядущем отпуске цен, посчитали — и в декабре 1991 года опубликовали во многих газетах результаты: уже к маю они повысятся в пятнадцать раз.

Прогноз сбывается!..

Почему же цены не остановились, а все растут и растут? Впервые, государство не сократило свои расходы. А именно с этого нужно было начинать. Никак наши руководители не возьмут в толк, что все расходы государства — это доходы населения. Если оно, государство, на что-то тратит деньги, те в конце концов попадают к людям. Это происходит и напрямую — например, государство платит зарплату чиновникам и офицерам, — и опосредованно, — скажем, государство возводит железную дорогу.

Часть денег сразу расходуется на зарплату строителям. Получают вознаграждение и металлурги, которые делают рельсы, и деревообработчики с лесозаготовителями,

что производят шпалы... Все деньги, потраченные державой, в конце концов попадут к населению. Правда, с небольшой задержкой. (Мы подсчитывали, что до начала «горбостройки» она составляла полгода, а после немного увеличилась — до семи-восьми месяцев.)

А сегодня затраты на содержание аппарата управления возросли. Такого количества бюрократов в расчете на тысячу российских жителей никогда еще не было. Прямых данных никто не приводит, но можно судить по косвенным: в Москве освободились все здания союзных министерств, ЦК, горкома, обкома... Нынче они заполнены! Кем? Российскими чиновниками. Но страна-то стала меньше!.. И зарплата управленцев постоянно повышается, что еще сильнее подстегивает инфляцию, которая разорительна для страны.

Цены не остановились еще и потому, что продолжался выпуск денег пятнадцатую (по числу бывших союзных республик) банками.

Правда, рубли нигде, кроме Москвы, не печатают. Но выпускаются денежные сурrogate. Украина, например, напечатала купоны. Они, по решению тамошнего правительства, были приравнены к рублю. Значит, были выпущены наличные деньги! Какая разница, что написано на бумажке, «купон» или «рубль», если на него все продается. Печатали «вагнорики» в Литве, «рублись» — в Латвии... И все республики бывшего СССР, даже те, что не выпускали денежные сурrogate, предоставляли практически неограниченный кредит своим предприятиям и коммерческим структурам, которые за безналичные скупали в России все подряд и вывозили в свои государства. (Кстати, огромный натиск рублей из этих республик тоже сильно повлиял на то, что курс

доллара повысился.) Мы сейчас сильно зависим от того, например, сколько кредитов армянский банк даст своим предприятиям. Вы подумайте, как это возможно, что Армения, по существу, четыре года не работает, а живет! И не так бедно. Грузия воюет. Азербайджан — но с голоду никто там не умирает! За счет чего? Да за счет России!

Конечно, Москва записывает долги, но их российское правительство порой прощает, а даже если не простит — кто и когда отдаст? И сколько тогда эти деньги будут стоить?

Это надо же было договориться: покупать хлопок у Узбекистана в полтора раза дороже, чем среднемировая цена! Или — поставлять зерно из России в Армению! Ведь она даже в СНГ не входит. Что, опять прежняя линия, когда мы продавали союзникам по Варшавскому договору по дешевке нефть? Ну, и каких «друзей» мы получили? Которые сейчас рвутся в НАТО? Такими средствами союзников не приобретают. Союзники появляются, когда мы будем мощной, богатой державой. Тогда к нам тянуться будут!

Почему мы стали хуже жить после прихода к власти Горбачева?

Тяжелое состояние финансов и денежной системы (если не сказать — развал) возникло не в одночасье. Этому предшествовали процессы, наблюдавшиеся в течение десятилетий. Хотя потрясающе некомпетентное и безответственное ведение дел правительствами Рыжкова, Павлова, а затем Гайдара также способствовало тому, что постоянное и сравнительно медленное ухудшение финансов и денежного оборота быстро приняло

катастрофический характер.

Но немного истории...

В России — промышленность с изуродованной структурой производства. Наши предприятия всегда производили слишком много вооружений, станков, различных машин и выпускали ничтожно мало товаров народного потребления. Другая диспропорция в том, что в течение десятилетий сформировалась колоссальная разница в затратах на производство одинаковой или близкой по своим характеристикам продукции. Например, различия в затратах на одну тонну нефти достигают двухсот раз (!), на одну тонну угля — ста тридцати раз, на кубометр древесины — пятидесяти раз. В химической индустрии эта разница составляет десять — двадцать раз. В машиностроении — до пятидесяти раз...

Поэтому многие наши предприятия попросту больше потребляют, чем производят. Есть целые угольные бассейны, например, в Подмоскovie, которые тратят энергии больше, чем добывают ее в виде угля. Чем лучше подобные предприятия работают (если понимать под «лучше» — увеличение выпуска продукции), тем меньше реальный национальный доход, ниже уровень жизни. По расчетам, проведенным в нашем институте, закрытие только трех процентов предприятий, имеющих максимальные затраты, дало бы чистую экономию не менее десяти процентов всех затрат в народном хозяйстве. Если же учесть к тому же эффект перемещения материалов и финансов с этих предприятий на лучшие, общий результат будет в два раза выше.

Еще выгоднее уменьшить выпуск военной продукции, перефилировать предприятия военно-промышленного комплекса, а кое-какие закрыть.

Мы делали много ненужных машин и поддерживали много ненужных предприятий — от этого и жили хуже последние десятилетия. Но особенно — с начала перестройки. Горбачевский лозунг «ускорения», то есть повышения темпов роста, окончательно загубил экономику. Вместо закрытия нерациональных производств они стали работать в три смены — и стали «съедать» ресурсов еще и еще больше! Конечно, ускорение, действительно наблюдавшееся на заре перестройки, привело к жесточайшему, ранее невиданному дефициту товаров. К 1990 году магазины были абсолютно пусты...

Нужна ли была либерализация?

С тяжелым чувством я пишу эту статью.

И раньше, при Брежнев, не слушали ученых. Но тогда свою точку зрения просто нельзя было обнародовать. А последние годы хоть в десятках изданий выступи, хоть криком кричи — все равно не услышат... И все-таки еще раз хочу поделиться своими мыслями.

Так надо ли было отпускать цены? В общем-то — да. Но — не так.

Известный, а по моему убеждению, один из выдающихся экономистов современности, Гэлбрейт, еще два года назад предупреждал в «Известиях»: те, кто говорит о рынке времен Адама Смита, то есть абсолютно свободном, имеют психическое заболевание клинического характера. Резко! **Но, действительно, абсолютно свободного рынка сейчас нет.** Даже в Соединенных Штатах, хотя там и провозглашают полное невмешательство государства.

Однако и там — контроль. Например, в каждом штате существу-

ет комиссия по ценам, которая наблюдает за монополизированными отраслями. Естественно, на водопровод, газоснабжение, электроснабжение должна быть монополия. Не будут же две разные фирмы строить две независимые линии электропередач к одной квартире! Вполне естественно, компания, имеющая подавляющее положение на рынке, может заломить за услугу любую цену. Ее надо ограничить. В этом — задача государства.

Кроме того, в тех же Штатах действует независимая комиссия, контролирующая цены, которая создана по указу президента, но не подчиняется ему. А во Франции, скажем, в каждом департаменте (области) имеется большой штат инспекторов, наблюдающих за уровнем цен и жестоко преследующих нарушителей.

А у нас почему-то решили все отпустить. Без всякого контроля! Ну и получили!

Да, есть Антимонопольный комитет. Он опубликовал список предприятий-монополистов. Что этот список дает? Никому в Антимонопольном комитете не придет в голову назвать монополистом прачечную в нашем микрорайоне. Но ведь сколько она запросит за стирку — столько и отдадите. Потому что везти в другое место тюк белья (на такси) влетит вам в копеечку. Точно так же особое экономическое положение в вашем районе у булочной, парикмахерской... Чет конкуренции. Мы в самом конце мирового списка по количеству торговых предприятий и посадочных мест на предприятиях общественного питания. Они все монополисты. Потом нужно четко понимать, что иметь в виду под завышенной ценой. А таких определений никто пока не дает, и возможен полный произвол.

Я в свое время говорил (высту-

пая еще в союзном Госкомцен): могу доказать, что хлеб у нас слишком дорог, а водка слишком дешева. А могу — наоборот. Как угодно! По отношению к чему цена высокая? К чему — низкая? Когда законодательно не дается объект для сравнения, я могу считать, как угодно. И убедить: высокая цена. Либо — низкая. В зависимости от того, что желаю доказать.

Перед тем как отпускать цены, надо было ликвидировать все эмиссионные (выпускающие деньги) центры на территории бывшего СССР, кроме Москвы. О том, к чему приводит эмиссия рублей одновременно и на Украине, и в Армении, и в других республиках, я уже говорил. **Необходима денежная реформа. Нынешнюю сотню приравнять, скажем, к российскому рублю. Ввести только российскую валюту и запретить кому бы то ни было, кроме Москвы, эмитировать наши деньги.** (Другое дело — как проводить эту реформу. Нынешнее правительство, я уверен, если решится, устроит так, что от нее пострадает большинство. А можно организовать, что реформа принесет населению только благо.)

И, конечно, необходимо сократить государственные расходы. Еще несколько лет назад были проведены детальные расчеты, из которых следовало, что при повышении розничных цен следует одновременно в несколько раз уменьшить расходы государства. Только при этом условии цены могли стабилизироваться и даже через несколько месяцев немного снизиться.

Конечно, ко всему необходим, как во всех развитых государствах, и контроль за ценами. Каким образом его осуществлять?

У нас есть ряд отраслей, общесоюзных монополистов, на

услуги которых обязательно должны быть установлены директивные цены. Это относится к железнодорожному транспорту, электроэнергетике, газовой промышленности, связи. **Производственной монополии должна противостоять государственная монополия ценообразования.** Иначе мы рухнем под диктатом этих отраслей. (Что сейчас и происходит.)

В случае олигополии (то есть когда определенный вид продукции выпускает ограниченный ряд предприятий: два, три, пять...) на него, этот вид, устанавливается справочная цена. Не государством, а конференцией или комиссией, в которую входили бы на паритетных началах основные производители и потребители этого товара, а также сборщики налогов. Они собирались бы и решали, что справочная цена, например, на уголь должна составлять 1000 рублей за тонну. Отклонение допустимо в пределах 10 процентов: от 900 рублей до 1100. Если кто-то нарушает соглашение, его наказывают. По-разному. Например, публикуют во множестве органов печати: не имейте дела с этой шахтой, она обманывает. Или нарушителям повышают налог.

Вплоть до запрета производственно-торговой деятельности недобросовестной компании.

В сильно монополизированных отраслях, где производителей немного, надо выделить, как это принято во всем мире, «ценового лидера» — предприятие, имеющее минимальные затраты, то есть ведущее, наиболее развитое производство, — и ему поручить устанавливать цены. По ним обязаны продавать все остальные заводы. Такая практика существует, например, в металлургической промышленности США. Нам (обществу) проще следить за тем, как устанавливают цены не все производителе-

ли, а один. Передовое предприятие не станет очень сильно завышать цену, потому что у него и так минимальные затраты. Все же остальные будут вынуждены к нему подтягиваться. Или разоряться. Значит, лидер станет расширять производство, еще больше делать дешевой продукции.

Кроме того, эти комиссии стали бы следить за свободным ценообразованием. Не буквально: ходить по магазинам и проверять. Потребители (и граждане, и заводы) будут извещать их: нас пытаются обмануть, завышают цены. А комиссия сможет применять любые санкции, вплоть до закрытия недобросовестной компании.

Такой контроль не должен быть государственным, прокурорско-надзорным (в таком случае мы просто расширим криминальную зону: чиновники могут быть куплены), а общественным. Сами предприятия и фирмы лучше всего станут следить за конкурентами, чтобы не было обмана и искусственного завышения цен.

Другое важное направление в государственном воздействии на цены — **поощрение здоровой конкуренции и борьба с монополизмом**. Можно предоставлять субсидии новым производителям, которые появляются в сильно монополизированных секторах экономики (молодая фирма начинает выпускать товар, который конкурирует с монополистом, и мы все заинтересованы, чтобы она крепко встала на ноги). Или дотировать изготовление тех товаров, которые являются заменителями продукции монополистов. Или целенаправленно расширять и упрощать импорт конкурирующих изделий.

Государственное влияние на ценообразование не должно быть прямым диктатом (он допустим только в отношении общегосударственных монополий). В остальных

случаях дотации применяются гибкие, мягкие методы регулирования. Об этом я говорил за несколько лет до начала нынешней реформы и много раз потом повторял. Свобода? Да! Но не анархия. Не беспредел, который сейчас творится.

Рубль внутри страны уже прямо-таки вытесняется иностранной валютой. Торговля за доллары, иены, марки бурно растет. А что означает хождение десятков миллиардов долларов (в наличной и безналичной форме) внутри России? Беспроцентный кредит, который мы предоставляем Соединенным Штатам Америки.

Как это понимать? Доллары у нас в обороте появились не просто так. Чтобы их получить, мы вывезли какие-то товары: нефть, лес, медь... Вот мы просим у американцев: дайте займы. Они дают — под процент. Но мы же не везем эти зелененькие бумажки в чемоданах в Россию. Мы на них в Америке приобретаем зерно или оборудование. И только процентов за иностранные кредиты должны платить в размере десятков миллиардов долларов — за то, что ввезли сюда их товары. А они вывезли наши, но процентов не платят. Вместо этого «баксы» гуляют по России... Представьте: вы просите у соседа — дай хлеба дожить до зарплаты. Он дает с кислой миной, выдвигает условия, заставляет платить проценты — а сам в это время берет займы у вас бензин без всяких процентов.

И еще. В Россию сейчас стало выгодно ввозить только готовый продукт. Это разоряет отечественное машиностроение, легкую и пищевую промышленность. Стало невыгодно ткать российские ткани, шить из них. Прибыльней ввозить готовые трикотаж, одежду, обувь, продукты питания. Не хва-

тает на приобретение заграничных лекарств, но покупаются автомобили для очень богатых людей, португальский портвейн и американская обувь.

Да, сейчас чаще ввозит сюда товары не государство, а коммерсанты. Но правительство спокойно взирает на это. Простому человеку ни за какие деньги не купить импортное лекарство, а богатый может ездить на роскошном BMW. Это — непорядочное отношение к собственному народу. Правительство может установить такие пошлины, при которых станет невыгодно ввозить импортный автомобиль. И не повезут. Даже в Индии, которая менее цивилизована (в нашем понимании), практически нет дорогих авто. Там очень крупные бизнесмены, в истинном смысле миллиардеры ездят, как я сам видел, на маленьких тамошних машинках, очень похожих на наш древний «Москвич-402». Ввезти американский лимузин слишком накладно даже для очень богатого человека. Зато валюта высвобождается, чтобы покупать за кордоном лекарства.

Вторая сторона того же явления — многие наши предприятия останавливаются. Производить, к примеру, шоколад невыгодно. Кондитерские фабрики просто стоят. Зато мы шоколад ввозим — германский, швейцарский...

И ведь такая ситуация не вчера обнаружилась, а сразу же, как провели недавние ценовые и налоговые реформы. Почему же никто не исправляет положение?

Чтобы выйти из кризиса, надо, конечно, в полной мере использовать экономические методы, **но развал достиг таких пределов, что только ими действовать уже невозможно.** Нужны и политические меры. То есть волевые. Насильственные. Которые, возможно, даже идут против нормальных

правил рынка. Иначе нам из кризиса не выйти.

Огромное значение будет иметь волевое усилие наших руководителей. (Если они способны на это. Пока я подобного ни у одного из последних правительств — что союзных, что российского — не видел.) А должна быть жесткая, совершенно определенная, ясная для всех воля: чего мы хотим? Четкая постановка цели. Ясное объяснение, какими средствами действовать. И строжайшее исполнение.

Волевое усилие должно быть направлено на улучшение положения в народном хозяйстве. На стабилизацию финансовой системы и нашей валюты. На строжайшее преследование тех, кто не выполняет коммерческих договоров. Не прежних планов, а нынешних коммерческих обязательств. Строжайшие наказания за обман. За взятки.

Чтобы выправить положение, все средства хороши. Нет, не физический террор — но об экономическом терроре в отношении тех, кто нарушает законы, стоило бы поговорить. Надо немедленно разорвать тех, кто нарушает правила ведения дел.

Как китайцы или как поляки?

Когда еще обсуждали предстоявшие наши реформы, много рассуждали, чей путь (при всей нашей своеобразности) взять за образец. Сошлись вроде бы на польском. Ну почему именно на нем? Поляки (я это несколько раз говорил, выступая по радио и телевидению еще в позапрошлом году) из всех возможных способов решения своих сложных проблем выбрали наилучший.

Не буду вдаваться во все детали, но вот результат. Производ-

ство в Польше упало в два раза. Миллионы поляков работают по всей Европе, а чаще просто занимаются спекуляцией. Это нации хоть как-то помогает. Иначе страна просто рухнула бы. Западные государства прощают Польше долги. Иногда приехавшие оттуда наши туристы говорят: «Зато там в магазинах все есть». Но стабильности нет! Ни социальной, ни политической, ни тем более экономической. И главное — никаких обнадеживающих признаков выздоровления.

Недавно я был в Китае. Эта страна — на подъеме. Ни одна отрасль не уменьшила производства. В 1991 году они добились сальдо (выигрыша) в торговле с США в 12 миллиардов долларов. Продают туда игрушки, обувь, ткани, готовую одежду. Успешно конкурируют на американском рынке. Качество товаров высочайшее.

Пока китайцы живут, конечно, в целом беднее нас. Но — с каждым годом все лучше. Я не был там всего год, а перемены разительнейшие. И выбор, и качество товаров в магазинах возросли. Сам внешний облик людей изменился к лучшему. Меня потрясло огромное строительство. Возводят дома и крестьяне, и коммерсанты. Каждый второй грузовик или баржа гружены кирпичом, щебнем, цементом... Появляются небоскребы в семьдесят этажей... Это результат не шоковой терапии, а планомерного перехода от одного состояния к другому.

Почему нужно обязательно разрушить то, что стояло? Все — до основания, как в «Интернационале» поется?.. Наше нынешнее правительство далеко от симпатий к коммунистам, почему же оно ведет себя согласно партийному гимну?

Китайское же руководство движется очень последовательно.

Маленькими, но быстрыми шагами. И правильно, не надо шока, обвала, прыжка. Вы прыгнули — и попали в болото. В пропасть. Прыгнув, назад не вернешься... Идя же быстро, но небольшими шагами, можно в случае ошибки чуть отступить назад. Действуя подобным образом, китайские руководители проводят реформы не только без падения жизненного уровня, а, напротив, на фоне его роста и этим вызывают к себе больше уважения со стороны своего народа...

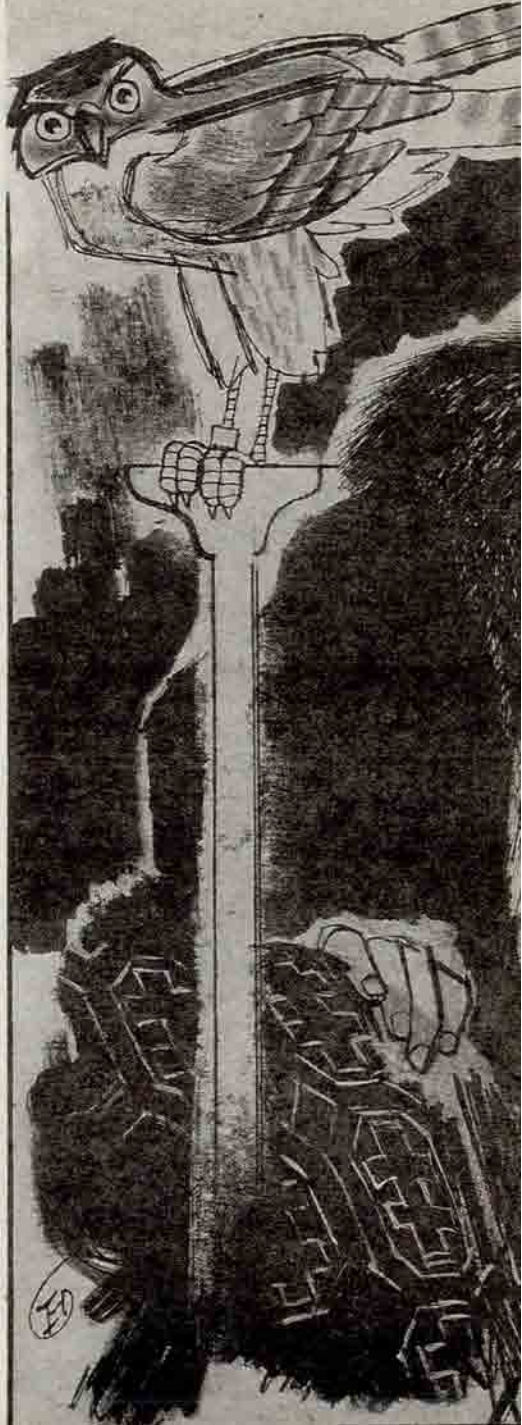
С социализмом покончено. Сейчас мы создали такое государство, которому наплевать на то, есть мы или нет. Никто о нас не подумает.

Кроме нас самих...

АЛЕКСАНДР КИЗЕВЕТТЕР

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

Алексей Михайловича

Лет двести тому назад * на Москве царствовал царь Алексей Михайлович, отец Петра Великого. Замечательное время переживала тогда Русская земля. Русские люди крепко сохраняли еще в своей жизни многие старые порядки и обычаи, но они начинали уже понимать, что нельзя все жить только по одной старине, что необходимо многому поучиться у других более образованных народов, перенять у них для себя все то, что может быть употреблено с надлежащей пользой. Так думали тогда уже многие русские люди, думал так и сам царь Алексей Михайлович. Эту думу он проявлял и в своей жизни. Вот как обыкновенно он проводил свой день с утра и до самой ночи.

4 часа утра. Над Москвой чуть-чуть забрезжили первые признаки рассвета, город уже просыпается. Отпираются лавки. Рыночная площадь перед Кремлевской стеной — теперешняя Красная площадь — наполняется шумной, пестрой толпой. Тут — торговцы, торговки, холопы празднующиеся: «гулящие» или «вольные» люди. Вся площадь заставлена вытянутыми в ряды лавками, а в стороне между Василием Блаженным и Кремлевской стеной — особое отделение для брадобреев и цирюльников. Сюда ходили тогдашние московские франты стричься и бриться под открытым небом. Эта площадка постоянно была устлана в то время таким толстым слоем обстриженного волоса, что по нем так же мягко было ступать, как по подушке.

Имя Александра Александровича Кизеветтера (1866—1933) до сих пор остается у нас в привычном и странном ряду славных и забытых. Впрочем, мы настолько притерпелись к этому парадоксу, что о причинах его говорить не стоит — они все те же. Но некоторые эпизоды биографии историка-писателя не будут лишними для наших читателей.

Ученик Ключевского по Московскому университету, Кизеветтер очень скоро стал крупным русским историком и, как бы продолжая традиции учителя, блестящим и увлекательнейшим лектором. Не случайно, надо полагать, такой образованнейший человек своего времени, как Максимилиан Волошин, в пору долгой работы над поэмой «XIX век» исправно посещает лекции Кизеветтера. Поэт, как, впрочем, и другие современники, свидетельствует, что его выступления неизменно собирали гигантские аудитории, а известность молодого лектора в этом качестве могла соперничать лишь со славой его учителя.

Возможно, это так бы и осталось достоянием современников, а для будущего поколения только легендой, если бы огромный дар рассказчика не был подкреплен недюжинным литературным талантом автора. Многие лекции Кизеветтера впоследствии были им переработаны в содержательные и великолепные по форме исторические очерки, которыми зачитывались современники и которые — по тем же причинам — должны были прийти к нам без каких-либо препятствий. Но случилось так, что литературное наследие Кизеветтера было похоронено на долгие годы, как и имя автора. Трудно сказать, но легко представить, как бы сложилась дальнейшая жизнь Кизеветтера, если бы не одно обстоятельство, о котором рассказывает летописец русской эмиграции Глеб Струве.

* Очерк написан в конце прошлого века.

К 4-м часам утра вся площадь уже в полном движении. Шум стоит невообразимый. Особенно отличается по части шума и суеты женский пол. Лишь только, — говорит очевидец, — соберутся москвитянки на площадь с своими полотнами, нитками и кольцами, они тотчас поднимают такие пронзительные крики, что непривычный человек может подумать, не горит ли город.

Время от времени толпа расступается, чтобы пропустить боярский поезд. В тяжелых колымагах, запряженных гуськом и окруженных боярскими холопами, собираются бояре во дворец на утренний поклон государю. Колымаги с грохотом трясутся по большому круглым бревнам, которыми тогда были вымощены московские площади и улицы. Приезжим иностранцам, наблюдавшим московскую жизнь, очень забавно было смотреть, как важные и дородные бояре, в широких кафтанах и меховых шапках, похожих на большие пасхальные куличи, торжественно подпрыгивали на сиденье от постоянных толчков бревенчато-мостовой.

В это время начиналась дневная жизнь и в царских хоромах. Царь Алексей Михайлович вставал в 4 часа утра. Постельничий и спальник убирали государя, т. е. помогали ему одеваться. Умывшись, царь тотчас же выходил в Крестовую палату, где его ждал крестовый поп и крестовые дьячки. Крестовая палата,

«Осенью 1922 года, — пишет он, — советское правительство в порядке акта, не имевшего прецедентов и впоследствии уже не повторенного, сделало эмиграции неожиданный и весьма ценный подарок, выслав за границу («бессрочно», но с советскими паспортами!) свыше 160 представителей интеллигенции — ученых, писателей, журналистов, общественных деятелей, — деятельность которых была сочтена «оппозиционной» и нежелательной для советского режима».

Чудовищная сама по себе эта акция позором покрыла режим, но спасением обернулась для невольных ее участников. Они выжили, а годы на чужбине умножили славу России. Вот лишь некоторые имена: философы Бердяев, Вышеславцев, Ильин, Лосский, Франк, Степун, писатели Осоргин, Айхенвальд, Изгоев, историки Карсавин и Кизеветтер...

В частном письме, датированном октябрём 1922 года, он писал: «Нечего и говорить о том, как вольно дышится теперь после неожиданного, непредвиденного, прямо можно сказать, чудотворного избавления от тюрьмы, ибо хотя последние два года я и прожил в своей квартире, но все же Москва была для меня ни чем иным, как тюрьмой, только с несколько более свободным режимом, нежели Бутырки, где мне довелось посидеть несколько раз...»

И вот строки, помеченные февралем 1932-го: «С родины у меня вести тяжелые. Все мои коллеги — московские историки — разосланы по разным трущобам, большей частью в Сибири, где им и делать нечего, и кормиться нечем. А более молодые историки, не примкнувшие к большевикам, — в Соловках».

Вечная им память. Как и тем, кто дни свои закончил под чужим небом. Но память возвращает нас и к их наследию, которое теперь уже не должно быть забыто.

это — молельня с высоким иконостасом, уставленным иконами. К приходу царя весь иконостас сияет от множества восковых зеленых и красных свечей. Царь становится перед аналоем, и, надев большие очки в золотой оправе, совершает молитвенное правило. Духовник окропляет царя св. водой, которая свозилась для этого во дворец из разных церквей и монастырей, иногда очень отдаленных, где были прославленные чудотворные иконы. Пока царь, окончив молитвы, прикладывается к иконам, «ближний человек» идет в хоромы к царице спросить ее от имени царя «о здоровье», хорошо ли она почивала. Затем сам царь выходит здороваться с царицей, и они вместе отправляются в домашнюю дворцовую церковь слушать заутреню.

Между тем в Передней палате уже давно, с раннего утра, толпятся в ожидании царского выхода бояре, окольные, думные дворяне и ближние люди — в длинных до пят кафтанах, голубо-фиолетового, темно-коричневого и темно-зеленого сукна с широкими откинутыми назад воротниками, унизированными золотом и жемчугом. Длиннейшие рукава этих кафтанов во множестве складок ниспадали до самого пола, так что боярину не раз стоило большого труда высвободить из-под рукава свои руки. На боярах надеты меховые шапки вышиною в $\frac{3}{4}$ аршина из черной лисицы или соболя с небольшой меховой опушкой. Некоторые бояре держат в руках кулички. Это — бояре-именинники, всегда приветствующие царя на утреннем выходе таким подношением.

Но вот растворяются двери внутренних покоев и пред боярами являются, как говорили тогда, «пресветлые государевы очи». Вся толпа, как один человек, мгновенно падает ниц. Это называется «бить челом государю». Некоторые бояре таким же челобитьем благодарят при этом царя за оказанные им царем особенные милости, стараясь превзойти друг друга в усердии поклонов. Известен случай, когда боярин князь Трубецкой, обрадованный царскою милостью, назначением главным предводителем русского войска, выступившего в Польский поход, поклонился государю в землю подряд 30 раз.

Сопровождаемый боярами, царь шествовал в собор к поздней обедне, продолжавшейся два часа. Иностранцы наблюдатели с изумлением передают о молитвенных подвигах Алексея Михайловича: он выстаивал в церкви часов по 5, по 6 кряду и клал по тысяче земных поклонов, а в большие праздники и по полутора тысячи. Выход царя в церковь к поздней обедне, это — одна из самых важных минут ежедневной царской жизни.

Бояре окончили свои челобитья и все гурьбой вслед за царем выходят на дворцовое крыльцо. От крыльца до кремлевских соборов растягивается целое шествие. Воздух наполнен звоном: гудят кремлевские колокола.

Царь подвигается обыкновенно пешком, иногда в карете. Зимой — в саях. Это были большие нарядные сани, раззолоченные, расписанные красками, обитые персидскими коврами. Одевание государя при этих выходах было различно, смотря по времени года и значению дня. Летом он шел в легком шелковом опашне и золотной шапке с меховым околком. Зимой — в шубе и горлатной лисьей шапке. В двенадцатые праздники государь

облекался в наряд царский: он выходил в профире, царском становом кафтане, короне, бармах и с царским жезлом в руках. Все это блистало золотом, серебром, дорогими камнями. Самые башмаки, которые в это время надевал государь, богато были вынизаны жемчугом. Это был очень тяжелый наряд, и вот почему в подобных церемониях государя всегда поддерживали под руки стольники, а иногда и бояре.

Окружая царя, шагают *рынды* — царские телохранители из сыновей знатнейших бояр, в ослепительно сверкающем наряде, все в белом: в длинных, подбитых горностаями кафтанах из серебряной ткани, с серебряными пуговицами до самых ног, в белых же сапогах с подковами, в белых бархатных шапках, усыпанных жемчугом. Каждый из них несет на плече большой топор, блестящий на солнце серебром и золотом. Шествие замыкается отрядом *жилцов*, т. е. отборной дворянской гвардии. Жильцы тоже блистают яркими нарядными кафтанами. У каждого к плечам приделана для украшения пара золоченых крыльев. Медленно и чинно подвигается шествие среди густой толпы любопытствующего народа.

Не всегда эти царские выходы совершались в одном и том же порядке. В некоторые большие праздники с ними соединяли особые торжественные церемонии, так называемые «действия», в которых изображались в лицах различные события из священной истории. Так, например, в середине декабря совершалось «Пещное действие» — в воспоминание сожжения трех отроков в огненной печи, причем печь изображал огромный решетчатый фонарь, в глубине которого помещался горн с горящими угольями. В фонарь входили три отрока в яковы халдейских костюмах из красного сукна. Протодиякон кликал их с амвона громовым басом, а они отвечали ему из глубины фонаря жалобным пеңием. Сверху с треском и шумом спускалось в фонарь вырезанное изображение ангела, и спасенные отроки, выйдя из фонаря, славословили патриарха.

Самое красивое и любопытное «действие» совершалось в Вербное воскресенье. То было так называемое «Хождение на осли» — процессия, воспроизводившая Господень вход в Иерусалим. От дворца до Василия Блаженного по площади устанавливали аллею по обе стороны зеленые кадки с воткнутыми в них вербами. После ранней обедни царь в выходной одежде, сопровождаемый патриархом, всем столичным духовенством и боярами, шествовал по вербной аллее к Покровскому собору (т. е. к церкви Василия Блаженного) и слушал там позднюю обедню. В это время массы народа любовались на изукрашенное Лобное место, покрытое бархатом и сукнами.

Посредине Лобного места ставился аналой с Евангелием, а рядом с Лобным местом помещалась приготовленная для процессии «осля», в белой суконной попоне, закрывавшей также и голову, и нарядная верба, утвержденная на особых изукрашенных дрогах и убранная подобно тому, как теперь убираются на Рождество елки, на ветвях деревца навешивались разные сласти — изюм, винные ягоды, орехи, яблоки, прикреплялись искусственные цветы, разные блестящие и звезды из меди, шумихи.

После обедни государь, патриарх и духовенство выходили на Лобное место, протодьякон читал Евангелие и в соответствующем месте патриарх, взяв в одну руку Евангелие, в другую крест, благословлял государя. Потом патриарх садился на осла, царь брал в руки конец повода, и вся процессия, предшествуемая нарядной вербой, медленно двигалась обратно ко дворцу. Тогда народ падал на колени, и вся площадь затихала в торжественном молчании. Мальчики лет 12, в белых одеждах, числом иногда до тысячи разбрасывали по пути процессии красные сукна и восклицали: «осанна!»

В обыкновенные будничные дни царь, вернувшись от обедни, шел во внутренние дворцовые покои и до обеда «сидел с бояры», т. е. решал с боярами разные государственные дела. Убранство внутренних покоев дворца Алексея Михайловича живо отражало на себе начавшийся переход от прежней старинной жизни к переживаемым у иноземцев новинкам. Во многих комнатах дворца по старинному вся мебель отличалась большой простотой: столы, расставленные по стенам скамейки — вот и все. Но в некоторых покоях там и сям между скамьями в виде одиноких редких гостей стояли новинки: стулья и кресла, серебряные, золоченые, обитые бархатом. Стены многих покоев были украшены разными картинами. Тут висели «парсуны» или портреты, различные сцены из библии и истории. Прогуливаясь по дворцовым хоромам, можно было увидеть на стенах «Падение Иерусалима», «Историю Иосифа во Египте», Владимира Святого, окруженного своими сыновьями, и Владимира Мономаха, принимающего дары от греческого царя Константина; далее разные сцены из жизни как, например, изображение несправедного судьи, принимающего взятки: ему подносят кубок и мешок с серебром, а внизу нарисован ад с ликующими чертями, которые тащат в огонь душу грешника. Под картиной подпись: «Горе судиям несправедным».

Наконец, в самых дальних уголках комнат приютились и еще более неслыханные новинки — всяческие зеркала, сделанные на манер киоток. Русские люди того времени и царь Алексей Михайлович в том числе соблазнялись уже искушением иметь у себя эту неслыханную новинку, но вешали зеркала в самых укромных углах, и задергивали их тафтою, как бы стыдясь своего искушения. Между зеркал и окон, довершая убранство дворца, качались в клетках болтливые попугаи. В одном из дворцовых покоев собиралась «Боярская Дума» рассуждать вместе с царем о делах государственных. Бояре рассаживались на лавках по чинам и по породе. По сторонам стояли думные дьяки или секретари и писаря; у каждого за ухом — гусиное перо, а на груди болтается привешанная за шнур чернильница.

В неприступные дни «сиденье с бояры» заменялось торжественными приемами иностранных послов или высшего духовенства с патриархом во главе, приносящим государю праздничные поздравления. Иностранных послов всегда старались принимать с особенной пышностью. Их умышленно хотели поразить богатством русской страны, многочисленностью русского войска. Потому их встречали и принимали с возможно большим блеском. Приезд посла всегда сулит народу любопытные и красивые зрелища. Вот как рассказывает о своем въезде в Москву посол герцога Голштинского Адам Олеарий.

13 августа мы приехали в последнее село перед Москвой, от которого оставалось 2 мили до русской столицы. Здесь мы долж-

ны были остановиться, отправив в Москву гонца с извещением о нашем прибытии. В Москве начались большие приготовления. На другой день гонец вернулся, и мы выступили к Москве, подвигаясь медленно, так как на встречу из Москвы один за другим летели гонцы с приказаниями то замедлять, то ускорять путь. Скоро со стороны Москвы стали показываться целые толпы прекрасно одетых всадников, они быстро проносились мимо нас на своих лошадях и вдруг, на всем скаку повернув лошадей, возвращались назад и также быстро исчезали вдали «в клубах дорожной пыли». За четверть мили от Москвы послов ожидало целое необозримое войско. Более 4000 русских в богатых одеждах на прекрасных скакунах выстроены были в ряд, через который послы должны были совершать свое движение. Наконец послы встретили царские пристава, подвели им рослых белых лошадей с богатоукрашенными серебром и золотом немецкими седлами. Но встреченные с такой пышностью, послы скоро попали в положение пленников.

Их доставляли прямо в Посольский двор, который тотчас же окружался стражей. 12 часовых стояли у ворот. Послы сидели как бы под арестом. Их никуда не пускали и к ним никто не мог проникнуть. Но вот настает день их представления государю. По Москве — большое народное движение. С раннего утра от Посольского двора и до дворца все улицы, все дома усеяны бесчисленным множеством народа. Все хотят посмотреть посольский выезд. В самом деле, есть что посмотреть. Гремят пушки. Вот показались пристава в новых кафтанах и высоких шапках. За ними двигается шествие. Несут всем на показ подарки, которые послы поднесут царю при представлении. Вот серебряная конская сбруя, золотой крест на блюде, большое зеркало в раме из черного дерева, украшенное плотными литыми из серебра листьями и фигурами, боевые часы, на которых изображена в подвижных фигурах история блудного сына, вороной жеребец, покрытый прекрасной попоной, и проч. в том же роде.

21

Две тысячи стрельцов стоят рядами на пути послов. Дворцовый покой, приготовленный для приема послов, убран с особенною роскошью. В углу стоит трон под балдахином, опирающимся на четыре вызолоченные столба, увенчанные серебряными орлами с распростертыми крыльями. Подле самого престола на резной серебряной пирамиде стояла держава, величиной с ядро в 48 фунтов веса, а по другую сторону — золотая лохань и рукомойник с полотенцем; над этой лоханью совершался обряд, приводивший в большое смущение иностранцев.

Допустив послов к целованию руки, царь в присутствии многочисленного собрания, в присутствии самих послов мыл в названной лохани свои руки. Это был остаток старинного взгляда на иностранца, как на человека «поганого», нечистого, прикосновение к которому — грязнит русского человека. Я уже заметил, что в царствование Алексея Михайловича этот взгляд начал исчезать у русских людей, а вместе с тем исчезает мало по малу и лохань из дворцового приемного покоя. На сказанном троне в короне, в великолепной одежде с дорогими камнями и жемчугом, со скипетром в руке, сидел царь московский. У ступеней трона стояли те же рынды, которых мы видели на царских выходах.

Представление послов состояло обыкновенно в целовании цар-

ской руки, в принесении царю подарков и взаимном опросе о здоровье.

Покончив с делами и торжественными церемониями, царь шел «к столовому кушайню». Алексей Михайлович был необычайно воздержан в пище, был строгим постником. Его обычный обед поражает своей простотой и невзыскательностью. Это — простой крестьянский обед. Ржаной хлеб, овсяная брага, легкое пиво — вот и все. Но когда наступало время постов, царь совершал настоящие чудеса воздержательных подвигов. Во время постов, по вторникам, четвергам и субботам, царь ел только однажды в день — сырую капусту, соленые грузди и ягоды — все без масла, а по понедельникам, средам и пятницам совсем лишал себя пищи, не ел и не пил ничего. Тем не менее на царский стол ежедневно подавалось до 70 блюд. Все это рассылалось царем заслуженным боярам в виде особой милости.

От простого обеда отличались парадные, праздничные и посольские. В эти дни обед принимал вид блестящего пира. Длинный стол покрывался белою скатертью и весь устанавливался серебряной посудой. Тут были серебряные солонки, блюда, медовые чаши, серебряные кружки. Часто посуда снабжалась затейливыми украшениями и фигурами. Так, на царский стол ставились, между прочим, — «немка серебрянна золочена, а у ней в руках лохань; кубок золоченый, а на кубке — колокольчик с язычком, а под кубком змей со свистом; слон серебрян, а на нем араб с топорком, на слоне чердак, на чердаке мужик с алебардой, три мужика с пиками». Между посудой возвышались в разных углах большого стола большие фигуры, сделанные из теста и студня: высокие башни, стены с двумя орлами наверху или целые стаи гусей, кур, петухов индейских... Царь садится во главе стола; поодаль, на расстоянии вытянутой руки, садятся за стол царские родственники, а потом бояре один под другим, смотря по породе. Как войдут бояре в Трапезную палату, сейчас — шум, брань и волнения. Один перед другим пойдут считаться породой и никак усесться по местам не могут. Бросятся к царю с жалобами: один просится сесть выше, другой не хочет сесть ниже. Совсем разбегутся, а недовольные, не спросив царя, начнут по домам разъезжаться. Разгневавшись и царь, пошлет за уехавшими приставов и начнут их за стол сажать насильно. А боярин начнет отбиваться, брыкаться и посадить себя не дает, и соседа своего бесчестит и «дает». А как посадят его насильно, и он на месте не сидит и выбивается из стола вон. Соседи начнут уговаривать строптивого боярина, чтобы он царя не гневал, а он кричит: «хотя де царь ему велит голову отсечь, а ему не на своем месте, ниже других бояр, не сидеть», спустится под стол, да и сидит под столом. Такие споры постоянно нарушали спокойствие и чинность парадной царской трапезы.

Торжественным обедом заканчивалась публичная часть царского дня. После обеда царь или ехал на Девичье поле «тешиться» соколиной охотой, — до которой он был страстный любитель, или засыпал часа на три до вечера. Вечер посвящался семейным беседам и развлечениям. Царь с семейством собирался в Потешной палате. Здесь выступали новые лица, которые содержались во дворце нарочно для царской потехи. На сцену являлся дурак, шут. Между шутами встречались и настоящие идиоты, которыми забавлялись в древние времена, по грубости тогдашних нравов, когда не гнушались забавляться человеком,

как любопытным зверьком, когда еще не понимали, что безумный — больной человек, которого следует лечить, а не выставлять на показ для потехи. Впрочем, в шуты нередко попадали и умные люди, остряки, которые под видом шуток и дурачеств занимались порой обличением лжи и неправды.

Шумно и весело бывало в царской Потешной палате в какой-нибудь длинный зимний вечер. В одном углу кувыркались акробаты, и показывали свою «смехотворную хитрость» шуты, шпыни, плясицы, скоморохи; в другом показывали российского «Петрушку»; в третьем раздавалась музыка, для чего в Потешной палате всегда были расставлены тогдашние музыкальные инструменты: органы и цимбалы, род гуслей с металлическими струнами, по которым ударяли деревянными молоточками. И музыка сопровождалась смешными прибаутками.

Приведу вам образчик смехотворного искусства, которым забавлялись тогдашние русские люди. Вот является в Потешную палату шут и объявляет, что он жених, что невеста у него богатая-пребогатая, дают за ней в приданое: «8 дворов крестьянских, промеж Лебедяни, на старой Рязани, не доежая Казани, где пьяных вязали, меж неба и земли, поверх лесу и воды, до 8 дворов бобыльских, в них 1½ человека с четвертью, 4 человека в бегах, да два человека в бедах, а хоромного строения — два столба вбито в землю, третьим покрыто. Да с тех же дворов сходитя на всякий год насыпного хлеба 8 амбаров без задних стен, да 4 пуда каменного масла. Да в тех же дворах сделана конюшня, а в ней 4 журавля стоялых, один конь гнед, а шерсти на нем нет, передом сечет, а задом волочет. Да с тех же дворов сходитя на всякий год запасу по 40 шестов собачьих хвостов, да по 40 кадушек соленых лягушек. И всего приданого будет на 300 пусто, на 500 — ни кола.

А у записи приданого сидели Еремей да жених Тимофей, кот да кошка, да поп Тимошка, да сторож Филимошка. А записи писали в серую субботу, в рябой четверток, в соловую пятницу. Тому честь и слава, а слушальщикам каравай сала!»

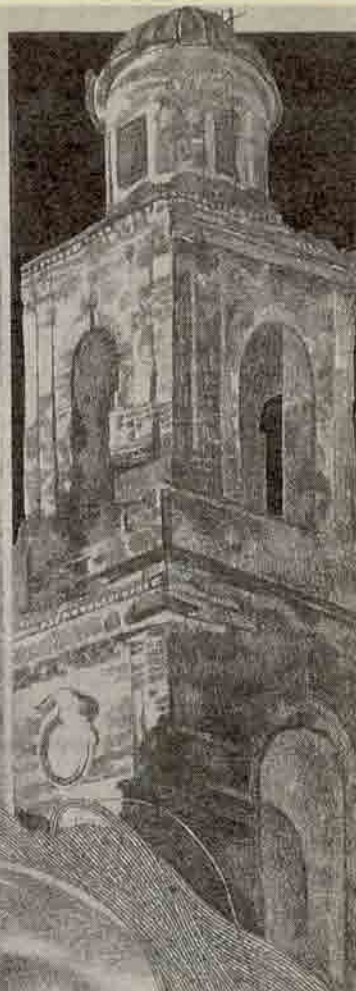
Впрочем, при царе Алексее Михайловиче эти вечерние потехи в дворцовых хоромаш делались все степеннее и серьезнее. Шутов и скоморохов сменили *бахари* и *домрачеи*, т. е. певцы и рассказчики народных былин и сказаний. Наконец при царе Алексее появилась на Москве и совсем новая «потеха», театр на иноземный образец, на котором представляли разные пьесы.

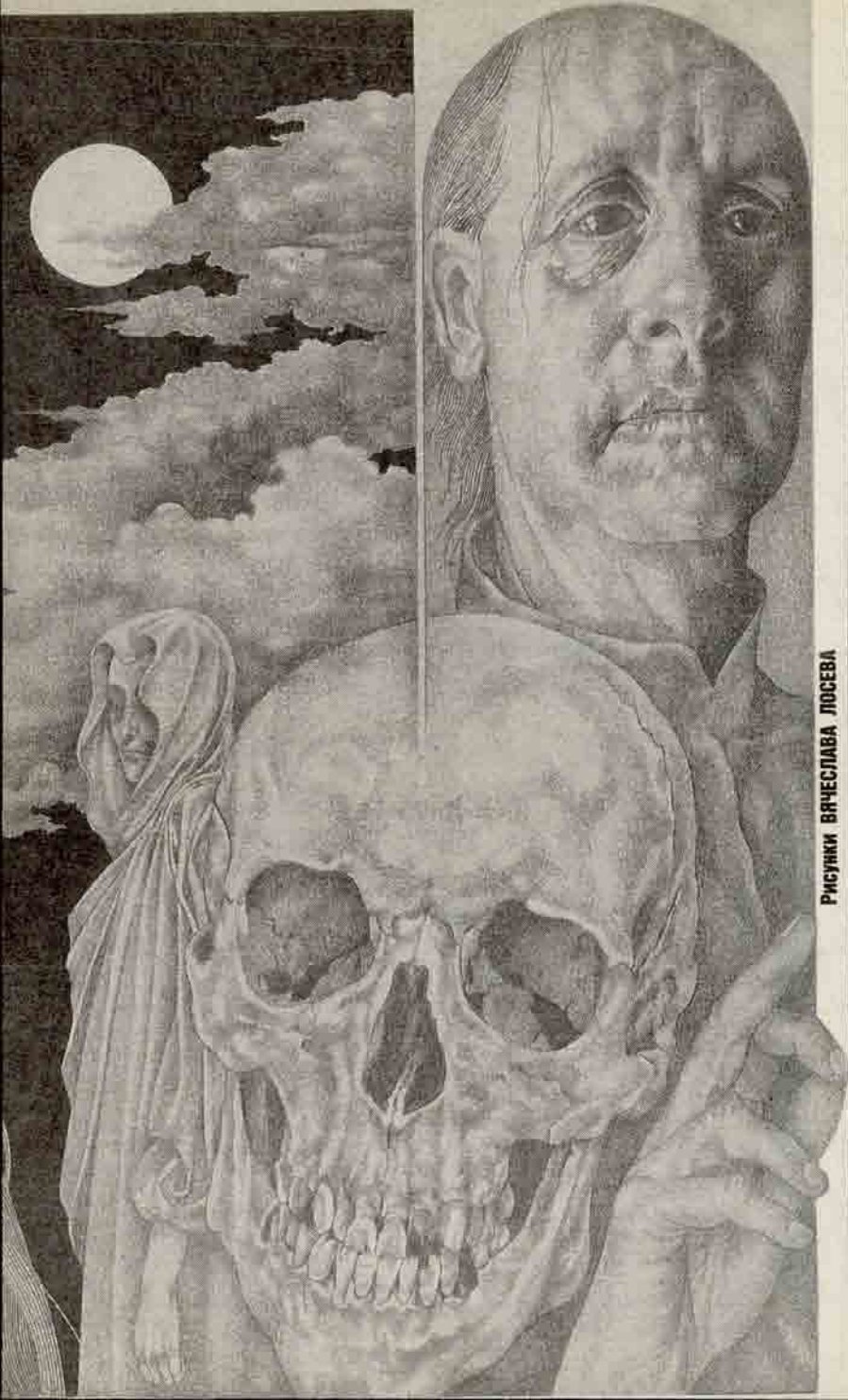
Оканчивая день, после вечернего кушанья, царь опять шел в Крестовую и также, как и утром, молился около ¼ часа. Когда царь засыпал, у дверей его спальни становились истопники, а в соседних комнатах дежурили жильцы, «оберегая государево здоровье». Засыпала в это время и вся Москва. Выходили на свой дозор ночные сторожа, по улицам расставлялись рогатки, чтобы не пропускать воровских и буйных людей, по Москве пускались в объезд «объезжие головы» дозором смотреть, нет ли где драки и ночного буйства, не горит ли в каком доме огонь и не топятся ли бани, — это строго запрещалось в ночное время во избежание пожаров. Много дела объезжим головам для охранения мирно спавших граждан. То и дело встречают они шумные толпы воровских людей с дубьем и плетьюми. Но все трудящиеся и мирные обыватели спешат ко сну. Дома заперты, огни погашены. Москва спит. Оставим же и мы древнюю Москву и пожелаем москвичам спокойной ночи.

Предисловие и публикация АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.

АЛЕКСЕЙ АТЕЕВ

Загадка старого кладбища

РИСУНКИ ВЯЧЕСЛАВА ЛОСЕВА

Если бы кто-нибудь рассказал Валентине Сергеевне Петуховой о том, в какой водоворот таинственных и невероятных событий она будет вовлечена, эта пожилая, но весьма энергичная дама только посмеялась бы. Ни во что сверхъестественное она не верила. Мало того, она всю жизнь боролась с религиозным мракобесием и была яркой атеисткой. Библиотека, которой руководила Валентина Сергеевна, отличалась высоким уровнем атеистической пропаганды. Здесь постоянно устраивались различные выставки, развенчивающие неприглядную роль религии в современном обществе. Другим ее увлечением были сбор и засолка грибов. Эти две, казалось бы, противоположные страсти мирно уживались в кипучей душе Петуховой.

Грибам, или микологии, как научно изъяснялась Валентина Сергеевна, она посвящала многие часы и считала их лучшим отдыхом. Почти каждый свой отпуск проводила она в глухих лесных деревушках, прочесывая березовые рощи и сосновые боры в поисках грибных эльдорадо. Никогда не собирала грибов в уже известных ей местах, постоянно выискивала все новые неизвестные уголки.

И нынешний отпуск она решила провести в дотоле неизвестном месте. Как-то, возвращаясь на электричке из очередного грибного похода, она случайно подслушала разговор двух старушек. Из тихого разговора, не все подробности которого она расслышала, удалось уяснить, что есть-де такая деревушка Лиходеевка, так вот у этой деревушки белый гриб попадается в таком изобилии, что хоть косой коси, однако нужно знать места. Да и с самой Лиходеевкой не все в порядке, что-то в этой деревушке неладно.

— Нечисто там, — выразилась одна старушка.

«Видать, дебри непролазные, — подумала Петухова, — небось ни пройти, ни проехать».

И вот наступил долгожданный отпуск. Август только начинался. Стояла именно та погода, которую так любят грибники. Ночью шел мелкий теплый дождик, а с утра день был свеж и ясен. Для понимающего человека лучше погоды не бывает. Валентина Сергеевна собралась в дорогу без промедления. На удивление быстро нашла попутную машину и вскоре уже тряслась в кабине грузовика. Шофер попался неразговорчивый. Он всю дорогу молчал и, как казалось Валентине Сергеевне, был чем-то рассержен. На нее он, казалось, не обращал внимания и на все ее попытки заговорить с ним упорно отмалчивался. И только в самом конце пути, услышав, что попутчица едет в Лиходеевку собирать грибы, внимательно посмотрел на нее, отвлекшись на минуту от дороги. При этом машину основательно тряхнуло.

— За грибами, значит? В Лиходеевку? — На лице его появилась гримаса насмешливого сострадания. — Зря вы это затеяли, дамочка. Грибов сейчас кругом много. Зачем же в эту Лиходеевку? Убежите вы оттуда без оглядки, попомните мои слова.

На вопрос, что же там такого страшного, шофер хмыкнул, покосился на нее и почему-то смущенно промолвил: «Комаров больно много». Машина съехала с разбитого тракта и поехала лесом. Ветки берез то и дело ударяли по кабине, обдавая Валентину Сергеевну дождевой влагой, и она поспешно закрыла окно.

Вдруг лес расступился, и показалась деревня.

— Вот она, Лиходеевка, — сказал шофер и, притормозив, повернулся к Валентине Сергеевне: — А может, дальше поедете, до Кутушева, там тоже грибов тьма, а места не в пример спокойнее.

Но она отрицательно замотала головой и стала совать водителю деньги, от которых тот решительно отказался.

— Назад повезу — рассчитаемся, — засмеялся он и махнул рукой на прощание.

Машина уехала, а Валентина Сергеевна остановилась у края дороги и огляделась.

Сельцо, которое предстало перед изумленными глазами Валентины Сергеевны, словно сошло с идиллического пейзажа девятнадцатого века. Столетние липы и тополя обрамляли десятка три беленых хат, крытых чуть ли не соломой. Не видно было даже привычных телеграфных столбов. И хотя ярко светило солнце и все сверкало красками августовского дня, от этой идиллии становилось почему-то печально и даже тревожно. Может, причиной была абсолютная тишина, стоявшая вокруг. Не слышалось привычных звуков деревенской жизни: кудахтанья кур, мычания скотины, собачьего лая.

«Вымерли здесь все, что ли?» — с тревогой подумала Валентина Сергеевна и побрела по заросшей куриной слепотой тропинке к крайнему дому.

В огороде какая-то женщина полдела картошку. Валентина Сергеевна поздоровалась и поинтересовалась, нельзя ли где поселиться на время?

— А чего вам здесь? — спросила женщина, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении совсем старой, с морщинистым, как печеное яблоко, лицом.

— Да отдохнуть хочу, — молвила Валентина Сергеевна, осматриваясь вокруг. Ей понравилась аккуратная изба, чистота и порядок во дворе.

— Дачница, значит, — протянула старуха с сомнением. — Только дачникам у нас делать нечего. Кругом болота да леса дремучие. Их у нас отродясь не бывало. Пробовали некоторые, да долго не выдерживали. Муторно тут без привычки.

Старуха перекрестилась.

— А грибы тут у вас есть? — полюбопытствовала Валентина Сергеевна.

— Грибов-то пропасть. Да не больно-то их собирают, в лесах этих проклятых.

— Так, может, пустите на постой? — продолжала гнуть свое Петухова.

— Да живи, жалко, что ли! Только долго ли ты проживешь?

— Недели две точно.

— Я не об этом. Ну да ладно, пошли в дом.

Внутри избы было очень чисто, но как-то сумрачно. Передний угол занимал большой киот с иконами, теплился синенький огонек лампадки.

Они вошли в комнату поменьше. У стены, завешенной ярким ковриком, на котором черкес целился из ружья в тигра, стояла большая никелированная городская кровать. На подоконнике краснели горшки с геранью, мерно тикали ходики на стене.

Непонятно, но в первые полчаса, проведенные в Лиходеевке, Петухова чувствовала себя как-то неуверенно. И главное, причина этого дискомфорта была ей неведома. Но комнатка, где предстояло жить, настолько понравилась, что она повеселела.

— А почему ваша деревня Лиходеевкой называется? — поинтересовалась Петухова.

— А потому, — насупилась старуха, — что дела в ней лихие творились, да и сейчас случаются.

И она опять перекрестилась.

«Богомольная какая», — подумала Валентина Сергеевна. Но слова старухи заставили ее насторожиться.

— Это какие же лихие дела?

— Долго рассказывать, да и не к ночи, — буркнула старуха. — Давайте-ка лучше я самовар поставлю. Чай пить будем.

Пока закипал самовар да потом пили чай и Валентина Сергеевна угощала старуху (как оказалось, ее звали Агриппина Кузьминична) городскими лакомствами, быстро стемнело. И внезапно на Петухову навалилась такая усталость, что она едва добралась до никелированной кровати и погрузилась в пуховик. Сонное сознание успело зафиксировать яркий свет луны, пробивающийся сквозь заросли герани на окне, и тонкий комариный писк.

Когда она проснулась, было по-прежнему необыкновенно тихо. Солнечный свет заливал комнату. Наконец на улице пискнула какая-то птаха. Звякнула колодезная цепь. Валентина Сергеевна сладко потянулась и встала с постели. Старухи не было видно... «Наверно, корову выгоняет», — подумала дачница. Быстро умылась из старинного медного умывальника, наскоро перекусила и отправилась на свою первую вылазку в лес. Но сначала решила осмотреть деревню. Та оказалась совсем крохотной. На единственной улице ей повстречался лишь благообразный старичок, гнавший хворостинной козу. Он вежливо поздоровался и долго глядел вслед Валентине Сергеевне.

Лес был чист и светел. Красные колонны сосен исчезали высоко в небе. Валентина Сергеевна шла от дерева к дереву, внимательно вглядываясь в засыпанную хвоей землю. Азарт захватил ее полностью. Наконец корзина наполнилась. Пришлось поворачивать назад. Знакомой тропкой она вышла в деревню. По-прежнему тихую и пустынную. Тишину нарушали лишь гусиный выводок, плескавшийся в луже. Хозяйка равнодушно взглянула на корзину, буркнула что-то в ответ на приветствие.

Валентина Сергеевна попыталась завести беседу, но старуха отмалчивалась, и Валентина Сергеевна занялась своими грибами.

Дни стояли как на заказ. В небе ни облачка, только под вечер иногда затянет низкими тучами, и всю ночь идет мелкий теплый дождик. И все же приближение осени становилось отчетливой. На кустах, на ветвях деревьев заблестели нити паутины, и в утренней прохладе чудился привкус будущих морозов.

Ранехонько двинулась Валентина Сергеевна в путь. В руке корзина, за плечами рюкзачок с нехитрой снедью. На этот раз решила она собирать только отборный гриб. Поэтому без сожаления

ния смахивала березовым батажком многочисленные сыроежки и волнушки.

Наконец лес стал редеть, и показался край болотистой пустоши. Где-то здесь, по словам старухи, и находились россыпи боровиков.

День, еще несколько минут назад светлый и ясный, вдруг потускнел, сделался серым. Подул холодный ветерок. Затхлым сладковатым запахом потянуло с болот. Валентина Сергеевна поехала и повернула назад, в лес. Но и лес стал какой-то не такой. Чем дальше она шла, тем меньше становилось сосен, пошел березняк и осинник. Появились зеленые моховые плешины, в которых нога утопала, как в дорогом ковре. Валентина Сергеевна идти по мхам опасалась, помня рассказы хозяйки о бездонных трясинах. Она пугливо тыкала в мох хворостиной, но пока страхи ее были напрасны. Бессмысленное хождение стало надоедать, как вдруг она наткнулась на изрядное семейство боровиков. Треть корзины сразу наполнилась. Охотничий азарт охватил Петухову. Она заметалась по лесу, сразу забыв про свои страхи. Грибов становилось все больше. Корзина уже почти наполнилась, а их количество не уменьшалось. Никогда еще не видела Валентина Сергеевна такого изобилия боровиков. Она решила остановиться, передохнуть и рассортировать свою добычу. На ходу перекусив, переложила грибы из корзины в освободившийся рюкзак и повесила его на сучок огромной сосны, привязав к нему красный платок, чтобы издали заметить на обратном пути.

Она шла от дерева к дереву, забыв про время, охваченная всепоглощающей страстью. Внезапно грибное изобилие кончилось, как отрезало. И хотя корзина снова была полной, Валентина Сергеевна почувствовала горькое разочарование. Она глянула на свои часы — было далеко за полдень. Что ж. Пора возвращаться. И только тут поняла, что не знает, куда идти. Верный ориентир — болото — пропал. Она помнила, что шла на запад. Да в какой стороне этот запад? Солнца не видно. Небо затянуло облаками. Неужто заблудилась?

Валентине Сергеевне стало не по себе. Вспомнились таинственные намеки старухи, а тут еще среди бела дня заухал филин. Вдруг лес расступился и перед ее глазами открылась обширная поляна.

В первую минуту Петухова решила, что это околица села. Виднелись какие-то изгороди, торчащие из земли колья. Приглядевшись, поняла, что перед ней кладбище. Это ее обрадовало — раз кладбище рядом, то деревня недалеко. Она подошла поближе.

Кладбище было старинное, и непохоже, чтобы на нем хоронили крестьян. Попадались массивные гранитные и мраморные надгробья, большей частью покосившиеся, а некоторые и вовсе валялись на земле. Едва читались имена и даты, стертые временем. Некоторые памятники разбиты, у мраморного ангела отбито крыло, а у статуи женщины, державшей в одной руке опущенный факел, вторая вообще отсутствовала. Было здесь и два-три склепа — массивные приземистые строения из старинного кирпича с ржавыми чугунными дверьми. Двери одного из склепов были распахнуты, и Валентина Сергеевна почти пробежала мимо них, охваченная жутью. На стене другого виднелась чер-

ная мраморная доска, из надписи на которой следовало, что здесь покоятся представители славного рода Кокуевых. Забыв о грибах и о времени, ходила храбрая библиотечарша среди старинных могил. Чем-то стародавним, неведомым повеяло друг на нее.

«Видимо, это старинное дворянское кладбище», — решила она.

А тем временем начавшийся мелкий дождик усилился и перешел в ливень. Сверкнула молния, ударил гром, полилось как из ведра. В поисках укрытия Петухова заметалась по кладбищу. Зайти в один из склепов было страшно. На самом краю виднелось какое-то строение, видно, часовня. Валентина Сергеевна устремилась туда. Здесь было относительно сухо. Струи дождя с силой били по ржавой железной крыше, и звук гулко отдавался в пустом помещении. И тут царил полное разорение. На щербатом каменном полу валялся мусор, обломки кирпичей, гнилые доски. Стены изрисованы и исписаны мелом и углем. Что написано на стенах, Валентина Сергеевна из-за плохого освещения не разобрала. Попыталась прочитать одну из надписей, приблизившись почти вплотную к стене и вода пальцем по буквам.

— Отче наш, иже еси на небеси... — читала она по складам и вспомнила, что это молитва. Дальше читать не стала, а повернулась к окну, белеющему на темной стене. За окном шел ливень. Сквозь струи виднелись ближние надгробья, дальше все терялось в белесом тумане.

Быстро темнело. Дождь не прекращался, но стал слабее.

«Надо идти», — решила Валентина Сергеевна. Она храбро вышла из дверей часовни, но чуть не упала. Ноги разъезжались на скользкой глинистой почве. Струйки воды стекали по ее расстроенному лицу. Она неуверенно двинулась вперед, но, пройдя несколько метров, остановилась.

30
Куда идти, в какую сторону? Одежда промокла, на легкие теннисные тапочки налипли комья глины. Растерянность сменилась страхом. Она обернулась назад, поглядела на распахнутые двери. Рассудок подсказывал, что надо вернуться в часовню. Там хотя бы сухо. Страшно, конечно, но ведь Валентина Сергеевна не верила во всякую чертовщину. Переждет дождь и двинется в путь.

Внутри часовни стало еще сумрачней. Вплотьмах, натыкаясь на острые кирпичные обломки, Валентина Сергеевна подобрала несколько трухлявых досок и соорудила из них подобие табурета. Села, привалившись мокрой спиной к кирпичной стене, и задумалась.

Конечно, неприятно. Видимо, придется ночевать в этой часовне. Сейчас бы развести костер, но спичек не было. Может, перекусить? Она пошарила в корзине, нашла мокрый газетный сверток с бутербродами. Пожевала без аппетита.

Стало совсем темно. Мерный гул дождя усыплял, и Петухова задремала. Она слышала стук капель по крыше, завывание ветра. Но одновременно видела сон, даже не сон, а какие-то странные, ни на что не похожие образы клубились, казалось, вокруг. Ее обступали бесплотные тени. Люди ли, призраки?

Внезапно она проснулась. Дождь кончился. Стояла абсолютная тишина, только иногда одинокая капля срывалась с крыши, и звук ее падения казался громом. Стало тепло, даже душно.

Голова Валентины Сергеевны была свежей и ясной, как будто не дремала она, привалившись к холодной, шершавой стене, а долго и крепко спала в теплой и мягкой постели.

«Надо уходить», — подумала она, но мысль эта показалась настолько нелепой, что ее тут же отбросила.

«Куда идти? Не проще ли дожидаться утра?»

Все бы хорошо, но было очень страшно. Вдруг где-то далеко заухал, захохотал филин. Мороз прошел по коже Валентины Сергеевны. Птица успокоилась, снова наступила тишина. Однако ненадолго. Послышались новые звуки. Вначале ей показалось, что где-то бьют в рельс. Но звук был не резкий и гулкий, а, напротив, глухой и унылый. Валентина Сергеевна поняла, что это колокол. Погребальный звон внезапно прекратился и сменился нестройным жалобным пением, напоминающим вой. Пели несколько человек, и не разобрать, мужчины или женщины. Голоса приближались. Валентина Сергеевна сидела ни жива ни мертва. Ноги стали как ватные. Сквозь хаос мыслей огненной нитью билась одна: бежать! бежать! Но сил не было.

Внезапно страх отступил и на смену ему пришло жгучее любопытство. Хоть одним глазком взглянуть, что там происходит!

Стараясь не шуметь, она поднялась с пола и выглянула в окно.

Вначале ничего не увидела. Тьма казалась абсолютной. Однако во тьме просходило какое-то движение. Внезапно зажегся огонек, за ним — второй, третий...

«Свечи», — поняла Валентина Сергеевна.

Тусклый свет вырвал из мрака силуэты в белом. Они приближались. По огонькам свечей стало ясно, что их трое. Было так интересно, что она перестала бояться. Внезапно силуэты остановились у могилы возле сильно покосившегося надгробного камня. На камень поставили свечи, они разгорелись, и стало видно, что это короткие толстые огарки зеленого цвета.

Тем временем таинственные силуэты что-то делали поодаль от могилы. Сначала Валентина Сергеевна не поняла, что именно, но потом догадалась — разводят костер. Видимо, дрова были принесены с собой, так как костерок запыхал в считанные секунды. В чьей-то свете Валентина Сергеевна как следует рассмотрела женщин в длинных белых рубашках до пят, босых, с распущенными волосами и, как ей показалось, необычайно бледных. Сначала Валентина Сергеевна не могла определить их возраст. Они сбросили рубашки и стали в кружок вокруг костра. Две из них были уже немолоды. Их грузные тела с обвисшими грудями и животами рельефно вырисовывались на фоне огненных языков. Третья же оказалась молодой женщиной со стройным белым телом. Они в молчании постояли несколько минут у костра, затем одна из них что-то бросила в огонь. Костер полыхнул зеленым цветом. Женщины вновь запели тихими голосами заунывную песню. Слов Валентина Сергеевна не разобрала. Она замерла у окна и смотрела во все глаза. Никогда она не сталкивалась ни с чем подобным. В голове мелькали обрывки мыслей: что за странный обряд? Шабаш ведьм? Какой-нибудь древний языческий культ?

Внезапно костер загорелся чистым зеленым светом. Столб его поднялся высоко вверх и осветил не только кладбище, но и опуш-

ку леса. Обнаженные фигуры у огня медленно изгибались, как будто исполняли неведомый танец. Заунывное пение не прекращалось. И тут Валентина Сергеевна с ужасом заметила, что земля на могиле шевелится. Вот тут-то бедная библиотекарша и узнала, что такое настоящий страх. Она часто читала, что от ужаса на голове у людей шевелятся волосы. Теперь она отчетливо почувствовала, как волосы шевелятся у нее самой. От страха вся оцепенела. Только сердце гулко стучало в груди, и стук этот отдавался в мозг.

Между тем пение усилилось и стало походить на истерические вопли. Столб зеленого света потемнел и как бы загустел. Петухову начало трясти, когда она увидела, что из земли вылезла рука отвратительного черного цвета. Пальцы беспрестанно двигались, как будто хотели что-то схватить, раздавить, изорвать в клочья.

Женщины упали на колени. Пение прекратилось, и в тишине слышался только звук осыпающейся земли. Огонь внезапно исчез, а на его месте нестерпимым малиновым светом запыльхали уголья. В их свете стало видно, как из могилы пытается выбраться нечто огромное, невероятно страшное.

Валентина Сергеевна держалась из последних сил. Она стояла у окна на самом виду, с ужасом взирая на происходящее. Из могилы показалась голова. Вид ее был настолько чудовищен, что библиотекарша, забыв обо всем, взвизгнула от ужаса. В ту же минуту заухал, захохотал филин, женщины повернули головы в ее сторону — их лица были еще ужаснее личины мертвеца. Они вскочили с земли и, завизжав, бросились к часовне. Костер в ту же минуту погас, а Валентина Сергеевна, не чуя под собой ног, грохнулась без чувств.

32

Разбудил ее щебет птиц. Стояло ясное свежее утро. Солнечные лучи, проникая сквозь проемы окон, освещали мрачные внутренности часовни. Она поднялась с пола. Все тело болело, кости ныли, словно вчера пришлось делать непосильную работу.

Взглянув на часы, Валентина Сергеевна увидела, что почти восемь утра. Она вышла из часовни и посмотрела в сторону надгробия, которое так ярко запечатлелось во сне.

«Подойти, что ли?» — Она нерешительно шагнула в сторону могилы. Ночные страхи все еще давали себя знать.

«А чего я, собственно, боюсь?» — Она медленно подошла к могиле. Где-то здесь горел костер, если ночные видения — действительность, то должен остаться след. Но никаких следов кострища не было.

— Конечно, сон, — успокоилась библиотекарша. Она приблизилась вплотную к могиле, заросшей какой-то остролистной травой, посередине пламенел кровавыми цветами куст чертополоха.

Памятник — продолговатая конусовидная плита черного мрамора — сильно наклонился и как будто вот-вот должен рухнуть в заросли бурьяна. Надписи на камне не разобрать. Проступали какие-то буквы, но они оказались замазаны грязью. Библиотекарше стало нестерпимо любопытно: кто же здесь похоронен? Она смочила в лужице ладошку.

«Не делай этого! — говорил ей внутренний голос. — Беги отсюда!» Но мужественная дама не послушалась рассудка. Она провела мокрой рукой по надписи. Та стала четче, рельефнее.

Теперь вполне можно было прочесть.

Старинными витиеватыми буквами на камне было написано: «ПЕТУХОВА ВАЛЕНТИНА СЕРГЕЕВНА».

Ниже стояла дата рождения.

Это была ее дата рождения!

Вначале Петухова ничего не поняла.

«Что за странность, — подумала она, — однофамилица моя? Тоже Валентина и тоже Сергеевна. И год рождения мой». Это не укладывалось в голове. День внезапно померк. Казалось, ночные видения обступили ее вновь.

А когда же она умерла?

Надпись, свидетельствующая об этом, все еще скрывалась грязью. Снова дотрагиваться до камня было неприятно и даже страшно. Валентина Сергеевна достала из кармана кофты носовой платок и намочила его в луже. С мокрым платком в руке она в нерешительности стояла подле памятника. Любопытство подталкивало ее, но страх не давал поднять руки. Наконец любопытство пересилило. Она осторожно провела мокрой тканью по едва проступавшим из грязи цифрам. Потом с внезапно появившейся смелостью лихорадочно заработала платком. На камне четко и рельефно проявились цифры. Нынешний год. Судя по дате, ей оставалось жить тринадцать дней. Валентина Сергеевна несколько не сомневалась, что надпись напрямую связана с ней.

Не помня себя, схватила корзину с уже ненужными вчерашними грибами и побежала куда глаза глядят...

Утром она расплатилась с хозяйкой, сухо распрощалась и двинулась к проселку.

— А грибы как же? — спросила бабка, кивнув на сушащиеся на солнце низки боровиков и подберезовиков.

— Я их вам оставляю на память, — усмехнулась Валентина Сергеевна.

— Какая память... — молвила старуха. — Через день-другой снова увидимся.

Валентина Сергеевна приостановилась и удивленно глянула на старуху.

— Да, да, милая, вернешься ты вскоре, да не одна вернешься. Да вот не знаю, к добру, к худу ли? Не сказала ты мне правды, покаешься вскоре. — Сказав так, старуха ушла в дом. Через пятнадцать минут Валентина Сергеевна тряслась в кабине молоковоза.

За окном показались городские окраины, и скоро Петухова была уже дома. Здесь, в городских стенах, вся мистика, случившаяся с ней, казалась далеким дурным сном. От знакомых до мелочей вещей — абажура, добротного кожаного дивана, шкафа с книгами — веяло покоем, устоявшимся бытом. Здесь она была в полной безопасности.

А может, плюнуть на эту историю, и забыть ее? Мало ли что в жизни случается... Но нет! Не такой человек Валентина Сергеевна Петухова. На следующий день спозаранку она уже была в городском архиве.

Увидев Петухову, заведующий архивом Петр Петрович Забадуев ехидно заулыбался и, картинно разведя руки, спросил насмешливым тоном, что привело ее сюда в столь ранний час. Валентина Сергеевна ждала этого вопроса и заявила, что гото-

вит материалы по истории родного города для публикации в местной газете.

— История вроде не ваша область? — удивился Забалуев. — А что конкретно вас интересует?

Услыхав, что дама интересуется старинными дворянскими родами, проживавшими на территории их уезда, еще более удивился. Задумчиво закивал головой и спросил:

— Это что, новая мода такая пошла? Давненько о них не вспоминали. Решили из гробов, из тлена на всеобщее обозрение выгашить?

Упоминание о гробах не понравилось Валентине Сергеевне, но она смолчала. Наоборот, льстивым тоном начала превозносить заслуги Петра Петровича как известного историка и краеведа.

— Вы это оставьте, — строго произнес он. — Говорите, зачем пришли.

— Тут неподалеку от города есть совсем крохотная деревушка — Лиходеевка. Недавно я там отдыхала, места там замечательные. И вот, гуляя по лесу, наткнулась на довольно необычное кладбище. Судя по надгробиям, хоронили там местных дворян, но почему не на городском кладбище, а в глуши, да еще посреди леса? Это-то меня и заинтересовало. Словом, хочу произвести исторические изыскания, — высокопарно закончила она.

— Лиходеевка, Лиходеевка... — Старик наморщил и без того морщинистый лоб. — Что-то припоминается... Не могу вспомнить. Вы присаживайтесь, Валентина Сергеевна, сейчас чайком угощу.

34 Петухова пила чай со свежими баранками, а Забалуев, судя по отсутствующему взгляду, напряженно думал. Затем он убежал и через несколько минут притащил огромную пыльную папку. Торопливо развязал тесемки, начал перебирать документы. Петухова сидела, не зная, чем себя занять. Она смотрела, как пальцы архивариуса перебирают ломкие пожелтевшие листы, и в который уже раз думала, не зря ли затеяла все это? Прошло с полчаса. Забалуев, казалось, совсем забыл про нее, он, видимо, не нашел того, что искал, потому что захлопнул папку, подняв столб пыли, и снова куда-то убежал.

От скуки Валентина Сергеевна принялась рассматривать многочисленные схемы и диаграммы, висевшие по стенам. Здесь были и карты дореволюционного уезда и всей губернии, и графики, свидетельствующие о количестве пахотной земли в районе, и разные статистические таблицы. Один из планов привлек внимание Петуховой. Он рассказывал, каким помещикам и где принадлежала земля в уезде до отмены крепостного права в 1861 году. План был большой и красочно выполненный. Земельные владения помещиков были заштрихованы разноцветными линиями и представляли пеструю мозаику.

Валентина Сергеевна быстро нашла Лиходеевку. Та находилась в центре почти правильного незаштрихованного кружка величиной с пятак, а вокруг располагались помещичьи земли, сходящиеся к кружку острыми углами. Все напоминало странной формы цветок с разноцветными лепестками. Петухова насчитала шесть лепестков — значит, у Лиходеевки сходилась шесть дворянских владений. Библиотекарша читала на плане

фамилии владельцев земли. Некоторые показались ей смутно знакомыми. Вот, например, Кокуевы... Она вспомнила старое кладбище. Да ведь на мраморной плите, украшавшей один из склепов, выбита именно эта фамилия!

Размышления Петуховой прервал вернувшийся архивариус. По его удрученному виду она поняла, что поиски оказались напрасными. Он досадливо морщился и крихтел.

— К сожалению, — сказал архивариус, не глядя на Петухову, — ничем помочь не могу. Во всяком случае, прямо сейчас. Хотя, — он вскинул голову, — хотя я точно помню, что с Лиходевкиной связана какая-то интересная, загадочная история. И не одна... Приходите-ка вы в архив вечером, никто отвлекать не будет. А я тем временем еще раз внимательно покопаюсь в архиве да переговорю кое с кем. Так что, до вечера.

По дороге домой Валентина Сергеевна зашла в городской парк, села на скамейку и задумалась, размышляя о случившемся, не замечая, что происходит вокруг. А происходило следующее.

По аллее парка двигалась высокая, необычайно худая женщина неопределенных лет. Одета она была в детское полупрозрачное розовое платьице с воланами и лентами. Голову дамы украшали бантики, в руках держала причудливо расшитую стеклярусом сумку. Но странность заключалась не столько в ее одеянии, сколько в лице и всем облике.

Безобразно худая, она, казалось, состояла из одних костей, выпиравших из-под игривого платьица. Лицо, покрытое толстым слоем пудры, казалось оштукатуренным. В сочетании с кроваво-красными губами оно походило на жуткую маску.

Существо медленно прошло мимо скамейки, на которой сидела Валентина Сергеевна, и скрылось в глубине парка. Занятая своими мыслями, та не обратила на странную гражданку внимания. Через несколько минут нелепая фигура показалась снова. Поравнявшись со скамьей, в нерешительности затопталась возле нее, а потом села на самый краешек.

Валентина Сергеевна подняла голову и увидела почти рядом с собой странное лицо. От неожиданности она чуть не вскрикнула. Незнакомка смотрела на нее тусклым, мертвым взглядом и беззвучно шевелила ярко накрашенными губами, затем отвернулась и тупо уставилась в пространство.

Валентина Сергеевна хотела встать и уйти, но что-то не пускало ее. И еще одно обстоятельство неприятно поразило библиотекаршу. От непрошенной соседки шел тяжелый сладковатый запах, смесь ароматов одеколona, пудры и еще чего-то, напоминающего запах свежеспаханного жирного чернозема. «Благоухание» было настолько сильно, что хотелось зажать нос и убежать.

Валентина Сергеевна решила так и сделать. Она встала, намереваясь уйти, но незнакомка снова вперила в нее свой жуткий взгляд и сказала четко и раздельно:

— Двенадцать дней тебе осталось.

Библиотекарша сначала ничего не поняла. «Какие двенадцать дней?», — растерянно подумала она.

— Вы о чем, гражданка? — Она вопросительно поглядела на странную соседку. Та, казалось, не замечала ее, уставившись в пустоту.

— Ой! — Валентина Сергеевна вспомнила вчерашнюю надпись на памятнике. Ведь из нее следовало, что ей осталось жить тринадцать дней. Эта ненормальная что-то знает. Библиотекарша приблизилась вплотную к странному созданию.

— Скажите, — начала она как можно вежливей, хотя едва владела собой. — Скажите, какие двенадцать дней?

Незнакомка молчала.

Валентина Сергеевна наклонилась и глянула ей в глаза... Они были совершенно мертвые, белесые и тусклые.

— Да скажешь ты или нет! — закричала мужественная дама.

— Ты сама знаешь, — без всякого выражения сказала женщина.

Валентина Сергеевна, совершенно не владея собой, схватила незнакомку за плечи и начала трясти, приговаривая:

— Что я знаю? Что я знаю? Отвечай, зараза!

Тут надо оговориться, что, несмотря на всю свою интеллигентность и воспитание, Валентина Сергеевна знала довольно много крепких выражений и, случалось, в минуты гнева употребляла некоторые из них. Она была вполне современной дамой.

От тряски голова нелепого существа болталась, как у тряпичной куклы. Во все стороны полетела пудра. Раздавался звук, напоминающий бряцанье костей. Внезапно Валентине Сергеевне показалось, что на лице пренеприятнейшего существа как бы лопнула кожа. Она присмотрелась: действительно прямо на левой скуле болтался лоскут кожи, а из-под него виднелась желтоватая кость черепа. В ужасе Валентина Сергеевна выпустила свою жертву и бросилась бежать.

Последнее, что она услышала, были слова, произнесенные размеренно и четко: «Осталось двенадцать дней».

Она мчалась не разбирая дороги, не видя перед собой ничего. Очнулась только дома. Все плыло и вертелось перед глазами: деревья в парке, жуткое существо, какие-то цветные полосы... Калейдоскоп кошмаров крутился в ее воспаленном воображении.

Внезапно навалился сон. Тяжелый, без сновидений, как будто провалилась она в черный бездонный колодезь.

Когда Петухова проснулась, наступили сумерки. За окном чирикала птичья мелочь. Слышались звуки духового оркестра, где-то плакал ребенок. На душе было легко и спокойно. Она вспомнила о случившемся и засмеялась. Какая ерунда! Духи, призраки... Да быть такого не может. Крутом обычная, нормальная жизнь. Все так же действуют законы диалектики. Материализм прет со всех сторон... Вон как младенец заливаается...

Валентина Сергеевна вспомнила, что нужно идти в архив к Забалуеву. А стоит ли? Не проще ли поужинать, напиться чаю, пойти погулять. А завтра на работу. Хватит отдыхать. Работа — лучшее лекарство.

Нет. Сходить в архив все же надо. Ведь всю эту кутерьму сама затеяла. И она стала поспешно одеваться.

В старом особняке ее уже ждали. Большой стол в кабинете Забалуева был завален газетными подшивками, старинными изданиями, рукописями. Тут же на краю стоял расписанный яркими цветами поднос, на котором громоздился пузатый самовар, тарелка со свежими баранками, масленка, сахарница.

— Чайку не желаете ли? — предложил любезный Петр Петрович.

Петухова огляделась.

В углу сидел человек, которого она в первый момент не узнала, а узнав, нисколько не обрадовалась.

Это был известный всему городу Дмитрий Воробьев, или попросту Митька Воробей — как непочтительно называла его некоторая часть населения. А известен он был своими неуголимыми краеведческими изысканиями, а еще больше бесцеремонностью, нахрапистостью и даже наглостью, с какой производил эти изыскания. Однажды Воробьев ворвался на заседание городского исполкома, находившегося в старинном доме постройки восемнадцатого века, и, ничуть не смущаясь ответственных товарищей, стал разглядывать украшения камина, находившегося в зале заседаний.

Мало того, он вытащил откуда-то древний фотоаппарат и начал фотографировать эти самые украшения. Разразился скандал.

Выходка имела для Воробьева печальные последствия. Его с треском выгнали из городского музея, где Митя работал.

— Вы, Валентина Сергеевна, не стесняйтесь. — Забалуев подвинул ей стул. — А если Митя вас смущает, — он кивнул на Воробьева, — так зря. Он для нас самый полезный человек, он-то как раз и пролил свет на интересующий вас вопрос. Садитесь, прошу вас. И все же, — Забалуев помедлил, рассеянно перебирая бумаги на столе, — вы бы рассказали, что с вами на самом деле произошло.

Валентина Сергеевна задумалась. Рассказать им все? А стоит ли? Ведь не поверят. Решат, что чокнулась баба. Поднимут на смех. Разнесут по городу.

— Видите ли, — начала она осторожно, — то, что со мной случилось, не совсем обычно.

— Ну, ну, — подбодрил архивариус.

— И если я расскажу подробно, то, боюсь, вы мне не поверите.

— Понимаю, вы боитесь огласки, — сказал Воробьев. — Бойтесь, что мы разболтаем всем... И мне вы не доверяете. Так вот, мы...

Но его перебил Забалуев:

— Валентина Сергеевна, мы торжественно клянемся молчать до гроба. — Он шутиво приложил руки к груди.

«...до гроба, — ответила Петухова. — Двенадцать дней осталось... А, была не была...»

И она, стараясь не пропустить мельчайших подробностей, поведала о своих приключениях, не забыв и о сегодняшнем случае. Рассказ продолжался довольно долго. В комнате совсем стемнело, но света не зажигали. Собеседники напряженно слушали.

— Ну вот и все, — подытожила Петухова, — поверить мне, конечно, трудно. Будь я на вашем месте, конечно бы, не поверила.

— Любопытные вещи мы тут услышали. — Забалуев включил настольную лампу. Комната наполнилась мягким зеленоватым светом. Стало по-домашнему уютно.

— Ну что ж. — Архивариус внимательно посмотрел на Петухову. — Мы тут тоже кое-что раскопали. Митя, собственно, помог. Вот пускай он и рассказывает. Давай, Митя, начинай.

— Хорошо, Петр Петрович. Как-то попалась мне подшивка «Русской старины». По-моему, за 1881 год. Там натолкнулся я на статью некоего Остроумова — приват-доцента Московского университета. Статья, если я не ошибаюсь, называлась «Тайные культы на Руси и их происхождение».

По сути, это полемика с каким-то французским этнографом, фамилию я позабыл. Француз утверждал, что языческие обряды в Европе давным-давно умерли, а если где и существуют, то являются скорее новообразованиями, литературными реминисценциями, а не идущими из глубины веков верованиями. По его мнению, настоящая черная магия до сих пор существует у африканских народов или выходцев из Африки, например, на Гаити. Видимо, француз бывал на этом острове, потому что в статье есть ссылка на виденную им церемонию культа Вуду. Как известно, вудуистские верования включают в себя и рассказы о зомби — оживших мертвецах.

Жрецы огуны якобы способны с помощью заклинаний оживать мертвых и использовать их в своих колдовских целях.

Остроумов, полемизируя с французом, доказывал, что колдовские культы и обряды до сих пор сохраняются в России, хотя и тщательно скрываются их приверженцами. Что касается гаитянских зомби, то их аналоги имеются и в славянских поверьях. Скажем, упыри, вурдалаки и т. д. Мало того, обряды, напоминающие гаитянские, встречаются до сих пор в России. Тут он сослался на записки отставного майора Кокуева — помещика нашего уезда. Записки были опубликованы малым тиражом на средства автора и назывались довольно странно: «Сонмище демонов черных и белых». По словам Остроумова, он не только читал эти записки, но и был знаком с их автором.

38

Так вот, этот самый Кокуев утверждал, что неподалеку от его поместья существует деревня Лиходеевка, населенная с незапамятных времен колдунами. И будто бы эти колдуны способны оживать мертвецов, чему столбовой дворянин Кокуев был свидетелем.

В статье, правда, довольно туманно говорится, что Кокуев сам присутствовал на процедуре воскрешения и подтверждает своим дворянским словом. Можно понять, что за всем этим скрывалась какая-то личная драма. Кокуев также заявил, что лично знаком с колдунами и чернокнижниками, но на просьбу Остроумова ознакомиться с ними и его — вежливо, но решительно отказал. Причем сказал, что так будет лучше для самого же Остроумова.

Остроумов дальше рассказывает о Кокуеве, нелюдимом холостяке, некогда участвовавшем в Крымской кампании. Отставной майор, видимо, сам баловался черной магией, во всяком случае, с ее помощью пытался искать клады. Но, как иронически замечает Остроумов: «Сатана так и не дал ему богатства». Подробней о личности и деяниях Кокуева можно прочитать в его труде «Сонмище демонов черных и белых».

Статья Остроумова крайне возбудила мое любопытство. Захотелось самому познакомиться с записками отставного майора. Я перерыл все местные библиотеки, делал запросы в крупнейшие книгохранилища страны, но все безрезультатно.

Тогда я решил съездить в Лиходеевку, но сначала побольше разузнать о самой деревне. Опять архивы... Сведений довольно мало, но каждый попадавшийся документ был весьма любопы-

тен. Вот, например.— Митя кивнул на давешнюю дореволюционную карту уезда.— Почему Лиходеевка стоит как бы в центре нескольких помещичьих владений, а сама никому не принадлежит? Оказывается, дело в том, что населяли ее однодворцы, довольно своеобразная группа русского свободного крестьянства. Некогда их относили к низшему дворянству, но матушка Екатерина Вторая особым указом перевела их в крестьяне. Однако однодворцы былых вольностей не забыли и с простыми крепостными не больно-то якшались.

Было их в Лиходеевке, согласно ревизской сказке 1858 года, 48 душ мужского пола. Еще более интересный документ — рукописный сборник легенд и преданий нашей губернии, собранный и записанный семинаристом Лаврентием Воздвиженским. Эта толстая амбарная книга в коленкоровом переплете, исписанная каллиграфическим почерком, попала мне среди книг и документов бывшей Архангельской церкви. Архив церкви находится, кстати, в вашей библиотеке, Валентина Сергеевна.

Так вот, там говорится, что при царе Федоре Иоанновиче, сыне Ивана Грозного, в наш уезд было сослано несколько представителей знатных дворянских семей, обвиненных в ереси и колдовстве. Лишены они были всех своих земель и добра, но не сожжены, как полагалось, — нравы при Федоре Иоанновиче стали помягче. Именно они и основали Лиходеевку. Видимо, кое-какие средства у них остались, потому что поставили они себе крепкие усадьбы и зажили на свой манер, тихо, но независимо.

Из той же книги следует, что Лиходеевка издавна пользовалась недоброй славой среди окрестного населения.

«В божьем храме редко кто из них бывает, — пишет семинарист, — а в самой деревне церкви нет». Хотя он оговаривается, что все жители Лиходеевки крещены по православному обряду. Семинарист Лаврентий, видимо, знал больше, чем написал в своем труде, но по каким-то причинам об этом не распространялся.

Валентина Сергеевна слушала этот рассказ сначала с напряженным интересом, но постепенно вся эта старина стала ей надоедать. За окном давно стояла теплая августовская ночь. С улицы налетели ночные бабочки и кружились возле настольной лампы. Было тихо и уютно, а все эти ужасы, казалось, существовали только в воображении. Она поднялась и, взглянув на часы, сказала:

— Ну что ж, товарищи, мне пора. Поздно уже. Спасибо за интересный рассказ, но никакой ясности он не внес: колдуны, зомби — все это...

Но Воробьев не дал ей договорить.

— Сядьте! — сказал он властно. И Валентина Сергеевна невольно подчинилась. — Вы, Валентина Сергеевна, и не подозреваете, в какой переплет попали. Насколько это серьезно. Верите вы или не верите, конечно, ваше дело, хотя после того, что с вами произошло, нужно быть полным кретином, чтобы отрицать очевидное. Я еще не дорассказал всей истории.

Напоминание об опасности подействовало на библиотекаря, как ушат холодной воды.

«Ладно, — решила она, — дослушаю глупости до конца, раз уж сама запросилась».

— Итак, продолжаю. — Митя потушил окуроч в пепельнице

и отхлебнул из стакана холодного чаю. — После всех изысканий надо было ехать в Лиходеевку. Мне очень хотелось это сделать, но что-то постоянно мешало. То разные житейские заботы, то еще какие-то мелочи. Иногда мне казалось, что некий внутренний голос шепчет: не езжай, Митя, не езжай... Я человек не суеверный, однако, по правде сказать, было как-то не по себе.

И тут случилось довольно странное происшествие.

Как-то в музей зашел пожилой гражданин странной наружности. В руках у старика был сачок для ловли бабочек, еще один сачок болтался за спиной. На боку висели жестяные коробки, какие-то морилки. Одет он был в просторный парусиновый костюм. Дополняла наряд широкая, соломенная панاما. Когда потом мы шли по улице, ребяташки бежали за ним следом.

Диковинный человек представился профессором-энтомологом Викентием Аркадьевичем Струмсом.

Наш бдительный директор перво-наперво потребовал у него документы. Они оказались в полном порядке: командировочное удостоверение, паспорт, еще какие-то бумаги. Были и рекомендательные письма из очень солидных учреждений с просьбой оказывать В. А. Струмсу всяческую помощь. Пока директор рассматривал бумаги, раздался звонок. И по почтительному тону директора можно было понять, что на том конце провода кто-то из начальства. Разговор, видимо, шел все о том же Струмсе, потому что, положив трубку, директор рассыпался перед профессором мелким бесом.

Из разговора выяснилось, что наш новый знакомый — специалист по ночным бабочкам. И что, как ему стало известно, в наших местах встречается редчайший подвид — бабочка «мертвая голова».

— А где же водится этот подвид? — встрял в разговор я.

— Здесь, не очень далеко от города, есть деревня Лиходеевка, так, по моим сведениям, где-то возле нее, — ответил Струмс.

Упоминание о Лиходеевке разожгло мой интерес невероятно.

— А откуда у вас эти сведения? — спросил я профессора.

— Да вот из этой книги. — И он достал из полевой сумки — что бы вы думали — «Соннице демонов черных и белых» отставного майора Кокуева.

Прочитав заглавие книги, оттиснутое золотом на черном переплете, я чуть со стула не свалился.

— Вот видите, — профессор раскрыл книгу и показал рисунок гигантской бабочки, — автор утверждает, что изображение в натуральную величину. И я ему верю, да, верю! — Он запальчиво повысил голос. — Особенности рисунка доказывают, что рисовал он с натуры. Подвид нигде пока не описан, и я надеюсь...

Тут он остановился и перевел дух.

— Ну ладно, об этом потом. Одним словом, я прошу вашей помощи. — Он посмотрел на директора. — Помогите мне добраться до Лиходеевки.

— Нет ничего проще, — сказал директор. — Даю в ваше распоряжение Митю Воробьева. — Он кивнул в мою сторону. — Завтра же и отправляйтесь.

Я проводил профессора до гостиницы. Мы обо всем договорились. В конце же я набрался смелости и попросил у него на одну ночь книгу, за которой я так долго и безуспешно охотился. Струмс внимательно посмотрел на меня, но книгу дал, попросив,

как можно бережнее с ней обращаться. На прощание еще раз внимательно посмотрел на меня, и мне показалось, что он совсем не тот, за кого себя выдает.

Схватив драгоценную книгу, я побежал к себе. И, надо сказать, она действительно была необычной. Долго рассказывать обо всем, что там написано. Сделана она была в виде дневника. Автор передавал читателю все свои переживания, настроения и т. д. Кроме того, он увлекался магией, и страницы переполняли различные мистические пассажи. Больше всего на меня произвел впечатление один из фрагментов. По смыслу он был кульминационным. У главного героя (или у автора) была возлюбленная, как он пишет, «девица небесной чистоты». Называл он ее по-разному: то Суламифь, то Изольда, то Женевьева. Однако в одном месте текста стоит совершенно конкретное имя — Дарья Михайловна Сурина — дочь соседского помещика. Так вот, можно понять, что Суламифь-Даша отставным майором не интересовалась. Он же сгорал от любви. Просил ее руки у отца и получил отказ: видимо, был незавидным женихом. Впрочем, обожание на расстоянии нравилось Кокуеву, совпадало с его рыцарским идеалом.

Однако драма переросла в трагедию. Дарья Сурина внезапно заболела и вскоре скончалась.

Потрясенный Кокуев чуть не лишился рассудка. Но задумал оригинальный ход. У него были знакомства среди колдунов деревни Лиходеевка. Кстати, о своих связях с нечистой силой майор пишет весьма осторожно, не называя имен и не вдаваясь в подробности. Можно, однако, понять, что вопросы волшебства, чародейства и магии интересовали его чрезвычайно и что он не жалел на овладение ими ни времени, ни средств.

Одним словом, нечистая сила пошла навстречу несчастному.

Тут-то и начинается самое интересное. Церемония воскрешения Дарьи Михайловны Суриной описана очень подробно.

Прошло четыре дня с момента погребения. Дело было летом, по-моему, в августе. Кладбище находилось вдалеке от деревень и усадеб на ничейной земле. Издавна хоронили там окрестных помещиков.

Кокуев был извещен заранее и пришел на кладбище еще засветло. Он долго стоял у свежей могилы, где была похоронена его возлюбленная. Потом присел поодаль и стал ждать.

До темноты никто не появлялся. Но как только стемнело, майор почувствовал на кладбище какое-то движение. Постепенно он стал различать невдалеке от свежей могилы темные силуэты. Вспыхнул костерок. В его свете Кокуев увидел трех женщин и старика с длинными седыми волосами и бородой. Женщины сбросили одежду.

Дальше следует описание ритуала, почти полностью совпадающее с рассказом Валентины Сергеевны. И заклипания, и зеленый столб света... Однако самое интересное случилось дальше. Земля, как пишет Кокуев, расступилась, и появилась усопшая. Женщины упали на колени и запели какую-то странную жалобную песню. Старик же подошел к майору, взял за руку и подвел к ней. Кокуев на протяжении всей процедуры хотя и испытывал сильнейшее потрясение, но сохранил присутствие духа. Теперь же силы оставили его, он едва держался на ногах. Мертвая стояла, закрыв глаза, и выглядела совершенно как при

жизни, только была очень бледна. От нее шел тяжелый запах свежей земли. Наконец она открыла глаза и впиалась безжизненным взглядом в майора. Тот окаменел, не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Внезапно мертвец поднял руки, точно хотел обнять Кокуева. Этого отставной майор уже не вынес. Он потерял сознание. — Воробьев приостановил свой рассказ и вновь закурил.

— А что было дальше? — с живейшим интересом воскликнула Валентина Сергеевна.

— Вот видите, вы уже и увлеклись, — засмеялся Забалуев.

— А дальше... он пришел в себя в какой-то крестьянской избе. Утром. Тут же находился и давешний седобородый старик. Он кратко объяснил Кокуеву, что своим обмороком тот все испортил. И что возлюбленной больше никогда не увидит. «А если бы ты не сомлел, — закончил старец, — то мог бы обрести неслыханную радость». — Воробьев глубоко затаился. — Было там еще много чрезвычайно интересных мест, например, рассказ о том, как с помощью волшебства майор пытался искать клады и как почти нашел один. Словом, всего не перескажешь.

— Однако какое поразительное сходство с рассказом Валентины Сергеевны, — заметил Забалуев.

— Да, сходство несомненное. — Митя потушил папиросу и посмотрел на Петухову. — На следующее утро я уже возле гостиницы поджидаю Струмса. Мы условились встретиться в восемь... И ровно в восемь выходит Викентий Аркадьевич, а рядом с ним здоровенный малый, обвешанный сумками и рюкзаками. Увидел Струмс меня, махнул этак небрежно рукой, подзывая, а сам — к «Победе», что стояла у гостиницы. И детина с сумками за ним.

— Знакомьтесь, Митя, — говорит Струмс, — это мой ассистент Николай Егорович Белов, можно просто Коля.

Коля молча сует мне руку, грузит вещи в «Победу», садится за руль, и мы трогаемся. Вернул я ему книгу и вопрос задаю:

— А сами-то вы, Викентий Аркадьевич, что думаете обо всей этой истории?

— Что думаю? А ничего... Приедем на место, там и думать будем.

И вот мы в Лиходеевке. К моему удивлению, остановились не в деревне, а, отъехав от нее с полкилометра, заехали в лес и расположились на небольшой уютной поляне. Коля достал из багажника палатку, да какую-то хитрую, какой я никогда не видел. Яркую, просторную, с тентом, матрасы надувные. Словом, все иностранное. Быстренько, сноровисто все установил. Загляденье.

— Поживем денек-другой на природе, — говорит Струмс. — Чем в душной избе с тараканами да клопами, лучше на свежем воздухе, вон кругом какая благодать.

Перекусили наскоро. А потом профессор с ассистентом в лес собрались. Взяли свои сачки для ловли бабочек, снасть всякую.

Потом гляжу — у Коля какая-то штука вроде миноискателя, с наушниками, только компактнее.

— А это что, — спрашиваю, — у вас такое?

— Это, — говорит Струмс, — прибор для определения геомагнитных полей.

— Так вы же не физики.

— Не физики, — подтверждает профессор, — но чтобы вы знали, молодой человек, именно в местах геомагнитных аномалий и водится бабочка, которую мы ищем. Такова особенность вида «мертвая голова».

Ну что ж, объяснили мне популярно, я и доволен. Перед уходом профессор мне говорит:

— Вы, Митя, далеко от машины не уходите, мало ли что...

— А я, Викентий Аркадьевич, в деревню хотел сходить.

— Зачем это?

— Ну так, поговорить с местными жителями, поглядеть, что за Лиходеевка такая.

— Вот что, Митя, — говорит профессор, — мы с вашим директором договорились, что вы полностью поступаете в мое распоряжение. Так вот я очень прошу, даже настаиваю, выполняйте то, что я вам сказал, без меня никаких самостоятельных вылазок не предпринимайте.

— Да что за таинственность такая! — возмутился я.

— Я настаиваю, — тихо повторил профессор, и было что-то такое в его тоне, что я замолчал.

Тут подошел ассистент Коля, молча, как-то сбоку посмотрел на меня, точно примеривался, как бы половчее ударить.

— Вы не обижайтесь. — Профессор потрепал меня по плечу. — Вы нам скоро понадобится и не покаетесь, что поехали.

Ушли они. «Эге, — думаю, — да они меня вместо сторожа взяли». Но делать нечего. Походил по полянке, залез в палатку, повалялся на надувных матрацах. Взял книжку, почитал...

Стемнело, тут и они появились. Профессор идет веселый. Шапает что-то.

Я с расспросами не лезу, тоже молчу. Разожгли костерок. Достал Коля провизию, гляжу, коньячок появился. А вечер тихий, одним словом, удовольствие полное.

— Ты бы, Митя, без лирики, — перебил рассказчика Забалуев, — время позднее. Валентина Сергеевна устала.

— Нет, нет, Митя, рассказывайте все, что считаете нужным, — воскликнула Валентина Сергеевна. Она настолько заинтересовалась, что забыла обо всем на свете.

— Продолжаю. Так прошло два дня. Струмс и Коля с утра уходили в лес, возвращались затемно, ничего определенного не рассказывали. Мне чертовски надоело такое времяпрепровождение. Тем более ни одной живой души за это время в лесу не встретил. Но я молчал.

На третье утро профессор приказал мне идти с ними. Конечно, не приказал, а попросил, но все равно сказано это было человеком, привыкшим повелевать. Я давно понял, что и Струмс, и Коля, конечно, не энтомологи, но, кто они на самом деле, определить не мог.

Утром мы отправились в путь. На этот раз никаких сачков не взяли, а кроме давешнего прибора, похожего на миноискатель, прихватили два небольших ящика, наподобие тех, в которых

носят геодезические инструменты. Кроме того, из багажника «Победы» Коля достал две саперные лопатки и тоже взял их с собой.

Идти пришлось довольно долго, примерно часа полтора. Мои попутчики дорогу знали хорошо и уверенно шли через лес. Лето было в самом разгаре, и среди травы и опавшей хвои мелькали кустики земляники со спелыми сочными ягодами. Наконец лес поредел, и мы вышли на огромную поляну. Я сразу понял, что перед нами кладбище, то самое, описанное в «Соннице демонов черных и белых». Да, да, Валентина Сергеевна, именно на нем вы и были. Но только подошли к нему с другого края, со стороны болота.

Итак, вот оно, таинственное кладбище, место жутких происшествий. Признаюсь, я испытывал не совсем приятное чувство, ступая на его территорию. Однако мои спутники никаких эмоций не выражали. Они молча шагали среди могил и надгробий.

Я поотстал. Кругом было столько интересного. Ходил среди заустения, пока не услышал окрик:

— Эй, Митя, давай сюда!

Мои товарищи стояли возле приземистого кирпичного строения, оказавшегося склепом дворянского рода Кокуевых. Среди имен, высеченных на черной мраморной доске, было и имя моего знакомого: «Иван Аполлонович Кокуев — майор от инфантерии, герой Крымской кампании».

— Вот где похоронен отставной майор Кокуев, — сказал Струмс. — В месте так любезном его меланхолической душе. А возлюбленная его, девица Дарья Сурина, совсем недалеко лежит.

— Может, с нее и начнем, Викентий Аркадьевич? — спросил Коля.

— Пожалуй... — Профессор задумчиво посмотрел по сторонам.

— Что все-таки происходит? — не выдержал я. — Мы что, пришли ловить сюда бабочек? Неужели именно здесь водятся «мертвая голова»?

— Может, мертвая, а может, и не мертвая, — рассеянно сказал профессор, — сейчас проверим.

— Викентий Аркадьевич, надо бы ему объяснить, — неожиданно сказал молчун Коля.

— Конечно, конечно, — спохватился Струмс. — Так вот, товарищ Воробьев, вы, конечно, догадывались, что мы не энтомологи, хотя, надо признаться, бабочки — моя страсть. Работаем с Николаем Егоровичем, — он кивнул на ассистента, — как бы вам сказать... в одном научно-исследовательском учреждении, занимающемся некоторыми... ну, скажем, парапсихологическими проблемами. Все легенды, поверья, считаем, имеют под собой вполне реальную почву. Мы с товарищем Беловым с помощью приборов обнаружили на этом кладбище семь мест, где по нашим предположениям могут находиться так называемые биороботы. Конечно, слово «биоробот» в данном случае не совсем точно передает суть явления, но, на мой взгляд, оно все же лучше звучит, чем чуждое нашему слуху слово «зомби».

Итак, здесь под землей лежат объекты, чья жизнедеятельность замедлена почти до нуля, но с помощью особых условий их можно реанимировать. Условия нам неизвестны. Кто этим занимается, догадываемся.

Потрясенный услышанным, я не знал, что и сказать. Молча взял саперную лопатку и погледел за ними.

И вот мы стоим перед памятником девицы Суриной, покосившейся дорической колонкой из белого мрамора. Мы с Николаем взялись за лопатки. Почва оказалась песчаной, и работа двигалась быстро, однако прошло не меньше двух часов, пока докопались до гроба. Наконец, вылезли из ямы, закурили. Струмс, не принимавший участия в раскопках, сидел тут же на чурбане.

— Ну что, будем вскрывать, Викентий Аркадьевич? — спросил Коля.

— А нельзя ли выволочь гроб наверх? — спросил Струмс.

— Нет, вряд ли, совсем трухлявый, да и не подцепишь.

— Ну тогда ломай крышку, Коля.

Коля взял небольшой ломик и снова спустился в могилу. Раздался хруст. Мы сгрудились у края могилы и заглянули внутрь. Я, естественно, ожидал увидеть скелет, но в первый момент увидел словно густую кисею, закрывавшую верхнюю половину тела умершей. «Плесень», — наконец понял я.

— Коля, одень перчатки и респиратор! — крикнул профессор.

Было исполнено. Ассистент осторожно снял шапку плесени, и мы увидели то, что некогда было лицом молодой красивой девушки.

Может быть, вы видели в археологических музеях мумии? Так вот лицо трупа было лицом мумии. Видом и цветом оно напоминало большое печеное яблоко. Но была в нем одна странность. Первой ее заметил Коля. С воплем: «Она смотрит, она смотрит!» — он в ужасе выскочил из ямы.

Действительно, у мумии были широко раскрыты живые глаза.

— Спокойно, Коля! — закричал Струмс. Он тоже заметно побледнел, но держался относительно спокойно.

Как выглядел я, сказать не могу, но, думаю, не лучше ассистента, который был совершенно серый.

Струмс достал мощный фонарь и осветил в яму. Электрический свет блеснул в широко раскрытых глазах. Мертвец смотрел на нас. Взгляд пустой, и можно было подумать, что глаза сделаны из стекла.

В первую минуту у меня мелькнула такая мысль.

— Итак, — сказал Струмс, — предположения подтвердились. Перед нами биоробот или зомби, выбирайте, что вам больше нравится. Хотя, конечно, нужно проверить, вдруг это всегонавсего мумифицированный труп. Давай-ка, Николай Егорович, измерим нашей красавице температуру.

Коля достал из ящика один из приборов и нерешительно встал у могилы.

— Боишься? — спросил Струмс.

— Да как-то не по себе.

— Ну, давай я. — Профессор неожиданно легко для своего возраста спустился в яму.

Коля подал ему прибор. Шли минуты. Наконец профессор разочарованно произнес:

— Температура тела соответствует температуре окружающей среды.

— А глаза, глаза?! — закричал Коля.

— Глаза на свет не реагируют, дай-ка мне зонд. Попробуем определить температуру внутри тела. Так, похоже, разница есть.

Незначительная, но все же. Однако, возможно, это результат тления тканей.

— Какое тление, — Коля скептически хмыкнул, — труп почти сто лет. Все давным-давно должно рассыпаться в прах.

— Не торопись... — Профессор задумчиво склонился над трупом. — Дай-ка мне биолокатор.

И в эту минуту рядом с нами раздался незнакомый голос: — А чем вы, граждане, тут занимаетесь?

Признаюсь, от неожиданности я чуть не свалился в яму. Коля же с испугу выронил из рук биолокатор.

Мы обернулись. Перед нами стоял обычный милиционер, в синей фуражке с красным околышем, с полевой сумкой и кобурой на боку. На плечах его были погоны старшины.

— Повторяю, граждане: что тут происходит? — сказал милиционер официальным тоном. Вроде ничего особенного, обычный милиционер, однако увидеть его здесь, посреди леса, вдали от населенных пунктов, мы никак не ожидали. Мы с Колей стояли и смотрели, вытаращив глаза на представителя власти.

Только профессор не растерялся. Он неторопливо вылез из ямы и подошел к милиционеру.

— Мы работники Академии наук, — сказал Струмс спокойно. — Ведем здесь раскопки. Коля, достань наши документы. Вот разрешение от соответствующих ведомств, кстати, и от областного управления внутренних дел, на проведение раскопок.

И он протянул документы милиционеру. Однако милиционер документы почему-то не взял. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, и старательно отводил взгляд в сторону.

Я обратил внимание на его лицо. Молодой парень лет двадцати — двадцати двух, с веснушчатым загорелым лицом, из-под фуражки торчал рыжеватый чуб, но вот глаза... Глаза были какие-то нехорошие. Старческие были глаза, белесые и выцветшие, точно владелец глядел ими на белый свет много-много лет.

Не обращая на нас внимания, он подошел к могиле, глянул вниз. Задумчиво покачал головой.

— Ученые, значит. Дарью выкопали. Нехорошо.

Услыхав, что милиционер знает имя покойницы, мы переглянулись.

— А вы сами кто? — осторожно спросил Струмс.

— Я-то? Здешний участковый.

— А на' документы ваши позвольте взглянуть.

— Документы мои... — Милиционер почему-то положил руку на кобуру.

Краем глаза я заметил, как Коля весь напряжился и сунул руку за пазуху.

— Документы мои, значит... — повторил милиционер. Он круто повернулся и быстро пошел прочь. Потом вдруг остановился, оглянулся и, глядя в сторону, сказал:

— А Дарья-то к вам сегодня в гости сама придет.

Сказав это, он быстро зашагал с кладбища.

— Задержи его, Коля! — крикнул профессор.

Коля рванулся к милиционеру, выхватив из-за пазухи пистолет. Он почти нагнал его, но вдруг милиционер неизвестно как оказался намного впереди. Он не бежал, а шел быстрым шагом. Как это получилось, я и теперь не понимаю. Коля снова рванулся за ним, при этом несколько раз выстре-

лил в воздух. Но преследуемый не обратил на выстрелы никакого внимания.

Вскоре он был почти у опушки леса. Тогда Коля, бежавший за ним во весь дух, остановился, вскинул пистолет и сделал несколько выстрелов по удаляющейся фигуре. Но напрасно. Милиционер исчез.

— Что же это, Викентий Аркадьевич? — прерывающимся голосом спросил запыхавшийся Коля.

— Видимо, хозяйка кладбища дают о себе знать, — спокойно промолвил профессор. — Вот ты стрелял по нему, а зря. Были б серебряные пули, тогда какой-нибудь толк получился.

«Ой, ой! — подумал я. — Серебряные пули! Вот в историю попал. Нечистая сила окружает, а на мне и креста нет».

Струмс тем временем начал укладывать инструменты, Коля кинулся помогать. В минуту все собрали.

— А с этим что делать? — Коля кивнул на раскопанную могилу.

Профессор задумчиво посмотрел на него.

— «Милиционер», помнится, сказал, что красавица сегодня нас навестит. Можно, конечно, осиновый кол забить в нее, однако хочется самому увидеть, на что они способны. Оставим все как есть, а завтра видно будет.

Мы отправились на место стоянки. День клонился к вечеру. Поели, хотя аппетита не было.

— То, что сегодня ночью нас посетят, не вызывает сомнения. — Струмс ходил по поляне и, казалось, разговаривал с самим собой.

— Может быть, уедем? — предложил я, но он не обратил на мои слова никакого внимания.

— Что предпринять? Ну, конечно! Магический круг. Средство стародавнее, но испытанное.

Я вспомнил гоголевского Вия. Как же он очертит круг — по траве?

— Так, ребятки, — Струмс схватил саперную лопатку, — срочно окапываем наш бивак. Машина и палатка — центр круга. Канавка должна быть неглубокой, но обязательно сплошной, не дай Бог, где прервется.

Скоро был выкопан аккуратный круг, диаметром примерно метров пятнадцать.

— Так, — продолжал руководить Струмс. — Где веревка? Укладывайте ее в выкопанную канавку да плотнее к земле прижимайте. Неплохо получилось. Теперь нужно выкопать четыре пятиконечные звезды. На каждую сторону света по звезде. Компас сюда... Здесь, значит, север. — Струмс воткнул в землю на границах круга четыре колышка.

— Вот тут копайте. Вершина звезды должна быть направлена в круг. Да делайте звезды побольше, поглубже. В них мы уложим дрова, обольем чем-нибудь горючим, а в нужный момент подожжем.

Работа закипела. Струмс полез в одну из своих сумок и достал здоровенную бутылку, литра, наверное, на три. Внутри колыхалась какая-то прозрачная жидкость.

— Это святая вода. Знакомый священник, специально освятил для такого случая. Так сказать, оружие массового уничтоже-

ния демонов. Правда, я никогда его не применял, знаю лишь понаслышке. Но, говорят, мощнейшая вещь.

Все происходящее казалось сном. Какой век на дворе? Колдуньи, оборотни...

— Вроде все меры приняты, — удовлетворенно промолвил профессор. — Да, кстати, Митя, вас в детстве крестили?

Я утвердительно кивнул головой.

— Тогда все в порядке.

— Послушайте, Викентий Аркадьевич, неужели все, что мы тут делали, серьезно? — осторожно спросил я.

Профессор внимательно посмотрел на меня.

— Вы еще сомневаетесь? Совершенно зря. Видимо, думаете, что в двадцатом веке подобное случиться не может. Глубоко заблуждаетесь. Разве утром вы сами не были свидетелем? Милиционер этот... Типичный колдун-оборотень. Да что там милиционер! Я, например, обратил внимание, что все время, пока мы находились на кладбище, на старой липе сидел здоровенный ворон, а вот когда появился этот старшина, ворон исчез. Какая, спросите, связь? Думаю, самая прямая. Жаль, что вы не читали секретный доклад Остроумова. В нем много интересного. Трудно, конечно, в это поверить, тем более в нашей стране, где атеизм возведен в догму. Хотя и официальная церковь отрицает возможность существования всякой нечистой силы, суеверий. А ведь мне приходилось сталкиваться с такими явлениями, которые ничем другим объяснить нельзя. Наш институт изучает... — тут он осекся. Замолчал, о чем-то задумался.

Было уже почти темно. Коля возился с костром, на котором закипал чайник. Посвистывали перепела, стрекотали кузнечики, наступала ночь.

Мы тихо сидели у костра. Курили, молчали. Я с любопытством и одновременно со страхом ждал начала событий. Ждал, но в глубине души не верил в то, что они случатся — настолько нереальным казалось происходящее.

В ямы, вырезанные в мягком дерне в форме звезд, были заложены куски старой автомобильной покрышки вперемешку с дровами. Мы облили их бензином и техническим маслом. Заготовили факелы. Ждали.

Профессор взглянул на светящийся циферблат часов:

— Скоро двенадцать. Осталось десять минут.

Не успел он произнести эти слова, как над нами пролетела огромная ночная птица. Бесшумно махая крыльями, она сделала один круг, другой... Внезапно послышалось заунывное пение. Сначала я подумал, что мне показалось, но пение становилось все явственнее.

Странная мелодия, напоминавшая отпевание покойника, переворачивала все внутри. Слов было не разобрать, но пели на каком-то незнакомом языке.

— Началось, — проговорил Струмс, и в его голосе прозвучало удовлетворение.

Ночь, еще несколько минут назад полная звуков, вдруг замерла. Стояла полная тишина. Лишь потрескивали дрова в костре, да слышалось пение.

Но вот в темноте, окружавшей наш лагерь, обозначилось некое движение: зашуршала трава, звук неуверенных шагов.

Мороз пошел у меня по коже. То же чувство, по-моему,

испытывал и Коля. Только профессор оставался спокоен. Он внимательно смотрел во тьму. В его руках я заметил фотоаппарат со вспышкой.

Из темноты вышла какая-то фигура и встала на границе круга. Трудно было разобрать, кто это, — она казалась совсем черной. Однако когда я внимательно присмотрелся, то увидел, что от фигуры исходит слабое зеленоватое свечение, каким светятся иногда гнилые пни на болотах.

— По-моему, наша знакомая пожаловала, — профессор вскинул фотоаппарат. В свете вспышки мы явственно различили девицу Дарью Сурину.

Она отшатнулась и чуть не упала. Движения ее напоминали движения марионетки, будто все тело состояло из шарниров.

Струмс направил на мертвую мощный фонарь. В его лучах мелькнули черное оскаленное лицо, стеклянные, остановившиеся глаза, истлевшие лохмотья, покрывавшие ее остов. Она снова подошла к границам круга и уставилась на нас. Из темноты показались какие-то фигуры.

— Ого! Да она с компанией, — усмехнулся профессор. — Готовьте факелы.

В эту минуту меня кто-то крепко схватил сзади за руку. Я с удивлением обернулся и почувствовал тяжелый запах гнили.

— Помогите! — закричал я. Струмс рванулся на мой голос. Как сейчас помню, в свете его фонарика я увидел отвратительную, покрытую зеленой плесенью руку мертвеца с длинными желтыми ногтями.

Струмс схватил саперную лопатку и одним махом перерубил эту руку у предплечья. Раздался чавкающий звук, точно разрубили огромный гнилой помидор. Однако отрубленная кисть продолжала крепко сжимать мою руку. Я завизжал от ужаса.

— Он с тыща прорвался! — закричал профессор. В его руках появилась бутылка со святой водой.

Профессор плеснул ею на мертвеца, который все еще пытался схватить меня уцелевшей рукой.

Послышалось шипение, точно это была серная кислота. Зомби забился в конвульсиях и задымился.

— Коля, зажигай костры, — отдал команду Струмс.

В один миг запылали четыре пятиконечные звезды по краям магического круга. Упыри шарахнулись в сторону. В ярком свете костров стало видно, что их около десятка. Но свет вырвал из тьмы и еще одну группу фигур, стоявших поодаль. Это были явно живые люди.

Мертвец, который проник в круг, продолжал дергаться на земле, и стал как бы всасываться в нее (другого определения я не подберу). Внезапно он исчез. Так же внезапно исчезли и все остальные. Мы остались одни, и только четыре костра чадили черным, жирным дымом.

Митя остановился, перевел дыхание и в который уже раз закурил.

— А дальше что? — Валентина Сергеевна от нетерпения вся подалась вперед. — Дальше, Митя, дальше.

Митя молчал, попыхивая папиросой.

— Это все, — наконец сказал он.

— Как все? — Валентина Сергеевна недоверчиво улыбнулась.

— Представьте себе. На другой день, когда профессор с асси-

стендом снова собрались на кладбище на раскопки, я сказал, что больше в этом не участвую. Честно говоря, испугался. Да и до сих пор, когда вспоминаю, испытываю не совсем приятные чувства.

Профессор меня не удерживал.

— Ну, что ж,— сказал он,— я понимаю, что втянул вас в неприятную историю. Не подготовил, ничего не объяснил... Поэтому не смею задерживать. Хотя вдвоем нам будет тяжелее. А хотелось бы разобраться во всей этой чертовщине. Ну, прощайте.— Он пожал мне руку и, посвистывая, зашагал вслед за ассистентом.

С тех пор о них я больше не слыхал.

И вот совсем недавно мне стало известно, что Струмс жив и здоровствует.

— Что же будет со мной?! — вскричала библиотечка.— Ведь если всему этому верить, мне осталось жить двенадцать дней. Нет, уже одиннадцать.— Она посмотрела в окно, где занималось бледное утро.

— Выход один,— сказал Забалуев.— Надо ехать в Лиходевку, на месте во всем разобраться.

— Вот вы и поезжайте,— усмехнулся Митя,— вдвоем. С меня достаточно. Как вспомню руку в зеленой плесени... Вся трухлявая, а из нее черви выползают...— Его передернуло.— Нет уж! Увольте!

— Но ведь надо же что-то делать,— продолжал Забалуев.— Нельзя же так все оставлять. В конце концов человеческая жизнь в опасности!

— Я вас очень уважаю, Петр Петрович,— тихо заговорил Митя,— и мне понятно ваше беспокойство. Но, вы, видимо, не понимаете, с чем столкнулись. Это — Зло. Зло с большой буквы, существующее сотни, может быть, тысячи лет. Мы не знаем, что это, откуда это и как с ним бороться. Случайно заглянули за грань реальности, и что же? Все наши представления рушатся, как карточный домик.

— Митя, все это словеса! — воскликнул Забалуев.— Ты поможешь или нет?

Воробьев встал, обвел присутствующих долгим взглядом и, не прощаясь, вышел.

Некоторое время сидели молча. Потом поднялась Валентина Сергеевна.

— Ну что же, Петр Петрович, пора домой. Спасибо за помощь.

— Пойдемте, я вас провожу, Валентина Сергеевна,— засуетился Забалуев.

— А бутыль со святой водой у вас есть? — усмехнулась Валентина Сергеевна.

— Святую воду достать можно,— в тон ей сказал архивариус.— Вооружиться согласно Митиным рецептам.

Они вышли из здания архива. Было раннее летнее утро, свежее и чистое. Вдали раздался гудок паровоза. Ему ответили фабричные гудки. Шла будничная жизнь без всяких чудес.

— И все-таки ехать! — вдруг сказал Забалуев.— Решено! Сегодня же.

— Но...— начала было Валентина Сергеевна.

— Никаких «но». Сейчас идите поспите, а часиков в одиннадцать я за вами зайду, и двинемся. Чем сидеть и ждать неизве-

стно чего, лучше идти навстречу опасности, — высокопарно произнес архивариус.

...Валентина Сергеевна, как женщина пунктуальная, ровно в одиннадцать часов вышла из своей квартиры, уже готовая к путешествию. Во дворе было пусто. Она присела возле подъезда в ожидании.

Вдруг раздался сильный шум. Во двор въехал мотоцикл с коляской. За рулем сидел Митя, а за его спиной скорчился Забалуев.

— Экипаж подан, — сказал Митя весело.

— Он едет с нами, — добавил Забалуев, — я его не уговаривал, сам решился.

До Лиходевки добрались довольно быстро. Сразу же встал вопрос: где остановиться?

— Я думаю, — сказал Забалуев, — Валентине Сергеевне лучше всего отправиться к той старушке, у которой она останавливалась в первый раз. А мы с Митей расположимся где-нибудь за деревней в лесу; палатка у нас есть, так удобней, и внимание привлекать не будем. А вы, Валентина Сергеевна, объясните, что решили продолжить свой грибной промысел. Завтра же с утра выходите за деревню и прямо по дороге пройдите с полкилометра, там мы вас будем поджидать.

На том и порешили.

Вот и знакомый дом. Хозяйки не было видно, и Петухова нерешительно остановилась у калитки. Вспомнились последние слова бабки. Мол, через день увидимся. «Ну что ж, и бабка замешана в эту историю», — со странным удовлетворением констатировала Валентина Сергеевна.

Ничего больше ее не удивляло.

— А, это ты, Валечка! — неожиданно раздался веселый возглас. — За грибами своими вернулась?

Библиотекарша чуть не подпрыгнула с испугу. У нее за спиной стояла Агрипина Кузьминична.

— Ну, проходи в дом, — продолжала старуха. — Грибы твои подсохли, дождей-то не было.

Валентина Сергеевна вошла в дом, и снова, как в первый раз, бросились ей в глаза иконы. Она подошла к киоту и стала разглядывать иконы: святые строго и печально глядели на нее со старых досок, словно укоряли в чем-то.

Остаток дня прошел в беседе и чаепитии. Поздно вечером от нечего делать перекинулись с бабкой в картишки. Ни о том, зачем приехала библиотекарша, ни о минувших событиях не говорили.

— А хочешь, Валя, я тебе погадаю? — внезапно спросила старуха.

— Ну что ж, погадайте, — усмехнулась Петухова.

Старуха достала другую колоду карт: большую и засаленную. Карты были странные. Таких Валентина Сергеевна никогда не видала. Без обычных мастей королей, дам... Их заменили странные зловещие символы.

— Что это за карты такие? — заинтересовалась она.

— Специальные гадальные карты. «Тарот» называются. Достались мне давным-давно по случаю. Принадлежали когда-то здешнему помещику Кокуеву.

— Кому-кому? — удивленно переспросила Петухова.

— Да был тут один. Все нечистого тешил. Ну да ладно...

Старуха разбросала по столу карты, внимательно рассмотрела их, потом смешала и разложила снова, но уже в другом порядке. Пристально посмотрела на библиотекаршу:

— Ну что тебе, бабонька, сказать... Бьются за тебя две силы, одна хорошая, другая не приведи Господь. Пока черная-то сила перетягивает.

— И перетянет? — взволнованно спросила Петухова.

— Все зависит от тебя самой, но не только. Есть кто-то третий, кто перетянет чашу весов, а вот в какую сторону — не ясно. Но только опасную ты игру затеяла, бабонька, ох, опасную.

Старуха смешала карты, перекрестилась: — Пора спать...

«Почему все кругом говорят загадками?» — думала Валентина Сергеевна, ворочаясь на кровати. С этими мыслями она заснула...

Утро, серенькое и теплое, неярко горело августовским светом. Сильная роса приятно холодила ноги, пока она бежала к колодцу умываться. Хозяйка была уже во дворе, несла из хлева полное ведро парного молока.

— Да ты никак куда собралась?

— В лес пойду за грибами. — Валентина Сергеевна старательно отводила глаза от пытливого взгляда хозяйки.

— Не находилась еще, — помрачнела та. — Ну иди, коли есть охота. Только мой совет — в сторону кладбища не ходи. Попейка молочка.

Немного погодя, библиотекарша была готова к выходу. Только вот беда — корзинки для грибов у нее не оказалось.

— Да возьми мою. — Хозяйка подала ей большую корзину. — На-ка молочка на дорожку. — Она протянула ей кринку, туго обмотанную чистой белой тряпкой. — Поставь на дно, по дороге выпьешь.

Валентина Сергеевна быстрым шагом двинулась в путь.

Товарищи ее уже встали и позавтракали.

— Ну, какие на сегодня планы? — спросил Забалуев. Валентина Сергеевна предложила тут же идти на кладбище, что было встречено без возражений.

По дороге библиотекарша поинтересовалась у Мити, далеко ли отсюда был лагерь профессора Струмса.

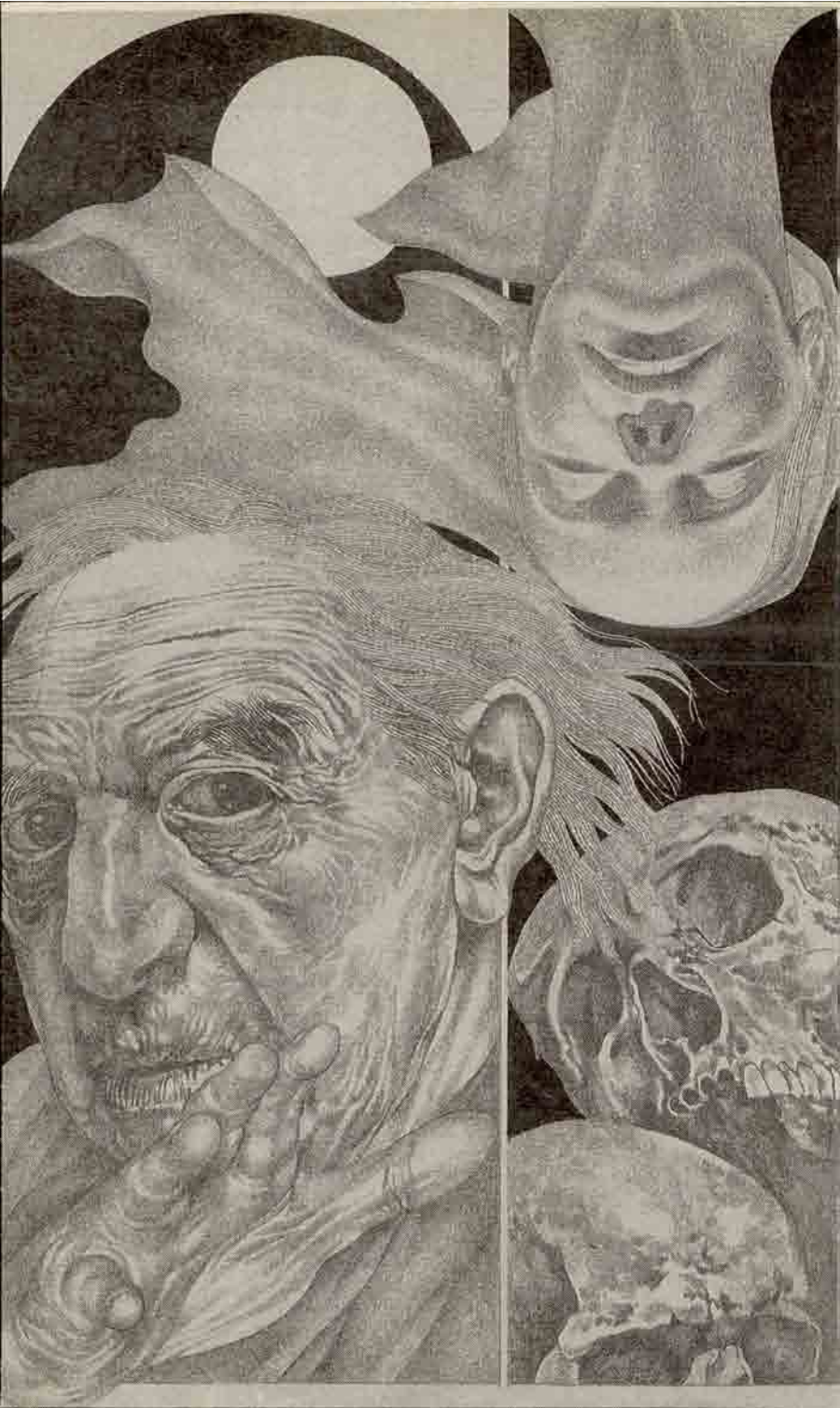
— Совсем рядом. Я, между прочим, туда уже ходил.

— Ну и что?

— Да ничего, никаких следов не осталось.

Дорогу на кладбище вроде бы никто точно не знал, но дошли до него неожиданно быстро. Подул ветерок. Из-за туч выглянуло солнце, серое утро перешло в яркий летний день. И при солнечном свете кладбище казалось отнюдь не зловещим.

Валентина Сергеевна заинтересовалась надгробиями. Она ходила от одного памятника к другому, пытаясь прочесть полустертые временем надписи, разглядывала причудливые обелиски. Наконец они вышли к старой часовне. Библиотекарша подошла к дверному проему и заглянула внутрь. Лучи света, пробивавшиеся сквозь дыры в крыше, причудливо выхватывали фрагменты полуосыпавшихся фресок на стенах. Она повернулась, пытаясь вспомнить, где находится тот памятник, на котором прочитала она дату предполагаемой смерти.

Взгляд ее сразу же нашел накренившуюся плиту из черного мрамора.

— Вот он, — боязливо произнесла библиотечарша, указывая на памятник.

— Ну-ка, ну-ка. — Забалуев достал из кармана очки и подошел к надгробию. За ним последовал и Митя.

Она же осталась на месте, со страхом и нетерпением ожидая результатов. Внезапно раздался веселый смех. Смеялись оба. «Что они, с ума сошли?» — опешила библиотечарша.

— Идите-ка сюда! — захлебываясь от смеха, позвал Забалуев.

Она нерешительно подошла, не понимая причины их веселья.

— Читайте! — усмехаясь, приказал Забалуев. Она взгляделась в надпись.

«Петушкова Валентина Савельевна, — изумленно прочитала она. — Вдова действительного статского советника, потомственная дворянка». Дальше шли даты рождения и смерти. Год рождения действительно походил на ее, но только это был девятнадцатый век, а дата смерти и близко не соответствовала нынешнему году. Валентина Сергеевна стояла, ничего не понимая.

— Конечно, вы обознались, — сказал Забалуев. — После кошмарной ночи, грозы, опять же спали урывками.

— Так, что же, ничего этого не было? — еще до конца не веря, спросила Петухова. — И жутких женщин, и руки, показавшейся из могилы?

— Ну, конечно, — последовал ответ. — Вам все приснилось. А имя на памятнике похоже на ваше, в горячке немудрено ошибиться.

Валентина Сергеевна в недоумении переводила глаза с одного на другого. Забалуев весело улыбался, лицо же Мити было нахмурено. Он еще раз внимательно прочитал надпись.

— Похоже на правду, — задумчиво произнес Митя. — Хотя...

— А ваша история, Митя, не сродни ли истории Валентины Сергеевны? — Забалуев насмешливо посмотрел на Воробьева. — Воробушек вы мой ненаглядный, признайтесь, что все это придумали, так сказать, подыграли нашей уважаемой библиотечарше.

— Бросьте! — сердито возразил Митя. — Валентина Сергеевна, возможно, и ошиблась, но я-то был в трезвом уме. Пойдемте, покажу вам место раскопок.

Он быстро зашагал среди надгробий. Следом за ним двинулся и Забалуев.

Петухова плелась за ними и чувствовала себя последней дурой.

Казалось бы, радоваться надо. Все оказалось просто дурным сном. Однако сердце подсказывало: не все здесь так просто...

Товарищи ее были уже довольно далеко. Они остановились и, оживленно жестикулируя, о чем-то спорили. Нехотя подошла к ним и она.

Первое, что увидела, был памятник, та самая полуразбитая дорическая колонна. Под ней, как свидетельствовала надпись, покоилась девица Дарья Сергеевна Сурина.

— Ну вот, убедились, Валентина Сергеевна? — Забалуев показал рукой на могильную насыпь. — Никаких следов раскопок. Плита на месте, да вы посмотрите, ведь никаких следов!

— Прошло несколько лет. — хмуро заметил Митя.

— Каких лет?! — Забалуев язвительно усмехнулся. — Здесь ничего не изменилось с момента погребения. Вы, помнится, сказали, что оставили могилу открытой?

— Ее могли и закопать.

— И не оставить никаких следов? Помилуйте. Неужто предомной краевед и археолог?

— Так вы хотите сказать, что я все выдумал? — Лицо Мити покрылось красными пятнами.

— Успокойтесь, голубчик. Я ничего не утверждаю, но факты...

— А имя на памятнике?

— Ну, имя... Его вы могли прочитать в книге Кокуева, а что вы здесь бывали и раньше, я не сомневаюсь.

— Ладно, идемте назад, — махнул рукой Митя. — Может быть, это и к лучшему. Во всяком случае, ничего не нужно объяснять, да и Валентине Сергеевне, как выяснилось, ничего не угрожает.

— Я устала, — жалобно проговорила Петухова. Чувство опасности не только не покинуло ее — напротив, стало сильнее. Что-то тут не так. — Давайте передохнем.

— Конечно-конечно, — подхватил Забалуев. — Передохнуть нужно обязательно. Да и перекусить не мешало бы.

Он один сохранял спокойствие и присутствие духа и был, казалось, весел. Быстро разложил на траве белую салфетку, достал снесь. Валентина Сергеевна вспомнила про свое молоко, вытащила из корзинки кринку.

— Не желаете, Петр Петрович?

— Нет-нет. — Забалуев сделал брезгливую гримасу. — Не употребляю.

— А я, пожалуй, выпью. — И она поднесла кринку ко рту.

— Фу! Да молоко скисло! А ведь утром только хозяйка надоила...

— Ничего удивительного, — заметил Забалуев. — Жарко сегодня, вот и результат. Нужно в молоко сажать лягушку, тогда ни за что не скиснет.

— Какая гадость! — Валентину Сергеевну передернуло от отвращения.

— Так говорите, сегодня утром надоили? — Митя с любопытством взял кринку и понюхал содержимое. — Впечатление такое, будто ему дня три-четыре, вон даже позеленело, — он вылил молоко на землю.

Они в молчании дошли до палатки.

— А дальше-то что? — спросила Валентина Сергеевна.

Откликнулся Забалуев.

— Я думаю, — начал он, — нужно возвращаться в город. — Все пряснилось: не было никакой надписи, да и кладбище самое обычное. Что старинное — верно. Но не более. А колдуны, ожившие мертвецы — плод воспаленного воображения.

Митя как-то странно посмотрел на него.

— Митя, ты уж признайся, что хотел, так сказать, разыграть Валентину Сергеевну. Пошутил слегка. Шутка, конечно, не совсем удачная, но оригинальная. И я, старый осел, можно сказать, поверил тебе, поперся в эдакую даль...

— Да, — сказал Митя хмуро. — Это была шутка.

Валентина Сергеевна недоуменно посмотрела на него. Она вообще перестала что-либо понимать.

— Ну что ж, давайте собираться, — сказал Забалуев.

Митя молча копался у мотоцикла.

— Мне надо к хозяйке сбегать, — спохватилась Петухова. — Корзину отдать, вещи свои захватить.

— Ну, давайте быстрее. К вечеру хотелось бы быть дома.

Хозяйка встретила ее у ворот.

— Грибов-то набрала! Да все — один к одному. — Она с интересом посмотрела в корзину.

— Уезжаю я, вот за вещами пришла. За корзину спасибо.

— Не успела приехать — опять уезжаешь. Странная ты, Валентина, женщина. Ну что же, воля твоя...

— Возьмите вашу кринку.

— Ну как, молочко-то понравилось? У меня вкусное молочко, не чета городскому.

— Да скисло оно, молоко ваше.

— Как скисло, не может быть! — Старуха понюхала кринку. — Действительно. Да ведь я утром надоила, не может такого быть. Постой, постой, постой. — Она внимательно посмотрела на Петухову. — Ты ведь по лесу не одна ходила?

— Не одна, — подтвердила та. — Мы втроем приехали, на мотоцикле.

— А кто твои товарищи?

— Обычные люди, старичок один — в архиве работает, и историк наш городской. Да в чем дело-то?

Старуха ничего не ответила. Замолчала, что-то обдумывая. Через несколько минут она попросила:

— Слушай, покажи их мне.

— Ну пойдёмте, только все-таки объясните, в чем причина вашего интереса?

— После объясню, пойдём скорее.

Минут через пятнадцать они подошли к тому месту, где стояла палатка. Все уже было сложено. Возле мотоцикла стоял один Митя.

— А Петр Петрович где? — спросила Петухова.

— Да тут был. — Митя огляделся по сторонам. — Сейчас придет, наверное.

Старуха внимательно оглядела Митю, потом повернулась к Валентине Сергеевне:

— Старичок-то — куда он делся?

Та недоуменно пожала плечами.

— Петр Петрович, — закричал Митя. — Где вы, идите сюда!

Но в лесу было тихо.

— Так, ребятки, — утвердительно произнесла старуха. — А ведь это колдун был.

— Какой колдун?! — испуганно воскликнула Валентина Сергеевна.

— Да старичок-то ваш. Вы вот его ждете, а он, конечно, не явится.

— С чего вы взяли, что он колдун? — внимательно глядя на старуху, спросил Митя.

— Молоко свежее скисло в минуту — первый признак. К тому же исчез он.

— А сами-то вы кто? — Митя, казалось, не удивился сообщению.

— Я-то? Да никто, божья старушка. — Она усмехнулась. — Местная жительница.

— Мне еще на кладбище показалось — Забалуев как-то странно себя вел.

— Так вы и на кладбище были? — удивилась старуха. — А зачем? Не пора ли мне всю правду рассказать?

— С какой стати? — вскинулся Митя.

— А с такой. Без меня вы вряд ли выпутаетесь из этой истории.

— Эге, ты, бабка, видно, из той же шайки... — протянул Митя.

— Тыфу, дурень! Из шайки... Ты, голубок, да и барышня твоя, по всему видать, в такую переделку попали — не приведи Господь. Садитесь на вашу тарактелку, да поедем ко мне. Нет-нет, я ногами дойду, — отмахнулась бабка на приглашение сесть в коляску.

Сбитая с толку всеми этими чудесами, Валентина Сергеевна пошла рядом со старухой, Митя поехал вперед.

— Ты мне сразу бы все рассказала, пользы было бы больше. А сейчас... — Бабка махнула рукой.

— Да с чего бы я докладывать стала, и так один раз все рассказала, вон что получилось. Вы говорите — колдун. Да быть этого не может!

Вскоре они втроем сидели за столом в избе хозяйки.

Запыхтел самовар, забулькал в стаканах чай.

— Ну же, жду, — властно произнесла старуха. — Давай, первая рассказывай, — кивнула она Валентине Сергеевне.

На протяжении всего рассказа она молчала, иногда задумчиво кивала головой и только когда библиотекариша описывала виденное на кладбище, старуха досадливо крикнула:

— Эк тебя утوراдило! И чего ты мне сразу всего не рассказала!

— Ну, теперь ты, — обратилась она к Мите.

Когда его история была завершена, старуха попросила:

— Ну, а теперь о колдуне этом.

Перебивая друг друга, они стали рассказывать о событиях последних дней.

— Ладно, — сказала старуха. — Ну, про Лиходеевку вы кое-что знаете. Но здесь живут не одни колдуны. Вот я, например. С черными не знаю, хотя дела их мне известны. И они меня не трогают. Что тут к чему, долго рассказывать, да и знать вам не обязательно. Однако кое-что придется разъяснить.

Ты, Валентина, видела древний обряд, простому смертному видеть который нельзя. Как они мертвых поднимают и для чего, особое дело. Но что ты судьбу свою прочитала на могильном камне — в этом не сомневайся. Они все сделают, чтобы тебя ухайдокать. Они тебя так просто не отпустят. Тот, которого вы Забалуевым называете, вовсе и не Забалуев, а главный их. Просто он принял вид вашего Петра Петровича. Это они умеют. В городе к тебе подослали куклу-перевертыша. И колдун с вами увязался, теперь он где-то рядом ходит, если б не молоко, может статься, была бы для вас сегодняшняя ночь последней. Случайность подвела. Но они, конечно, не отступятся. Беда в том, что помочь вам ничем не могу. Заговоры нужно знать особые, заклятья. За день мне вас не обучить. Переночуйте у меня, тут вас никто не тронет, а завтра садитесь на свою тарактелку — и в город. Тебе, Валентина, я советую вообще уехать куда-нибудь подальше.

Валентина Сергеевна и Митя сидели молча, осмысливая услышанное.

— Неужели ничего нельзя сделать? — спросил наконец Митя.

— Отчего же, можно. Пойти к главному ихнему, пасть на колени, попросить милости. Может, и простят, но тогда людьми вы больше не будете, а будете... — Тут она замолчала.

— Кем же? — подавшись вперед, спросил Митя.

— Лучше вам об этом не знать. Но есть и другой выход. О нем я уже говорила — лучше всего убежать, если сумеете.

— Послушайте, Агрипина Кузьминична, а не расскажете, что это за колдуны такие? — спросила Валентина Сергеевна.

Как ни странно, она давно не испытывала страха, одно нестерпимое любопытство.

— Ну что ж, рассказать можно, — старуха задумчиво посмотрела на своих гостей. — Хуже от этого не будет. Живут они тут с незапамятных времен, силу имеют большую. Чего скрывать, сама в этом деле кое-что понимаю. Людей лечу, наговоры знаю, ну да ладно... Осталось их совсем немного. Им просто человека со свету сжить. Но не могут без вывертов. Сами себя уважать перестанут. Поэтому и обставляют все, словно в цирке. Сначала напугают до полусмерти, а уж потом либо на брюхе ползать заставляют, либо в петлю засунут.

Она прервала рассказ, посмотрела на ходики, мирно тикающие на стене:

— Ну что ж, время позднее...

Митя ушел на сеновал, а Валентина Сергеевна еще долго ворочалась на своей кровати, прислушиваясь к каждому шороху.

Спозаранку стали собираться. Быстро уложили в мотоцикл вещи. Тронулись. Бабка перекрестила их на дорогу и сказала напоследок:

— Вы уж осторожней езжайте, а в городе тоже опасайтесь.

Отъехав от деревни, Митя остановил мотоцикл.

— Вы что-то забыли, Митя? — Петухова вопросительно посмотрела на своего спутника.

— Хотел я вам кое-что рассказать, Валентина Сергеевна, да при бабке не решился. Все же я ей до конца не верю. Так вот, — лицо его посерьезнело, — буквально за пару дней до нашей встречи в архиве получаю я письмо. От кого бы вы думали? От Струмса! Письмо краткое. Профессор жив и здоров и хотел бы увидеться. Пишет, что дней через пять, то есть сегодня, будет в нашем городе. Был в письме и телефон, по которому я обязательно должен позвонить. Как только приедем в город, сразу позвоню. Нам нужно обязательно встретиться с профессором. Больше надеяться не на кого.

— А что если это тоже происки темных сил? — задумчиво произнесла библиотекарша.

— Что ж, не исключен и такой поворот. Однако что нам терять? А потом вспомните молоко, — усмехнулся он. — Верное средство. Купим в магазине по бутылке, возьмем с собой на встречу. Скинет — значит, профессор колдун.

— И что тогда?

— Тогда остается серебряная пуля.

— А где ее взять?

— Перелью бабушкину ложечку.

Мотоцикл взревел и понесся по пыльной дороге.

Валентина Сергеевна, плохо спавшая ночью, дремала в коляске, несмотря на тряскую дорогу.

Внезапно мотоцикл бросило в сторону. Она в недоумении открыла глаза и увидела на дороге ребенка. Мотоцикл мчался прямо на него. Митя лихорадочно выворачивал руль. Петухова оцепенело смотрела на надвигающегося малыша. Он улыбался, но как-то криво и бессмысленно, как улыбаются идиоты.

Митя резко повернул руль, и мотоцикл с треском свалился в кювет. Последнее, что успела увидеть Петухова, — фигура странного мальчика, оторвавшаяся от земли, парила над дорогой.

Она быстро пришла в себя и попыталась встать. К удивлению, ей это удалось. Все тело болело, но особых повреждений она не получила. Поискала глазами Митю. Он лежал тут же, рядом. Голова его была в крови, рука неестественно вывернута.

— Ну вот, — сказал он, едва шевеля губами. — Все-таки они меня доконали.

Валентина Сергеевна бросилась к нему, попыталась перевязать платком. Затем выскочила на пустынную дорогу, зовя на помощь.

— Валентина Сергеевна, Валя! — услышала она слабый голос. — Идите сюда!

Петухова подчинилась.

— Возьмите письмо, оно в кармане пиджака, спрячьте и никому не показывайте. И обязательно позвоните по этому телефону.

— Нет, Митя, не надо. — Она пыталась сдерживать слезы.

— Возьмите, я вас очень прошу. — Голос его ослабел, и Митя потерял сознание.

Петухова машинально достала мятый конверт и сунула его в сумку. Потом подъехали какие-то люди, началась суета. Появились милиция, «Скорая помощь». Окончательно она пришла в себя только в приемном покое городской больницы, где ей обработали ушибы и ссадины.

Митю в бессознательном состоянии поместили в реанимацию.

Сбивчиво и невпопад отвечала она на вопросы милиции, а потом ее доставили домой.

Безучастно сидела Валентина Сергеевна на диване, уставившись в одну точку. Давным-давно стемнело, но который час, она даже не представляла. Единственное, что занимало ее, — сколько же ей осталось жить. Почему-то никак не могла точно сосчитать, сколько же дней прошло с той злосчастной ночи на кладбище.

Цифры щелкали в голове сухими костяшками счет. Кажется, она сходила с ума. Отвлек ее слабый свет в прихожей. С трудом поднявшись, библиокарша выглянула в коридор. Светилось зеркало. Мерцало изнутри слабым зеленоватым светом, напоминающая плохо освещенный аквариум. Никогда раньше подлое зеркало не светилось.

Валентина Сергеевна настолько привыкла к чудесам, что наблюдала за странным явлением безо всякого страха. Машинально отметила — зеркало не отражало предметы. Свечение постепенно нарастало, и внутри него стали различимы два силуэта, которые постепенно приближались. Валентина Сергеевна узнала в одном ту особу, которая в парке подседала к ней на скамейку и лезла со странными разговорами. Второй силуэт

принадлежал мужчине средних лет, как показалось Петуховой, в военном мундире. Лицо его было трудноразличимо.

Они остановились по ту сторону зеркала. Казалось, их окружает зеленоватый туман. Внезапно Петухова услышала голоса, глухие и монотонные. Они доносились не из зеркала, а как бы возникали посреди прихожей.

— Она нас видит? — спросил женский голос.

— И еще увидит не раз, — ответил мужской.

— Что ее ждет?

— Могила.

— Сколько ей осталось?

— Восемь дней.

— Есть ли выход?

— Выхода нет.

— Выход есть всегда! — раздался вдруг высокий детский голос. В тот же миг послышался треск и стало темно.

Валентина Сергеевна включила в прихожей свет. Зеркало покрывала густая сеть трещин. Какой ужас! Даже дома нет спасения! Она быстро оделась, накинула плащ, взяла сумочку и выбежала из квартиры.

Куда идти? Конечно же, в больницу к Мите. И она побежала по ночным улицам. Ей казалось, что ее преследуют, мерещились какие-то тени, но желание поскорее увидеть Митю, узнать, как он себя чувствует, жив ли, заставило позабыть о страхах.

Вот и больница. Она вбежала в пустынный вестибюль и рванулась в отделение реанимации.

— Куда вы? — закричала заспанная нянечка.

— Мне к Воробьеву, — умоляюще попросила Валентина Сергеевна.

— Он спит.

— А как его самочувствие?

— Неважное. Сотрясение мозга. Сломаны рука и несколько ребер, но опасности для жизни нет.

— Можно я подожду здесь до утра? — Петухова вопросительно посмотрела на нянечку.

— Дело ваше, — равнодушно отозвалась та.

— А зачем же здесь? — вдруг раздался чей-то голос.

Петухова резко обернулась.

Перед ней стоял пожилой, невысокого роста, кругленький, чрезвычайно симпатичный человек с умными веселыми глазами.

«Нет, он не из этих», — сразу же решила Валентина Сергеевна.

— Кто вы? — спросила она.

— Я Струмс, — ответил человек. — А вы, очевидно, Валентина Сергеевна Петухова?

— Да, — удивленно произнесла она. — А вы откуда знаете?

— Я тут незадолго до вашего прихода общался с Митей. Он хоть и слаб, но в сознании, рассказал мне все ваши приключения. Вкратце, конечно.

— Как он? — спросила Петухова.

— Гораздо лучше, чем я ожидал. Пойдемте, Валентина Сергеевна. Нет ничего лучше, чем прогулка с дамой августовской ночью.

И он галантно взял библиотекаршу под руку.

В небольшом номере Струмса Петухова сидела в мягком

кожаном кресле и живо описывала свои столкновения с духами. Профессор налил рюмочку коньяка, покосился на нее, кивнул на бутылку: мол, не хотите ли? Она энергично замахала головой.

— Ну, дело ваше! — Профессор медленно выпил, закусил долькой лимона. Посмотрел на библиотекаршу, как ей показались, с насмешкой и властным жестом руки остановил захватывающее повествование на полуслове.

— Довольно, голубушка, — сказал он решительно. — Рассказ ваш настолько живописен, что напоминает фильм «Багдадский вор».

Валентина Сергеевна обиделась и покраснела:

— Вы мне не верите?

— Ну отчего же, верю. Но! — Профессор поднял вверх указательный палец. — За всеми ужасающими подробностями неясно одно: почему они за вами охотятся?

— Я видела их тайную церемонию на кладбище... — запальчиво начала Петухова.

— Не специально ли для вас весь спектакль был подготовлен заранее и срежиссирован талантливым режиссером?

— Вы считаете, что все эти ужасы — мистификация?

— Отнюдь нет! Безусловно, налицо черная магия. Но зачем они вам демонстрируют до сих пор весь свой арсенал? Наиболее изысканные трюки. — Он засмеялся и снова наполнил рюмку. — Все эти предсказания насчет оставшихся тринадцати дней... жуткое знамение. Не проще ли затянуть вас в трясину, которых, кстати, в тех местах полным-полно, или обрушить на голову гнилое дерево. Просто и эффективно.

— А мотоцикл? — закричала библиотекарша. — Я же чуть не погибла.

— Именно «чуть». На вас же нет ни единой царапины.

— Царапины есть, — уныло произнесла Петухова и искося глянула в висевшее напротив зеркало.

— Это не считается. Возьмем последний эпизод: видения в прихожей. Ведь ясно сказали — выход есть.

— Да где же он?

— Погодите, погодите, не все сразу. Сначала разберемся, зачем вы им понадобились. — Профессор облизнул языком губы, покосился на рюмку, но пить не стал. — Эти черные маги очень стары. В прошлый раз нам, к сожалению, не пришлось с ними пообщаться лично. Надеюсь на этот раз... — Он замолчал, обдумывая. — Так вот, настоящий колдун обязан передать свои знания, свою, если хотите, силу. Кому? Естественно, не первому встречному.

— Вы хотите сказать... — подалась вперед Петухова.

— Иначе говоря, — не обращая на нее внимания, продолжал Струмс, — ему нужны ученики. Мне кажется, такая роль отведена вам.

Петухова в изумлении уставилась на профессора.

— Да! Именно вам, так, во всяком случае, мне кажется. Видите ли, они долго присматривались, но репутация у вас вполне подходящая.

Валентина Сергеевна перевела дух и неуверенно спросила:

— Если следовать вашей логике, то почему бы им просто не прийти ко мне?

— Взять за руку и сказать: пойдём, любезная Валентина Петухова, мы сделаем тебя ведьмой и научим кататься на помеле? Я думаю, главная их цель — растоптать ваше «я», полностью лишить воли, заставить приползти к ним на четвереньках. А уж потом...

— То, что вы говорите, совершеннейший вздор, — всплеснула она руками.

— А по-моему, единственно верное объяснение.

— И что же мне делать?

— Да ничего, события сами находят вас.

— Однако, нечего сказать, утешили.

— Ну, а что вы хотели? Чтобы я приставил к вам телохранителей или прочитал заклинания? Это в моих силах, но вряд ли будет толк. На вашем месте я бы сам предпринял контрдействия. Поехал в Лиходеевку и с помощью той старушки постарался вступить с ними в контакт.

Валентина Сергеевна встала и взволнованно заходила по комнате. Машинально взяла рюмку с коньяком, так же машинально выпила. Струмс посмотрел на нее с одобрением:

— Итак — в бой! А тылы я обеспечу.

Петухова задумалась, как бы прикидывая и взвешивая свои возможности. Наконец спросила:

— Ну, а что это даст?

Струмс встрепенулся:

— Помилуйте, голубушка, неужели вам самой неинтересно? Разве представится возможность пережить еще раз такое захватывающее приключение?

Петухова засмеялась. Удивительно, за несколько дней в ее мировоззрении произошли заметные сдвиги. Мир перестал состоять из черных и белых тонов, наполнился красками, засверкал, как солнце в луже после дождя.

— Согласна, — просто произнесла она.

— Итак, повторяю, — будничным тоном продолжил Струмс, — никаких активных действий не предпринимать, о каждом шаге докладывать мне лично, телефон у вас есть. Для начала сходите в архив к Забалуеву. Ничего ему не рассказывайте. Просто присмотритесь к нему повнимательнее. Какие-нибудь странности в поведении, в разговоре... фиксируйте все. Ну, а теперь — домой. Сейчас я распоряджусь, вас отвезут.

Близился вечер, когда Петухова вошла в здание архива. Без стука открыла дверь кабинета Забалуева. Старичок сидел, склонившись над бумагами. Услышав шум, он поднял голову, и лицо его расплылось в приветливой улыбке.

— Валентина Сергеевна?! Какими судьбами?! Давненько, давненько вас не было видно. С чем пожаловали?

Петухова пристально посмотрела на него, не зная, как себя вести.

«Что это? — подумала она. — Неужели он будет отрицать, что мы виделись три дня назад?»

— Петр Петрович, да ведь я была у вас в этот понедельник.

— В понедельник? Что вы, Валентина Сергеевна! В понедельник архив не работал, у нас был санитарный день.

«Ну что ж, — решила Петухова. — Не была, так не была».

— Значит, я ошиблась, может, только хотела зайти.

— А что вам понадобилось?

— Да вот интересуюсь деревенькой одной, Лиходеевка называется.

— А, знаю.— Архивариус насмешливо поглядел на нее.— Говорят, там колдуны живут, мертвецы по лесам ходят.— Глаза его так и светились злорадством.

«Конечно, это он,— убедилась библиотекарша.— Все знает, да еще и издевается, сволочь».

— Петр Петрович, давайте говорить откровенно, что вы от меня хотите, зачем травите, подсылаете нечисть?

— Товарищ Петухова, да вы здоровы ли? — Лицо архивариуса приняло озабоченное выражение.

Валентина Сергеевна вскочила и рванулась к дверям.

— А затем, милая,— вдруг раздался сзади детский голос,— что ты нужна нам.

Петухова стремительно обернулась и увидела, что на стуле, где только что сидел Забалуев, теперь сидит давешний белобрысый мальчик, виденный ею последний раз на дороге. Ребенок холодно улыбался и грозил ей пальчиком.

— Поезжай, милая, снова в Лиходеевку, не пожалеешь,— писклявым голоском изрек он.

Петухова кинулась к мальчишке, и вдруг он пропал. В комнате было пусто. В растерянности стояла библиотекарша, но тут раскрылась дверь и вошел Забалуев.

— Приветствую, приветствую,— радостно закричал он,— я в хранилище бегал.

Петухова медленно опустилась на стул.

— Я была у вас в понедельник,— осторожно начала она.

— Ну да.— Забалуев внимательно поглядел на нее.— Всю ночь просидели вместе с Митей. Хотели еще ехать в деревню эту, как она там называется... Я, к сожалению, опоздал, в квартире небольшой пожар случился, проводка загорелась ни с того ни с сего. Прибежал к вам, сказали, что вы уже уехали. Ну и как съездили? Что-нибудь узнали?

Валентина Сергеевна поднялась и, не отвечая, направилась к двери. У порога она обернулась, снова ожидая увидеть вместо Забалуева ребенка. Но Петр Петрович растерянно и участливо смотрел на нее.

Вечером того же дня Петухова снова была в номере у профессора.

— Так, так, очень интересно.— Профессор потирал руки от удовольствия.— Значит, сначала был один Забалуев, а затем другой? И ребенок? Ну, а разницу, разницу-то между этими двумя вы заметили?

Валентина Сергеевна недоуменно пожала плечами.

— Ну, какие-нибудь детали? Глаза, например?

— Да я особенно не приглядывалась, правда, мне показалось, что первый Забалуев был какой-то неестественный, слишком веселый, что ли... Как-то уж очень оживленный.

Профессор задумчиво поглядывал на Петухову.

— Все-таки, мне кажется, дело тут сложнее. Я думал, архивариус тоже из их компании. Но, видимо, ошибся. Сдается мне, здесь действует направленная галлюцинация, а может, и того серьезнее, классический оборотень. И почему именно ребенок, мальчик? На кого он похож, что вообще вы обо всем этом знаете? Ведь дитя вы видите не в первый раз?

— Да,— подтвердила Петухова.— И он мне абсолютно незнаком, хотя вроде бы кого-то напоминает.

Валентина Сергеевна напрягла память, но ничего определенного вспомнить не смогла.

— Ладно,— сказал Струмс,— с этим еще разберемся. Значит, таинственный мальш посоветовал вам ехать в Лиходеевку? Вот и я вам советую, и весьма настоятельно.

— А скажите,— Валентина Сергеевна внимательно посмотрела на Струмса,— они знают, что вы в городе?

— Без сомнения, знают они, конечно, и то, что вы в данную минуту находитесь у меня. Но уверяю вас, это не имеет никакого значения.

— То есть? — не поняла Валентина Сергеевна.

— Видите ли, голубушка, они настолько уверены в своих силах, что не обращают внимания на противника, да, видимо, и противником-то меня не считают. Ну что я им... Какой-то жалкий смертный, да и не во мне дело, а в вас. И тут в ход пушены все средства.

— Страшно-то как,— содрогнулась Петухова.

— Да,— согласился профессор,— ситуация невеселая. И все же помните, что сказал малютка в зеркале: «Выход всегда есть».

Придя домой, Валентина Сергеевна всюду включила свет. Поужинала. Старое зеркало в прихожей притягивало ее к себе. А что, если потушить свет, может быть, зеркало снова засветится? Несмотря на страх, она так и сделала. В темноте долго смотрела на зеркало, но оно оставалось по-прежнему темным.

Все-таки ребенок не давал ей покоя. Почему-то казалось, что лицо его было из ее собственного детства. Может быть, какой-то дворовый мальчишка или сосед по дому? У нее мелькнула мысль полистать семейный альбом. Она достала его с этажерки и осторожно раскрыла массивную, обтянутую синим плюшем крышку. На пол упал ворох фотокарточек. Она подобрала их и стала медленно перебирать. Вот мама, отец, вот она уже взрослая, с подругами. Бабушка с дедушкой. А на этой карточке ей лет десять. Стоп! Ее лицо... оно так похоже на лицо того ребенка. Так вот откуда чувство, что она его знает. Но как это может быть?!

И тут она вспомнила и похолодела. Давным-давно, в пору ранней молодости, случился у библиотечарши бурный, но скоротечный роман с одним молодым человеком. Тот выдавал себя за летчика, но на поверку оказался бухгалтером, чем сильно снизил свою ценность в глазах Валентины Сергеевны. Она не собиралась связывать жизнь с каким-то счетоводом, да и он не горел желанием. Они мирно расстались.

Однако роман имел неприятные последствия. Как ни скрывала Валентина, как ни затягивалась в корсет, мать скоро обо всем догадалась. Выход нашли быстро. Ее отправили к дальней родственнице, жившей в Конотопе. Там она благополучно родила мальчика. Ребенка тут же отдали кормилице. Библиотечарша его почти не видела, да, откровенно говоря, и не стремилась увидеть. Кормилице регулярно высылались деньги, а та в коротких письмах сообщала, что мальчик (его назвали Павлом) жив и здоров. По правде, мысль о том, что у нее есть сын, пусть в далеком Конотопе, тяготила Валентину. Ей было не жалко

денег, посылаемых на воспитание мальчика. Ее мучил страх, что узнает муж, она к тому времени уже вышла замуж.

Так что краткое сообщение, что Павел умер от дифтерита, заставило проронить две слезинки и вздохнуть с облегчением. И вот теперь... Неужели тот ребенок — ее сын? В этом она уже не сомневалась. Вот откуда все ее муки. Молча кусала Валентина Сергеевна губы, не в силах справиться с душившими ее слезами. «Это кара, кара Божья», — явственно всплыла четкая мысль.

Валентина Сергеевна рыдала долго и безутешно. Лицо ребенка стояло перед глазами и не давало успокоиться.

Превозмогая слезы, трясущимися руками она достала из самого дальнего угла шкафа маленькую шкатулочку красного дерева. Там на самом дне, среди пожелтевших документов, старомодных украшений, лежал маленький крестик на золотой цепочке, крестик ее матери. Она достала его, повертела в руках и вдруг решительно надела на шею, зашептала слова полузабытой молитвы. Глупо, конечно. Какой-то крестик... Но отчего-то стало теплее, будто хрустнула и рассыпалась льдинка, холодной коркой лежавшая на душе. А утром произошли события, которые вытеснили тоску.

Проснувшись, Петухова отправилась в ванную. Вот уж блаженство! Горячая вода, разомлевшее тело, сладостные видения витали перед затуманенным взором.

Вода стала остывать, и она решила добавить горячей. Открыла кран. В кране забулькало, и оттуда медленно выполз огромный, вроде мыльного, пузырь, но только во много раз больше. Переливаясь всеми цветами радуги, прозрачный пузырь колыхался в воздухе над ванной.

Недоуменно смотрела Петухова на это чудо, а с пузырем между тем происходили изменения. Его внутренность наполнилась мерцающими разноцветными огоньками. Это было очень красиво, но страх понемногу начал заползать в душу, вытесняя опьянение. Огоньки начали сгущаться и образовали подобие лица. Черты его становились все отчетливее. Это было лицо какого-то глубокого старика, совершенно незнакомого Валентине Сергеевне. Старец, казалось, внимательно смотрел на библиотекаршу.

Ни жива ни мертва сидела та в ванной и с ужасом смотрела на переливающееся разноцветными огоньками лицо. Однако оно начало мутнеть, линии становились расплывчатыми и скоро сменились хаосом разноцветных искорок. Потом внутри пузыря начала складываться другая картина. Валентина Сергеевна сразу же узнала старое кладбище, нагромождение старинных надгробий. Кладбище было пустынным, только на одном памятнике сидела большая птица. Внезапно Петухова ощутила в ванной комнате поток холодного воздуха. Пузырь вытянулся, медленно подлетел к крану и с чмоканьем втянулся в него. Через мгновение из крана полилась вода. Библиотекарша все так же оцепенело оставилась на кран. Вода внезапно стала розовой, а затем начала темнеть, пока не приобрела густо-красный цвет. Валентина Сергеевна вылетела из ванной. Теперь она стояла и смотрела на необыкновенное зрелище. Было жутко, но интересно. Густая темно-красная жидкость наполняла ванную. Петухова набралась мужества и коснулась пальцем жидкости. Теплой, густой и липкой. Понюхала. Сомнений не было — кровь.

Жидкость забурлила, и из нее показалась черная костлявая рука с цепкими длинными пальцами.

Это было выше ее сил. Валентина Сергеевна стремительно выскочила из ванной комнаты, кое-как оделась и бросилась вон из квартиры. Она бежала по оживленным улицам, и прохожие с недоумением глядели на небрежно одетую женщину с мокрыми волосами и диким лицом. Но Валентина Сергеевна, ничего не замечая, мчалась к Струмсу.

«Только бы застать, только бы застать!» — одна мысль стучала в голове.

К счастью, Струмс оказался дома. Тут же находился какой-то молодой человек.

— О! — весело воскликнул профессор. — Вот и наша героиня! Да на вас лица нет! Что случилось?

Валентина Сергеевна не могла ничего ответить, только бессмысленно разевала рот.

— Коля, налей ей коньяку, — распорядился профессор, — да в стакан лей!

Стуча зубами о край стакана, библиотекарша сделала глоток и только тогда перевела дух.

Дрожа и поминутно озираясь, принялась рассказывать.

— Да, — сказал Струмс после того, как она умолкла, — повествование производит впечатление. Не правда ли, Коля? Да, кстати, познакомьтесь, это тот самый Николай Егорович Белов, о нем вы, кажется, слышали.

Петухова вяло кивнула головой.

— А не съездить ли нам на место действия? Так сказать, убедиться своими глазами. Мне лично очень хочется.

Он посмотрел на Петухову.

— Поехали, Валентина Сергеевна. С нами не пропадете.

Она молча кивнула.

Перед входом в гостиницу стояла роскошная легковая машина.

— Прошу вас. — Струмс галантно распахнул дверцу. Коля сел за руль.

Вот и ее дом. Выйдя из автомобиля, Петухова нерешительно топталась на месте. Возвращаться в квартиру не хотелось.

— Ну же, смелее. — Профессор взял ее под руку. У Коли в руках появился объемистый кожаный портфель, и они двинулись вверх по лестнице.

Войдя в квартиру, Струмс с интересом огляделся.

— О, да у вас роскошно. — Он плюхнулся на кожаный диван. — Точно такой же был у моей мамы. Чудесная вещь, нет ей сносу. — Потом вскочил, прошелся по комнате, заглянул зачем-то на кухню. — Ну что, Николай Егорович, будем начинать? — Струмс задумчиво смотрел на зеркало в прихожей. — Именно это зеркало и являло вам чудеса? — спросил он Петухову.

Тем временем Коля начертил мелом на кафельном полу ванной какую-то сложную звезду. Потом расписал ее непонятными знаками и символами. Петухова с интересом следила за его манипуляциями.

— Что он делает? — шепотом спросила она Струмса.

— Да ничего особенного. Чертит магическую пентаграмму. Духов будет вызывать.

— Вы серьезно?

— Вполне. Да вы не беспокойтесь, ничего страшного не произойдет. А если боитесь, то можете уйти куда-нибудь переночевать. Например, в мой номер. Коля отвезет.

— А можно остаться?

— Почему бы и нет, ведь вы, так сказать, главное действующее лицо. Присутствие ваше весьма желательно.— Тон его изменился, стал серьезным и сдержанным.

Между тем на улице стало совсем темно. Короткие сумерки перешли в темную августовскую ночь.

Валентина Сергеевна протянула руку к выключателю.

— Не надо! — властноскомандовал Струмс.— Сейчас мы зажжем свои осветительные приборы.

Он достал из портфеля какой-то предмет, чиркнул спичкой.

Валентина Сергеевна увидела у него в руках толстую свечу из зеленого воска. Он передал свечу Коле и достал из портфеля еще две. Зажег их и пристроил одну на краю ванной, две на туалетных полочках. Пламя свечей, колеблясь, бросало причудливые тени на стены. Валентине Сергеевне снова стало жутко. Коля стоял неподвижно и отрешенно, полностью уйдя в себя.

— Ну что, Викентий Аркадьевич, попробуем?

— Не рановато? Еще одиннадцати нет.

— Попробуем. Да и что мешает повторить?

— Ну ладно, начинай.

Коля встал лицом к звезде, начерченной на полу. Потом что-то произнес. Контуры звезды слабо засветились бледно-розовым светом. Он еще раз повторил то же слово. Свечение осталось прежним.

— Рано еще,— заключил Коля разочарованно.

— Не торопись, подожди полчаса,— ободряюще произнес профессор.— А я пока займусь зеркалом.

Он взял одну из свечей и поставил ее перед зеркалом. Язычок пламени отразился в нем, но как-то странно. Вместо одного огонька в зеркале было семь. Профессор провел рукой по фигурной деревянной раме, и зеркало заколыхалось, как будто это было не стекло, а вода. Серебристая мгла стала прозрачной, и Валентине Сергеевне показалось, что перед ней дверь в неведомый мир. Перед ней расстиралось огромное, совершенно пустое пространство. Зеркало ничего не отражало. Внезапно трепещущий огонек отделился от свечи и как бы проник внутрь зеркала.

Профессор крепко сжал руку Петуховой.

— Коля, иди сюда,— позвал он шепотом.— Смотри, прямую дорогу проложили.

Огонек между тем блуждал среди могил. Вслед за ним устремилось еще несколько огоньков, скоро их образовался целый рой.

— Кладбищенские огни — первый признак колдовства,— удовлетворенно промолвил профессор.

Валентина Сергеевна смотрела как завороженная. Будто не в собственной прихожей стояла она, а там, на кладбище. Казалось, шагни — и ты будешь среди этих могил.

А огоньки, перелетая с одного места на другое, придавали происходящему и вовсе чувство нереальности. Чем-то древним, неведомым веяло от всего этого.

— А ведь прямо из вашей квартиры можно попасть туда,— задумчиво сказал Струмс.— Шагнуть сквозь зеркало.

— Неужели? — не поверила Валентина Сергеевна.

— Абсолютно серьезно, нужно только знать условный код.
Струмс провел рукой по поверхности зеркала:

— Нет! Вы потрогайте!

Валентина Сергеевна осторожно дотронулась до стекла. Но под ее рукой было не стекло. Она почувствовала что-то чрезвычайно упругое на ощупь. Вещество было скользким и прохладным. Как будто воздух сгустился, стал твердым.

Еще несколько минут зеркало оставалось окном в неведомый мир, потом внезапно погасло. Петухова снова провела рукой по его поверхности и на этот раз ощутила обыкновенное стекло.

— Ну а теперь вернемся к нашей пентаграмме, — решительно проговорил профессор. — Время к двенадцати подходит. Можно начинать.

— Дело в том, любезная Валентина Сергеевна, если вас действительно посетили сверхъестественные силы, то должен остаться некий их отпечаток, так сказать, эманация. Хотя и на очень короткое время, но мы сможем увидеть колдуна, вернее, не его самого, а его призрак. Коля у нас специалист по вызыванию духов.

В квартире по-прежнему было темно. Зеленеет свет в ванной комнате, свечи слегка оплавилась, но продолжали гореть ровным неярким светом. Коля прошел внутрь, а профессор с библиотекаршей остались стоять на пороге.

Он вновь встал возле нарисованной на полу звезды и, что-то приговаривая, стал медленно и плавно водить над ней ладонями. Звезда слабо засветилась, потом неожиданно ярко вспыхнула. Цвет ее, еще несколько секунд назад бывший бледно-розовым, стал огненным и напоминал цвет раскаленного железа. Потом звезда оторвалась от пола и повисла над ним на расстоянии полуметра. Внутри нее вспыхнул столб ярко-голубого света.

Валентина Сергеевна невольно схватила профессора за руку.

— Не волнуйтесь, — шепотом произнес он. — Прошу вас сохранять спокойствие и молчать, что бы ни увидели.

Коля громко и раздельно произнес непонятные слова. Столб голубого света начал желтеть, затем розоветь, внутри соткалась полупрозрачная фигура. Присмотревшись повнимательней, Валентина Сергеевна различила старика, невысокого, седобородого, с хищным птичьим лицом и пронзительными глазами. Лицо старика время от времени перекашивала судорога, как будто все происходящее причиняло ему боль.

Профессор выступил вперед.

— Кто ты? — властно произнес он.

— Хозяин кладбища, — был ответ.

— Зачем ты приходил сюда?

Последовало молчание.

— Заклинаю тебя демоном демонов Астаротом, отвечай, зачем ты приходил сюда?

— За ней, — монотонно промолвил старец.

— Зачем тебе она?

— Она должна стать одной из нас. И она станет, — торжествующе заключил старик.

— Сколько вас? — продолжал допрос профессор.

— Нас легион, — последовал равнодушный ответ, но в голосе старика послышалось ехидство. — И не тебе, смертный, хоть ты и сведущ в колдовских делах, остановить нас.

Столб света из розоватого стал малиново-красным, затем фиолетовым, фигура старика потускнела и медленно исчезла. Свет погас, и только магическая звезда продолжала слабо светиться. Наконец с легким треском погасла и она.

Все безмолвствовали.

Первым нарушил молчание профессор:

— Ну, вот мы и увидели организатора всех событий. Хозяина кладбища.

— Интересный старичок, — заметил Коля.

— Ну, Валентина Сергеевна, можете включить свет.

Петухова щелкнула выключателем, но свет не зажегся.

— Что такое? — воскликнул профессор.

— Я думаю, — спокойно промолвил Коля, — сейчас начнется контратака.

— Возьмите каждый по свечке и идите в комнату, —скомандовал профессор. — Надеюсь, Валентина Сергеевна не потеряет присутствия духа.

Петухова ответила, что постарается. Она взяла в руки зажженную зеленую свечу, села на диван и спокойно стала ждать дальнейших событий.

— Что с вами? — участливо спросил Струмс, почувствовав ее настроение. — Вам страшно?

— Нет, — равнодушно ответила Петухова, — мне все равно.

— Эге, голубушка, так не пойдет, может, выпьете коньячка?

— Не стоит добро переводить, выпейте лучше сами.

— Непременно.

В темноте звякнула бутылка о край стакана, запахло коньяком.

В этот момент прихожая осветилась. Валентина Сергеевна поняла, что свет идет из проклятого зеркала.

Потом раздались чьи-то легкие шаги.

— Внимание, Коля! — прошептал профессор, бутылка так и осталась в его руке.

Петухова ждала, что же будет дальше.

Шаги приближались, и при свете свечей можно было различить маленькую фигурку, вошедшую в комнату.

— Мама, — раздался слабый детский голос.

Это было страшнее всего. Страшнее призраков, мертвецов, страшнее смерти, наконец. Ни слова не говоря, вскочила Валентина Сергеевна с дивана и бросилась навстречу детской фигурке.

— Сидите! — властно приказал профессор и крепко ухватил ее за руку.

Валентина Сергеевна попыталась вырваться. При этом ее свечка упала и погасла бы, но Коля подхватил ее на лету.

— Держите свечу, — зашипел Струмс. — Пока она у вас в руках, вас не видно и не слышно.

Петухова машинально взяла свечу.

— Это мой сын, — сказала она потерянным голосом.

— Какая глупость! — шепотом ответил профессор. — Это оборотень, перевертыш.

— Но я... — моляще произнесла библиотекарша.

— Молчите, иначе доставите нам всем большие неприятности.

— Мама, — повторил ребенок, — где же ты?

Профессор крепко сжал ее руку.

— Ты меня всегда бросаешь,— продолжал ребенок,— я так тебя ждал. Пойдем со мной, мама.

На ощупь он бродил по комнате, вытянув вперед руки и то и дело натываясь на мебель. Странно, но к дивану он ни разу не подошел.

— Нигде нет,— вдруг сказал он женским голосом.

— Ищи, дура! — ответило зеркало стариковским дискантом.

— Я не дура,— сказал ребенок обидчиво,— я столбовая дворянка.

— Дубина ты стоеросовая, а не столбовая дворянка,— сказала зеркало,— ничего нельзя поручить. Совсем мозги протухли. Ищи, тут они.

Странный диалог вывел Валентину Сергеевну из состояния, близкого к истерии.

— Мама, мама! — закричал ребенок снова детским голосом. Но на этот раз в нем чувствовалась неуверенность.

— Ладно, иди назад,— раздался голос,— скоро петухи запоют.

Тень поспешно выскочила из комнаты.

— Все равно я до вас доберусь,— раздался стариковский голос, а вслед за ним хохот. Зеркало погасло.

— На сегодня все,— заключил профессор.— Представление окончено. А что это за сын такой? — с любопытством спросил он.

— Был у меня когда-то ребенок, да умер... — неохотно ответила Петухова.

— Вон оно что,— протянул Струмс.— Так вы его лицо видели тогда на дороге? Однако эти специалисты дело знают, на чувствах играют. Ну, теперь мы хотя бы знаем, с кем имеем дело.

— Кто же такой хозяин кладбища? — поинтересовалась Петухова.

— Включите, пожалуйста, свет,— попросил Струмс.

Вспыхнуло электрическое освещение. В его свете все случившееся казалось сном, и только свечки в руках присутствующих подчеркивали, что произошедшее — реальность.

— Ну что, Валентина Сергеевна, мы вас оставляем. Днем обязательно увидимся.— Струмс вопросительно посмотрел на библиотекаршу.— Что-то вы мне не нравитесь,— констатировал профессор.— А знаете что, поезжайте-ка снова в Лиходеевку. Идите к своей бабушке и попросите свести вас с главным, с хозяином кладбища. Когда встретитесь с ним, изобразите раскаяние, дайте понять, что готовы на все. Словом, войдите к ним в доверие.

— А если не поверят? Они, судя по всему, не такие уж простаки. Да и потом, что значит — готова на все?

— Смотрите по обстоятельствам. Однако на вашем месте я бы не хорохорился.

— И это вся ваша помощь? — вскричала Петухова.— Ничего себе, хорош совет — самой прыгнуть в огонь...

— А может быть, это лучший выход,— задумчиво произнес Струмс.— Самой прыгнуть в огонь! А мы с Николаем Егоровичем будем поблизости. Да не волнуйтесь, глаз с вас не спустим.

На том и порешили.

...Старуха Агриппина Кузьминична встретила ее как старую знакомую. Ни о чем не расспрашивая, усадила пить чай. Разговор шел о самых обычных делах. Но вскоре старуха не выдержала.

— Ну, что у тебя нового? — с любопытством спросила она.

Валентина Сергеевна рассказала кое-что из происшедшего с ней.

— Не оставляют, значит, тебя в покое,— подытожила старуха.— Нужна ты им, видно, для чего-то.

— А кто они? — с замиранием сердца спросила Петухова.

— Колдуны местные,— просто ответила бабка.— А самый главный из них Асмодей Чернопятов. Он-то всем и заправляет. Хозяин кладбища еще называется.

— А вы их не боитесь?

— А чего мне бояться, я, считай, одна из них. Только я на добро повернута, а они на зло. Так всегда бывало. Есть день, есть ночь. Одно с другим не мешается.

— А нельзя ли увидеть Асмодея?

— На поклон решила пойти? Что ж. Увидеть можно, чего проще. Только не пожалеешь ли?

— Чего мне терять?

— И то правда. Завтра с утра и пойдешь.

— Я только одного не пойму,— продолжала гнуть свое Валентина Сергеевна.— Какая цель-то у колдунов?

— Цель? — переспросила бабка.— А простая: повелевать людьми. Раньше-то так и было.

— Что же они могут?

— Многое. Хворь на человека наслать, присуху на девицу или молодуху. Могут в разных зверей, птиц обращаться, мало ли что еще. Сила у них большая. Даже мертвецов оживляют, да ты ведь знаешь.

— А зачем?

— Разные причины есть. Про Кокуева-майора и Дарью Сури-ну ты уже слыхала. Сама она нечистью интересовалась, дружбой кой с кем из них водила. Да что она, почти все окрестные помещики к ним за помощью и советом обращались. Так вот, не была бы она испорчена, не стала б живым мертвецом.

— А много их? — спросила Петухова.

Старуха засмеялась:

— Погоди, сама узнаешь, ты, я смотрю, крестик надела. Это неплохо. Но когда пойдешь к Асмодею, ты крестними и спрячь куда-нибудь подальше. Увидит — беды не оберешься.

Утром старуха объяснила:

— Пойдешь по улице, через три дома увидишь покрашенный синей краской забор, там будет калитка, это и есть двор Чернопятова. Ты, главное, не бойся, смелее иди.

— А что он за человек?

— Человек! — хмыкнула бабка.— Сама увидишь. Ступай!

Тропинка вела мимо ветхих домишек. Ноги сразу же вымокли в густой росе. Вот и дом с синим забором. Валентина Сергеевна нерешительно толкнула калитку и вошла во двор. По двору ходила черная коза, но Петухова не обратила на нее внимания.

Она осторожно постучала в двери дома, потом вошла в сени.

— Проходи, проходи,— услышала она приветливый голос. Шагнула в горницу. Здесь было чисто и просторно, пол застелен половиками. На стене мирно тикали ходики. За столом сидел худощавый старик и читал газету. Он посмотрел на Петухову поверх очков, отложил газету и добродушно усмехнулся.

— Пришла, голубушка,— ласково сказал старик,— а я уж заждался.

Валентина Сергеевна во все глаза смотрела на старика. Лицо его было ей незнакомо. Однако глаза, глаза она где-то определенно видела.

— Мне бы товарища Чернопятова,— осторожно начала она.

— Товарища! — передразнил старичок. — Не товарищ я, не гражданин, не господин даже. А просто дедушка Асмодей. Поняла, милая?

Петухова кивнула головой.

— Так зачем же пожаловала?

— Я,— начала Петухова и остановилась, не зная, что сказать. Старик выжидающе молчал. — Не знаю, с чего начать.

— Да с начала, милая.

— Неделию назад я случайно забрела на старое кладбище,— запинаясь, продолжила Петухова.

— Ай-ай, что же ты по кладбищам-то бродишь?

«Да он смеется надо мной»,— закипая, подумала Петухова.

— И видела там...

— Ну-ну! — подбодрил ее старик.

— Видела какой-то необычный обряд, как будто из земли... покойник поднимался... — кое-как докончила она.

— Ой, страсти-то какие! — Старик изобразил притворный испуг.

— Потом,— медленно продолжала Петухова,— на памятнике я прочитала свою фамилию и дату: выходило, что мне оставалось жить тринадцать дней.

Старик кивнул головой.

— Потом стали случаться разные странные события, я не знала, что и подумать.

— И надумала прийти ко мне,— подытожил Чернопятов. — Или кто надоумил тебя?

— Агриппина Кузьминична подсказала,— нерешительно произнесла Петухова.

— А, эта... — Старик презрительно фыркнул. — Так что же ты от меня хочешь?

— Говорят, что вы можете снять наваждение.

Старик торжествующе засмеялся.

— Могу,— вдруг твердо и властно произнес он,— я все могу. А тебе, видать, жить сильно хочется.

Петухова потупила голову.

— Но сначала послужить ты мне должна.

— На все готова, батюшка,— вдруг завизжала Петухова и бросилась на колени перед стариком. Как это получилось у дамы, с чего вдруг бухнулась на колени перед каким-то старикашкой, она и сама не могла понять, как до конца не осознавала, что это — умышленная игра или неосознанный порыв. Скорее и то, и другое.

Старику выходка библиотекарши явно понравилась. Он расцвел в улыбку и потрепал ее по голове:

— Молодец, Валюша, люблю вот таких простых. — То, что он назвал ее по имени, несколько не удивило, а вселило некоторую уверенность: дело идет на лад.

— Ладно, вставай,— продолжал старец,— нечего на полу-то валяться.

Петухова медленно встала. Она исподтишка, но внимательно рассматривала таинственного человека. Это был худощавый,

сухой, но, видимо, очень крепкий, жилистый старик. Голова его была плешива, подбородок украшала редкая бородка, лицо походило на обтянутый кожей череп. И только глаза, по-молодому острые, блестящие, не мигая смотрели на нее.

«Старичок не так прост», — подумала Петухова. Всем своим видом выражая смирение, ждала приказаний.

— Значит, послужить мне хочешь? Ну что ж... Угодишь — не пожалеешь. Видела во дворе козу? Пойди подои ее.

— Да не умею я, батюшка. — Про себя она решила называть его именно так.

— А ты учись! — хихикнул старик.

Петухова вышла из дома, удивляясь странному началу знакомства с великим колдуном. Может, ему батрачка нужна? С высшим образованием...

Она нерешительно приблизилась к козе. С какого же бока к ней подходит? Коза немнгоуще смотрела на нее большими желтыми глазами.

— Как же тебя доить? — машинально промолвила Валентина Сергеевна.

— У-ме-е-ючи! — вдруг проблеяла коза.

— Батюшки! — Библиотекарша с испугу села на землю. Коза все так же равнодушно продолжала смотреть на нее.

— Ты что, говорить умеешь? — осторожно спросила Валентина Сергеевна.

— У-мее-ю, — раздалось в ответ.

— Кто же тебя научил?

— Он, з-мее-й, и научил. — Коза кивнула башкой на дом.

«Хозяина змеем называет...» — подумала Петухова.

— Не любишь его?

Коза промолчала.

Валентина Сергеевна с трудом верила происходящему. Пододить обычную козу еще попыталась бы. Но говорящую? Увольте!

«Интересно, — вдруг подумала она, — а каков уровень знаний у этого животного?»

— Сколько будет дважды два? — вкрадчиво спросила она.

Коза некоторое время молча смотрела на нее. Валентина Сергеевна уже решила, что не дожидется ответа.

Внезапно коза изрекла:

— Ты что, ду-ура? О смее-рти подумай!

Куда она попала! Бежать отсюда без оглядки. Но ноги сами потянули ее в дом.

— Ну что? — спросил старичок. — Подоила?

Валентина Сергеевна внезапно вспомнила сказку, где героине предлагают исполнить невыполнимые приказания, и засмеялась.

Старичок удивленно уставился на нее.

— Ты чего? — спросил он.

— Коза у вас смешная, — пояснила Петухова.

— А... — успокоился Асмодей. — Я уже подумал, ты надо мной смеешься.

— Как можно... — почтительно прошептала Петухова.

В это время в комнату вошла высокая темноволосяя женщина средних лет. Валентина Сергеевна с удивлением заметила, что глаза у женщины такие же большие, прозрачные и желтые, как у давешней козы.

— Вот пожаловала к нам гостья,— пояснил старик, кивнув на Петухову.

— Да видела уже,— равнодушно ответила женщина,— тупая какая-то... На кой черт она нам сдалась?

— Ну, ну, Глафира...— примирительно сказал старик.

Глафира пристально взглянула на Петухову.

— В ужа бы ее превратить или в крысу.

«Ой, ой,— похолодела Петухова,— такая превратит, в самое логово попала».

— Наша гостыюшка в недоумении, зачем мы ее позвали. А затем, ласточка ты наша, чтобы посвятить тебя.

Глафира фыркнула, но промолчала.

Асмодей глянул на нее исподлобья, глаза его превратились в огненные уголья.

— Ты, бабонька,— вкрадчиво сказал он,— много себе позволять стала.

Та съежилась и ласково, успокаивающе произнесла:

— Асмодейшка, не сердись на глупую бабу, все от скудости ума...

— Ладно.— Старик обратился к Петуховой: — Мы многое о тебе знаем. И очень уж ты нам понравилась. Тем более что ты одного с нами корня.

— То есть? — не поняла Петухова.

— Ну как же, ласточка, родословной своей не знаешь? Дед-то твой, Петухов Григорий Семенович, ведь он из наших.

— Не может быть! — подалась вперед Валентина Сергеевна.

— Может, может, ты уж поверь старику. Конечно, он в городе служил, чиновником, это верно. Но с нами связь не терял, наезжал, бывало, сюда, в Лиходеевку. Я тогда помоложе был, но помню его хорошо. А уж прадеды, прапрадеды твои вообще отсюда родом. Между прочим, мы с тобой дальние родственники.

Старик замолчал, внимательно посмотрел на нее.

— Деяния твои весьма нам по нраву пришлись. Кровь-то, она себя дает знать.

— Вы на что намекаете? — спросила Петухова.

— Как на что? А с религией как ловко ты борешься? Не без твоего участия все городские церкви закрыли.

— Я не закрывала, власть закрывала!

— Правильно, власть, но с твоей, милая, помощью. Так что спасибо! — Старик встал и поклонился ей.— Приходится, конечно, тебя поправлять, подталкивать на истинную дорожку. На кладбище ты видела, на что мы способны, да и потом, я думаю, убедилась. К архивной крысе этой — Забалуеву — прибежала, а я тут как тут.

Валентина Сергеевна вдруг с ужасом заметила, как лицо старика начало меняться — словно по воде пошла мелкая рябь. Через несколько секунд перед ней сидел Забалуев.

— Ну как, похож? — спросил он.

Валентина Сергеевна готова была поклясться, что похож до мельчайшей черточки. Глаза вот только.

Лицо старика снова стало прежним.

— Да,— продолжал он,— или Митя. Давно он у нас поперек дороги стоит. Первый раз не в свое дело залез, теперь снова под ногами путается. Ну ничего, думаю, больше не помешает.

А с малюткой ловко как получилось.— Старик хихикнул от удовольствия. Внезапно на его месте оказался знакомый Валентине Сергеевне ребенок.

— Мама, мама,— жалобно захныкал он,— как я долго тебя ждал...

Валентина Сергеевна схватилась за сердце.

— Хватит! — громко крикнула она.— Перестаньте меня мучить!

— Слабовата она, Асмодей,— сказала вдруг Глафира,— жалостлива больно.

— Замолчи! — прикрикнул на нее ребенок. Он не торопился принимать прежний облик. Сидел на стуле, болтал не достающими до пола ногами и хитро смотрел на Петухову.

— Да, мамочка, а хочешь, каждую ночь являться буду?

— Ну ладно.— К старику опять вернулся прежний вид.— Ты, ласточка, не обижайся, так для дела надо: помучить тебя малость. Что мне понравилось, так то, что с ученым познакомилась. Вошла к нему в доверие. Вот это полезно.

Петухова похолодела.

— Профессор Струмс нам мешает. Человек он непростой, тоже, можно сказать, из наших. Кое-что умеет, тут спору нет. Убрать его не уберешь — не та фигура, да и себе дорожке будет, однако отвадить от наших мест надобно. Надеюсь, ты нам подмогнешь. Пора тебе вернуться к нам. Научим кое-чему, не пожалеешь. Все иметь будешь. А главное — власть. Что тебе люди! Букашки да таракашки... А мы... Вон Глафира хоть и дура, а кой-чего может, не только козой оборачиваться.

В этот момент в комнате появились два новых человека: довольно старая, безобразно толстая женщина и очень красивая молодлица с румяным лицом, льняными волосами и голубыми глазами, будто сошедшая с лубочной картинки. Они с интересом посмотрели на Петухову.

— Вот она, голубушка наша.— Старик кивнул на Петухову. Женщины молча поклонились.— Сегодня будем ее посвящать. Натопите баньку, приготовьте все что нужно. А ты, ласточка, передохни покудова.

— В кого же вы меня посвящать будете? — Петухова непонимающе воззрилась на Асмодея.

— Аль не поняла? Ведьмой, милая, мы тебя сделаем.

— Какая из нее ведьма? — засомневалась Глафира.— Она только мухоморы собирать умеет.

— Мухоморы тоже пригодятся,— наставительно изрек старик.— А выпей-ка пока вот этого.— Он протянул Петуховой глиняную кружечку с каким-то напитком.— И иди отдыхай.

Валентина Сергеевна молча взяла кружку и отпила глоток. Это был настой каких-то трав, горький, но приятный. Она почувствовала, как по телу разливается горячая волна, голова слегка закружилась, но стало легко и весело.

— Отведи ее, Верка,— сказал старик. Молодлица молча взяла Валентину Сергеевну за руку. Ее повели по каким-то коридорам, затем вывели на улицу к низенькому сараю.

«Баня»,— поняла Петухова.

— Раздевайся, заходи в баню и жди,— сказала Верка и вышла.

Петухова медленно разделась.

Баня оказалась сильно натопленной. Воздух был сухой и раскаленный, и библиотекариша почувствовала, как капли пота заструились по лицу и телу. В нерешительности она присела на скамью и стала ждать.

Послышались чьи-то шаги, приглушенные голоса. Вошли трое. Глафира, толстая старуха и Верка. В руках у них горели свечи. Стало светлее. Свечи были толстые, из зеленого воска, наподобие тех, которые были у Струмса.

— В пионеры будем принимать! — хохотнула Глафира.

— Цыц! — зашипела толстуха. — Шуточки все шутишь.

— А что, нельзя?

Та ничего не ответила, подошла к Петуховой и неожиданно ласково попросила:

— Ложись, милая.

Она указала на широкую скамью, стоявшую посреди бани.

Валентина Сергеевна беспрекословно подчинилась.

Между тем баня наполнилась странными запахами. Петуховой почудился аромат полыни, корицы, сюда же примешивался слабый, но тошнотворный запах паленой кости или шерсти. Валентине Сергеевне показалось, что воздух внутри бани принял молочный цвет и вроде бы слегка засветился. Женщины молча сновали вокруг, что-то готовили. Она ждала, закрыв глаза.

К ней прикоснулись осторожные руки. Петухова открыла глаза и различила молодую Верку. Та стала натирать ее тело мазью. Делала все ловко и очень осторожно.

Внезапно Валентина Сергеевна почувствовала необыкновенную легкость. Тело стало невесомым, казалось, она сейчас оторвется от скользкой лавки и поднимется в воздух. Голова наполнилась легким, нежным звоном. Она попыталась приподняться.

— Лежи, лежи, — услышала повелительный голос.

Женщины стояли рядом. Их потные тела поблескивали в свете свечей, распущенные волосы струились по плечам, лица казались черными масками.

Внезапно они тихо запели. Песня показалась Петуховой знакомой. Нечто подобное она слышала на кладбище.

Внезапно дверь распахнулась, и вошел старик, одетый в черную и длинную хламиду, встал по другую сторону скамьи.

Пение усилилось. Женщины упали на колени и начали испуганно раскачиваться, голоса их стали совсем дикими.

Старик что-то крикнул. Песня оборвалась. Стояла тишина. Только где-то в банной духоте скрипел сверчок. От его мелодичного скрипа на душе Петуховой полегчало. Наконец старик заговорил. Петухова доняла: он произносит какое-то заклинание.

Полупонятные слова, как гвозди, впивались в сознание. Загустевший воздух кружил голову, перед глазами плясали огненные точки.

В руках у старика что-то трепыхалось. Раздался неприятный, скрежещущий звук, и на Валентину Сергеевну хлынула струя горячей жидкости. Она попыталась вскочить, но женщины крепко прижали ее к скамье. Старик бросил ей на грудь что-то мягкое и теплое. Как поняла Валентина Сергеевна, это была только что зарезанная курица, ее тушка продолжала биться, вызывая невыразимое отвращение. Теплая струя, хлынувшая на нее, была,

конечно, куриной кровью. Женщины стали размазывать ее по телу Валентины Сергеевны, мазать себе лица и руки. Петухова вскочила со скамьи. Почувствовала себя совершенно другой. Тело переполняла жизнь, как будто ей снова было восемнадцать.

Ей сунули в руки ковш. Она отхлебнула, почувствовала знакомый вкус и сделала еще большой глоток. Что-то случилось со зрением. Прекрасно все видела, как будто на дворе была не ночь, а день. Перед ней кружились нагие тела, и она сама кружилась вместе с ними. Все выскочили на улицу.

Огромная желтая луна висела прямо над ними. Петухова подпрыгнула от восторга и почувствовала, как повисла в воздухе.

— А что, девки, не слетать ли нам на кладбище? — предложил старик. С визгом и хохотом взмыли они в воздух и понеслись над темным лесом. Впрочем, для Петуховой лес не был темным, она видела каждую травинку, каждый гриб, более того, видела и что находится под землей. Вон крот мирно спит в своей норе, а вон под вывороченным пнем свернулась гадюка. В одном месте ей почудилось красное свечение, приглядевшись, она увидела котел.

— Что это? — спросила она у летевшего рядом старика и указала на непонятное.

— Клад, наверное, — равнодушно ответил он. — Тут по лесам их много закопано. Леса старинные, разбойничьи.

Подлетели к старому кладбищу и медленно опустились на землю у какой-то могилы.

Тут повторилась церемония, свидетелем которой Валентина Сергеевна оказалась в свое первое посещение кладбища.

Женщины встали в ряд и затянули какую-то унылую мелодию. Неожиданно для себя Петухова тоже присоединилась к ним и стала неуверенно подпевать. Старик между тем зажег костер и бросил туда горсть какого-то порошка. Зеленый столб света взметнулся над кладбищем.

Валентина Сергеевна увидела, что мертвый в гробу зашевелился и стал выбираться из гроба.

Наконец над могильным холмиком показались сначала руки, а затем голова. И скоро человек уже стоял у собственного памятника.

— Здорово, майор! — грубовато приветствовал его старик.

Тот попытался встать по стойке «смирно», но у него ничего не получилось. Он напоминал марионетку, которую дергают за ниточки.

— Ты мне нужен, — продолжал старик. — Ступай в деревню, чтобы до рассвета был у меня.

Труп покорно заковылял, не разбирая дороги, натываясь на ограды и памятники.

— Координация движений нарушена, — задумчиво сказал старик, — давно не вставал. Но к утру доковыляет.

Выражение «координация движений нарушена» потрясло Петухову больше всего виденного. На этом экскурсия была закончена. Нечистая сила, свистя и гикая, полетела обратно.

Когда они вернулись во двор и зашли в ту же баню, Валентине Сергеевне молча сунули в руки ковш с давешним напитком.

Ковш пошел по кругу, и скоро все повеселели.

— Теперь и помыться не мешает, — весело сказал старик. — Поддай-ка пару, Глафира.

И снова наступило утро. Проснулась Петухова на кушеточке, куда положила ее заботливая молодница. Проснулась и сразу вспомнила ночные приключения. Да было ли это? Она потянулась, огляделась. Сквозь окно, закрытое ставнями, пробивались лучи света. В полумраке различила на диванчике аккуратно сложенную одежду. Вскочила, стала торопливо одеваться. Когда надевала юбку, нащупала в поясе, в потайном кармане, что-то твердое.

«Крестик!» — вспомнила она. Осторожно вытянула цепочку, взяла крестик в руки и вдруг вскрикнула от боли. Крестик обжег руку, будто раскаленный. Она засунула его снова в карманчик и вышла из комнаты.

Это был странный дом. Снаружи совсем небольшой, внутри же полон каких-то закоулков, коридоров, комнатушек.

Валентина Сергеевна некоторое время плутала по лабиринту, наконец вошла в знакомую комнату. Старик Асмодей был один, играл сам с собой в шахматы. Увидев Петухову, радостно заулыбался.

— Ну как спала? После кувырканий, надо думать, сладко. И то хорошо. Ну как тебе ведьмой? Тем более в наше сверхрациональное время.

Валентина Сергеевна в какой уж раз обратила внимание на речь старика: то он выражался по-простонародному, то говорил нарочито книжным языком. Нет, не прост старичок, не прост!

— Ой, касаточка моя, а что это у тебя юбка дымится?

Валентина Сергеевна схватилась за потайной карман.

— Что там у тебя? Ну-ка, дай посмотреть. — Он вскочил, одной рукой, как клещами, больно сжал плечо Петуховой, другой ловко залез в карманчик и вынул крестик.

— Батюшки! — воскликнул он. — Знак Божий — и где, в моем доме? Откуда он у тебя?

— Бабушкин, — чуть слышно отозвалась Петухова.

— Это Аглаи Дормидонтовны, что ли?

Петухова молча кивнула головой.

— Кто же тебя надоумил взять его с собой? Отвечай!

Петухова молчала.

— Понимаю, — задумчиво сказал старик. — На всякий случай, мало ли что. Уберечься хотела. Но теперь он тебе ни к чему. Ведьме крест хуже соли. — Он зажал крест между пальцами и дунул на него. На стол упала одна капля, затем другая, через минуту крест превратился в лужицу металла, поблескивающую на столе. По форме она напоминала звезду.

— Так-то лучше будет, — сказал старик, — я на тебя не сержусь, понимаю, по глупости это, по недомыслию. А может, профессор тебя научил? Кстати, где он?

— Не знаю...

— Не знаешь? Знаешь, конечно. Где-то рядом он тут, чую его. Ведь это он тебя сюда прислал, не так ли? Пообщаться со мной хочет. Что ж, можно. Пойди погуляй, поищи его. Встретишь — скажи, что Асмодей Чернопятов готов его выслушать.

Валентина Сергеевна покорно поднялась.

— И помни, ласточка, теперь ты наша. — Старик засмеялся. — Возьми корзину, грибов собирай — очень люблю грибочки жареные.

Она бродила по лесу, равнодушно поглядывая на россыпи грибов, и напряженно думала. Кто же она: ведьма, агент Струмса, выполняющая какое-то загадочное, неведомое ей самой задание, или просто глупая, обманутая баба? «Скорей всего третье», — решила она.

«Да и кто такой Струмс? Работник какого-то загадочного института... А может быть, он один из них? Асмодей Чернопатов — тот хоть понятен... Понятен ли? — вдруг усомнилась она. — Старичок еще тот. Ну а она сама? Все эти ночные чудеса...» Сейчас она не чувствовала в себе никаких сверхъестественных сил. Было ли все это, или просто ее чем-то опоили, довели до галлюцинаций? Она вышла на поляну и тут увидела впереди две фигуры. Присмотревшись, узнала Струмса и его ассистента.

«Легки на помине», — тоскливо подумала она.

— А вот и наша героиня! — весело закричал профессор, протягивая ей руку. — Здравствуйте, уважаемая ведьма. Неплохо у вас получается. Видели, видели ваши похождения на кладбище.

«Значит, это был не сон», — подумала Петухова.

— А вы все время были рядом? — осторожно спросила она.

— Не рядом, а, скажем так, поблизости. Рассказывайте.

Он внимательно слушал Петухову.

— Значит, встретиться со мной хочет этот Асмодей? Что ж, встретиться можно. А, Коля?

Коля молча кивнул.

— Скажите честно, Викентий Аркадьевич, какова моя роль? Вроде подсадной утки?

— Ну, вы скажете! Главное действующее лицо. Из-за вас-то весь сыр-бор и разгорелся.

Петухова с сомнением посмотрела на профессора. Шутит он или говорит серьезно?

— Пребывание в качестве ведьмы пошло вам на пользу, — продолжал Струмс. — Вы заметно помолодели. Совсем другая женщина. Появилась какая-то чертовщинка, что ли. Так как же мне встретиться с вашим предводителем? Куда идти?

— Далеко ходить не надо, — раздался сзади знакомый голос.

Валентина Сергеевна стремительно обернулась и увидела старика. Видимо, он появился только что. Даже невозмутимое лицо Струмса выглядело растерянным.

Они молча разглядывали друг друга. Первым нарушил молчание Асмодей.

— Помню вас, — начал он довольно дружелюбно, — возле костров с бутылкой бегали. Не к лицу ученому человеку так суетиться.

— Да уж, — в тон ему поддакнул Струмс, — напугали вы нас тогда. Это вы умеете. Но, мне кажется, дальше детских страхов вы не идете.

— Ой ли! — воскликнул колдун.

— Я только говорю то, что видел. С нами в прошлый раз справиться вы не сумели.

Старик усмехнулся.

— Что ж, ваша правда. Ну а теперь зачем приплыли?

— За тем же, что и в первый раз.

— А именно?

— Нам нужен один из ваших живых мертвецов.

— Для науки, конечно, ничего не жалко, однако что я получу взамен?

— Взамен, мон шер, вы получите отпущение грехов.

— Приятно встретить в нашей глуши столь образованного человека, — весело промолвил старик. — Извольте объясниться по-французски?

И он перешел на французский язык. Профессор ответил. Разговор оживился, Валентина Сергеевна нахмурилась.

«За дуру держат», — подумала она и отошла в сторону.

— Простите, — подскочил к ней Струмс, — конечно, бестактно, но давно не упражнялся в галльском наречии. Уважаемый мэтр Асмодей, мы невольно обидели даму.

— Ничего, переживет, — грубо откликнулся старик.

— Итак, — сказал профессор по-русски, — вы мне уступаете одного из ваших биороботов, а также демонстрируете великое воскрешение, а взамен я оставляю вас в покое. Иначе мы разворошим все ваше осиное гнездо, а кладбище перекопаем и зальем бетоном.

— Хорошо, — кротко сказал старик, — я согласен на ваши требования. Сегодня же устроим великое воскрешение, а завтра получите кадавра, или, как вы выражаетесь, биоробота. Против власти не попрешь... — грустно добавил он.

— Плюс к этому вы снимаете заклятие с Валентины Сергеевны, — добавил Струмс.

— С ласточки нашей? Тебе что, ведьмой быть надоело? — обратился старик к Петуховой. — Али не понравилось? Зря, любая городская мадамка позавидует. Или среди пыльных книжек сидеть лучше? Ну, как знаешь... Коли начальники указывают... — издевательски произнес он, глядя на Струмса. — Не пожалеть бы тебе, ласточка.

— Не угрожайте, мэтр! — Струмс взял Валентину Сергеевну за руку. — А вы ничего не бойтесь.

— Итак, в полночь на кладбище! — воскликнул старик и внезапно исчез.

— Ну вот, мы обо всем и договорились, — удовлетворенно сказал Струмс.

— Думаете, вам удалось его запугать? — осторожно спросил Коля.

— Вряд ли. Запугать его невозможно, но он очень осторожен. К тому же власть уважает.

— А я ему не верю. — Коля досадливо сморщился. — Обязательно какую-нибудь пакость выкинет.

— Не исключено, Коля, ты прав. Что ж, будем наготове.

Угнетенное состояние преследовало Валентину Сергеевну до самого вечера. И только с приближением ночи почувствовала она внезапный прилив сил. Как будто туман, наполнивший с болот, придал бодрости. Вскоре совсем стемнело. От нетерпения Валентина Сергеевна не находила себе места. Струмс с удивлением посмотрел на нее. Наконец стрелки часов подошли к одиннадцати. Стали собираться. Скоро вышли, светя фонариками под ноги.

Было тепло и тихо. Изредка звезда прочерчивала небосвод. Под ногами шуршала трава, пахло сеном, болотом, грибами. Изредка вскрикивал филин. Ночь казалась зримой, живой. Показалось кладбище. У старой часовни стояла группа темных фигур.

Струмс со спутниками подошел поближе. Одна из фигур выступила вперед. Петухова узнала в ней старика Асмодея. Он молча глядел на вновь прибывших, потом повернулся к своим.

— Итак, они пришли, — громко произнес колдун, — и требуют, чтобы мы показали им великое воскрешение.

— Кто они такие, чтобы требовать? — спросил глухой голос из толпы.

— У них есть право, — сказал колдун.

— Ни один из непосвященных не присутствовал на великом воскрешении.

— Это правда, — подтвердил Асмодей.

— Так почему же эти...

— Повторяю, у них есть право.

Голос умолк.

— Итак, братья и сестры, приступим.

Небо, еще несколько минут назад бывшее чистым, наглухо затянулось тучами. И хотя было полнолуние, ни один лучик лунного света не проникал на землю. Все молчали, тишина стояла полная.

И тут над головами появился синий огонек, за ним другой, третий... Разноцветные огоньки заматались над кладбищенскими руинами. Потом на земле загорелся костер, несколько других вспыхнуло поодаль.

Костры как-то очень быстро прогорели, и на их месте остались только малиновые угли. Они ярко тлели в ночи, словно чьи-то нечеловеческие глаза, и вдруг превратились в зеленые столбы света.

Вперед вышел Асмодей.

— Нужна жертва! — громко произнес он.

— Жертву! Жертву! — завизжали, захохотали, заскрежетали кругом.

Красивая нагая женщина, в которой Петухова узнала Верку, вывела за руку ребенка. Голову его покрывал черный платок так, что лица не видно.

Валентина Сергеевна рванулась к ребенку, но Струмс крепко схватил ее за руку.

— Тихе, тихе, — зашипел он.

— Но ведь они хотят его убить.

— Это всего лишь призрак, — зашептал Струмс, — успокойтесь.

— Нужен палач! — прокричал Асмодей.

— Я! Я! — завизжали голоса.

Колдун медленно обходил присутствующих, вглядываясь в лицо каждого. Света на кладбище теперь было достаточно, и Петухова хорошо видела рожи этой странной компании.

Среди них она узнала Глафиру и старуху. Старик между тем приближался к Валентине Сергеевне. Она похолодела.

— Ты! — ткнул в нее пальцем, в другой руке у него была обнаженная сабля. Он протянул ее Петуховой. Та невольно отпрянула.

— Я сказал — ты!

— Нет! Нет! — Валентина Сергеевна дрожала как осиновый лист.

— Позвольте это сделать мне, — выступил вперед Струмс, и Валентина Сергеевна впервые почувствовала к этому человеку неприязнь.

— Тебе нельзя! Ты не наш.

— Значит, не хочешь! — Старик насмешливо взглянул на Петухову. — Ну, тогда это сделаю я. — Он подскочил к одиноко стоявшему ребенку и одним махом отсек ему голову. Раздался взрыв дикого визга. Нечисть приветствовала своего повелителя.

Валентине Сергеевне сделалось дурно, и она зашаталась. Однако Струмс и Коля с обеих сторон поддержали ее.

Асмодей высоко поднял отрубленную голову. Лицо жертвы было искажено, кровь стекала из перерубленного горла, но Валентина Сергеевна узнала лицо. Оно не раз за последние дни являлось к ней. Дико вскрикнув, она рванулась вперед. В эту минуту раздался нечеловеческий хохот, и Петухова увидела, что вместо головы ребенка Асмодей держит в руках козлиную голову. Она перевела взгляд на обезглавленный труп, но вместо него увидела разрубленную тушу животного.

— Жертва принесена! — завопила нечисть.

На кладбище началось движение. Слышались шорох осыпающейся земли, потрескивание гнилого дерева гробов. Из могил вставали мертвецы. Как огромные черные куклы, нелепо ковыляли они среди надгробий. Лохмотья свисали с полуразложившихся тел, душный запах тления наполнил все кругом. Мертвецы приближались все ближе и ближе. Вынести этого Петухова не смогла, силы оставили ее, все поплыло перед глазами, и она потеряла сознание.

Очнулась она в незнакомой комнате. Было тихо, светло, у оконного стекла жужжала муха. Где она?

Осмотревшись, Валентина Сергеевна поняла, что находится в доме у колдуна. На этой кушетке она уже ночевала однажды. Откуда-то слышались приглушенные голоса. Она осторожно пошла на них.

В знакомой горнице за столом сидели Струмс и Асмодей. Они о чем-то беседовали.

Увидев Петухову, Струмс приветливо улыбнулся, а Асмодей радостно воскликнул:

— А, голубка наша пожаловала! Ну, как спалось? Не выдержала вчерашнего-то. Бывает... Правильно говорила Глафира — ну какая из тебя ведьма? Снимаю с тебя заклятие, да, собственно, ты сама его с себя сняла. Не стала рубить младенца...

При упоминании о вчерашнем Петухова вздрогнула.

— Теперь можешь отправляться домой, — продолжал колдун, — никто тебя больше не потревожит.

Петухова взглянула на профессора — тот утвердительно кивнул головой.

— Ну что ж, — сказал Струмс, — первую часть нашего условия вы выполнили. А что касается второй...

— Вам нужен кадавр. — Асмодей усмехнулся. — Он тут, недалеко. Если хотите, можете посмотреть. Это лучшее, что у меня есть. Не какой-нибудь завалищий... Сам майор Кокуев собственной персоной. Личность небезызвестная, сочинитель, поэт... Пойдемте.

Струмс встал.

— А ты не желаешь полюбопытствовать? — обратился Асмодей к Петуховой. Та отрицательно покачала головой — хватит с нее ужасов.

— Ну, как знаешь.

Она долго сидела в одиночестве и размышляла. Наконец послышались голоса. В комнату вошли Струмс и колдун. Судя по всему, профессор был очень доволен.

— С мертвецом в одной машине я не поеду, — твердо заявила Петухова. — Лучше пойду пешком.

Профессор замаялся:

— Действительно... Валентина Сергеевна и так перенесла достаточно. Может быть, мы сначала отвезем ее, а завтра вернемся за вашим Кокуевым?

— Как хотите, дело хозяйское...

— Скажите, — обратилась Петухова к старику, — мне было отпущено тринадцать дней, сегодня последний. Что же, завтра мне умирать?

— Ну что ты, ласточка. — Асмодей усмехнулся. — Я же сказал: заклятие снято. Живи себе на здоровье. В гости заезжай, за грибами. Ты ведь грибы любишь собирать. А кушать?

Петухова пропустила мимо ушей ехидные слова старика. Ей хотелось только одного — поскорее уехать домой.

— Ничего подобного мне видеть не приходилось. — Лицо Струмса сияло от удовольствия. — Ваш майор — уникальный экземпляр.

— Да уж, — в тон ему поддакнул Асмодей. — Лучшее отдаю, от себя отрываю. Не то, что эта рухлядь, которую вы видели ночью. А позвольте узнать, что вы с ним будете делать? Потрошить или еще чего?

— Нет. — Струмс, казалось, думал о чем-то другом. — Потрошить не будем, хотя посмотрим.

— Надеюсь, он попадет в хорошие руки? — Асмодей просительно смотрел на профессора. — Берегите его!

— Ладно, голубчик, постараемся. Так мы завтра за ним приедем.

— Ну конечно, — подтвердил Асмодей. — И наш уговор. — Он вопросительно посмотрел на профессора. — Тревожить нас больше не будете? Дадите спокойно дожить свой век?

— Мы же договорились. — Струмс недовольно глянул на старика. — Или вы мне не верите?

— Верю, батюшка, верю, — залебезил Асмодей.

На улице послышалось гудение машины.

— Это за нами, — сказал Струмс, — ну что ж, до завтра.

— До встречи, — ответил колдун. — А ты, ласточка, чего не прощаешься?

Петухова молча направилась к двери.

— Ай-ай, невежлива ты что-то стала. Зря старика обижаешь. — Он хихикнул.

Через минуту машина неслась по пыльному проселку.

— Пойдите, — попросила Петухова, — заедем к бабке Агриппине. Там мои вещи остались.

Машина остановилась возле дома старухи. Та, казалось, ждала их.

— А, Валечка! — обрадованно закричала она, едва увидев Петухову. — Ты все торопишься. Опять, значит, уезжаешь? Ну что ж, скатертью дорожка. Приезжай еще за грибами. Да, кстати. Я тут корзиночку сегодня утром собрала. Отборные, белые... Возьми, дома пожаришь. — Петухова стала было отказываться.

— Бери-бери! — Она почти насильно всунула ей в руки корзину.

Машина снова тронулась. Коля сидел за рулем. Струмс рядом с ним, на переднем сиденье.

— Ну что ж, — сказал он, обернувшись к Петуховой. — Все хорошо, что хорошо кончается. Валентина Сергеевна, я надеюсь, в порядке?

Петухова молча кивнула.

— Думаю, он сдержит свое слово, — продолжал Струмс. — Вас он больше не тронет.

— Не верю я этому колдуну, — вступил в разговор Коля.

Струмс задумчиво посмотрел на водителя.

— Но пока все идет неплохо. Конечно, от них можно ждать любой пакости. Но ведь это не в их интересах.

Валентина Сергеевна в разговор не вступала и всю дорогу молчала. У нее не вышло из головы, что срок, отмеренный ей на старом кладбище, еще не вышел, что сегодня последний из тринадцати проклятых дней...

В квартире было тихо и сумрачно. Она отдернула шторы, распахнула окна. Потоки света рванулись в комнату, и сразу стало видно, как запущена квартира, повсюду лежала пыль.

«Сейчас же берусь за уборку, — решила Петухова. — Но начну все же с зеркала». Она зашла в прихожую и долго смотрела на свое отражение в пыльном стекле. Зеркало как зеркало. «А может, оставить? Нет!» — Она решительно схватила подвернувшийся под руку молоток и запустила им в зеркало. Раздался звон бьющегося стекла.

«Ну вот, избавилась наконец-то. Теперь обзвонить всех сослуживцев, пригласить на вечеринку». Следующие полчаса она этим и занималась.

Гостей набралось человек семь — собственно, все работники ее библиотеки. Большинство были удивлены неожиданным приглашением, но не отказался никто. Напротив, они были заинтригованы: до сих пор в гости она никого не приглашала. Еще пара часов ушла на уборку и на приготовление всякой снеди: гулять так гулять. Начало назначила часов на восемь, но про себя твердо решила, что закончит сегодняшний день обязательно в окружении людей.

Она тщательно готовилась к вечеринке. Что же приготовить? Взгляд ее упал на корзину грибов, подаренную старухой.

О! Грибы!

Вечеринка удалась на славу. Никто не ожидал, что их строгий директор — такая компанейская женщина. Было уже довольно поздно, когда Валентина Сергеевна вспомнила, что в духовке у нее томятся грибы. Она вынесла блюдо, обильно политое сметаной, и стала раскладывать грибы по тарелкам.

— А себе почему не кладете? — спросили ее.

— Да я собирать люблю, а не есть.

Но все стали восхищаться мастерским приготовлением грибов, и Валентина Сергеевна решила попробовать. Зацепила на вилку гриб. Действительно вкусно.

Вдруг Петухова почувствовала, будто электрический заряд огромной мощности ударил ее. Дрожь затрясла тело. Она выпнулась дугой и рухнула на пол. И уже не слышала ни испуганных голосов гостей, ни звука подъехавшей кареты «Скорой помощи».

Врач наскоро осмотрел ее. Петухова была мертва. Пульс не прощупывался, зрачки на свет не реагировали. Неужели отравление грибами?

Доктор с сомнением посмотрел на грибы, понюхал их и успокоил собравшихся. Невероятно, чтобы смерть от отравления наступила так стремительно. Скорее всего это сердце. Однако он взял немного грибов на анализ.

Потрясенные гости медленно расходились по домам.

...Петухова очнулась. Что с ней? Где она? Валентина Сергеевна попробовала приподняться, открыть глаза, пошевелить рукой или ногой. Это ей не удалось. Что же случилось?

В то же время она слышала отдаленные голоса, глухой шум, звук льющейся воды. Внезапно громко хлопнула дверь, и в помещение, где она лежала, вошли, как Петухова поняла по голосам, двое.

— Ну, кого будем вскрывать? — спросил грубый мужской голос. — Эту, что ли, из библиотеки?

— Нет, ее не надо, — ответила женщина, — подождем главного. Давай вон того старика с раком легких.

«Что значит вскрывать? — в испуге подумала Петухова. — Где я?»

Что происходит? И почему она совершенно не владеет своим телом? Она вдруг вспомнила о вечеринке: а где же гости? Потом в памяти всплыл гриб на вилке, страшный удар...

«Эти мертвецы все же достали меня». — Ужасная мысль, которой не хотелось верить, возникла и потрясла ее сознание. Она умерла и находится в морге. Это подтверждали голоса в комнате — видимо, вскрывали труп. Следующая на очереди она. Чудовищность происходящего заставила разум отключиться в очередной раз.

Сознание вернулось к ней внезапно. Она лежала на чем-то жестком, одетая. Рядом вполголоса разговаривали. Голоса были знакомые: ее заместителя Веры Капитоновны и молоденькой библиотекарши Люси. Валентина Сергеевна сделала попытку подняться, но, увы, тщетно. Тело не повиновалось ей.

— Покойница, царство ей небесное, была крутовата, — тихо промолвила Вера Капитоновна.

— Да уж, — подтвердила Люся. — О мертвых плохо не говорят, но неприятная была женщина.

«Это я и сама знаю», — отметила Петухова и продолжала напряженно прислушиваться.

— Вообще со странностями, — продолжала Люся, — эта ее борьба с религией...

— Да, — изрекла Вера Капитоновна, — попов она не любила, пила их кровушки. Теперь-то они обрадуются.

— Может, отпеть ее нужно? — нерешительно заметила Люся.

— Господь с тобой, кто бы ее отпевать стал?

— Ну, все же...

— Однако как странно она умерла...

— А вскрытие что показало?

— Так не было же вскрытия! — почти с восторгом закричала Вера Капитоновна. — А ты что, ничего не знаешь?

— Вы о чем?

— Да об убийстве в гостинице для начальства...

Валентина Сергеевна слушала с чрезвычайным вниманием. Она почему-то сразу поняла, что речь сейчас пойдет о Струмсе.

— Так вот, — продолжала драматическим шепотом Вера Капитоновна, — убили ученого с ассистентом. Да страшно-то как! У меня зять в милиции служит, он по секрету рассказал. Искромсали их, вроде бритвой, на мелкие ремешки, головы у обоих отрезали, так их и не нашли. Весь номер кровью от пола до потолка залит.

Люся испуганно ойкнула.

— Видать, их сонных пристукнули. И самое странное, зять говорит, стены кровью исписаны какими-то непонятными знаками. Единственный знак знакомый, звезда пятиконечная, но вершиной вниз!

— Так кто же их убил? — шепотом спросила Люся.

— Предполагают шпионаж, — значительно ответила Вера Капитоновна.

Надолго воцарилось молчание. Потом Вера Капитоновна продолжала:

— Вскрывать-то ее вчера должны были, да патологоанатом чего-то замешкался. А сегодня все там, на этом убийстве, не до нее. Мне выдали тело, сказали: хороните без вскрытия, и так все ясно.

«Боже мой! — отметила про себя Валентина Сергеевна. — Прошло уже два дня!» Струмс погиб и Коля — единственная надежда, единственная спасительная ниточка порвалась...

Но ведь она жива! Да жива ли?

Она вспомнила всех этих мертвецов, или биороботов, как называл их профессор. Неужели и ей суждено стать такой же? Но почему? В чем она виновата? Какими силами втянута в непонятную игру, правила которой ей неизвестны, а цели непостижимы? Кто на самом деле этот Струмс, а Асмодей Чернопяттов просто деревенский колдун?

Валентина Сергеевна вновь прислушалась к разговору, происходившему рядом с гробом, в котором она лежала.

— Петухова-то наша номер выкинула, — недобольно шептала Вера Капитоновна, — завещание оставила: похоронить ее не на городском кладбище, а отвезти в какую-то Лиходеевку. Вроде там деды-прадеды схоронены. Смотри, какая аристократка, никогда бы не подумала.

— И мы что, все поедем туда? — тоскливо спросила Люся.

— Поезжай, если хочешь, а я не поеду. Проводим в последний путь, а там на машину и в эту чертову Лиходеевку. Все уже приготовлено, могила выкопана.

— А кто повезет-то ее?

— Да договорилась я тут с двумя пьянчужками из автобазы. А там, в Лиходеевке, их встретят, старик один, имя забыла, мудреное какое-то. Они и закопают.

— А памятник?

— Все потом. Машина сегодня в четыре у нас в библиотеке.

Валентина Сергеевна про себя горько вздохнула: даже похоронить толком не могут, все тяп-ляп. Мало она гоняла эту Веру Капитоновну, змею подколодную. Однако вдруг вспомнила: повезут-то ее в Лиходеевку. Все старик Асмодей сделал по-своему!

«Как хотел, так и сделал», — бухнул в голове мужской извительный голос, очень похожий на голос Чернопяттова.

«Что это у меня с головой стало? — с удивлением подумала Петухова. — Голоса какие-то... Эй, кто там, отзовись!» — мысленно крикнула она. Но никто не отозвался.

«С ума схожу, — спокойно заключила она, — а может, сошла давно...»

— Ну что ж, пора выносить, — услышала она повелительный голос Веры Капитоновны.

Заиграла траурная музыка. Гроб подхватили, неаккуратно вынесли во двор и погрузили на машину. Петухова слышала, как Вера Капитоновна вполголоса кому-то говорила:

— Вы уж сделайте все по-человечески, схороните, вот вам на помин души.

— Не беспокойся, хозяйка, все сделаем, как полагается, — раздался в ответ грубые голоса.

Гроб затрясло в кузове грузовика, и сознание Петуховой отключилось.

Машина вдруг встала, и Петухова пришла в себя.

— Приехали вроде, — сказал чей-то голос.

Гроб подхватили и спустили на землю.

— Место-то какое себе выбрала, — сказал тот же голос, — благодать! Старинное все. Тут и лежать веселее, не то что в городе.

— Ладно-ладно, — грубо оборвал романтического могильщика другой голос, — нечего рассусоливать, закопаем скорее, да и все.

— Тут где-то старик должен быть, который могилу выкопал. — Послышалось шуршание бумаги. — Чернопятков какой-то.

— Нету тут никакого Чернопяткова. Видать, ждать надоело, а могилка — вон она. Слушай, да тут и памятник приготовлен, хорошей какой, из черного мрамора и написано: «Петухова Валентина Сергеевна». И дата сегодняшняя, все, как полагается, оперативно работают.

— Так начальство ведь! Памятник старинный, а надпись свежая. Старик-то небось этим и промышляет, старую надпись сбил, а новую поставил.

— Ну ладно, подними крышку, — сказал романтический могильщик. — Пусть последний раз на солнышко посмотрит.

— Кончай дурака валять! — обрезал «прагматик». Но «романтик» заупрямился.

Валентина Сергеевна услышала стук поднимаемой крышки. Что-то тепло коснулось ее лица, она поняла, что это солнечный свет. Последний, должно быть, солнечный свет в ее жизни.

— А неплохая, видать, баба была, в самом соку женщина, — сказал «романтик».

— Старовата... — не согласился «прагматик».

— А по мне в самый раз, — не мог успокоиться «романтик».

— Давай-ка лучше помянем рабу божью, как ее там... Валентину.

Послышалось бульканье.

— Ну, — сказал романтический могильщик, — пусть будет тебе земля пухом, Валентина. Хорошая ты, видать по всему, женщина, но уже больше никому не понадобится. Ты смотри, — удивленно протянул он, — лежит, как живая, каждая кровинка на лице играет.

— Бывает, — заключил его напарник. — Ну, заколачивай.

Упала крышка, послышался звук забиваемых гвоздей. И тут-

то и почувствовала Петухова невыразимый ужас всего происходящего. Гроб закачался на веревке, а потом неуклюже рухнул в могилу. По крышке застучала земля.

Внезапно Петухова почувствовала в гробу какое-то движение. Что-то маленькое и теплое шевелилось в ногах, каждая новая лопата земли заставляла непонятное существо шарахаться из стороны в сторону. Потом это нечто поползло вверх по ее телу, приблизилось к лицу.

«Мышь,— поняла Петухова.— Как она сюда попала?»

Между тем стук земли прекратился. Видимо, могильщики решили помянуть ее еще раз.

Мышь залезла на лицо Валентины Сергеевны и стала его обнюхивать. Усики животного щекотали, мышь бегала по ее лицу, принюхивалась, тихонько куснула нос. Звук падающей земли возобновился. Становилось трудно дышать, чувствовалось, что могила почти засыпана. И вдруг от мышинной беготни Петухова чихнула. И внезапно почувствовала, что снова может двигать руками и ногами. Она отчаянно застучала по крышке гроба, закричала. Стояла тишина, шум падающей земли не был слышен.

«Погребена заживо. Неужели нет выхода?» — Она снова отчаянно застучала. Потом, перевернувшись, спиной попыталась открыть крышку гроба. Та вроде немного сдвинулась, но земли было столько, что ее тяжесть не пускала крышку.

А наверху между тем происходило следующее.

— Постой-ка, Вася,— сказал романтичный могильщик.— Слышишь, вроде шум какой-то из-под земли.

— Слаб ты, однако, на водочку,— сердито ответил Вася.— Мерещиться уже начало.

— Нет-нет, ты послушай!

— Не нравится мне все это,— сказал Вася.— Давай закапывай быстрее, да поедem в город.

— Ой, вроде опять,— не сдавался его напарник.

Вася сплюнул и начал работать лопатой быстрее.

— Смотри, кто-то бежит, люди какие-то.

— Какие еще люди?

К ним приближалась странная компания. Впереди, хромяя, бежал средних лет мужчина с перевязанной головой и рукой в гипсе, за ним поспевал какой-то старичок, следом степенно шел милиционер.

— Стойте! — заорал человек с перевязанной головой.— Прекратите закапывать!

— Там живой человек,— поддержал его старичок.

— Что это все значит? — сердито спросил у милиционера Вася.

— Да вот эти граждане утверждают, что в гробу живая женщина,— хмуро сказал милиционер.

— Я же говорил! — закричал «романтик». Он схватил лопату и принялся лихорадочно раскапывать могилу. Старичок вырвал у Васи лопату и стал быстро копать. Человек с перевязанной головой бежал вокруг и всем мешал.

Валентина Сергеевна снова услышала какие-то звуки. Вначале она ничего не поняла, но потом до нее дошло, что ее откапывают. Неопишуемая радость, казалось, придала ей сил. Она закричала так, как, наверно, никогда в жизни не кричала.

Наконец, лопаты стали царапать о крышку гроба, потом кто-то

спрыгнул и зацепил веревки. Гроб медленно пошел вверх. Раздался скрежет металла о дерево, и крышка отлетела в сторону. Над ней склонились лица. Валентина Сергеевна узнала Митю Воробьева и Забалуева. Митя был бледен, голова и рука перевязаны, но лицо выражало такую радость, что сердце Петуховой застучало еще быстрее. Забалуев даже прослезился, он тряс Валентину Сергеевну за руку и никак не мог прийти в себя. Два могильщика смотрели на все это, открыв рот, потом один из них, видимо, Вася, достал бутылку, налил себе стакан и залпом выпил.

— Поседела, вся насквозь поседела, — шепотом сказал другой могильщик. Валентина Сергеевна и сама чувствовала, что с ней что-то произошло. Она провела рукой по волосам и вопросительно посмотрела на Забалуева.

— Да-да, — быстро закивал головой он. Слезы с новой силой брызнули из его глаз.

«Чего же он плачет? — удивилась Петухова. — Ведь все кончилось хорошо».

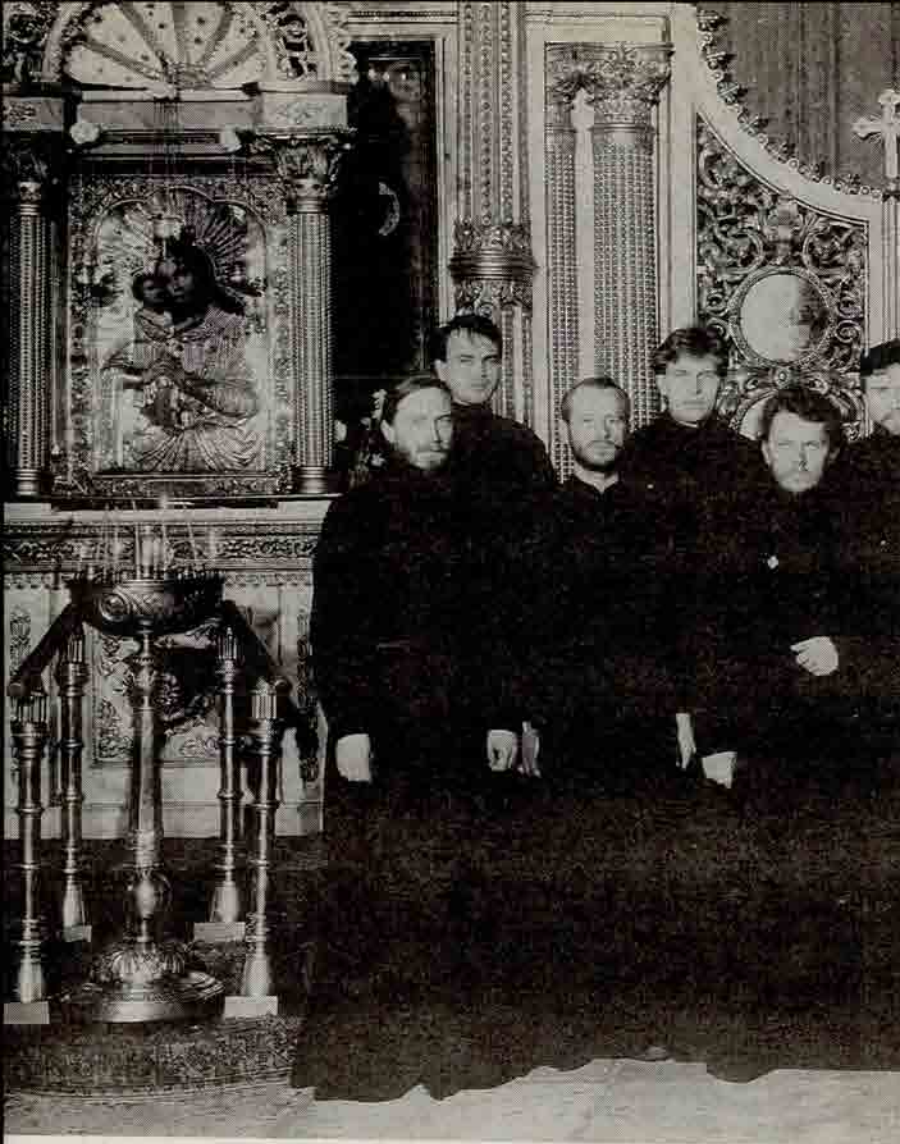
— Мчались сюда, думали, не успеем, — радостно тараторил Митя. — Все это осиное гнездо, — он махнул рукой в сторону Лиходеевки, — окружено. После Струмса остались записки, по ним и разобрались. Жалко профессора, и Колю жалко. Но ничего, все эти мерзавцы уже арестованы.

«Разве их можно арестовать?» — удивилась про себя Петухова. Вперед выступил милиционер.

— Итак, — сказал он неторопливо, — вы и есть гражданка Петухова?

Валентина Сергеевна первый раз внимательно посмотрела на милиционера. Обычный парень, каких много. Белобрысый, веснушчатый... Вот только глаза... острые, пронзительные, и в то же время глаза древнего старика. Кого-то ей они напоминали.

Над ее головой пролетела большая черная птица...

ALCETHUW

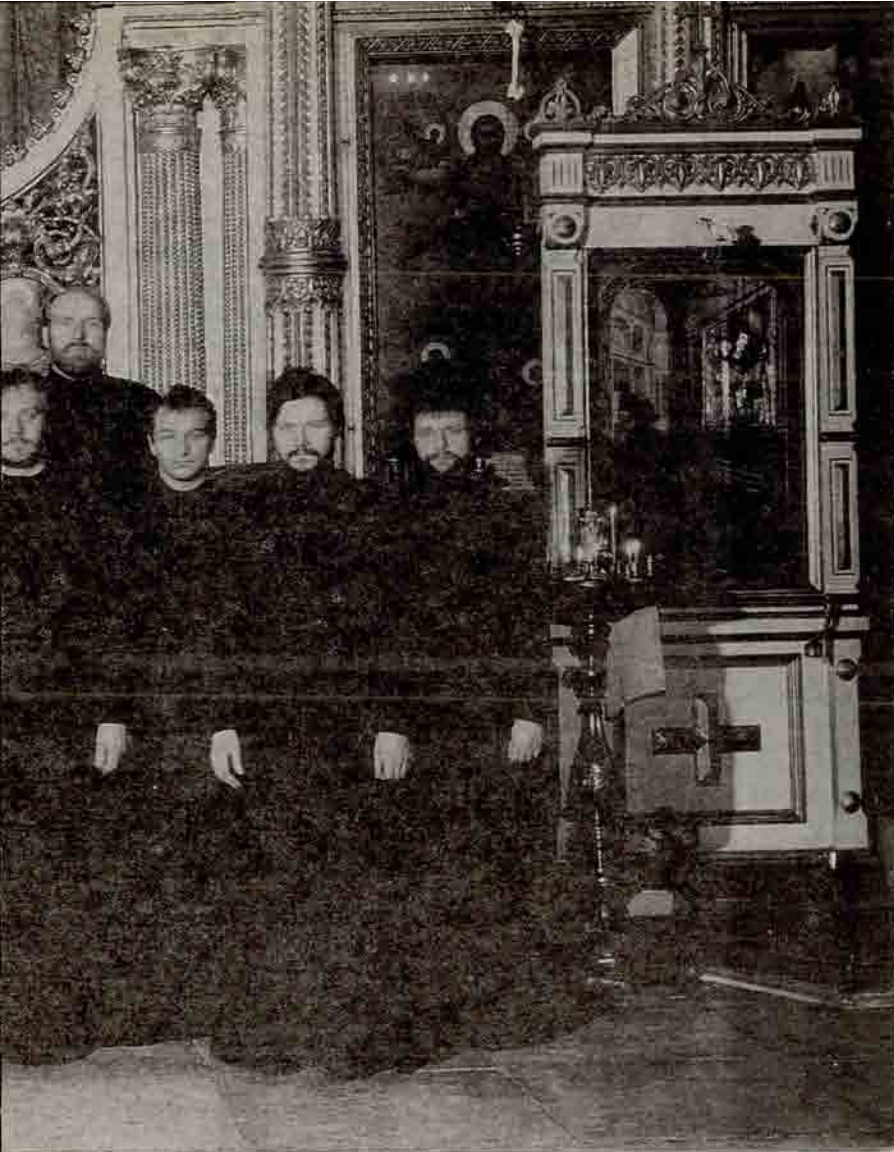

Фото ВИТАЛИЯ РУДЧЕНКО

А В НЕБО

«Древнерусский распев» — хор Издательского отдела Московской патриархии, — по-видимому, самый интересный у нас коллектив, специализирующийся на исполнении духовной музыки православия. Одна из главных причин тому — его регент Анатолий Тихонович Гринденко. То, что «излучает» этот человек, невозможно обозначить каким-то одним словом. Органичность, доброту, неустанную работу души и мысли — все это мы воспринимаем во время звучания возглавляемого им хора.

Возможно, кому-то рассуждения музыканта покажутся далекими от сегодняшнего дня. И все же «если хочешь переплыть реку, бери выше течения».

— *Когда вы впервые появляетесь на сцене, зрители удивляются, что хористов так немного. По светским меркам «Древнерусский распев» скорее вокальный ансамбль, нежели хор.*

— В русских церквях в основном пели хоры, насчитывающие не более пятнадцати человек. Только в XVIII—XIX веках с появлением соборов вроде Исаакиевского или Казанского в Петербурге они начали разрастаться.

— *Что же мешает разрастаться вам?*

— Хотя бы то, что основу нашего репертуара составляют песнопения, рожденные до XVIII века.

— *Чем вызвано такое ограничение? Ведь в последующие века для церкви написано немало музыки, в том числе самыми известными композиторами...*

— Церковные песнопения на Руси не были авторскими. Лишь

с конца XVII века их стали «сочинять». Однако даже самые гениальные из композиторов вряд ли приблизились к тому, что шлифовалось многими поколениями безвестных творцов. Кроме всего, хочешь того автор или нет, но непременно внушает нам свое понимание священного текста, тем самым невольно умаляя его, ограничивая возможности нашего собственного восприятия. Храмовое чтение поэтому и отличается от актерского бесстрастной монотонностью, что каждый слушатель волен наполнять текст своим содержанием. Так же как и песнопения, которые стремимся петь мы, исключают воздействие какого-то одного сочинителя на души множества людей. Ибо в них не амбиции или впечатления — пусть даже благодетельные — какого-то одного человека. В них своего рода символ, слепок с духовного состояния многих поколений древних подвижников. Думаю, искусство, если оно хочет быть истинно церковным, а не просто игрой воображения на религиозные сюжеты, должно быть соборным, то есть собирательным. В этом одно из условий его чистоты и святости.

— *Но за прошедшую тысячу лет изменялись даже каноны православия. Вы же, как мне кажется, отвергаете всякое движение.*

— Дело в том, что я отвергаю развитие церковного искусства. Может быть, мой аргумент покажется сомнительным, но, так же как иконы Андрея Рублева и Феофана Грека не нуждаются в совершенствовании, так и подлинная церковная музыка либо пребывает на своем высочайшем уровне, либо ее нет вовсе. Скажу больше: она даже не может деградировать.

Обратитесь к истории. Разве знаменитый распев развился в XVIII веке?.. Он был просто насильственно вытеснен насаждав-

шейся прозападной музыкальной системой. Может, для сегодняшнего слушателя он и скучен. На самом деле знаменное пение во многом статично. Зато погружает человека в такое состояние, при котором возникает совсем иное движение души. Не то, страстное, почти амурное, что зачастую сопутствует восприятию Чайковского, Рахманинова, Чеснокова, других композиторов XVIII—XX веков.

С того момента, когда Русь стала перенимать европейскую музыкальную систему, песнопений на самом деле стало куда больше. Для церкви, как мы знаем, уже писали композиторы, каждый из которых вносил в традицию распева что-то свое, присущее его индивидуальности. Духовный смысл постепенно уступил место внешней, эстетической стороне. Для большинства композиторов это вольно или невольно превратилось в нечто похожее на «Игру в бисер» Германа Гессе, где темой игры являлось православие. Поэтому результат чаще всего — пустота, медь звенящая. В лучшем случае здесь чисто эстетическое удовлетворение принимается за духовное. Хотя, в сущности, это то же самое, что каждый из нас получает при чтении художественной прозы или поэзии.

— *Вы уверены, что исполняете именно так, как пели в старину?*

— До нас дошли некоторые указания, касающиеся манеры исполнения, выделения каких-то распевов, уменьшения или увеличения звука. Немалым подспорьем становятся и различные документы, особенно с критикой церковного пения. Конечно же, всего этого недостаточно, и мы были бы самыми большими лгунами, если бы утверждали, что точно так и пели в XVII веке. Однако исполнительская подлинность для нас заключена еще и в искреннем пе-

реживании религиозного текста. Ведь слово — основа. Распев же, даже самый длинный, всего лишь его оправа, вид молитвы, своего рода способ осмысления ее. Поэтому-то столь протяженен он во многих праздничных песнопениях.

— *Кто может стать вашим хористом? Чем он должен обладать?*

— Мне легче сказать, чем он не должен обладать. Прежде всего самодовольством и душевной сытостью. Посмотрите и послушайте некоторых наших заслуженных артистов. Прежде всего слышишь, что он Заслуженный, а потом уже то, что поет.

Что же касается строго обязательных моментов, то наш хорист должен быть крещеным. (Раньше некрещеные пускались в храм лишь до определенного момента в службе.) Ему надлежит знать смысл службы, ее последовательность. И, безусловно, чтобы им не владел дух неприятия церкви. (Здесь мне повезло. Все певцы у меня верующие, хотя и с разным уровнем церковности.) Самое же главное — это я ставлю на первое место — добрые человеческие качества. «Сеется зерно душевное, восходит духовное», — сказано у апостола Павла. Когда мы наполнены духовным теплом, слушатель всегда это чувствует, даже если аудитория самая неблагодарная.

— *А случалось такое?*

— Чаще всего в глубинке, где народ в былые времена, увидев нас, порой впадал в чуть ли не параличное состояние. Причем, как правило, в преуспевающих хозяйствах. Там же, где жили небогато, люди гораздо восприимчивее к нашему пению.

— *Выходит, ваше искусство сегодня как нельзя ко двору?*

— Получается так. Впрочем, для человека духовного не опасно быть богатым, ибо ему все равно,

богат он или нет. Для бездуховно-го же богатство нередко губительно.

— Какие вы предъявляете профессиональные требования к своим певчим?

— В отличие от той музыки, которая сейчас бытует в храме, исполнение древнерусской требует иного вокального воспитания. Поэтому тем, кто окончил консерваторию, приходится забывать многое из того, чему их там обучали, а это далеко не просто.

— Музыка воспитывает?

— Безусловно. На мой взгляд, основная ее функция — воспитание души. Другое дело — сколь справляется она с этой задачей... Мы ведь всегда стремимся к тому, чтобы воспитатель наших детей стал для них примером, которому можно и должно подражать. Если же видим, что он по какой-то причине деградирует, делаем все, чтобы, скажем, перевести детей к другому педагогу.

— Надеюсь, речь не идет о серьезной музыке?

— К сожалению, именно о ней. О той, которая, как считается, призвана воспитывать. Допустим, искусство Баха или Бетховена оказывало положительное влияние на людей своего времени. Однако для того, чтобы удержать достигнутый уровень в дальнейшем, необходимы не менее гениальные величины. Любая система (художественная или государственная), по-моему, порочна, если для своего продолжения требует исключительно гениев. Сила древнерусского искусства в его соборности, а династического строя — в преемственности.

— Но все ныне существующие программы художественного воспитания как раз и стремятся наиболее полно представить именно вершинные достижения музыкального искусства.

— И при этом упускают из

виду, что воспитание — процесс скорее качественный, нежели количественный. Я не знаю, что может взрастить в человеке океан звуков, море самых разнообразных эстетических воззрений... Посудите сами, слушаем «Петю и волка» Прокофьева, потом оперные сказки Римского-Корсакова, потом Генделя, Корелли, Перселла, Монтеверди, Вивальди, тут же переходим к Баху, Моцарту, Бетховену, Шостаковичу. Если музыка — способ мышления, то человеку, чтобы освоить его, следует прежде всего научиться понимать ее язык. По-моему, всеядность — заболевание нашего времени. При том, что вся история музыкального языка, на котором говорили Бах и Моцарт, во многом история падения его уровня. Средствами «заболевшего» искусства мы уже давно не в состоянии создать условия для нравственного очищения душ. Ибо лечить и очищать может лишь такое явление, которое выше нас. Выше настолько, что порой, может быть, и недоступно нашему пониманию.

— Однажды вы сказали: классическая музыка — явление проходящее. Отслужив свою службу, она занимает место в музеях, иначе — в концертных залах. В таком случае, где та художественная система, которая на протяжении жизни одного поколения поможет удерживать общество от падения? Возможна ли сейчас стабильность в культуре?

— Меняются жизненные уклады, политические строи, но православная церковь по-прежнему жива. Ибо только на ее основе возможна реальная стабильность. Обеспечивается она, во-первых, Священным писанием, которое не «от людей» и которое так же живо, как и две тысячи лет назад. Во-вторых, Священным преданием, что наряду с предыдущим

опытом выверяет Священным писанием каждый шаг церкви. Наконец, церковь Христова не застывший бюрократический аппарат и даже не организация. Это живой организм, у которого все негодное отмирает и отпадает само. Правда, через таинство покаяния может оживать и вновь присоединяться. Льва Толстого предали анафеме лишь после того, как он сам себя отлучил от церкви, начав отрицать в Евангелии все, что не вмещалось в его гениальный, но все равно ограниченный ум.

— Следуя логике, ваше отношение к поп-музыке предугадать нетрудно. Вы полностью отменяете, в частности, рок?

— Может, я удивлю, но в свое время я чуть не стал рок-музыкантом. Даже собирался бросить классическую музыку. Дело в том, что с детства воспитанный на классике, знакомясь с историей искусств, я невольно обратил внимание на «Битлз», «Кинг Кримсон», «Пинк Флойд», «Генезис»... И, знаете, полюбил эти группы. Ведь в каждую эпоху люди жили своей музыкой. Стоит ли, думал я, реанимировать трупы прошлых цивилизаций, не лучше ли влить свои силы в живую, мускулистую энергию рока.

— Но рок-музыкантов в последнее время все чаще сравнивают с шаманами.

— Правильно. И те, и другие средствами ритма получают над человеком власть. Когда я путешествовал по Средней Азии и встречал там наркоманов, то замечал, что многие из них более всего предпочитают курить опиум под музыку из альбома «Вам бы здесь побывать» (Wish You Were Here) ансамбля «Пинк Флойд». Пластинка и впрямь замечательная и действует как заклинание.

Язычники определяли различную природу экстаза шаманов:

у них были как злые, то есть «черные», так и добрые — белые — колдуны. Впрочем, сегодняшним шаманам безразличен даже источник своего вдохновения. Назлектризованная публика «ест» все без разбора.

Вы, кстати, не задумывались, почему в современном обществе человек, широко раскрыв от ужаса глаза, с готовностью кролика идет навстречу всевозможным экстрасенсам, НЛО и прочему... Да потому, что воля его уже разрушена. Он боится, но идет, ибо хочет хоть что-то почувствовать. Даже если это «что-то» будет ад.

— И все-таки такое могучее явление, как рок, не могло родиться из ничего. По-видимому, здесь были и какие-то чисто музыкальные предпосылки.

— Если быть до конца последовательным, то, прежде чем набрасываться на рок, следовало бы подвергнуть критике европейскую классику, ибо она мать рока. В ее средневековых недрах родилась эта моторная, а выражаясь современным языком, «забойная» ритмика, как и основа гармонических созвучий. Вы не замечали, что музыка Баха в большинстве случаев абсолютно танцевальная? Не случайно она так здорово ложится на джаз и так эффектно используется всевозможными хореографическими группами.

Но для России рок — привнесенное явление. Здесь у него нет своей предыстории. Вспомните, с каким трудом, даже сегодня, наши хлопчики рожают свои роковые опусы; сколь неуклюж, в массе своей, результат, ибо все ужасно искусственно, деланно. К примеру, свобода, с которой играют и двигаются английские рок-группы, у нас зачастую превращается в развязность, распушенность. Единственное, что вполне удается, — это рок «приду-

рочный», или, как его научно определяют, психоделический. То есть тот, обращаясь к которому почти ничего не нужно менять по сравнению со своей будничной манерой поведения и пения.

— Как вы относитесь к тому, что некоторые роковые группы апеллируют к церковной тематике?

— По-моему, это безобразно.

— Но ведь их искусство говорит на своем языке. Эти ребята другого языка не знают, не знают другой культуры. Я не представляю, как иначе они могут самовыражаться.

— Наверное, чтобы выразить свое отношение, надо сначала сформировать его. А чтобы сформировать, надо многое знать. Большинство же рокеров не хотят знать ничего, кроме, как они выражаются, собственного «кайфа». Мы не воспитаны в христианском духе, но каждый молодой человек поставлен перед выбором: пойти в церковь, в кинотеатр или в кабак; покаяться в своих грехах в тишине храма или истошно вопить о коллективных грехах с эстрады. (Причем чем гнуснее высмеиваемый образ, тем, как правило, лучше он у них получается.)

— Может, они это делают с самыми добрыми намерениями?

— Доброта — нормальное свойство человека. Если человек злой, это противоестественно. Духовность же как высшая степень самосознания — во многом акт воли. Человек может ее проявить, а может и нет. Доброта включается в понятие «духовность», но как одно из свойств ее.

— А святость?

— В сегодняшнем понимании «святой» значит «безгрешный». На заре же христианства всех христиан называли святыми, ибо они были уже не от мира сего, не жили ради временных благ.

— То есть их внимание переключилось на внутренний мир...

— В том-то и дело. Они в себе начали созидать светлое будущее, идея которого была узурпирована атеистами. (Кстати, марксизм — всего лишь одна из многих разновидностей атеизма.) Светлое же будущее — это спасение. Но не на земле, а в ином существовании — в ином, преображенном мире. Если человек хочет стать христианином, он должен быть святым именно в первичном понимании этого слова. Ему надлежит преобразить ту чувственность, которая так сильно тянет к земле. (Не умертвить, но преобразить.) Ведь не случайно святая Мария Египетская, проведшая одна, без воды, сорок лет в пустыне, испытала самое сильное искушение не от возжелания яств, вина или людей противоположного пола, а именно от тоски по тем мирским песням, которые она раньше пела или слышала.

— Однако и в древности человек, приходя в монастырь, нес в себе мирские песни.

— Именно во время его молитвенных трудов они каким-то таинственным образом преображались в новое качество. Попевки уточнялись, выкристаллизовывались в те, которые составляют сейчас мелодический фонд древнерусского богослужебного пения. В результате родились знаменные мелодии, которые могут быть использованы только в своем единственном значении — это их неотъемлемое свойство. Каждая интонация или мотив распева — конкретное духовное состояние. Независимо от того, в каком интонационном окружении они возникают, исполнение их остается неизменным, по-другому их спеть невозможно.

— Как вы пришли к вере в Бога? К православию?

— С детства меня интересовало, что будет со мной, когда меня не станет. А если спрашивал: умрут ли люди — и слышал в ответ, что все умрут, это еще больше возбуждало любопытство. Мои родители — самые обычные для послевоенного времени: отец — военный, мать — врач. Всю жизнь они положили на воспитание своих детей. И каково же было их горе, когда выяснилось, что сын ходит с бабками в церковь. В сталинское время — верная тюрьма, гонения, крах карьеры.

К счастью, этого не произошло. И хотя я не сразу пришел в православие, а, как и многие, искал разрешение своих вопросов сначала в буддизме и индуизме, возврата к неверию не было. Самым сильным толчком, определившим бесповоротность дальнейшего выбора, наставившим меня на истинный путь, явилось знакомство с «Посланиями апостолов». Они следуют сразу после Евангелия, поэтому все, кто случайно обращается к Библии, чаще всего до них не доходят. А ведь слова, которыми апостолы поддерживают христиан, окруженных язычеством, необыкновенно актуальны для нашего времени.

Позднее я уехал в Архангельскую область, чтобы читать Евангелия. Очень хотелось узнать: кто я есть? Без каждодневных забот, телефонных звонков, ибо не секрет: наша активная деятельность нередко способ бегства от себя самого.

И, знаете, где-то на второй день полного уединения в лесу романтический налет исчез. Начались будни, которые неожиданно осветились радостью понимания Евангелия и особенно «Послания апостолов».

— А музыка, как вы пришли к ней?

— Окончил Московскую кон-

серваторию. Я инструменталист, впрочем, и сейчас иногда играю на виоле да гамбе — струнном инструменте. Он получил особое распространение в XVI—XVII веках. Предпочитаю аутентичный стиль: музыкальное произведение исполняется так же, как в то время, когда оно было написано. Именно старинная европейская музыка постепенно привела меня к одному из истоков нашей отечественной музыкальной культуры.

— Судя по всему, истинно церковная музыка потому и лишена каких-то более или менее запоминающихся разделов, что обращается прежде всего к духовному миру человека, его внутреннему строю. Наличие ярких, индивидуально очерченных мелодий привело бы к работе мысли, пробуждало чувственное начало, развлекало, а не воздействовало на человека в целом.

— Я уже говорил, что священный текст не нуждается в актерской подаче. Любое вмешательство, пусть даже талантливое, любое чтение навзрыд, чувственность непременно умаляют высокий, торжественный смысл Священного писания. Древнерусское искусство оперирует как бы символами духовных реальностей, растворяя которые человек должен сам, применимо к своему сердцу. Напротив, художественные тексты требуют и художественной подачи, ибо в них преобладает изображение чувств, а не их образы.

— Значит, древнерусская певческая система уже сама по себе гарантирует духовный рост. А чем она отличается от католической, западной?

— Ну, прежде всего у них другой аскетический опыт. У нас молитва безобразная. Совершая ее, человек не должен представлять себе ни Христа в виде человека,

ни Матерь Божию в виде женщины. Существует целая школа восточного аскетизма, которая связана прежде всего с «умным делом» (то есть с правильной молитвой). Оно-то — «умное дело» — и есть основа древнерусского богослужебного пения.

Европейская же школа совершенно иная. В ней превалируют изобразительность, отождествление себя с Христом и его жизнью. Отсюда явление стигматов, чувствительность, страстность. Ведь, по сути дела, И. С. Бах — один из главных разрушителей духовного пения на Западе. Его пассионы — эти величественные монументальные полотна — уже не служба, а страстные музыкальные драмы.

— Вам не нравится Бах?

— Почему же. Мне нравится его музыка, правда, теперь только в аутентичном исполнении. Совершенно неприемлемо, когда этого композитора поют и играют так же, как, скажем, Шумана или Чайковского.

— Как вы отметили, древнерусское певческое искусство было насильственно вытеснено повсеместно насаждавшейся у нас западной музыкальной системой. Но, согласитесь, что за прошедшие века она пустила здесь довольно глубокие корни. Означает ли это, что мы теперь должны их также насильственно выкорчевывать? Может, предпочтительней, исходя из реальности, терпеливо пропагандировать все истинно христианско-русское? Чем ваш хор, кстати, и занимается.

— Вы правильно заметили: «христианско-русское». Действительно, русский прежде всего христианин, а потом уже русский. Русские без Христа мгновенно деградируют и превращаются в стадо. Именно поэтому мы своими руками изуродовали храмы и землю. Любое наше национальное движе-

ние без Бога обречено на кровопролитие. Что касается того, глубоки ли в нас западные корни, об этом можно долго спорить. Одно очевидно: если мы считаем культуру XIX века частью нашей современной культуры, какое место тогда следует отводить семнадцативековой культуре православного христианства?.. Правомерно ли оставлять без внимания древнегреческую и древнеегипетскую культуры, элементы которых зримо присутствовали на Руси вплоть до XVII века?..

— Многое из того, что вы сказали, вряд ли согласуется с реальностью сегодняшнего дня. Сам факт ваших выступлений на эстраде можно истолковать как нарушение древних канонов, запрещающих исполнение церковной музыки на сцене. Оно стало практиковаться, кажется, лишь в XIX веке.

— Исполнение церковных песнопений в концерте — это вопрос благочестия, а не догмата. Цели, которые я преследую, таковы. Во-первых, сломать представление о древнерусском пении как о чем-то заунывном и грубом. (В отношении к иконописи этот стереотип разрушился после расчистки древних икон, когда из-под поздних записей и копоти хлынули потоки света.)

На Западе о русской церковной музыке судят по произведениям композиторов XVIII—XIX веков. Привлекают ее песенное начало, задушевность, и все же отношение к ней как к своего рода фольклору из страны медведей. Знакома Западу с высочайшими образцами профессиональной музыки XVI—XVII веков, о которой там не имеют никакого представления, мы, как утверждают сами слушатели, разрушаем сложившееся мнение.

С другой стороны — меркантильной, — количество песнопений

ний, их сложность требуют высокообразованных исполнителей, а им следует достойно платить. Концерты нас кормят.

В-третьих, мы нередко поем за богослужением. На такую службу, как правило, съезжаются люди с окрестных приходов. Начинается праздник для прихожан, которым нечасто доводится слышать монастырское пение.

— *И, как я понял, происходит то, к чему вы уже много лет стремились: введение древнерусских песнопений в службу?..*

— Нельзя забывать, что в древнерусском искусстве лики, позы святых, архитектура храма оживают в нас во время молитвы. Так и богослужбное пение — то, которое родилось до XVII века, — по-настоящему раскрывается только во время богослужения. Впрочем, если бы вы жили в семнадцатом веке, вне богослужения это пение никогда бы не услышали. Как невозможно, чтобы священник, сидя за обеденным столом, кадил для приятного запаха или для красоты пошел бы в театр в митре, так и древнему церковному пению было невозможно звучать вне церкви.

— *Вас не настораживает тот факт, что в последние годы у нас появилось большое количество людей, резко изменивших свое отношение к церкви?*

— В тех случаях, когда говорят, что я не пойду в церковь, так как это стало модой, мне всегда хочется ответить: мода свидетельствует о глубинных процессах, и поэтому, если мы намереваемся ее критиковать, следует прежде всего разобраться в причинах, эту моду породивших. Ведь стоять в храме, часто душном, по несколько часов не большое удовольствие для модника. Думаю, мода на религиозность в любом случае протест против материализма.

Увлечение в XVIII веке модной итальянской музыкой вскрывает духовное растление столичных жителей. За религиозными текстами песнопений скрывалась сладостная гармония, рождающая в душе сладострастные движения; нередко моторная ритмика будоражила низменные инстинкты. Я не преувеличиваю. Надо помнить, что многое в мире относительно, что музыка «Битлз» сейчас на фоне массового рока кажется наивной и целомудренной, какой в свое время совсем не казалась.

Обратите внимание, сколь конкретна и деликатна к человеку структура православного богослужения. Богослужбное пение здесь само по себе обладает изумительными лечебными свойствами. Оно не навязывает себя человеку. В нем нет того танцевального ритма, который невольно втягивает нас в свое русло. Этому пению чужды изобразительность, возможные внешние эффекты. Оно не приковывает к себе внимание подобно пению сирен. Человек сам должен совершить над собой волевое усилие, чтобы войти в эту красоту. Если позволите, я приведу высказывание святого Иоанна Златоуста: «Ныне наши дети любят сатанинские песни и пляски, подражая поварам, пекарям и танцовщикам. Псалма же ни одного никто не знает. Ныне это знание кажется неприличным, унижительным. В этом все и зло: на какой земле стоит растение, такой и приносит плод».

**Беседу вел музыковед
СТАНИСЛАВ КУДРЯВЦЕВ.**

ФИРМА
НОМИОС

ваш надежный партнер и помощник — это:

РАБОТА ЗА РУБЕЖОМ. Фирма "NOMIOS Ltd." готовит к изданию «Каталог трудовых ресурсов СНГ», который будет распространяться за рубежом путем прямой рассылки в адреса нескольких тысяч потенциальных работодателей. У вас появится шанс получить предложения непосредственно от заинтересованных инофирм, если мы опубликуем в Каталоге данные, характеризующие ваш профессиональный уровень. Наш Каталог уникален и издается в СНГ впервые.

НЕДВИЖИМОСТЬ. Фирма «Номиос» поможет гражданам и организациям выгодно продать, купить или сдать в аренду квартиру, дом (коттедж), дачу, гараж, нежилой фонд, земельный участок как в Москве, так и на всей территории СНГ. При запросе обязательно указывайте, какую операцию (купля, продажа или аренда) и с каким типом недвижимости вы хотите совершить.

ЗНАКОМСТВО. Крупнейшая в России компьютерная служба знакомства, содержащая в своем банке данных информацию о десятках тысяч абонентах всех возрастных категорий, желающих создать семью и проживающих на территории всех государств СНГ, исцелит вас от одиночества. Если вы еще не нашли надежного спутника жизни, друга, единомышленника — не падайте духом! Фирма «Номиос» сотрудничает с крупнейшими матримониальными агентствами всего мира.

ГОРОСКОПЫ. Если вы не скептик и верите в астрологию, то вы сможете узнать, как распорядятся звезды вашей судьбой и карьерой, заказав свой индивидуальный гороскоп. «Номиос» — тонкий знаток древнеиндийских секретов астрологии — осветит любой период вашей жизни.

■ **Условия обслуживания и анкеты для заполнения** высылаются бесплатно после получения пустого конверта с вашим подробным адресом. Письма с соответствующей пометкой «К», «Н», «ЗН» или «ГОР» отправляйте по адресу: 111394, Москва, в/я 27, «НОМИОС».

Посвящается
Галине Леонидовне
Брежневой.

ЮРИЙ ЧУРБАНОВ
«Расскажу
все, как было...»

Мой арест произошел 14 января 1987 года в кабинете начальника следственной части Прокуратуры Советского Союза Германа Петровича Каракозова.

Накануне, где-то с утра, Каракозов позвонил мне на квартиру и сказал, что завтра ждет к себе в 12 часов дня. Утром мы еще раз перезвонились, и, ни о чем не подозревая, я приехал в Прокуратуру. Внизу меня ждал следователь по особо важным делам Литвак. Мы поздоровались за руку, Литвак приветливо улыбнулся, он вообще производит впечатление очень обаятельного человека, и мы поднялись на второй этаж в приемную Каракозова.

Но только я переступил порог, как мне навстречу поднялись два молодых человека с хорошей полувоенной выправкой (я так и не узнал, кто они такие) и заявили: «Вы арестованы!» Тут же, в приемной, с меня сняли подтяжки, галстук, часы, из ботинок выдернули шнурки. Понятыми были две женщины, сотрудницы Прокуратуры, как я узнал потом от следователя Миртова, да и понятно, что сотрудницы, с улицы кого попало ведь не позовешь, все-таки генерал-полковника арестовывают. Хорошо, что в этот момент я был в штатском, не в военной форме, а то могли бы, пожалуй, и погоны сорвать, хотя я еще и звания в то время не был лишен, это произошло гораздо позже. Вот так, поддерживая штаны руками, я предстал перед светлые очи Германа Петровича Каракозова, начальника всех следователей СССР. В его кабинете уже находились Гдяня и Иванов, полковник юстиции Миртов, молодые люди, объявившие мне об аресте, и еще один человек, я его не знаю (но, может быть,

он из КГБ?). Особенно меня поразил Каракозов. Сейчас это был уже не тот улыбающийся Герман Петрович Каракозов, который месяца два назад первый раз попросил меня заехать к нему в служебный кабинет. За столом сидел хмурый, довольный собой человек — довольный первой победой! Каракозов сразу показал мне ордер на арест, подписанный заместителем Генерального прокурора Сорбкой, причем (надо понять состояние, в котором я находился) все это было сделано так быстро, мельком, что я даже не успел разглядеть стоявшую на нем дату. Впрочем, какая разница?..

Все-таки потом весь ход следствия покажет, что это была заранее спланированная акция, что решение арестовать меня принималось на самом «верху». Умирать буду, но на всю жизнь сохраню в памяти этот день, надвое разделивший всю мою жизнь...

...Когда мы с Галей решили пожениться, она пригласила меня на дачу к отцу. Только решение оформить наш союз законным образом было принято, конечно, не с бухты-барухты, а после долгих совместных размышлений. У меня были и просто человеческие колебания. «А по Сеньке ли шапка?» — спрашивал я себя. Все-таки такое дело, Галина Леонидовна — дочь Генерального секретаря ЦК КПСС, я войду в его семью, готов ли я к этому, как еще все получится? И вот Галя говорит, что Леонид Ильич хочет со мной встретиться и познакомиться. Конечно, состояние у меня было очень сложное: знакомство не с простым человеком, с руководителем нашей партии и государства, — оторопь, одним словом, была достаточно велика. Но раз надо знакомиться, значит, надо.

Все знают, что Леонид Ильич и Виктория Петровна, его супруга, имели квартиру на Кутузовском проспекте. Это пять или шесть комнат с обычной планировкой. Шум, гам — за окном обычная московская жизнь. Что и говорить, здесь не было необходимых условий для полноценного отдыха, поэтому свою московскую квартиру Леонид Ильич не любил и бывал здесь крайне редко, всего пять-шесть дней в году. В Подмоскowie, в Одинцовском районе, у него была государственная дача. Он жил на ней круглый год. Пройдет время, и в самом конце 70-х годов Леониду Ильичу предложат новую благоустроенную квартиру на улице Щусева. Конечно, тут было лучше, чем на Кутузовском проспекте, центр рядом, всего несколько минут езды, но то ли Леонид Ильич был однолюб, то ли еще что, — он посмотрел новую квартиру и сказал, что она для него чересчур большая. Скорее всего она просто не понравилась ему своей казенностью, что ли, я не знаю. А квартира на Кутузовском была скромнее: это обычный московский дом старой постройки, потолки что-то около трех метров, комнаты в среднем 25—30 метров: столовая, небольшая рабочий кабинет, спальня, гостиная... Обслуживающий персонал — всего три человека: повар, готовивший пищу под руководством Виктории Петровны (она всегда подсказывала, что Леонид Ильич любит больше всего и как это получше приготовить), официантка и уборщица. Охраны здесь не было, она помещалась внизу, на первом этаже. В самом подъезде, кроме семей Брежнева и Юрия Владимировича Андропова, который жил двумя этажами ниже, были квартиры министров, партийных и советских работников, причем разного ранга, — то есть это не был дом Брежнева, это был обычный дом № 26, расположенный на Кутузовском проспекте. Здесь, в этой квартире, у Леонида Ильича была хорошая библиотека, и такая же, если не больше, находилась и на его даче.

Сколько же было публикаций об этой даче Генерального секретаря! Вся беда в том, что я, например, не видел ни одной фотографии к этим публикациям. А кто-нибудь их видел? Интересно, почему бы не показать? Ведь Леонид Ильич жил не на какой-нибудь супердаче: это был обычный трехэтажный кирпичный дом с плоской крышей. Наверху располагалась спальня Леонида Ильича и Виктории Петровны, они все время предпочитали быть вместе, и когда Леонид Ильич 10 ноября 1982 года принял смерть, Виктория Петровна спала рядом; небольшой холл, где он брился (сам, но чаще приглашая парикмахера). На втором этаже две или три спальни для детей, очень маленькие, кстати говоря, — от силы 9—12 метров с совмещенным туалетом и ванной. Мы спали на обычных кроватях из дерева. Внизу жилых комнат не было, там находились столовая, рядом кухня и небольшой холл. На третьем этаже Леонид Ильич имел уютный, но совсем крошечный кабинет. Там же была библиотека. Обычно он отдыхал здесь после обеда, и никто не имел права ему мешать. Всех посетителей Леонид Ильич принимал в основном на работе. На дачу приезжали только близкие товарищи; это было довольно редко, обычно гости собирались к ужину и разъезжались, как правило, часов в десять, в половине одиннадцатого, но не позже. Леонид Ильич старался жить по строгому распорядку, мы знали этот распорядок, и его никто не нарушал. В одиннадцать он уже спал. Леонид Ильич ложился с таким расчетом, чтобы проснуться не позже девяти.

На всю дачу приходился один видеомагнитофон и один телевизор — советского производства, по-моему, «Рубин». Леонид Ильич всегда очень внимательно смотрел программу «Время», а потом уходил спать. На первом этаже был кинозал, в нем стоял бильярд, на котором Леонид Ильич почти не играл, — но это не кинотеатр, именно кинозал, где Леонид Ильич обычно смотрел документальные фильмы. Он их очень любил, особенно фильмы о природе.

В доме был бассейн, где-то метров пятнадцать в длину, а в ширину и того меньше — метров шесть. Утром Леонид Ильич под наблюдением врачей делал здесь гимнастику. Рядом с домом был запущенный теннисный корт, на нем никто не играл, и он быстро пришел в негодность, зарос травой.

Правда, весь дачный участок занимал довольно большую территорию, но не больше, чем у других членов Политбюро: после работы и в выходные дни Леонид Ильич очень любил пройтись по свежему воздуху. За пользование государственной дачей с него, так же как и со всех, высчитывали деньги, не знаю, сколько, но знаю, что за нее платили, так как Виктория Петровна, которая распределяла бюджет семьи, иногда «докладывала»: «Все в порядке, за дачу я заплатила на полгода вперед». На что Леонид Ильич посмеивался: «А как же, ведь мы здесь живем, платить-то надо». Разумеется, деньги платились и за квартиру на Кутузовском проспекте.

Вот сюда, на загородную дачу, Галина Леонидовна и пригласила меня для встречи с Леонидом Ильичом. Это был обычный день, мой отпуск шел к концу. Приехали где-то к обеду, Галя сразу познакомила меня с Викторией Петровной, и я увидел очень простую, удивительно обаятельную женщину. Сели за стол, и она как-то так повернула разговор, что моя скованность, давайте употребим это слово, быстро прошла. И если посмотреть со стороны — за столом сидели два хорошо знако-

мых человека и мирно беседовали на самые разные житейские темы. Вечером мы с Галей были в кинозале, смотрели фильм, и я даже не сразу заметил, как вошел Леонид Ильич. Только вдруг на фоне света увидел: стоит коренастый человек в серой каракулевой шапке-пирожке. Я поднялся, а он спрашивает: «Ты — Юрий?» — «Я». Тут он говорит: «А чего ты такой высокий?» Я хотел отделаться шуткой, но она у меня как-то не получилась, а он сказал: «Хорошо, я сейчас пойду разденусь, потом поужинаем и поговорим». Вот так состоялось знакомство. Потом был ужин: Леонид Ильич, Виктория Петровна и мы с Галей. Он задал вопрос: «Ваше решение серьезно?» И я, и Галя ответили: «Да, мы подумали». Леонид Ильич поинтересовался, где я работаю. А я занимал должность заместителя начальника политотдела мест заключения МВД СССР, курировал как раз те зоны, где теперь вот сам сижу. Он никак не отреагировал, видно, знал уже, кто и на какой должности. Что и говорить, пока мы не сели ужинать, я чувствовал себя очень скованно, но Леонид Ильич так легко держал себя, так уважительно относился к своему молодому собеседнику, так хорошо вспоминал о своем рабочем прошлом, сказал мне, что в органах внутренних дел надо серьезно трудиться, — что скованность незаметно прошла, и вот уже за столом сидели два человека, которым было о чем поговорить. Кстати, Леонид Ильич — человек очень неплохого юмора, интересный, живой собеседник, и когда мы расставались, я был уже совершенно раскованным и питал самые добрые чувства к родителям своей будущей жены.

Видимо, я все-таки понравился ему. И не потому что, как пишут, высокого роста (181 сантиметр), широкий в плечах, кареглазый... наверное, не только поэтому. В то время у Галины Леонидовны недостатка в женихах не было. И уровня они были повыше, чем подполковник Чурбанов. Молодой офицер, еще неизвестно, как у него сложится служебная карьера, не споткнется ли он... Но понравился.

Мы расписались в загсе Гагаринского района. Леонид Ильич категорически запретил нам обращаться во дворцы бракосочетания; он хотел, чтобы все прошло как можно скромнее. Мы специально выбрали день, когда загс был выходной, приехали, нам его открыли, мы расписались, поздравили друг друга — что и говорить, пышное получилось торжество при пустом-то зале. Свадебный ужин проходил на даче и длился часа три. Можно представить себе робость моих родителей, когда их доставили на большой правительственной машине на дачу Генерального секретаря ЦК КПСС. Из двух костюмов отец выбрал самый лучший, что-то подыскала мама, все считали, что они нарядно одеты, а мне их было до слез жалко. Конечно, они очень стеснялись, мама вдобавок ко всему еще и плохо слышит, но отец держался с достоинством, не подкачал. Гостями с моей стороны были брат, сестра, несколько товарищей по работе, Галя тоже пригласила двух-трех подруг, — в общем, очень узкий круг. Было весело и непринужденно. Леонид Ильич сам встречал гостей, выходил, здоровался. Представляю себе состояние того человека, кого он как хозяин выходил встречать, но потом выпили по рюмке, и скованность ушла. Вот не помню, были ли танцы, кажется, нет, кто-то смотрел в кинозале фильмы, кто-то просто прогуливался по территории. За столом царил приятная и добрая обстановка. Леонид Ильич сам назначил себя тамадой, очень много шутил, рассказывал какие-то веселые истории и был с гостями до конца, пока все не разъехались. Вот так мы с Галиной Леонидовной Брежневой стали мужем и женой.

Если честно, то я думаю, что Щелоков, конечно, не просил за меня Брежнева и куда меня не выдвигал. Он мог сделать меня начальником Политуправления внутренних войск или назначить на какую-нибудь другую высокую должность, но никогда не отдал бы ключи от своего кабинета. Тут, видно, была задумка Леонида Ильича. И он преследовал, конечно, вполне конкретную цель...

Через несколько дней я перебрался на Огарева, 6. Кабинет моего предшественника оказался махоньким, во всяком случае, мой кабинет в Политуправлении был куда лучше. Но ничего, для работы он вполне подходил.

Меня встретил помощник прежнего заместителя министра Александр Николаевич Тимофеев. Впоследствии оказалось, что это исключительно скромный и глубоко порядочный человек. Я сразу спросил: «Александр Николаевич, вы хотите работать со мной?» (Все-таки разница в возрасте была у нас весьма солидной.) Он ответил: «Да, я хотел бы работать, если вы не возражаете». Вот так мы и договорились. Все эти годы полковник Александр Николаевич Тимофеев был моим преданным помощником и добрым товарищем. До последнего дня мы работали вместе...

Все считали, что между Щелоковым и мной возникли нормальные деловые отношения. Когда у нас проводились заседания коллегии, служебные совещания, да и просто в общении с сотрудниками аппарата, Николай Анисимович все время подчеркивал: вот, мол, у нас есть молодой, растущий заместитель министра, у него еще все впереди и т. д. Он не уставал оказывать мне знаки служебного внимания. В то же время, уже за моей спиной, Щелоков по-прежнему решал наиболее ответственные кадровые вопросы, причем так, чтобы мне становилось неловко перед людьми. Скажем, к нему на подпись ложатся бумаги о назначении нового человека на должность, входящую в номенклатуру коллегии министерства. Все вроде бы заранее обговорено и согласовано. Вдруг, уже на самой коллегии, я узнавал, что эта должность, допустим, переиграна. Или что вместо одной кандидатуры утверждается другая, хотя предыдущий кандидат был согласован в отделе административных органов ЦК КПСС. Что ж, допустим, точки зрения министра и его заместителя расходятся. Ну и что? Всегда может быть компромиссный вариант. А так — не работает. Я имею в виду формы решения этого вопроса. Естественно, последнее слово оставалось за министром. Таких заместителей, как я, у него было до восьми человек, и хотя каждый из нас отстаивал свою точку зрения, решение было за ним.

Первым заместителем Щелокова в то время был генерал-лейтенант Виктор Семенович Папутин. Он был случайным человеком в органах внутренних дел. Долгие годы работал первым секретарем Подольского горкома КПСС (это довольно большая партийная организация), потом был вторым секретарем Московского обкома партии, являлся депутатом Верховного Совета СССР. Щелоков как-то рассказывал мне, что назначение Папутина на должность первого заместителя министра было для него полнейшей неожиданностью. И я узнал об этом назначении тоже совершенно случайно. Вместе с Леонидом Ильичом мы с Галей находились на отдыхе в Крыму, как вдруг на даче в рабочем кабинете Леонида Ильича зазвонил телефон ВЧ. Звонил Иван Васильевич Капитонов, секретарь ЦК КПСС, занимавшийся вопросами организационно-партийной и кадровой работы. Из обрывков разговора я понял, что речь идет

о каком-то новом лице. Помню, Леонид Ильич спросил: «А этот вопрос уже со всеми согласован?» Судя по всему, Капитонов ответил: «Да». «Ну что ж,— сказал Леонид Ильич,— раз согласован, то назначайте». Вот так, без Леонида Ильича, когда он находился далеко от Москвы, был назначен Папутин. Кому это оказалось выгодно, какие «пружины» сработали — я не знаю. Наверняка Щелокову сказали, что этот вопрос согласован с Леонидом Ильичом, Леониду Ильичу — что с Щелоковым; кто же на самом деле стоял за этой аппаратной «игрой», сказать не берусь. Но не Андропов. Мне это ясно. Очень скоро выяснилось, что в данном случае совершена большая кадровая ошибка, что Папутин попал в МВД буквально «как кур в ошип», и хотя были поручены ему второстепенные службы (он ведал вопросами материально-технического снабжения), работа Папутина все равно оставляла желать лучшего.

Зимой 1979 года произошли трагические события. Виктор Семенович Папутин неожиданно покончил с собой. Помню, я был дома, когда раздался звонок от дежурного по министерству, сообщившего, что Папутин застрелился у себя на квартире. Туда выехал министр, сотрудники Прокуратуры СССР, которые сразу же провели предварительное расследование. Смерть была зафиксирована в его рабочем кабинете, он почему-то находился в верхней зимней одежде, но без головного убора, пуля прошла навылет, но самое главное — Папутин был в состоянии сильного алкогольного опьянения. Думаю, что причиной этого самоубийства стали: Афганистан, его частые выпивки, прогрессирующая болезнь печени; возможно, были и какие-то житейские неудачи. Вот такая деталь: Щелоков пытался организовать некролог в «Правде», но «Правда» отказалась его печатать из-за факта самоубийства. Некролог появился в «Известиях», он был очень короткий, даже без фотографии покойного. Никто из секретарей ЦК, кроме Капитонова, его не подписал.

А вот когда скончался другой заместитель, Никитин, то некролог с портретом был помещен в «Правде», его подписали все члены Политбюро. Хотя Никитин никогда не был «первым». Похоронили Папутина на Новодевичьем кладбище, ему были отданы все воинские почести, но на митинге выступал, по-моему, только Щелоков, даже из обкома партии никто не приехал. Думаю, все «ориентировались» именно на некролог. Он был как сигнал. Те, кто хоронил Папутина, прекрасно знали, что он крепко пил, что из Афганистана его привезли в плохом состоянии, что потом он довольно долго находился в больнице с подозрением чуть ли не на болезнь Боткина, причем тогда ходили всякие разговоры, что в алкоголь ему добавляли какой-то яд или очень сильный наркотик, ибо руководство Афганистана, которое уже тогда за спиной Советского Союза все больше сближалось с американцами, не было заинтересовано в той объективной информации, за которой и приехал в Афганистан Папутин. Газеты скрыли, что это было самоубийство. Писали иначе: «Скоропостижно скончался». Естественно, встал вопрос, кто же заменит Папутина.

Был поздний вечер, но я еще находился на работе, когда вдруг раздался звонок из приемной Леонида Ильича. Меня просили приехать срочно. Ни о чем не подозревая, я уже через несколько минут входил в его приемную. Леонид Ильич принял меня сразу же. Он сидел за рабочим столом в рубашке и галстуке. Вид у него был очень усталый. Леонид Ильич поинтересовался, как идут дела, а потом вдруг спросил: «Что все-таки произошло с Папутиным?» Я рассказал, как было дело. Он

спрашивает: «Папутин сильно пил?» «Работники аппарата,— говорю,— об этом хорошо знали».— Много — мало я оценку не давал.— «Что, в Кабуле он тоже пил?» Пришлось ответить утвердительно. Тогда Леонид Ильич нажал кнопку и снял трубку телефона (у него была прямая связь с заведующим отделом административных органов ЦК КПСС Савинкиным). «Николай Иванович,— спрашивает Леонид Ильич,— от чего скончался Папутин?» Савинкин (опытнейший царедворец, хитрый и умный человек), не моргнув глазом, соврал: «Инфаркт, Леонид Ильич...» Что тут началось... Леонид Ильич выдал ему сполна. Савинкин, видно, просто испугался; кто бы ни рекомендовал Папутина в МВД, кто бы ни стоял за его спиной, но отвечал за его назначение именно он. Немного успокоившись, Леонид Ильич спрашивает: «Кого отдел адморганов рекомендует на эту должность?» Не зная, что я нахожусь в кабинете Леонида Ильича — а слышимость по прямой связи прекрасная,— Савинкин докладывает: «Мы подбираем туда одного из секретарей обкомов». Леонид Ильич улыбнулся и спрашивает: «Николай Иванович, а не много ли у вас в МВД секретарей обкомов?» Савинкин отвечает: «Леонид Ильич, вот увидите, мы подберем хорошего». «Ну-ну,— говорит Леонид Ильич,— смотрите». И вдруг задает Савинкину совершенно неожиданный вопрос: «Вот у нас есть начальник Политуправления Чурбанов, как он работает?» Савинкин отвечает: «Леонид Ильич, он уже не начальник управления, он сейчас заместитель министра по кадрам». «А, черт,— говорит Брежнев,— из головы вылетело. Ну и как он работает?» «Вы знаете, Леонид Ильич, хорошо, люди к нему идут». И вдруг Леонид Ильич говорит: «А ты знаешь, Николай Иванович, я бы не возражал, если бы отдел адморганов выступил с предложением о назначении Чурбанова первым заместителем». Судя по паузе, «повисшей» на другом конце провода, Савинкин просто опешил. А он же не знает, что я здесь, в Кремле, в кабинете Леонида Ильича. Вдруг слышу: «Леонид Ильич, он еще так молод... ему рано... еще нет навыков... опыта...» «Э,— говорит Леонид Ильич,— тебе, Николай Иванович, сколько было, когда ты пришел на работу в ЦК? Ты у нас какой год работаешь?» Савинкин назвал большую цифру. «В общем, вы посмотрите,— завершил разговор Леонид Ильич,— а я возражать не буду».

Через несколько дней Щелоков объявил мне, что я назначен первым заместителем министра внутренних дел. По манере разговора я понял, что он встретил это известие без особого восторга и энтузиазма. Кого бы Щелоков хотел видеть своим первым замом, я не знаю. Позже он как-то проговорился, что вообще не хотел иметь «первого».

Я видел, как Леонид Ильич переживает трагедию, случившуюся с Папутиным. Конечно, ему очень хотелось исправить ту ошибку, которая была допущена когда-то. Думаю, что мне он действительно верил.

Расписавшись, мы с Галиной Леонидовной около года снимали квартиру в обычном доме на Садовом кольце, недалеко от американского посольства. Хозяева, муж и жена, уехали за границу, одна комната была закрыта на замок, там находились их вещи, а в нашем распоряжении имелись: другая комната, ванная и кухня. У нас не было даже своей мебели, и мы весь год пользовались мебелью наших хозяев. А какая это была мебель? Квартирантам хорошие вещи люди не оставляют. Потом мы еще очень долго жили в моей однокомнатной холостяцкой квартире на проспекте Мира у метро «Щербаковская». Леонид Ильич не торопил-

ся. Он не был человеком опрометчивых решений. Разумеется, никакой служебной машины у меня в тот период не было. Чтобы добраться до работы, жена тоже довольно редко вызывала «семейную машину». Единственное, когда заказывали продукты, тогда машина приезжала. Никаких машин в качестве свадебного подарка мы с Галей от Леонида Ильича не получали. У Галины, до замужества, кстати говоря, жившей с родителями, была своя малолитражка, так называемая «блоха», которую она сама же и разбила. После ремонта мы сдали ее в комиссионный магазин по цене, утвержденной государством.

По складу характера Галина Леонидовна — очень мягкий, очень добрый человек; эту мягкость, доброту, уважительное отношение к людям Галина Леонидовна взяла от Леонида Ильича. Сразу скажу, что у нее не было каких-то шикарных сверхтуалетов. Причем так: если дочь, приезжая к отцу и матери на дачу, была как-то вычурно одета, она получала от них нагоняй и в следующий раз одевалась уже так, чтобы не раздражать родителей. Конечно, драгоценные украшения, которые любит каждая женщина, у жены были и есть. Но ведь это дарили родители. С другой стороны, я все деньги приносил домой. Впрочем, о каких деньгах идет речь? Должностной оклад заместителя министра внутренних дел — порядка 550 рублей. Выплата за генеральское звание — 120—130 рублей. Плюс выслуга лет. На момент увольнения у меня выслуга лет составляла 29 с хвостиком, то есть я расписывался в ведомости за 1100 рублей. Нам с женой, которая тоже работала и имела оклад 250 рублей, вполне хватало. Кроме того, как член коллегии я имел талоны на питание. Детей у нас с Галиной Леонидовной не было. От зарплаты я оставлял себе деньги на уплату партвзносов, на питание в столовой и на сигареты; остальные деньги я в конверте приносил жене, у нас такая традиция была, никем не установленная: я их клал сверху на холодильник. Она распорядилась моими деньгами, плюс своих 250 рублей, но и родительская помощь, конечно; ее никто со счетов не сбрасывает. Почему же, спрашивается, не иметь хорошее украшение, которое идет женщине? Но никакой россыпи бриллиантов, о чем судачат на всех углах, у жены не было. Очень контактная по складу характера и излишне доверчивая, Галина Леонидовна быстро отзывалась на человеческие просьбы. Вот это, видимо, ее слабость, потому что она не всегда замечала, что за обычной, казалось бы, просьбой кроется какое-то гнильцо. В общем, почти каждый человек пытался нажиться на этих просьбах, кого что интересовало — продвижение по службе или что-то еще, — а Галина Леонидовна не обладала гибкой ориентировкой и всегда старалась помочь этим просителям.

До своего замужества Галина Леонидовна жила с родителями, собственной квартиры у нее не было. Родители Галю не отпускали, были очень привязаны к ней, поэтому она всегда была под контролем. Каких-то больших шалостей не прощали. Не знаю, как складывалась личная жизнь Галины Леонидовны до встречи со мной, была ли это счастливая жизнь, все ли в ней ладилось, — мы редко или почти не касались этой темы. Я давно заметил, что люди всегда охотнее говорят о настоящем, тем более, если прошлое не оставило какой-то яркий след. Галина Леонидовна редко подчеркивала, что она дочь руководителя страны, у нас никогда не было уборщицы, квартиру убирала она, а уж посудомоечные дела целиком лежали на ее плечах. Так же, как все, по выходным дням мы отвозили вещи в прачечную и химчистку, свободно-

го времени почти не было, Галина Леонидовна работала до самой смерти отца, да и потом еще несколько лет: сначала редактором в Агентстве печати «Новости», потом у Громыко в МИДе, где она занимала должность заместителя начальника отдела историко-архивного управления. Очень редко (несколько раз в жизни) она бывала в зарубежных командировках, причем — только в социалистических странах. Мы никогда и не отдыхали за границей, как об этом писали в газетах, чаще всего это был Крым, реже — Подмоскowie, а после ухода Леонида Ильича из жизни мы, по сути, вообще никуда не ездили. Трудно сказать, почему, — была, наверное, какая-то ложная стеснительность, нам казалось, что на нас смотрят, шушукаются на наш счет, поэтому все отпуска мы теперь в основном проводили на даче. Так, наверное, было лучше.

Первому заместителю министра внутренних дел полагалась государственная дача, но я никогда этой «привилегией» не пользовался. В 1979 году на деньги Леонида Ильича, но и добавив, конечно, собственные сбережения, мы построили свою дачу. Получилось, что все заместители министра и члены коллегии пользовались госдачей, кроме первого заместителя министра. Причем это были весьма шикарные дачи, я уж не говорю о даче министра, на которой жить было одно удовольствие.

Галина Леонидовна очень вкусно готовила. Виктория Петровна старалась ей помогать, иногда она давала ей какую-то сумму денег на продукты, но не часто, — в общем, у них были обычные родственные отношения. Мое любимое блюдо — это омлет с колбасой и сосиски. Сейчас бы их покушать...

10 ноября 1982 года, утром, в начале девятого, мне на работу позвонила Витуся, дочь Галины Леонидовны, и сказала: «Срочно приезжайте на дачу». На мой вопрос: «Что случилось?» — ответа не последовало. Я заехал за женой в МИД, и в скором времени мы уже были на даче. Поднялись в спальню, на кровати лежал мертвый Леонид Ильич, рядом с ним находились Виктория Петровна и сотрудники охраны. Юрий Владимирович Андропов уже был там. Позже подъехал Чазов...

Официально своим преемником Леонид Ильич никого не называл. Он, как я уже говорил, не собирался умирать. Но если он и думал о преемнике, то это был именно Андропов. Многие из нас уже тогда понимали: если с Леонидом Ильичом что-нибудь случится, к власти придет именно этот человек. Суслов лишь номинально являлся вторым лицом партии. Он не мог быть Генеральным секретарем ЦК КПСС, Леонид Ильич и другие члены Политбюро никогда бы этого не допустили. И не случайно, конечно, что, когда Суслов скончался, главным идеологом партии стал именно Андропов.

После похорон, 15 ноября, я буквально на несколько минут зашел к Юрию Владимировичу в кабинет, чтобы от имени Виктории Петровны, Галины Леонидовны и всех родственников покойного Леонида Ильича поблагодарить его за внимание и поддержку, проявленные к нам в эти дни. Юрий Владимирович был очень усталый, он сидел за столом в рубашке и галстукe, у него в этот день были многочисленные встречи с руководителями государств и партий, прибывшими на похороны. Я высказал ему слова благодарности, и тут Юрий Владимирович, даже не обращая ко мне, а просто как бы рассуждая сам с собой, сказал: «Да, Виктория Петровна — очень мужественный человек. Юра, пока я жив, никто вашу семью не тронет...» Он сдержал свое слово.

Став Генеральным секретарем, Юрий Владимирович постоянно оказывал Виктории Петровне знаки внимания: если ей было нужно, ей выделялся специальный самолет, чтобы она имела возможность побывать в Карловых Варах и хоть чуть-чуть поправить здоровье. Константин Устинович тоже относился к вдове Генерального секретаря ЦК КПСС с должным уважением. А потом пришли другие времена...

Я думаю, что пройдет время и история, конечно, еще скажет свое объективное слово. Очень может быть, что мы еще многое пересмотрим из того, что движет нами сейчас, еще не раз оглянемся в прошлое, чтобы спросить себя, как все-таки мы прожили те годы, все ли было «в застое», как нам сегодня об этом говорят. Время воздаст справедливость.

Вспомним мы и Леонида Ильича Брежнева. Количество статей о Леониде Ильиче в последнее время не уменьшилось, наоборот, их стало больше. Пусть робко, но зато сейчас все чаще и чаще высказываются уже не такие однозначно-отрицательные оценки, как это было в первые годы перестройки. Тем не менее голос людей, которые действительно знали Леонида Ильича и в силу служебных обстоятельств видели, как он работает, все еще звучит очень осторожно. Правда пробивается по капле.

Вспоминая наше общение в стенах его дома, можно уверенно сказать, что это был очень хороший семьянин, человек с мягким и добрым характером, с большой любовью относившийся к своим близким. Он всегда радовался, если по субботним, воскресным или праздничным дням на дачу приезжали дети и внуки, находил для них время, знал, чем и как они живут, их настроения и проблемы.

Несмотря на то, что это были дети и внуки Генерального секретаря ЦК КПСС, у них, как и у всех людей, тоже, конечно, появлялись свои проблемы, служебные или — не так уж часто — семейные неурядицы, но Леонид Ильич и Виктория Петровна о них знали и, если могли, всегда старались помочь, дать какой-то добрый совет. Если же кто-то из детей или внуков вдруг провинился и все это приобретало огласку, то Леонид Ильич всегда спрашивал очень строго, и взбучка бывала. Ну, какие это могли быть проступки? Допустим, кто-то нарушил правила дорожного движения или, скажем, высокомерно повел себя с сотрудниками ГАИ — Леонид Ильич обо всем этом быстро узнавал, как это делалось, мы знали, и от него доставалось на «полную катушку». Впрочем, если говорить о внуках, то я не помню, честно говоря, чтобы они позволяли себе развязный образ жизни и были возмутителями спокойствия: ребята всегда держались в определенных «рамках» и воспитывались довольно строго. Несколько раз, по-моему, Леонид Ильич и Виктория Петровна бывали на днях рождения у своего сына Юры. А вот у нас с Галей он не был ни разу. Виктория Петровна иногда, хотя и редко, приезжала к дочери, а он нет. Может, мы не очень настойчиво приглашали, может быть, это совпадало с его нездоровьем, но факт есть факт: у нас он никогда не был. Зато Леонид Ильич иногда навещал внуков. Если это были семейные праздники, он обычно дарил какой-то подарок, говорил слова приветствия, немного общался с гостями и уезжал. Визиты к родственникам носили, конечно, очень короткий характер, но это и понятно: ведь когда-то надо было и отдыхать.

В общем, Леонид Ильич был широким человеком. Вот, я думаю, почему его в какой-то степени раздражал Михаил Андреевич Суслов

с его вечным педантизмом и претензиями на всезнайство. Над Сусловым часто подсмеивались, причем не только у нас дома, но и в кругу членов Политбюро. Суслов, скажем, несколько десятков лет подряд носил одно и то же пальто — и я помню, как в аэропорту, когда мы то ли встречали, то ли провожали Леонида Ильича, он не выдержал и пошутил: «Михаил Андреевич, давай мы в Политбюро сбросимся по червонцу и купим тебе модное пальто». Суслов понял, купил пальто, но в калошах, по-моему, так и ходил до самой смерти. Из всех членов Политбюро он был единственным человеком, кто по Москве ездил только со скоростью 40 километров в час, об этом все знали, но Михаил Андреевич всегда спокойно отвечал, что Суслов и при такой скорости никогда и никуда не опаздывает. Однажды, я помню, кто-то из нас спросил: «Леонид Ильич, Суслов хотя бы раз в жизни ездил на охоту?» Находясь в хорошем расположении духа, Леонид Ильич часто бывал настоящим артистом. Тут он вытянул губы и, пародируя речь Михаила Андреевича, протянул: «Ну что вы, это же о-чень... о-пас-н-о...» Вот такая легкая была ирония.

В Подмоскowie, у себя дома, Леонид Ильич тоже работал по вечерам. В вечернее время ему иногда звонили и члены Политбюро. Часто звонил Подгорный, хотя я не могу сказать, какие государственные вопросы мог по вечерам решать Николай Викторович. Звонил Громыко, сообщавший последние политические новости. Устинов и Андропов, пользовавшиеся, как я уже говорил, его наибольшей симпатией, старались звонить нечасто, только если действительно была срочная необходимость. А уж если звонили, то обязательно делились какой-то важной новостью или просто свежим анекдотом. Они знали, что Леонид Ильич никогда не откажет в разговоре, что он всегда сам снимает трубку, но, учитывая его усталость и особенно в последние годы — не очень хорошее состояние здоровья, звонили, чтобы просто перекинуться двумя-тремя словами, не забыв при этом интересы дела. У них были искренние товарищеские отношения.

Возвращаясь с охоты в хорошем расположении духа, Леонид Ильич всегда говорил начальнику охраны: «Этот кусочек кабанятины отправить Косте (Черненко. — Ю. Ч.), вот этот — Юрию Владимировичу, этот — Устинову». Потом, когда фельдсвязь уже должна была бы до них донестись, брал трубку и звонил. «Ну как, ты получил?» — «Получил». Тут Леонид Ильич с гордостью рассказывал, как он этого кабана убивал, как он его выслеживал, какой был кабан и сколько он весил. Настроение поднималось еще больше, те, в свою очередь, благодарили его за внимание, а Леонид Ильич в ответ рекомендовал приготовить кабана так, как это всегда делает Виктория Петровна.

Сейчас много пишут о коварстве Леонида Ильича Брежнева, о том, что он справлялся с неугодными ему членами Политбюро так просто и быстро, что они, как говорится, не успевали даже глазом моргнуть. Одну из таких историй недавно поведал Петр Ефремович Шелест, бывший Первый секретарь ЦК КП Украины. Подгорный якобы ему рассказывал: «Я сижу на пленуме ЦК, Леня рядом, все хорошо, вдруг выступает из Донецка секретарь обкома Качура и вносит предложение: считаю, что целесообразно совместить посты Генсека и Председателя Президиума Верховного Совета. Я обалдел. Спрашиваю: «Леня, что это такое?» Он говорит: «Сам не пойму, но, видать, народ так хочет, народ...» Что я могу сказать? Не знаю, кто там «обалдел», кто нет, но

такого человека, как Подгорный, можно было бы освободить и раньше, здесь Леонид Ильич, я считаю, проявлял излишнюю мягкость и терпел, как говорится, до последнего. Что же, Леонид Ильич был виноват, что с годами Подгорный стал совсем не тем Подгорным, которого Леонид Ильич знал и ценил когда-то. Думаю, что историки еще напишут как о Подгорном, так и о других «обиженных» Леонидом Ильичом — к ним, кстати, относится и Шелест. Если человек обижен, разве он может быть объективен?

Рабочий день Леонида Ильича обычно заканчивался в половине девятого, может быть, чуть раньше. От Кремля до дачи было 25 минут езды, он приезжал к программе «Время», которую обязательно смотрел, потом читал газеты, если не успевал проглядеть их утром, ужинал и шел отдыхать. По утрам за завтраком он читал «Правду», «Московскую правду», листал «Комсомолку», реже — «Советскую Россию». По вечерам читал «За рубежом», сатирические издания, какие-то публикации в «Крокодиле» весело комментировались и обсуждались.

112 Не могу сказать, что Леонид Ильич был любителем художественных фильмов. Он, конечно, знал о них, но смотрел редко. А зарубежные ленты вообще, за редким исключением, не смотрел. Ему очень нравились «Семнадцать мгновений весны», фильмы военных лет и просто фильмы о войне. В целом же их тематика была весьма разнообразной, Леониду Ильичу всегда давали каталог фильмов, имевшихся в наличии, и он сам выбирал картины. Ему нравились песни Пахмутовой и Добронравова, он с удовольствием слушал Кобзона, в какой-то мере — Лещенко, особенно его «День Победы». Леониду Ильичу вообще очень нравились песни военно-патриотической тематики. С большой симпатией он всегда говорил о Зыкиной, особенно о ее лирическом репертуаре. Ему было очень приятно, когда на одном из правительственных концертов, транслировавшемся по Центральному телевидению, Людмила Георгиевна исполнила — в общем, конечно, прежде всего для него — «Малую землю». Ему нравилась София Ротару — и исполнением, и своей внешностью; Леонид Ильич был уже немолод, но, как и все мужчины, наверное, ценил женскую красоту. В основном он слушал песни по телевидению и радио; я что-то не припоминаю, чтобы он особенно увлекался грампластинками. Из молодых «звезд» эстрады Леонид Ильич выделял Пугачеву, а вот когда внуки «крутили» кассеты с песнями Высоцкого и голос гремел по всей даче, Леонид Ильич морщился, хотя его записи на даче были в большом количестве, они лежали даже в спальне. Мои ребята-водители постоянно «гоняли» эти пленки — куда бы мы ни ехали.

Леонид Ильич любил Хазанова — я только не понимаю, зачем сегодня Геннадий в своих выступлениях так неудачно, на мой взгляд, копирует Леонида Ильича и рассказывает старые анекдоты про Брежнева, многие из которых, кстати говоря, Леониду Ильичу были известны. Они вызывали у него разве что добродушную улыбку. Все видели (по телевидению), что Хазанов принимал участие в правительственных концертах, где был и Леонид Ильич; его всегда очень хорошо и доброму принимали, никто его «не закрывал», никто ему не мешал — сейчас же, пользуясь тем, что изменилось время, этот любимый народом артист эстрады публично высмеивает какие-то недостатки Леонида Ильича, и прежде всего его специфическую речь. Спрашивается: нужно ли делать это достоянием многомиллионной аудитории? Мне кажется,

это незачто. У каждого человека есть свои пороки и слабости. Ну давайте теперь будем «полоскать» Леонида Ильича за то, что в последние годы жизни он тяжело ходил, часто болел... Только сам Леонид Ильич скрывал свои болезни. Мне, кстати, хотелось поговорить на эту тему с Чазовым, но Евгений Иванович как-то очень искусно уходил от этих разговоров. У Леонида Ильича было два инфаркта: один — сразу после войны, второй — когда он работал в Молдавии или Казахстане, хотя именно сердце в последние годы его не подводило.

Не думаю, если говорить честно, что я имел какое-то влияние на Леонида Ильича, да такой цели у меня просто не было. Возвращаясь из служебных командировок — а я обычно был в командировках по стране почти сто дней в году. — я всегда делился своими впечатлениями от этих поездок и рассказывал Леониду Ильичу все как есть. Я чувствовал, что он, скажем, не все знает и по Сургуту и по Нижневартовску, где я был. Не знаю, как сейчас, а в те годы там очень остро стояла проблема жилья; кроме того, была проблема с приобретением мебели. Леонид Ильич слушал с очень большим интересом. Когда я возвращался, всегда был вопрос: «Ну, как съездил?» И если я не рассказывал, то вопросы на этом прерывались. Все-таки он очень уставал на работе.

Знал ли Леонид Ильич об истинном положении дел в стране, скажем, с продовольствием? По крайней мере та информация, которой я делился по возвращении из командировок, была для него совершенно неожиданной. В первую очередь я имею в виду вопросы продовольственного снабжения страны. Как-то раз он позвонил мне на работу и попросил подготовить справку о ценах на московских рынках, причем не на одном, Центральном, а на двух-трех. (Московское Главное управление внутренних дел тогда быстро подготовило такой материал.) Его, между прочим, вполне мог бы дать и горком партии, но Леонид Ильич обратился ко мне. Может быть, в какой-то степени он не доверял горкому, знал, что там могут «пригладить» информацию. Я же говорил все как есть, ничего не боясь, потому что я знал, кто будет работать с этим материалом. Но такие звонки были большой редкостью.

Не могу сказать, что Леонид Ильич любил приглашать к себе на дачу гостей. Генеральный секретарь ЦК КПСС вел достаточно уединенный образ жизни. Но когда надо было посоветоваться, он обычно приглашал на дачу не одного человека, а группу людей: поужинать. Если Леонид Ильич хорошо себя чувствовал, он всегда сам встречал гостей и вообще вел себя не как Генеральный секретарь ЦК КПСС, а как радушный и добрый хозяин. Виктория Петровна знала толк в кулинарии, всегда подсказывала повару, как получше приготовить то или иное блюдо, хотя Леонид Ильич предпочитал самую обыкновенную еду. В обед — это борщ, реже суп, всякие пудинги или каши, особенно рисовая, которую он очень любил. По утрам — омлет и чашка кофе с молоком, иногда творог, вот и весь завтрак... Леонид Ильич никогда не звал людей просто так. Помню, как-то раз он с Андреем Андреевичем Громыко обсуждал вопрос о выезде из СССР. Тогда Леонид Ильич достаточно резко сказал: «Если кому-то не нравится жить в нашей стране, то пусть они живут там, где им хорошо». Он был против того, чтобы этим людям чинили какие-то особые препятствия. Юрий Владимирович, кажется, придерживался другой точки зрения по этому вопросу, но ведь многих людей не выпускали из-за «режимных соображений», это было вполне естественно. Сейчас тоже выпускают не всех. Не помню, чтобы в разго-

ворах Леонида Ильича возникало имя Солженицына. — кажется, нет, ни в положительном, ни в отрицательном аспекте. Может быть, Щелоков что-то докладывал Леониду Ильичу о решении Вишневецкой и Ростроповича, с которыми был дружен, но Леонид Ильич в эти вопросы не вмешивался. Все-таки это была прерогатива Юрия Владимировича Андропова. А вот об Андрее Дмитриевиче Сахарове разговоры были, Леонид Ильич относился к Сахарову не самым благожелательным образом, не разделял, естественно, его взгляды, но он выступал против исключения Сахарова из Академии наук. Суслов настаивал, причем резко, а Леонид Ильич не разрешал и всегда говорил, что Сахаров большой ученый и настоящий академик. Какую позицию в этом вопросе занимал Юрий Владимирович, я не знаю, все-таки это были вопросы не для домашнего обсуждения. Одно могу сказать твердо: письмо Сахарова к Брежневу в домашнем кругу никак не комментировалось. Может быть, оно просто не дошло до Леонида Ильича? Трудно сказать. Но никаких разговоров вокруг этого письма не было, и в доме о Сахарове не говорили...

114 Могу засвидетельствовать, что Леонид Ильич с большой симпатией относился к Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Он знал его как молодого, энергичного и очень умного секретаря партийной организации крупного сельскохозяйственного края. Назначение Горбачева на должность секретаря ЦК КПСС ни у кого из членов Политбюро не вызвало никаких сомнений. Правда, Леонид Ильич, который все-таки был очень щепетивен в этих вопросах, спрашивал у Суслова и Черненко: «А не ошибемся ли мы?» Они настаивали. Да и сам Леонид Ильич очень неплохо отзывался о Горбачеве и говорил так: в ЦК должны быть и молодые кадры. В конце жизни эта проблема волновала его особенно. В Ставропольском крае у Горбачева было особенно хорошо развито сельское хозяйство. Вполне естественно, что после смерти члена Политбюро Федора Давыдовича Кулакова, занимавшегося в ЦК КПСС сельским хозяйством, этот важнейший участок работы был поручен именно Горбачеву. Я не помню, чтобы Михаил Сергеевич посещал Генерального секретаря ЦК КПСС в домашней обстановке. Но то, что они достаточно плотно общались, вместе решая важные продовольственные вопросы, — это факт. Кстати, и Юрий Владимирович Андропов высоко ценил Горбачева.

Леонид Ильич был очень живым и эмоциональным человеком. Он действительно переживал как, может быть, никто другой, когда уходили из жизни его соратники, когда в государстве не все ладилось.

Я только раз в жизни говорил с Леонидом Ильичом о Сталине. Иногда я спрашиваю себя: почему Брежнев не повторил Хрущева в плане развенчания «культы личности»? Думаю, здесь есть по крайней мере две причины. Во-первых, Леонид Ильич прошел войну с самого начала и до 9 мая 1945-го. Как и каждый боец, он был «заряжен» на победу, а олицетворением этой победы тогда для всех без исключения был именно Сталин. Конечно, это сказалось и на Брежневе. А во-вторых, XX съезд КПСС уже высказал отношение партии к Сталину. Решения этого съезда в «эпоху Брежнева» никто не отменял, просто все было нормально и спокойно, никто Сталина не возвеличивал, но никто его и не заталпывал. Не было такого драматизма, ажиотажа и спекуляции вокруг имени бывшего руководителя страны, как сейчас. Но ведь при Брежневе никто не осуждал и другой «культ» — Хрущева. А это был именно культ. Тем не менее никто не трубил о каких-то ошибках

Хрущева, не твердил со страниц газет и журналов об «эпохе-волонтаризма». Каждый лидер партии и государства имеет право на ошибку хотя бы потому, что он не только лидер, но и человек...

Сегодня утром получил письмо от Галины Леонидовны.

Письмо грустное.

«Здравствуй, Юра!

Я получила три твои письма, но вот с ответом что-то прилоздилась. Время есть, но я немного захандрила, наверное, пройдет. Витуся и Гена работают*, Галя в десятом классе, собирается поступать в университет на филфак. Маму перевозили с дачи на московскую квартиру и простудили**. Вечером собрались все дети, внуки и кто помогал переезжать. Был и брат, но мы по-прежнему не разговариваем. Попрощалась мама со всеми, поблагодарила за хорошее отношение к ней, и мы разъехались. А на следующий день у нее поднялась температура и ее забрали в больницу в инфекционный корпус.

Я разговаривала с ней по телефону, ей уже лучше. Витуся договорилась с Полиной***, что пока она будет с ней. А потом — другая. Вот это у нас главная задача: наладить ей быт. Все это не очень просто. Но мы с Витусей делаем все как надо. Как ни скажи, а забот прибавилось, ей ведь и есть не все можно, не говоря уже, что она совсем ничего не видит. Наверное, поэтому я и скисла. Как живу, я ответить не могу, не знаю. Нигде еще за эти три года не была.

Скоро тебе пришлют из суда бумаги****, а после твоей подписи еще одна какая-то организация должна подписать. Потом, что решит суд по месту жительства — и все. Жди, Галя, своей участи.

Страшно устала от всего. Дача стоит заброшенная, никто на ней не живет... Платить за дачу помогает мама. Никто не звонит и не приходит — за редким исключением. Все время одна. Вчера приходила Наташа, жена Гарика, было воскресенье, мне было тошно, я ей позвонила, она приехала. Посидели-поболтали. Псылала тебе две телеграммы в ноябре, но мне сообщили, что адресат выбыл*****.

Я, конечно же, буду писать, но не сердись, если что не так. Пойми, мне очень тяжело. Пиши, что тебя интересует. Целую, Галя».

Здесь, из колонии, можно несколько раз в год звонить домой. Потом эти деньги высчитываются из твоей зарплаты. Прочитал письмо и понял: нужно позвонить, хоть как-то поддержать человека... Но моя «очередь» не скоро, месяца через два... Ничего не поделаешь. Закон для всех один, хотя газеты раструбили, что в колонии меня встречали чуть ли не с оркестром, что Чурбанов и тут превратился, как сказал писатель Юрий Нагибин, в некую «тюремную номенклатуру».

Я хорошо помню тот день, когда застрелился Щелоков. Было это уже при новом министре Федорчуке, где-то через год-полтора после того, как Щелокова отправили на пенсию. Удивился ли я такому финалу?

* Дочь и зять Г. Л. Брежневой.

** По решению Комиссии по привилегиям Верховного Совета СССР бывшие члены Политбюро и члены их семей с мая 1990 года лишены госдач.

*** Речь идет о женщине из бывшей obsługi Л. И. Брежнева.

**** Имеется в виду иск Г. Л. Брежневой, опротестовавшей конфискацию имущества ее семьи.

***** Ю. М. Чурбанов находился в Ташкенте, где выступал свидетелем в судебном процессе.

Пожалуй, все-таки нет. Самоубийство для Щелокова было в известной степени выходом.

Сначала, добровольно и первой, ушла из жизни его жена. Мы с Федорчуком находились на службе, это, как помню, была суббота, когда Федорчуку позвонили и передали информацию, что в Серебряном Бору на даче застрелилась Светлана Владимировна, жена Щелокова. Федорчук выяснил, как развивались события: Светлана Владимировна находилась в спальне, кто дал ей пистолет — сказать не берусь, накануне вечером у них со Щелоковым состоялось бурное объяснение, когда Щелоков кричал ей, что она своим поведением и стяжательством сыграла не последнюю роль в освобождении его от должности. Трудно сказать, имел ли этот скандал продолжение утром, когда раздались выстрел. Щелоков находился внизу, рядом с ним был еще один человек (то ли садовник, то ли дворник), и вот, когда они вбежали в спальню и увидели на полу труп, то Щелоков сам кинулся к этому пистолету и тоже хотел покончить с собой. Но человек, который был рядом, вышиб этот пистолет и спрятал его. Вот так была предпринята первая попытка добровольного ухода из жизни. Потом, когда последовали многочисленные вызовы в Главную военную прокуратуру, Щелоков, очевидно, просто сломался.

Мне он не звонил, хорошо понимая, что телефоны уже прослушиваются, а «вертушки» у него больше не было. В какой-то момент он узнал, что к нему придут забирать ордена и медали, которых его лишили; находясь в возбужденном состоянии, он схватил охотничий карабин и выстрелил себе в лицо. Вот так...

Не исключено, что, если Щелоков был бы жив, он был бы сейчас на скамье подсудимых. Так мне кажется. Значит, самоубийство действительно было для него выходом.

Ни я, ни другие члены коллегии не были допущены на похороны Щелокова. Это было указание. Чье — могу только догадываться...

У меня, не скрою, были честные и прямые разговоры о Щелокове с Юрием Владимировичем Андроповым. Особенно — в последние годы. Юрий Владимирович был прекрасно обо всем информирован, прекрасно. У меня же было довольно щекотливое положение. Щелоков — мой начальник. Я не мог подробно, изо дня в день, рассказывать о его поведении Леониду Ильичу. Получалось, что я «с прицелом» копаю под своего начальника. Видимо, он перепроверял мою информацию... а у кого — не знаю. Очевидно, тот работник... или кто там... докладывал ему о положении дел в МВД не в полном объеме. Словом, мои рассказы и его информация здесь не состыковывались между собой. Поэтому я предлагал Юрию Владимировичу: «Расскажите все Леониду Ильичу, надо же что-то предпринять, надо нам как-то человека убедить».

А Юрий Владимирович откровенно признавался: «Если бы ты знал, как мне не хочется этого делать, Леонид Ильич себя неважно чувствует...»

Или если бы тот же Савинкин, который располагал информацией в достаточном объеме, проявил бы настойчивость и решился бы доложить о всех этих «фокусах» Леониду Ильичу, была бы польза, я не сомневаюсь.

Ну, скажем, тот же «подпольный» магазин с заниженными ценами.

Возникает только один вопрос: зачем он нужен? Что, министру внутренних дел СССР не могли достать дубленку или сапожки для супруги — так что ли? Да вопросов не было! Нужно — пожалуйста! Неужели члены коллегии МВД, заместители министра не могли по линии военторга или других «торгов» приобрести для себя все, что нужно? Тоже пожалуйста! То ли это зуд был какой-то, то ли какие-то изменения в людях произошли, то ли это была дань общей болезни тех лет, названной «вещизмом», — не знаю. Но она, эта жилка, появилась у Щелокова еще где-то в середине 70-х, когда он вдруг стал достаточно часто появляться на выставках — отечественных и зарубежных, — то есть давала себя знать тяга ко всему красивому, узорчатому и всему заморскому. Может быть, тут и семья стала на него влиять? Думаю, да. В большой степени. А самое неприятное, что об этой его «жилке» знали почти все. Слава Богу, что я хотя бы в этой истории не замешан.

Единственное, что мне ставится в вину, так это то, что от имени коллегии МВД СССР подарил Щелокову золотые часы в день его 70-летия. Было это так. Все мы знали, что 26 ноября 1980 года у Щелокова — юбилей. Члены коллегии, особенно начальник хозяйственного управления министерства генерал Калинин, стали готовиться к этой дате. Не помню сейчас детали моего разговора со Щелоковым, но я у него спросил: «Товарищ министр, члены коллегии интересуются, что вам подарить к 70-летию?» «А что вы можете?» — спрашивает Щелоков. Я подумал и говорю: «Члены коллегии решили, что мы можем скинуться и что-то вам купить». Ну, по сколько мы могли скинуться? По пятьдесят или по сто рублей, а из уважения к министру можно было и что-то домой не донести, еще добавить денег: нас было шесть или семь загов, то есть получалась вполне приличная сумма, хороший подарок. По-моему, Щелокову это не понравилось. Очевидно, показалось мало. «Не надо сбрасываться, — сказал он, — Калинин сам все организует». Потом, уже когда шло следствие и генералу Калинин угрозил суд, выяснилось, что он приобрел эти часы (на деньги министерства) в каком-то ювелирном магазине, отреставрировал их, — и вот, не зная, что это за часы и на какие деньги они куплены, я вместе с большим букетом праздничных гвоздик вручил их Щелокову от имени коллегии. Было это где-то в десять часов утра, мы все вошли, поздравили его, выпили по бокалу шампанского, то ли за счет ХОЗУ, то ли за счет юбиляра, не знаю, и разошлись по рабочим местам. С нами был и Калинин. При Щелокове это был «образцовый» генерал, с его вечным «чего изволите?». Здесь, в зоне, где мы сидим, это «образцовый» заключенный. Передо мной он тоже пытался «подхалимничать», но быстро понял, что мне проще матом его послать, и тогда он полностью «переключился» на министра. Это был его «ручной завхоз». Кстати говоря, я не помню, чтобы Щелоков широко отмечал свой юбилей. В этот день приезжали какие-то делегации, это так, но паломничества не было, его стол в этот день не был завален подарками. От КГБ СССР был, наверное, только приветственный адрес; Юрий Владимирович, питая определенные «симпатии» к Щелокову, не дарил ему ничего. Протокольный адрес — и все.

Сразу скажу, что я никогда не был близок с министром, как сейчас преподносит печать, но пусть это будет только деталью в нашем разговоре, Щелоков — человек самостоятельного мышления, очень энергичный, с хорошей политической смекалкой, которую, правда, сейчас возводят в степень политического авантюризма (где-то, наверное,

это так), но все-таки определенная взвешенность и продуманность принимаемых решений у Щелокова была всегда. Он колоссально много работал, особенно в первые годы, когда действительно глубоко изучал корни преступности в стране. При нем органы внутренних дел стали более уважаемы в народе. Сейчас говорят, что это журналисты помогали создавать подобное «уважение», но я думаю, что ни один журналист не может взалхлеб рассказать о каком-нибудь органе, если этот орган плохо работает. Для милиции было много сделано и в материальном отношении; в 1981 году Совет Министров решил вопрос о повышении денежного содержания сотрудникам органов. Если раньше за офицерское звание лейтенант получал 30 рублей, то теперь — уже 100. Придало ли это новый импульс нашей работе? Бесспорно. Повлияло ли это на стабилизацию кадров, приток новых сил? Конечно. Я не знаю, поэтому не говорю сейчас об образе жизни Щелокова вне стен министерства, но меня и других членов коллегии всегда подкупали энергичность, моторность министра, его умение «пробить» интересные вопросы. Кстати, именно Щелоков не раз протестовал, ссылаясь на зарубежный опыт, против больших сроков наказания для женщин и для подростков. Он предлагал вывести из подчинения Прокуратуре весь следственный аппарат и подчинить его МВД или иметь самостоятельное следствие — в этом он видел большую пользу. А то у нас получается, что Прокуратура и ведет следствие, и надзирает за ним. А это в корне неправильно. Тут сплошь и рядом происходят ошибки, как сейчас.

Другая заслуга Щелокова, которую никак нельзя сбросить со счетов, — это установление тесных контактов с партийными, советскими и другими государственными органами. При нем значительно расширилась сеть учебных заведений МВД СССР. У нас появились академии, Высшая школа милиции в Горьком, обновлялись кадры милиции, работа сотрудников аппарата становилась более конкретной, несколько снижалась преступность по отдельным ее видам. По инициативе Щелокова были установлены прочные контакты с органами внутренних дел социалистических и развивающихся стран, увеличили прием на учебу иностранцев. Конечно, мы не проводили вместе с варшавской милицией операции по отлову советских контрабандистов, тогда их было очень мало, мы к ним интереса не проявляли: у нас не было такой вакханалии в районе Бреста, как сейчас! Отсюда вывод: варшавская криминальная полиция охотно перенимала опыт Московского уголовного розыска, у нас было чему поучиться нашим друзьям — и в хватке, и в оперативном мастерстве. Кроме того, мы всегда оказывали им помощь, снабжали их новейшей криминалистической и другой рабочей техникой, и хотя все это, конечно, Советскому Союзу вылетало «в копейку», и нам неоднократно приходилось слышать, что эти деньги было можно отдать и собственной милиции, — так, мне кажется, ставить вопрос все же нельзя. Да, для нас эти поставки обходились, конечно, дороговато, но и помогать тоже было надо, никуда от этого не денешься. Мне доводилось встречаться с руководителями Польши, той Польши, еще социалистической, я всего один раз был в ГДР, да и то накоротке, был в Венгрии, в Болгарии, знакомился с работой их милиции — это была глубокая искренняя дружба между нашими странами, мы откровенно делились (по линии органов) своими проблемами, а они — своими, не менее сложными.

В аппарате Щелокова любили. Он всегда очень хорошо выступал. Не

только, как говорится, со знанием дела, но и с большой ответственностью за свои слова: если, скажем, он давал обещание решить вопрос по улучшению жилищных условий, санитарно-курортного и медицинского обслуживания, то он обязательно решал эти проблемы. Кроме того, Щелоков всегда достаточно спокойно относился к критике в свой адрес. Точнее — с пониманием.

Однако в последнее время у Щелокова появились элементы самолюбования. И это видели все. Он часто говорил: вот я был у Леонида Ильича, вот Леонид Ильич просил передать привет коммунистам министерства и т. д. А Леонид Ильич, кстати говоря, всегда держал его на расстоянии; по крайней мере сколько бы я ни находился на его даче в вечернее время или на каких-то торжествах — Щелоков там не появлялся. Часто ли он бывал у Брежнева? По моим данным, нет, не часто, мы ведь всегда знали, кто и куда уезжает. Поддерживал ли его Леонид Ильич? Наверное, да, все-таки — важное министерство. Но в то же время, когда Щелокова слушали на Политбюро или Секретариате ЦК, то Щелоков был не Николай Анисимович, близкий друг Леонида Ильича, как это сейчас подают, а товарищ Щелоков — министр, который нес всю полноту ответственности. Он был под контролем, поблажек ему не было. Леонид Ильич проявлял твердый характер. Правда, зачем Щелокову нужна была докторская диссертация, до сих пор не могу понять. Какие-то публикации он потом подписывал: министр, доктор экономических наук. Только для этого, я думаю...

Уже после суда я виделся с женой в стенах Лефортовского изолятора. Пока шел суд, от Галины Леонидовны никаких весточек не было, а тут вдруг нам дали короткое свидание. Но меня и здесь не оставляли одного. Во время разговора присутствовал заместитель начальника изолятора, фамилию его я не помню; он живо интересовался беседой, потом мы пили чай с лимоном. Впрочем, тогда еще лимон в разряд дефицита не входил и деньги на этот чай, судя по моей тюремной «зарплате», не высчитали.

В общем, встретились мы с Галиной Леонидовной и попили чайку. Она сказала: «Где бы ты ни находился, я буду тебя ждать».

Вот так мы и простились.

Никто не знает, что пережила эта женщина за последние годы. И я тоже не знаю, ведь я был уже под арестом. О том, сколько слез она выплакала, сколько ночей проведено без сна, можно было догадаться по ее лицу. Тяжелый «пресс» обрушился на Галину Леонидовну с первых же дней моего ареста. Тот же полковник Миртов во время следствия все время твердил: «Пусть ваша жена сдаст свои драгоценности и скажет, что вы привезли их от Рашидова из Узбекистана». Я отвечал: «Что вы все ко мне, вы сами предложите это Галине Леонидовне, пусть она их и сдаст». Вот такие были разговоры. Драгоценности Галины Леонидовны — это серьги, кольца, кулон и браслет, подаренные родителями. Что-то из своих украшений она приобретала сама, но среди всех этих «цацек» ничего сногшибательного не было.

Так вот, Галина Леонидовна сказала: «Пусть все забирают, за имущество я бороться не стану. Пусть и квартиру забирают. Все равно я пока буду жить у друзей». Галина Леонидовна сама хотела подать заявление, чтобы у нас забрали четырехкомнатную квартиру и дали бы ей квартиру из двух комнат в любом районе Москвы. Я не отговаривал. В наших четырех комнатах было чуть больше 80 метров, квартира удобная, но не

«двухэтажная», как писали в газетах,— это новый дом на улице Щусева, рядом с тем самым Домом архитектора, где мы 15 лет назад встретили друг друга.

А через 10 дней, уже около шести часов вечера, раздалась команда — «на выход с вещами!». Еще до этого нас постригли наголо, «оболванили», как тут говорят, выдали на дорогу жутко соленую, тюремно-ржавую селедку, две или три буханки хлеба, рыбные консервы («кильки в томате») и немного сахара. Все это — на три дня пути. Хорошо, что в тюрьме есть непреложный закон, когда человек уходит на этап, то его собирает вся камера. Дают ему с собой у кого что осталось — кто кусок хлеба, кто кусочек сахара, кто сигареты, кто спички. То есть камера собирает тебя в дорогу. Те люди, с которыми я встретился здесь, на нарах, все семь человек, были в прошлом сотрудниками органов внутренних дел. Ни с кем из них я прежде не был знаком, но они, естественно, хорошо знали, кто я такой, что я за «птица», — а Юра Беляков, москвич, бывший сержант патрульно-постовой службы, осужденный за взятки, даже уступил мне свое место внизу (нары были двухъярусные), сам забрался наверх; сейчас он здесь, в этой же колонии, что и я, работает грузчиком.

Почему камера собирает людей на этап? Это не дань каким-то воровским ритуалам, нет — это просто необходимость: куда и сколько ты будешь ехать, никто не знает, в дороге тебя не покормят, вагон-ресторана в поезде нет, поэтому «сухой паек», который выдают в тюрьме, это всё, что у тебя есть на несколько дней. Даже вода в вагоне только холодная, кипятка никто не даст, — вот и катишься ты, бедолага, по дорогам России!

120

Вывели нас на улицу, погрузили в автозак, привезли на вокзал и воткнули в знаменитые «столыпинские» вагоны.

Когда я был первым заместителем министра, я эти вагоны видел, но, разумеется, никогда в них не был и просто не представлял себе, что это такое на самом деле. Полутемный вагон, в нем камеры на 6—12 человек каждая. Есть камеры для особо опасных преступников, таких, как Чурбанов, — они на три человека, хотя меня везли одного и в сопроводительном «наряде» было написано: строгая изоляция. Это значит, что я ни с кем не должен общаться и со мной — под страхом наказания — тоже никто не имеет права разговаривать.

Вагон называется «столыпинским», потому что такие ходили по России еще до революции, когда Столыпин был министром внутренних дел. Кажется, они даже сделаны по его чертежам.

Живут эти вагоны, живут! Может быть, чуть видоизменились с тех пор, а может быть, и нет: железная решетка, убогий свет, полки, грязь. Большой караул охранников. С одной стороны камера, с другой — узкий проход для охраны. Все в железе. Когда убирают, когда нет, но охрану в этом винить нельзя.

Вот этот вагон предусматривает этапирование всех категорий осужденных: и мужчин, и женщин. Не важно, кто ты, какое наказание определил суд, какой у тебя «режим» — усиленный или щадящий. Разумеется, женщин и мужчин в одну камеру не сажают, но все едут в одном вагоне. На каждой станции крупного города эта «тюрьма с локомотивом» пополнялась все новыми и новыми арестантами. Чем ближе Урал, тем страшнее было смотреть, как сюда, в вагон, набивались парни и девушки — ки 15—16 лет — грязные, расхлябанные, агрессивные. Но к чести

солдат (нас вез московский конвой) скажу, что они относились к энкам по-человечески, не избивали их и не глумились, хотя такое, как рассказывают, здесь тоже бывает. Да и не только это. Попытки бегства из этих вагонов были всегда, но все они, как правило, кончались либо смертным исходом, либо человека ловили, давали ему новый срок.

...Наконец добрались до Свердловска. Нас — меня и еще двоих осужденных — привезли в пересыльную тюрьму и заключили в камеру. Пробыли мы тут недолго, один или два дня, и вот 23 февраля 1988 года, поздно вечером, нас доставили в Нижний Тагил. Было очень холодно, шел снег, на вокзале, куда мы прибыли в таком же «столыпине», нас уже поджидало большое количество автозакков — в Нижний Тагил отправляют очень много заключенных.

До колонии № 13 ехали недолго, она практически в черте города, разместили нас в ШИЗО (так называется штрафной изолятор), матрацев не давали, так что мы спали прямо на полу. Жарко, душно, из кранов льется вода — хорошо, что у нас с собой оставалась какая-то пища, хотя все были настолько измождены, что, оказалось, не до еды. Повалились на пол и заснули.

Утром зашел заместитель начальника колонии по оперрежимной работе майор Коношенко, поинтересовался, как мы себя чувствуем. А самочувствие было неважное, и после десяти дней пребывания в «карантине» меня отправили в санчасть с подозрением на туберкулез.

Как-то раз в одной из командировок я поздно ночью зашел в районный отдел милиции. Картина была такая: половина сотрудников, находящихся на дежурстве, что называется, «лыка не вязали». Пришлось срочно наводить порядок. Пьянство и тогда процветало среди рядового состава милиционеров, не повальное, конечно, но все-таки многочисленное. По всем этим инцидентам принимались самые строгие меры — вплоть до увольнения из органов и возбуждения уголовных дел. Пьяный милиционер — это ходячий преступник, вооруженный преступник; конечно, кадры рядового состава у нас оставляли желать лучшего, особенно среди милицейской молодежи; не все «посланцы», трудовых коллективов» приходившие на работу в органы по комсомольским путевкам, шли сюда именно работать. За громкой фразой, за иронично-добрым напутствием этих же самых коллективов скрывалось то, что все знали и так: «сплавляя» людей в милицию, трудовые коллективы, по существу, освобождались от разгильдяев, прогульщиков и пьяниц. Если внимательно посмотреть и проанализировать состав московской милиции, то ведь она (если опять же говорить о ее низовом аппарате) почти целиком и полностью состояла из «лимиты», как говорили в народе. Накануне демобилизации в части Московского военного округа выезжали наши кадровики-вербовщики и за какие-то «коврижки» — прописка, квартира — вербовали в Московскую краснознаменную милицию. Чаще всего у людей, которых они брали на работу, не было за душой по отношению к Москве и москвичам ничего святого. Они устраивались, прописывались, приобретали жилье, а после этого всеми правдами и неправдами старались сделать какой-нибудь некрасивый поступок, чтобы «вылететь» из органов. Дискредитировали себя, но и, конечно, в первую очередь дискредитировали милицию. Конечно, мы набирали «лимиты» и «посланцев трудовых коллективов» не от хорошей жизни, другими словами — не хватало денег, в этом плане у нас не было как воздух необходимых нам государственных решений. Но самое главное,

мы как огня чурались опыта западных стран, не изучали его, исходя из того, что «даже в области балета мы впереди планеты всей». Ох, как подводило нас это самонимие! Понять бы раньше, что нам не грех бы поучиться даже у своих идейных противников...

К сожалению, есть еще одна тема, которую нельзя обойти стороной. Все знают, что в 70-е годы МВД прибегало к услугам «стукачей» и «доносчиков». Они назывались «добровольные помощники милиции». Большой ли была эта «армия», я не знаю, она ведь подсчету не подлежит, но то, что оперативные службы милиции такими услугами пользовались, это так. Да и глупо было бы не пользоваться. А сколько здесь, в колонии, этих самых «добровольцев-народовольцев»! Не знаешь, с какой стороны тебя сегодня или завтра «с потрохами» заложат и выдадут! Вот они, «добровольцы»! А там у них были свои «добровольцы». Такие же, как они сейчас. Я думаю, что реальная помощь от этой братии делится так: из тысячи — единицы, а из сотни тысяч — десятки. Льгот у этих «добровольцев» не было никаких, но в бюджете органов существовала (не знаю, как сейчас) специальная статья расходов на всю эту компанию — чтобы приплачивать. Статья большая, но в полном объеме мы никогда ее не расходовали, потому что если уж платить, то за дело, а среди этих «добровольцев» всегда было полным-полно всякой шантрапы.

При Щелокове в аппарате МВД «стукачества» почти никогда не было, а вот когда пришел Федорчук, то появилось. Откуда он принес с собой этот рассадник, где, на какой работе он его приобрел — сказать трудно. Но, наверное, не в КГБ. Когда он пришел к нам (до назначения министром внутренних дел Федорчук полгода возглавлял КГБ СССР), в аппарате МВД все между собой перессорились и смотрели друг на друга уже с плохо скрываемым недоверием. Готовились заказные анонимки! То есть были люди, которые по указке нового министра писали анонимки на не угодных ему лиц. А кто были эти люди? Трезво мыслящие офицеры и генералы, которые имели собственную точку зрения и умели отстаивать свои позиции. С ними Федорчук и расправился. Потом, когда уже Федорчука сменил на этом посту Александр Владимирович Власов, тоже, кстати, проработавший в МВД недолго, на одном из партийных активов об этом и было сказано. Ну уж куда лучше-то? Борясь с «коррупцией» Щелокова в МВД, Федорчук, недолго думая, разогнал наши лучшие кадры; начальники горрайорганов в возрасте 40—45 лет чуть ли не в 24 часа изгонялись со службы, и рука Федорчука, подписывавшего им «приговоры» в виде должностных приказов, при этом не дрожала. Уже здесь, в колонии, я читал статью бывшего работника управления кадров МВД СССР генерала Голустьяна — интересный и образованный человек, кстати говоря. Гдлян тоже замышлял что-то против него, но, слава Богу, ничего не получилось. Так вот, Голустьян пишет, что Власов вернул на работу в МВД более двух тысяч старших офицеров! А ведь среди тех, с кем расправлялся Федорчук, были и такие люди, которые не выдерживали, получали инфаркты, кончали жизнь самоубийством, не в силах пережить позор и «опалу».

И опять приходится возвращаться к нашим современным оценкам 70-х годов. Я думаю, если кто-то скажет сегодня хотя бы одно доброе слово о милиции тех лет со страниц газет и журналов, то общественное мнение, уже хорошо подготовленное, еще расценит это доброе слово как «выпад» против сегодняшнего дня, против перестройки. Из одной

крайности нас все время кидает в другую крайность, может быть, даже более опасную. Никаких «выпадов» я делать не собираюсь. К Советской власти я всегда относился с уважением. И к партии — тоже. Независимо от того, в какой я был ситуации. Даже в стенах колонии. Уважительное отношение к советскому человеку, к партии коммунистов и государству у меня не изменится. Но давайте посмотрим на вещи спокойно и объективно. Совсем недавно стало известно, что в Москве среди бела дня из служебного автомобиля, который перевозит особо опасных преступников, убежали восемь рецидивистов, а перед побегом эти рецидивисты неоднократно распивали вино вместе со своей охраной. Такое возможно? Да. Это такое сверх-ЧП, что мне и сказать нечего... за все 70—80-е годы ничего подобного у нас не было и быть не могло. Я даже не знаю, как это все объяснить: то ли разложением солдата, то ли... преступники уже настолько обнаглели, что они просто диктуют свою волю охране, — только такие «делки» сиюминутно не возникают, тут, конечно, эски провели свою определенную работу. Неподготовленный читатель может и без меня догадаться, что спецавтомобиль, в котором перевозят уголовников, оборудован всеми надежными и необходимыми средствами. Он не имеет права отклоняться от маршрута. От тюрьмы до здания суда по всей трассе с автомобилем поддерживается непрерывная связь. Как этот автомобиль мог куда-то свернуть?

Как он оказался в подворотне? Как могло случиться, что солдат беспрепятственно — в форме! — вошел в магазин, и услужливая толпа тут же предложила ему без всякой очереди приобрести спиртное?

В голове не укладывается.

А эски, бежавшие на рейсовом самолете Ту-154 в Пакистан? Вот типичная картина современной расхлябанности. Когда мне уже отсюда, из колонии, было нужно лететь в Ташкент, чтобы выступить на суде по делу бывшего первого секретаря Навоийского обкома партии Есина, так меня одного в самолете везли восемь человек охраны (я еще об этом скажу). А тут что было?

Странные вещи происходят сегодня.

Слава Богу, что на годы «застоя» это все уже не спишешь... а ведь у нас сегодня так принято: если бардак, если люди утратили чувство ответственности за свое дело, значит, «корни этого безобразия — в «застойных» временах».

...Я верил суду. Очень надеялся на него. Проведя бессонную ночь перед началом суда, я вообще собрался отказаться от всех своих показаний.

Почему я не сделал этого? Вот это и есть главная ошибка. Теперь жалею, конечно, надо было бы никого не слушать, никому не верить, но уж слишком много было советчиков, слишком много! Каракозов сделал так, что меня не оставляли одного. Ведь никто до сих пор не знает, что даже по дороге в Мособлсуд меня постоянно сопровождал полковник Миртов. Он не отходил ни на минуту. Более того, вопреки всем юридическим нормам Миртов садился со мной рядом на скамью подсудимых, сидел просто бок о бок и, если бы я, допустим, стал говорить в суде что-то не то, он мог бы тут же... что угодно сделать со мной, нейтрализовать меня с помощью... каких угодно средств. А угодливый суд тут же прервал бы заседание и объявил бы перерыв на час, день, неделю — как угодно.

Когда судили Каримова, а это уже был Верховный суд СССР, тот же Миртов сидел за моей спиной и дышал мне в затылок. Что же касается Каракозова, то он своей рукой написал мое выступление в зале суда, а рано утром, перед отъездом, мы с Миртовым еще раз, уже на два голоса, прошли по тексту этого моего выступления. То есть он диктовал, а я покорно писал. Что же оставалось делать? Каракозов говорил: «Каримову конец, высшая мера обеспечена, нужно думать о себе». Весь «мой» текст был в пометках Каракозова, он все время делал какие-то «вставки»; жаль, что я не сохранил все эти бумаги, любопытный был бы документ...

В общем, меня просто обманули. Я слишком хорошо знаю... эту систему. Я все-таки верил следователям, людям вообще надо верить, иначе человек в конечном счете станет опустошенным. Если бы с самого начала я имел собственную линию поведения, сразу не растерялся бы, а занял определенные и конкретные позиции, то я бы, конечно, поступил тогда иначе. Но моя растерянность и тот «пресс», под которым я находился, были слишком велики.

А в суд я верил. Я почти не сомневался, что председатель суда Маров, человек, носящий генеральский мундир, сможет во всей этой «туфте» разобратся и... поставить на место всех лжесвидетелей.

Но уже в первый день я понял, что здесь все играют спектакль и роли в этой пьесе написаны где-то на самом «верху».

Зал Верховного суда СССР рассчитан человек на 250—300: грязные лавки, неухоженное помещение, такие же грязные и неухоженные камеры, где ждут начала суда обвиняемые. Нас было восемь человек: Яхьяев, Сатаров, Бегельман, Норбутаев, Джамалов, Норов, Сабиров и я. Суд признал ложными утверждения следователей, будто я получал деньги от всех названных руководителей органов внутренних дел Узбекистана. Непонятно только, почему меня «пришили» именно к Узбекистану, а не к Молдавии, или, например, к Казахстану или к Северной Осетии. Я чувствовал, как разгораются аппетиты у следователей: брать — так всю страну, почему Чурбанов «грабил» только Узбекистан, а не все пятнадцать союзных республик? Вот так они рассуждали. К слову скажу, что допрос Катусева — это допрос второстепенного следователя; читая протокол, я исправлял за ним грамматические ошибки.

Достаточно это для характеристики заместителя Генерального прокурора? По-моему, вполне.

Что же касается председателя суда генерала Марова, то он мне и сегодня нравится: настоящий «служака», совершенно безропотный человек, смотревший начальству прямо в рот и умеющий не рассуждать. Как его «запрограммировали» на этот процесс, так он и вел себя. И только уж когда ему действительно что-то не нравилось (как, скажем, в истории с Бегельманом), то только тогда Маров вспоминал, что он служит закону.

И все-таки самый тяжелый день в моей жизни — когда я услышал в зале суда речь государственного обвинителя Сбоева. Сейчас он занял место Каракозова, который поплатился «арестом» за скандал с группой Гдлана и Иванова. Так вот, Сбоев во всем поддерживал следствие, просил определить мне 15 лет лишения свободы: сначала пять лет в тюрьме, потом десять лет в колонии усиленного режима. Вот тут мне уже стало не по себе. Все-таки провести пять лет на тюремном режиме,

в одиночной камере, без работы и без воздуха — это верная гибель. И за что? С полутора миллионов дошли до 90 тысяч, да и тех — липовых. Это ли не авантюра?

Я выступал в суде три с половиной часа. В присутствии журналистов шла телесъемка. Стояла гробовая тишина. Генерал Маров согласно кивал головой. Сам приговор — 12 лет колонии усиленного режима — я встретил уже спокойно. И как такового последнего слова у меня не было: я не раскаивался, не заверял суд и общественность, что буду «паинькой», не просил к себе прощения или снисхождения. Бегельман, Норов и вся их компания заверяли суд, что они глубоко раскаялись, просили понять их правильно и пощадить. А я напоследок сказал им только одно: не надо было врать, дорогие товарищи. И в то же время — как их судить?

Перестройке был очень нужен суд над Леонидом Ильичом. А как же! Дочь не арестуешь, сына не арестуешь, слишком громкий был бы резонанс в стране и в мире. Зять — фигура вполне подходящая. Очень удобно. Тем более что зять — заместитель министра внутренних дел страны, не райсобеса. Человек боролся за законность, за порядок — почему бы не ошельмовать его как взяточника? Сколько у нас в стране людей, недовольных милицией? Все было продумано. А я был лишь игрушкой в их руках.

...Сегодня воскресенье. Весь отряд в кино, а я не пошел, опять ломит спину, да и руки болят, устал. Лучше отдохну, полежу.

Даже не верится, что остался один, что никто не храпит тебе в ухо и не матерится. Листаю свои дневниковые записи. Перечитал все, что было написано в «столыпинском» вагоне по пути в Ташкент, когда я уже отсюда, из Нижнего Тагила, ездил туда в качестве свидетеля по делу первого секретаря Навоинского обкома партии Есина.

Любопытные записи.

«15 ноября 1985 года. Пошли уже вторые сутки в «столыпине». Маршрут такой: Джамбул — Чимкент — Ташкент. Очень холодно. Одолевает простуда. От жестких нар в «столыпине» ноют кости. Солдаты конвоя относятся нормально, выполняя предписание: строгая изоляция. В тройнике один. Вагон старый, дует во все щели, до Ташкента еще много часов. Впереди — очередной суд, теперь Узбекский, Верховный. Я — свидетель по делу Есина...

Спать уже не хочется, а надо, обязательно надо. Пишу эти строки на короткой остановке, вагон пустой, едем мы только втроем, да, кажется, еще кто-то в соседней камере. Прапорщик, начальник конвоя, жалуется: в вагоне холодно, потому что плохой уголь. Все правильно. Кто же даст эзку хороший уголь? Мы ведь не люди, мы вне закона и Конституции. Попробую уснуть, авось получится. До Ташкента рукой подать...»

Вот так уже несколько раз я уезжал из Нижнего Тагила. Сначала в Москву, давать показания в суде по делу Худайбердыева, потом в Ташкент. Когда везли в Москву, тут мне повезло больше — отправили самолетом. Это был обычный гражданский рейс Аэрофлота. А еще раньше, когда я находился под следствием в Лефортовской тюрьме, меня привезли в Домодедово, не сообщив, куда я еду, и только тут я понял, что мы зачем-то летим в Ташкент. Летели мы на Ил-86, пассажирами были узбеки, и хотя я был без наручников, но вид у меня был арестантский, так что многие пассажиры меня узнали, подходили, с любопытством смотрели, а некоторые даже здоровались. По бокам,

впереди и сзади расположился конвой, восемь человек во главе с офицером, — в общем, окружили меня достаточно плотно, хотя куда я денусь на высоте 10 тысяч метров? А когда прибыли в Ташкент, у трапа стоял все тот же «автозак»...

Ташкентский изолятор КГБ очень плохой, грязный, сырой; когда шел дождь, камера наполнялась всякими испарениями (она находилась в полуподвале). Тут я пробыл где-то порядка десяти дней. В камере со мной находились еще двое: наркоман-«афганец», сидевший за употребление наркотиков, и еще один военнослужащий, тоже, по-моему, «афганец», который привлекался к ответственности за какие-то незаконные операции. Они, бесспорно, знали, кто я такой, хотя табличку «Чурбанов Ю. М.» я с робы содрал, перед этапом ее целесообразно снимать. Сначала с их стороны была предпринята... ну, в общем, хотели они меня «прошупать», но, зная эту публику, зная их подходы... короче, я быстро поставил их на место и сказал, что чем меньше будет ко мне вопросов, тем лучше будет для этих парней.

А второй раз я попал в ташкентский изолятор в ноябре 1989 года. Вот после этого самого путешествия в «столыпине», о котором я рассказывал в дневнике...

...Помню, как я впервые увидел Рашидова. Обычный рейс Аэрофлота, я прилетел в Ташкент рано утром, — ну кто же знал, что Рашидов приедет встречать меня прямо на летное поле? Никакой предварительной договоренности, никакого «протокола» между нами не было. Мы поздоровались, и я увидел перед собой обаятельного и интеллигентного человека, который очень уверенно чувствовал себя в роли первого руководителя республики. Я не раз слышал, как тепло и уважительно отзывался Леонид Ильич о делах Узбекистана. Когда Рашидов, выступая на пленумах ЦК КПСС, ставил перед Политбюро и Генеральным секретарем ЦК КПСС какие-то постановочные вопросы, обращался с принципиальными просьбами, они всегда находили у Леонида Ильича поддержку. Не думаю, чтобы зять Брежнева, приехавший с коротким визитом в Узбекистан, представлял для Рашидова какой-то интерес в плане личной выгоды для себя — слишком высокое положение он занимал. И, повторяю, очень уверенно себя чувствовал.

Что же, на мой взгляд, узбеки ценили в Рашидове прежде всего? При нем в Узбекистане был порядок. Они ценили его трудолюбие. Умеешь трудиться — так занимай соответствующую должность и работай. А потом, когда газеты стали кричать: «рашидовщина», «шарафрашидовщина»... и все это волнами покатило из Ташкента в Москву... — слава Богу, что эти волны хотя бы не натолкнулись на каком-то перегоне друг на друга...

О смерти Рашидова тоже полно домыслов и слухов. Чуть ли не тот же Алиев якобы, выполняя поручение Андропова, уговорил Рашидова застрелиться. Все это опять-таки полная чепуха, конечно. Рашидов умер своей естественной смертью. Он был в поездке по Узбекистану, и вот на пути в какой-то город (по-моему, Нукус) ему прямо в машине стало плохо, он попросил шофера остановиться, полежал в траве, но лучше не стало, они тут же примчались в первую попавшуюся больницу, в ней он и умер.

...Среди осужденных нашу колонию именуют «ментовской зоной». Разумеется, такая «кличка» дана не случайно. Дело в том, что осужден-

ные из числа бывших работников Прокуратуры, КГБ, МВД и партийных органов в равной степени, то есть независимо от той должности, которую они занимали «в миру», не могут находиться в одной колонии с уголовниками. Там им не жить. Возможна расправа. Таков закон уголовного мира. Поэтому у нас еще существуют «ментовские зоны». Сейчас на территории Советского Союза их всего три: Нижний Тагил, Иркутск и Алма-Ата. Многих «высокопоставленных» осужденных отправляют именно сюда, в Нижний Тагил. Почему так? Не знаю. На месте Нижнего Тагила, одного из самых загрязненных, самых тяжелых (в экологическом плане) городов Советского Союза, мог бы быть и любой другой город. Любой! И это было бы, наверное, лучше, потому что в Нижнем Тагиле дышать уже совсем нечем.

Уже три года, как я здесь. По численности «ментовская зона», то есть колония № 13, не больше и не меньше, чем сотни других колоний страны. У нас примерно такое же количество отрядов. Каждый отряд в среднем где-то около 80—100 человек — такая численность предусмотрена существующими нормативными актами, которые регламентируют деятельность исправительно-трудовых учреждений. Режим здесь усиленный. Для всех усиленный: Иванова, Петрова, Сидорова...

Усиленный он и для Чурбанова.

В 6 часов — подъем. (В воскресенье на час позже.) Дневальный не кричит, как это бывало раньше, просто раздается оглушительный, как вой сирены, звонок, эки поднимаются, быстро делают зарядку. Первая смена заканчивает работу в 17 часов, вторая вкалывает до часа ночи, потом заступает третья смена — до утра. У каждого отряда своя определенная смена, они меняются по циклу, чтобы не нарушать ритм производства.

Бараков на территории колонии нет, бараки были в те самые времена, когда сидел Солженицын. Сейчас это общежития. Но никаких комнат, разумеется, нет, это одна большая казарма: справа койки, слева койки, когда одноярусные, когда — если потеснее — двухъярусные, все зависит от размеров казармы и наполнения отряда. Каждому осужденному полагаются кровать и тумбочка, в которой — согласно общему предписанию — разрешено держать бритвенный набор, письменные принадлежности и белье.

Распорядок для всех один, он узаконен. Как и везде, колонию возглавляет начальник, у нас — подполковник Жарков, у него есть «зам» по производству, по режиму, по политико-воспитательной работе. Люди в погонах имеют право на единоначалие, это предусмотрено соответствующим приказом министра, нормативными актами и в полном объеме распространяется на каждое исправительно-трудовое учреждение, где бы оно ни находилось.

Я прибыл в колонию на общих основаниях, газеты, разумеется, трубили, что меня встречали здесь чуть ли не с оркестром, но никаких «скидок» для Чурбанова не было и никогда не будет. На них я и не рассчитывал. Когда я ехал по «этапу», то я и в голове этого не держал.

Какие скидки — выжить бы... не сломаться.

Первый разговор с начальником колонии — это просто знакомство. После того, как осужденный прибывает с «этапом» в колонию, он размещается в «этапном карантине». Есть здесь такое подразделение. И вот прибывает группа новичков. Их сразу отправляют в «этапный карантин» для медицинского обследования. В карантине эки проводят

10—12 дней, довольно долго. Сам карантин — это обычное помещение на территории колонии, где осужденных стригут, одевают в колонистскую форму и знакомят с правилами распорядка дня. А я уже приехал стриженный. Меня перед «этапом» постригли в Краснопресненской пересыльной тюрьме. Хорошенькая поблажка, нечего сказать...

Вместе с заключенными в колонию прибывают и их «личные дела». Их смотрит начальник колонии, а потом встречается с каждым осужденным в отдельности. Это закон. Пришла и моя очередь. Кабинет начальника находится в штабе колонии, на втором этаже. Это обычная, не очень большая комната, два телефона, чей-то портрет... Состоялся короткий ознакомительный разговор о работе, об условиях содержания, об отряде, то есть обычная нормальная беседа. Осужденных распределяют на работу, исходя из медицинского заключения. То есть смотрят, кому что противопоказано. В моем «личном деле» было сказано: трудоспособен. Ну, а сам вид работы определяет уже руководство колонии. Начальник не сразу сказал мне, кем я буду работать, сначала был определен цех, а уже потом и должность, так сказать. Я начал трудиться слесарем-сборщиком. Делал креманки — вазы для мороженого. Самое трудное — не промахнуться в поклепке, аккуратно соединить «низ» с «верхом». Есть такой небольшой станочек, на котором чаша креманки зажимается и насаживается на алюминиевый стержень, после чего он расклепывается. Тут важно, чтобы «верх» соединился с «низом» и эта чашечка не проворачивалась бы. Тогда все готово.

До завода я кончал ремесленное училище и выпускался из него слесарем-сборщиком четвертого разряда. И хотя это был авиационный завод, то есть никаких креманок на нем и в помине не было, все же какие-то навыки остались.

Не забыл я еще, как нужно держать в руках слесарный инструмент. Норма производства креманок сначала показалась мне большой (500 штук в день), не каждый раз это получалось, у меня не было соответствующей квалификации, но у кого из вновь прибывших здесь есть такая квалификация? Показали, как нужно делать, и начал я потихоньку клепать эту вазу...

Каждому осужденному полагается два ученических месяца (норма — 400 штук, тоже немало). Потом, когда уже «набиваешь руку», норма не кажется такой большой, но это потом, а сначала...

У нас с напарником был план по этим креманкам — 7—8 тысяч в месяц, в зависимости от того, какая в них потребность. Но меньше 6 тысяч не было. И эту норму нужно выполнять. Таково правило. Попробуй не выполнить — будешь наказан. Как? Тебя могут лишиться права на приобретение продуктов питания в лагерном магазине, это очень серьезное наказание для осужденного — если это случится, то целый месяц будешь питаться хуже, чем питаешься. Тебе могут объявить взыскание, письменное или устное. А в том случае, если эта норма не выполняется постоянно, начальник колонии имеет право лишиться тебя длительного — это бывает два раза в год — свидания с женой или близкими родственниками. Могут быть применены и такие штрафные санкции, как водворение в штрафной изолятор, кстати, в штрафном изоляторе тоже надо работать, только там другой вид работы, более тяжелый. Есть в нем помещения камерного типа, в них, как правило, клепают «жеребейку» — в зоне существует и такой вид деятельности. Здесь, в колонии, нет карцеров, так что самое тяжелое наказание для

осужденных — это водворение в ШИЗО на 15 суток. Или — это еще хуже — заключение в помещение камерного типа.

Посмотрим, что будет, если эти мои записки увидят свет.

Убежать из зоны невозможно, да и что это даст? Каждая колония охраняется внутренними войсками. Эти ребята стреляют без промаха. Насколько я знаю, из нашей колонии только однажды, еще в 60-х годах, была сделана попытка побега и закончилась смертельным исходом.

Трудно очень. Первое время я просто не высыпался. Стоишь весь день у станка и... клепаешь, клепаешь эти... креманки, быстро накатывается усталость, причем больше всего — зрительная, это повторяется изо дня в день, изо дня в день... После ваз болели руки, плохо работали кисти, был тяжелый, рваный сон, да и сны, прямо скажем, были... Всякие. Гдян с Ивановым и Миртов с Каракозовым будут мне, наверное, всю жизнь сниться. И еще Сорока, тот самый заместитель Генерального прокурора, который давал санкцию на мой арест...

В месяц я зарабатываю где-то около 100 рублей. По нынешним временам, конечно, не деньги, но ведь на территории колонии нет Центрального рынка, так что и тратить их особенно не на что. От этой суммы с зсков сразу высчитывают ровно половину, то есть по 50 рублей, за что — так никто не знает. Так же никто не знает, куда и на что идут эти деньги. Согласно существующему предписанию, осужденных кормят завтраком, обедом и ужином на 22 рубля в месяц. Сумма говорит сама за себя, но ничего, зски с голода не умирают пока что. Разумеется, эти деньги тоже высчитывают из заработной платы. Кроме того, деньги высчитываются за одежду, которую ты получаешь со склада, в общем, на руках остаются совсем крохи. Что же касается лагерного магазина, то осужденный имеет право потратить на него лишь 15—16 рублей в месяц, не больше. Не знаю почему, но те деньги, которые заключенный получает из дома, он не имеет права тратить на продукты питания.

В лагерном магазине ассортимент продуктов невелик, и он определен существующим служебным циркуляром. Это хлебобулочные изделия, повидло, если оно есть, в прежние времена (до табачного кризиса) — папиросы и сигареты. Табачный кризис чувствуется в колонии так же, как и по всей стране. Существует норма: десять пачек папирос, сигарет или махорки в месяц. Что там говорить, конечно, это очень мало. Кроме того, в магазине можно приобрести товары первой необходимости: хлопчатобумажные носки, мочалку и мыло.

Каждый отряд имеет телевизор, в некоторых даже цветные. В нашем — обычный, черно-белый. Время просмотра телепередач — с того момента, когда ты вместе с отрядом возвращаешься с работы, и до программы «Время» включительно. В 21.30 у нас общее построение, проверка наличия осужденных, в 22.00 отбой.

Главное и единственное желание заключенного — выспаться. Каждый зск с нетерпением ждет воскресенья. Это единственный день, когда можно чуть-чуть отдохнуть, сходить — олять-таки всем отрядом — в кино и хоть как-то привести себя в порядок, постирать. Осужденные сами ремонтируют свою одежду и стирают арестантские робы. Постельное белье сдается в лагерную прачечную, но качество стирки оставляет желать лучшего. Многие стирают свои простыни и наволочки сами. Но если постирать белье утром, то к вечеру оно не всегда успевает высохнуть, вот ты и сушишь его в постели собственным телом.

Во всех зонах заключенным настойчиво рекомендуется выписывать

и читать газеты. Опять-таки скажу: именно во всех зонах, не только в нашей, 13-й.

«Правду» я читаю в обязательном порядке. Журналы не выписываю, да и сейчас, с учетом резкого подорожания, их уже, наверное, просто невозможно выписать. Зэки решили «скидываться» и выписывать один журнал на три-четыре человека, во всяком случае, я все время слышу такие разговоры. А иначе не получается, это просто не по карману. Те деньги, которые присылаются из дома, не идут (как я уже говорил) на получение продуктов; они могут быть использованы — и то лишь с разрешения начальника колонии — только на приобретение каких-то товаров или, скажем, на зубного врача. В колонии раз в неделю работает какой-то зубоврачебный кооператив — все-таки зубы изнашиваются так же, как и сам человек. К услугам стоматолога я пока что не обращался, но думаю, что это время уже не за горами. А так скажу еще раз, народ здесь читающий, причем — болтливо читающий. Зэки живо обсуждают все услышанное, прочитанное и с еще большим удовольствием это услышанное и прочитанное перевирают. Все-таки психология людей, оказавшихся в колонии, трансформируется очень сильно. Из маленького слушка быстро рождаются слухи. Они, как снежный ком, обрастают новыми подробностями — и понеслось! Поболтать в зоне — так это хлебом не корми... Так что для осужденного журналы и газеты — это еще и повод для общения между собой.

130 Состав осужденных, в общем, неоднороден: есть просто старцы глубокие, есть — и много! — молодежь: 19—23 лет. Скажем, в нашем цехе работает парень Игорь Быков, ему 19 лет. Сам из Нижнего Тагила, статья 117, часть третья: изнасилование. И ростом неказист, и сажени косой в плечах нет, — а вот поди ж ты, бес попутал, как говорится. Отца нет, водку начал пить с тринадцати, состоял на учете в детской комнате милиции. И вот — результат. К органам МВД он отношения не имеет, просто суд гуманно поступил с пареньком, не отправил его в «бытовую зону», посадили сюда, к «ментам», все-таки лучше, чем к уголовникам, может быть, хоть не испортится до конца. Есть другой «малолетка», тоже у нас в цехе работает, собирает картофелеочистительные машины. Тот — разбойник. Сел за разбой. Смотришь на него и думаешь: Господи, ну какой же он там... преступник. А бандит, настоящий бандит, потому и фамилию не называю, может, одумается...

Если же говорить о бывших работниках МВД, то среди них все-таки преобладает «низовой» состав: сержанты, офицеры младших чинов. Много прапорщиков внутренних войск, сотрудников суда и прокуратуры. Все они ведут себя по-разному. Кто-то глубоко раскаивается в содеянном, кто-то, наоборот, только здесь, в колонии, и показал всю свою подлую начинку. Бывшие офицеры милиции сидят в основном за взятки. Среди них очень мало людей, которые осуждены за нарушение социалистической законности, за превышение своих служебных полномочий. К сожалению, в зоне много убийц.

Не нужно, наверное, видеть во всех осужденных конченных людей. Но зэки есть зэки, хочешь — не хочешь, а отношения должны складываться, ведь ты живешь не один, вокруг — люди, и жить нам вместе еще почти десять лет. Когда я только-только появился в зоне, многие заключенные злорадствовали и не скрывали этого: «Генерал-полковник, зять Брежнева, а тоже здесь! Как хорошо! Раньше ты нас, теперь и тебя...» Не могу сказать, что они вели себя самым дружественным

образом. У эзков своеобразная психология: хорошо тебе, другого зависть одолевает. Плохо тебе — он снова почему-то радуется, даже злорадствует, не скрывая этого. Сознание этих людей в большинстве своем извращено, конечно, что тут говорить. Но ведь многие сидят здесь годами, ничего не поделаешь, хотя многое — я согласен — понять и принять просто нельзя.

Ко мне они, в общем, «не лезли». Отдельные попытки были, но я их сразу пресекал. Потом отстали. Только строить отношения и устанавливать их — это разные слова. Отношения, конечно, должны устанавливаться сами; а как-то искусственно строить их — это значит приспособливаться, вот я — противник этого. В зоне есть такая тенденция: если между двумя осужденными вдруг пробежала кошка или эти люди друг другу просто не нравятся, они вообще не разговаривают между собой.

А замыкаться здесь нельзя, это — моральная смерть. Если в зоне человек лишает себя общения с другими людьми, это полутруп, он или с ума сойдет, или совершит какие-то непредсказуемые поступки. Вот, скажем, тот же Усманходжаев, бывший первый секретарь ЦК: узбеки, которые общались с ним и по долгу службы, и в силу личных контактов, говорят сейчас, что Усманходжаев здорово сдал. Насколько он сломался, сказать трудно, я просто передаю наблюдения людей, которые работали с ним в 70—80-е годы. С кем он общается? По-моему, кроме узбеков, — ни с кем, но это, конечно, еще зависит и от склада характера самого человека.

Радуюсь за генерала Сатарова, бывшего начальника УВД Ташкента, который ушел недавно в «досрочное освобождение». Уехал домой. Наш Уголовный кодекс предусматривает и такой «вариант»: после отбытия двух третей срока наказания (Сатаров получил шесть лет), если осужденный за это время не нарушал дисциплину и добросовестно трудился, его освобождают.

А другие генералы все еще сидят... Не сомневаюсь, что и меня здесь будут держать «до последнего». А может, и еще что-нибудь придумают, пострашнее, кто знает...

В этом году мне исполнилось 54 года. Еще вполне работоспособный возраст. Очень хочется вернуться к конкретному делу: с новой оценкой, с новыми мерками и подходами, с новыми людьми. То окружение, которое у меня было раньше, я бы, конечно, в свою команду уже не взял. Не все показали себя настоящими людьми.

Эзки стараются не нарушать порядок и уважать администрацию. Но есть и многие другие проблемы. Среди офицеров колонии встречаются разные люди: умные и не очень умные, скромные и чванливые — эту чванливость я сполна на себе испытал. Что там греха таить, многим прапорщикам, лейтенантам (да и людям из младшего офицерского состава) приятно колынуть бывшего генерал-полковника и первого заместителя министра внутренних дел страны. Но таких все-таки мало.

Нельзя унижать человеческое достоинство. Независимо от того, в какой ситуации оказался бывший ответственный работник, стриженный он или нет, каким бы подонком он ни был, с каким бы ни пришел сюда, в колонию, составом преступления. Он временно изолирован от общества, отсидит свое и вернется. Но в то же время и общество по целому ряду позиций гарантирует ему неприкосновенность. А эзки тоже хотят участвовать в жизни страны, чувствуют себя ее гражданами. Когда

осужденные смотрят программу «Время», в комнате собирается довольно много людей. Ситуация в стране всех живо интересует. И люди, которые сидят здесь, — понять бы это тем, кто не понимает! — еще остались людьми...

Первое письмо от жены я получил не сразу. Сначала сам написал. Дал адрес. Рассказал, как доехал в «столыпине». О подозрении на туберкулез, с которым я тут же угодил в санчасть, не писал. И правильно, по моему, сделал, туберкулез, слава Богу, не подтвердился.

А потом Галина Леонидовна ответила. Началась переписка. Не могу сказать, что жена пишет письма каждую неделю, она из той категории людей, которые не любят писать. А вот пространные телеграммы, которые стоят значительно дороже, чем письмо за 5 копеек, она присылает регулярно.

Совсем недавно я узнал, что Галина Леонидовна выиграла суд. Это был суд Краснопресненского района, который, заслушав дело, вынес решение вернуть жене принадлежащее ей имущество. Потом, уже из прессы, я узнал, что Мосгорсуд внес протест, считая решение районного суда незаконным. Чем все это кончится — сказать трудно.

И все-таки жаль годы, которые идут так быстро, очень жаль. Из-за колючей проволоки не очень-то разглядишь, что происходит в стране.

Зки, пожалуй, единодушны в своем отношении к нынешнему времени. Вот тут они все солидарны. Ждут они, бедные, амнистии, ждут каждые полгода, и тут я их — и себя — хорошо понимаю. С высокой государственной трибуны было заявлено об изменении уголовного законодательства. Где же оно? Один съезд прошел, второй, третий, сессии Верховного Совета сменяют друг друга с такой быстротой, что не успеваешь следить, а нового уголовного законодательства как не было, так и нет. Только опять с трибун идут заверения, что все уже готово, что вот-вот... Пока это только слова. А взамен предлагается парламентское мелкотемье, внезапно рождающиеся и так же внезапно умирающие повестки дня. Разве это серьезно?

В свое время и я был депутатом Верховного Совета РСФСР. Мне очень нравилась продуктивность, с которой мы тогда работали. Пусть по ряду позиций она была где-то «запрограммирована», но эта продуктивность носила конструктивный характер. Каждая сессия кончалась конструктивным решением, каждая. И местным Советам депутатов трудящихся оставалось только одно — выполнять и докладывать о выполнении. По-моему, реальный вклад союзной и российской сессий Верховного Совета тогда был гораздо более значительным, чем теперь...

Вот и кончается моя исповедь. Не знаю, будет ли у этой книги продолжение и нужно ли оно. Кажется, я все сказал.

Если я выйду на свободу, то есть если я останусь жив, мне будет 62 года. Не такой уж большой возраст, но все-таки...

Впереди еще 8 лет, и их надо как-то прожить. Как-то прожить и обязательно бороться.

Чего бы это ни стоило.

Январь, 1991 год.
Нижний Тагил.

Литературная обработка
А. КАРАУЛОВА.

НЕЗНАКОМЫЕ ЗНАКОМЦЫ

Все, кого вы увидите на портретах январского и еще двух ближайших номеров журнала, или напрямую делали историю Отечества, или же были отнюдь не эпизодическими ее персонажами: государственные и общественные деятели, военные, писатели, художники, композиторы... Тем не менее эти два, казалось бы, взаимоисключающих слова — знакомые — имеют смысл.

Десятилетия наша иконография если не полностью скрывала сколько-нибудь заметные лица «досоветского периода», то, во всяком случае, не очень-то их пропагандировала в отличие от «борцов за народное дело». Но можно ли понять прошлое, рассматривая его лишь как борьбу классов, не пытаясь увидеть реальных персонажей? «Прогрессивный», «реакционный» — только так определялся у нас любой деятель. Не довлеет ли и сегодня над нами черно-белое мышление, когда пытаемся уразуметь, что за личности играют первые роли на общественной сцене?

Давайте же с симпатией и приязнью взглянем на лица живших до нас соотечественников. Знатоков и просто любителей российской истории мы приглашаем к участию в конкурсе «Незнакомые знакомцы».

А теперь — об условиях.

В январском, февральском и мартовском номерах «Смены» публикуется по семь портретов. Вы должны ответить на два вопроса:

1. Кто изображен на каждом из представленных портретов?

2. Чем известен этот человек?

Всего вы должны назвать двадцать одно имя. За каждый правильный ответ жюри будет начислять одно очко.

Для победы в конкурсе необходимо набрать максимальное их количество, то есть двадцать одно.

Второе место займет участник, набравший не менее девятнадцати очков, третье — не менее семнадцати.

Победители конкурса получают ценные призы и дипломы «Смены».

Какие призы — пока секрет... Знатоки, не вошедшие в число победителей, но принявшие активное участие в конкурсе, решением жюри будут отмечены поощрительными призами.

Ответы на вопросы январского тура нужно отправить в редакцию «Смены» до 15 апреля (срок отправки — по почтовому штемпелю). На конверте сделайте пометку:

«На конкурс «Незнакомые знакомцы». I тур».

А для разминки попытайтесь определить, кто изображен на этюде к известной картине знаменитого русского художника, который публикуется на второй обложке этого номера.

Верный ответ на этот вопрос жюри учтет при подведении окончательных итогов.

Желаем успехов!

ПОЛИФОНИОН

Шкатулка медь сургуч бутылка с клеем
Музейный стул — с помойки уворован
Мы в мастерской у Сашеньки Петрова
Покрыты даже пылью тех времен

Я — звучный ящик ПОЛИФОНИОН
На желтой крышке ангел гравирован
Вложи железный диск полуметровый —
И звон! и Вифлеем! и фараон!

Ведь были же трактиры и калоши
Всего себя в тоске переерошу! —
Когда ж печать последнюю сниму —

Рожок играет и коза пасется
В арбатском переулке на снегу
Напротив итальянского посольства

ВЕЧЕРНИЙ СОНЕТ

Зажжется свет... И в полупрозрачном
Стекле возникли лампа стол и я
Угадывалась комната моя
Но фото было призрачным и мрачным

Там сквозь меня просвечивали ели
далеких зданий острые огни
А тут был пол и все на самом деле
Хоть сам себя за ляжку ущипни

Я ущипнул себя — не удержался
Но крикнул он — из черной немоты!
А в зеркале напротив отражался
Еще один двойник и демон — ты

И с ужасом друг друга наблюдали
Три разных стороны одной медали

РУКОПИСЬ

Раскрыл меня ты наспех — наугад
На двести девятнадцатой странице
Оплыли свечи. Все кругом молчат
И дождь потоком по стеклу струится

Дорогой кони скачут и храпят
В кустах — огни! Предательство! Назад!
Мария спит смежив свои ресницы
И в лунной ночи замок серебрится

*Начало: «Граф дает сегодня бал»
Конец: «Убит бароном наповал!»
Я — пыльный том седого графомана*

*Но лишь открой картонный переплет
Предупренной прохладой пахнет
И колокол услышишь из тумана*

СОНЕТ ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

*Здесь воздух весь — полын — и небо птичье
Подтеки лавы камень как нарост
Кто растолкует мне тайноязычье —
И отчего возник незримый мост?*

*Над Коктебелем ярче сфера звезд
Явился дух — знакомое обличье
Спала под легкой тканью Беатриче
Воробышком, так осторожно нес*

*Он огневел — и все во мне дивилось
Насквозь гора и моря полоса
Приблизился — невероятно вырос*

*Зрю: виноградом сердце на ладони
Он дал вкусить сей дивный плод мадонне
И я проснулся в горе и слезах*

НИКИТСКИЙ САД

*Никитский сад — твой камерный театр
Здесь все деревья — духи и актеры
Все гонишься за призраком который —
В зеленый бархат... В дырочку следят...
Ты сам для них — и дух и экспонат
Спускаясь к морю ты уходишь в горы
Где — гул аплодисменты разговоры
Где — Горького и Невский и Монмартр
Здесь все отрететировано, даже —
Твоя фигурка на вечернем пляже
И горы декорацией висят
Что там мелькнуло — чайка ли?.. собака?..
Когда себя сыграем как спектакль
Пусть занавесом нам — Никитский сад*

ДУХ

*Звезда ребенок бык сердечко птичье —
Все вздыблено и все летит — люблю! —
И на лету из хаоса леплю
Огонь цветок — все — новые обличья*

Мое существование фантастично
Разматываясь космос шевелю
И самого себя хочу настичь я
Стремясь из бесконечности к нулю

Есть! пойман!.. Нет!

еще ты дремлешь в стебле
Но как я одинок на самом деле
Ведь это ты все ты —
жасмин и моль и солнца свет

В башке поэта — в круге окаянства
«Ни времени не знаю ни пространства»
И изнутри трясёт его сонет

МЫСЛИ

Вот отлетела — серая как моль
Вот развернулась — пестрая как веер
Навязчивые — только им позволь —
Всю ночь стучит и движется конвейер

Рассыплются — горох или фасоль —
Не соберешь — еще и сам рассеян...
ОГРОМНЫЕ И БЕЛЫЕ КАК СЕВЕР
Мучительная как зубная боль

Расставлены как шахматы — для дела
Застенчивая — держится в тени
И та которую хоть за уши тяни
Не вытащить — как накрепко засела!

Есть мысли в кресле, мысли на ходу
И эта мысль к которой я иду

СПЯЩИЙ БУДДА

Снимаем обувь — уж таков порядок
Здесь Вечность спит «у времени в плену»
И храм ведет куда-то в глубину
От головы до колоссальных пяток
От локтя к уху взглядом я ползу...
Из полутьмы полузакрытым глазом
Мир как яйцо. Он созревает разом...
А мы — мы где-то шлепаем внизу
Очнись! опомнись! кто мы? что мы? где мы?
Вокруг застыли желтые монахи
И мрамор холодит подошвы ног...
Клыкастой маской усмехнулся демон
И вновь — надежды ужасы и страхи...
В закат рычит бензиновый Бангкок

СОНЕТ С ВАЛИДОЛОМ

Мокрые листья влипли в асфальт
Сентиментально гляжу на природу
На серое небо на серую воду...
В июне меня прихватило — инфаркт

Кажусь себе барином старого рода
Мол пожил и хватит — фойе и антракт
А кто-то гуляет и пьет! И кого-то
Сам черт не берет!.. Поразительный факт

Как выжила жизнь и поэзия в этом
Сплошном советизме! На вечер к поэтам
Опять участковый с повесткой пришел

Сейчас бы (пожалуйста — клетка и птица)
Израниться в кровь... или просто напиться...
Но в левом кармашке лежит валидол

МИЛЕДИ

Есть голоса — футбольная команда
И твой негромкий отличу от всех
Как будто ласку гладить — теплый мех
Еще я видел небо Таиланда

Там тысячи легчайших колокольцев
Как тысячи сладчайших богомольцев
Лепечут улыбаясь в синеву

Ты храм такой видала на картинке?
Твой смех колеблет медные пластинки
Ты радуешься значит я живу

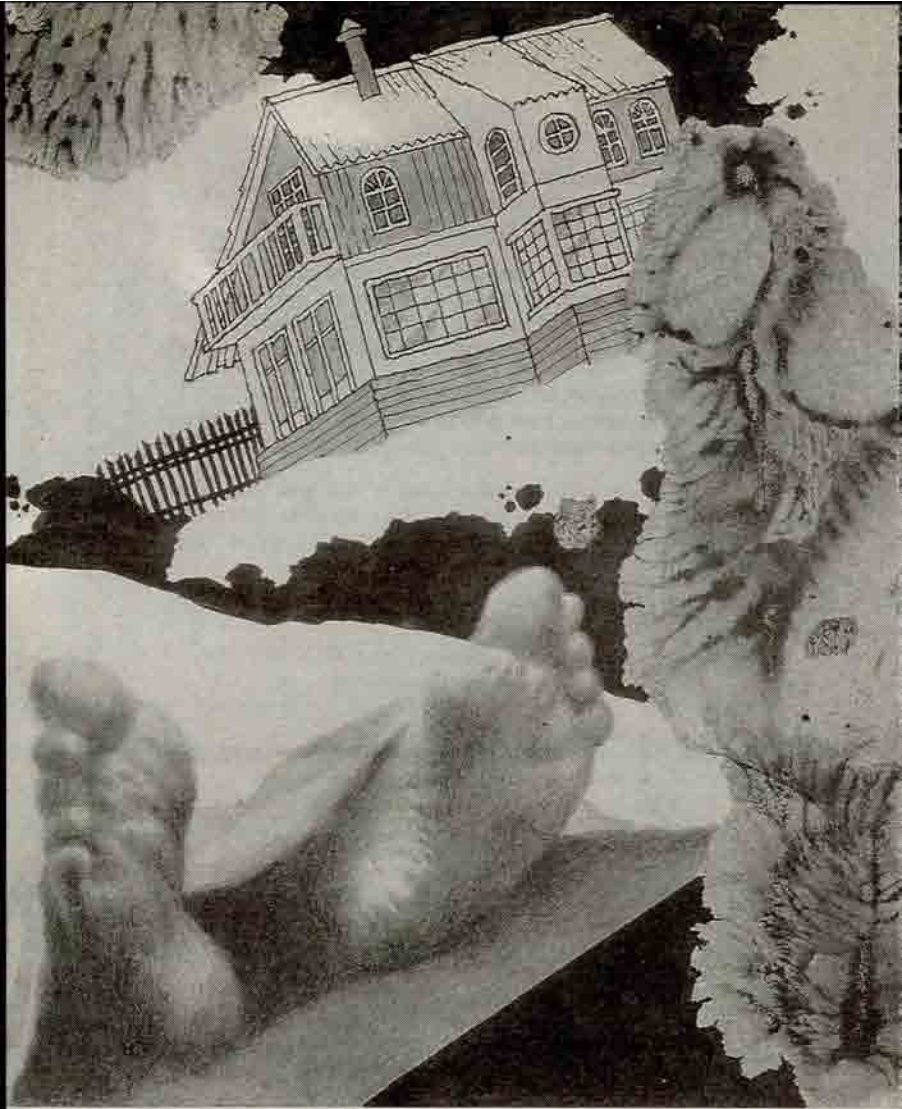
НЕОКОНЧЕННЫЙ СОНЕТ

Четверг. С утра я позвонил в Москву
Сошел с крыльца на снег навстречу солнцу
Увидев близко розовую сойку
Обрадовался я что я живу

Дорогу помню — желтую постройку
Опять сегодня поздно я уснул
А в дымчатое нежное высоко
Вливалась синь предвосхитив весну —

И что созвучно все моей душе
Которую за много лет я снова
Сверкали звезды грозно и лилово —

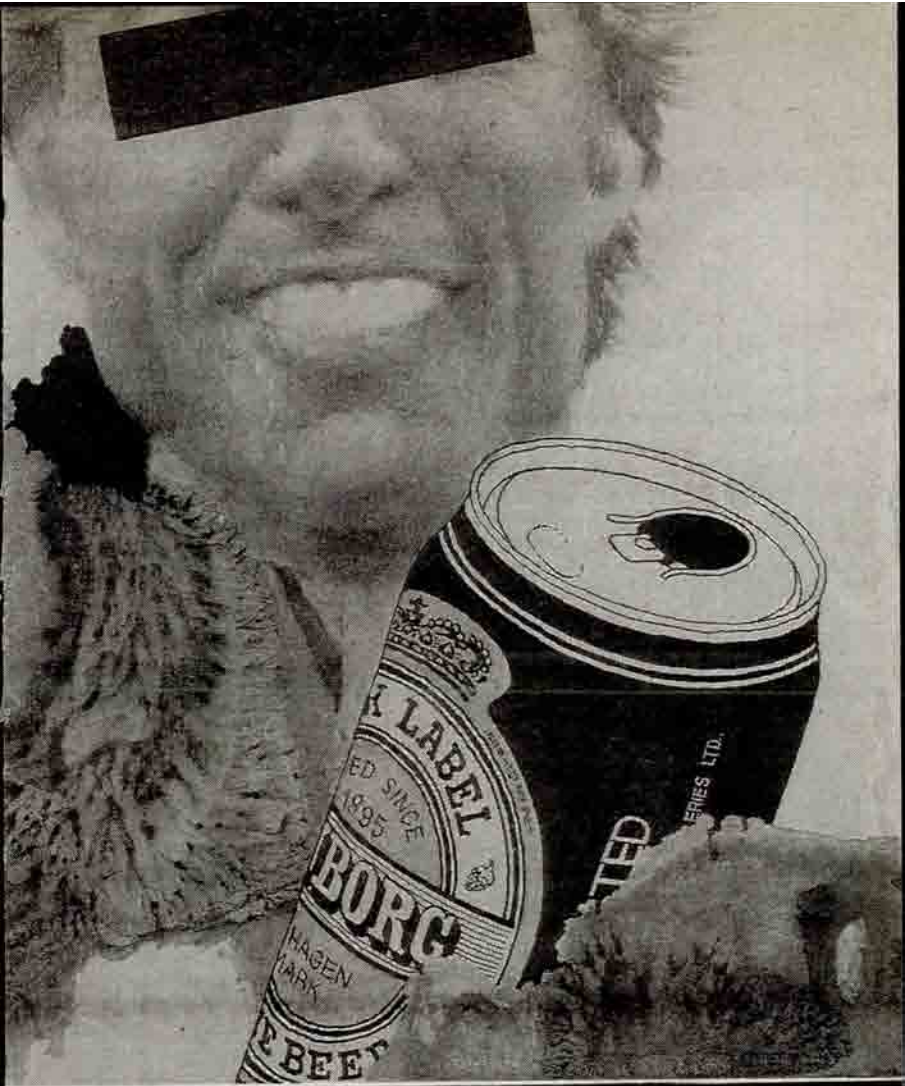
Почувствовал

НЕ ЗАГОНЯЙТЕ В УГОЛ

СЕРГЕЙ ВЫСОЦКИЙ

Рисунки
АЛЕКСЕЯ ОСТРОМЕНЦКОГО

ПРОКУПОРА

Все события и герои романа вымышленные. Любые аналогии неправомерны.

Автор

Юбилей

В полдень над подмосковным поселком Переделкино, над большой деревянной дачей известного прозаика Маврина голубело холодное небо. Колючее февральское солнце сумело пробиться сквозь недавно намытые стекла веранды — бутылочно-зеленые, золотистые и фиолетовые. Анемичные цветные блики недолго погостили на большом круглом столе, заставленном блюдами, салатницами и хрустальными ковчегами с терпеливо ожидающими своей участи восхитительными закусками. Здесь царил острый запах весны — свежих огурцов, помидоров, пахучих трав и прочей рыночной зелени, сдобренной сметаной и майонезом.

Ближе к вечеру мерный стук капель по железу подоконников возвестил о том, что начинается очередная оттепель.

Погода нарушила все планы юбиляра. Он ожидал гостей к трем, к назначенному часу собрались только те, кто жил по соседству в поселке и кто приехал из Москвы на электричке. Рискувшие сесть в автомобиле запаздывали. Начало застолья, запев, как любил говорить юбиляр, получилось скучноватым — каждый вновь прибывший, не слышав первых тостов, неизбежно повторялся в своих славословиях. Получалось без особого тепла, без той искренности, на которую рассчитывал Маврин, приглашая не только литературный бомонд, но и старых друзей военных времен, и молодежь. Не добавило теплоты и присутствие на юбилее писателей из враждебных станов расколовшегося Союза. Далекий от шумных цедеэловских баталий, Алексей Дмитриевич и не подозревал, что распря зашла так далеко, что из залов заседаний уже просочилась в домашние застолья. Как ни старался тамада, давний приятель юбиляра критик Борисов, превратить юбилей в праздник, холодные токи неприязни витали над столом и Маврин чувствовал их спиной.

Даже спич Борисова о том, что аморально заставлять писателя делать политический выбор, что творчество выше политики и каждое проявление его — знак высшей благодати (когда-то Мао выразил эту мысль значительно короче: «пусть расцветают все цветы»), не заставил поднять забрала наиболее ожесточенных бойцов. Хотя и вызвал одобрение большинства.

И только хозяйка, Алина Маврина, сумела растопить последний лед. Она поднялась, держа в одной руке бокал с шампанским, а другой полюбив мужа, помедлила несколько секунд, дожидаясь тишины. Высокая, стройная, с раскрасневшимся гладким лицом, она выглядела значительно моложе своих сорока пяти. Чертами лица она удивительно походила на мужа, состарившегося художца-

вого красавца. Гораздо больше, чем его родная дочь — плотная хмурая женщина с широким невыразительным лицом.

— Только писательские жены знают, что это за каторга — быть женою писателя. За писательских жен! — Она быстро наклонилась, поцеловала Маврина и выпила шампанское.

— За прекрасных каторжанок! — уточнил басом прозаик Дарьев, любитель расставлять точки над «i».

— Прекрасная каторжанка! Что за чудесный соус вы приготовили к ветчине и ростбифу? — спросил автор детективов Огородников. — В наше голодное время безнравственно подавать такие приправы к столу!

— Да, Алина, соус — чудо! Не темни, открывай секрет, — поддержала Огородникова.

— А что соус?! — весело отозвалась хозяйка. — У него только название сложное. А всего-то и нужно: лук, уксус, горчица, перец, лавровый лист, апельсины, желе черной и красной смородины, картофельная мука и две чайные ложки мадеры — и все это называется кумберленд.

При упоминании мадеры гости дружно рассмеялись.

— Мадера небось португальская? — спросил молодящийся поэт-песенник.

— Не пил мадеры уже лет двадцать! — с таким тяжелым вздохом сказал кто-то из гостей, что все снова рассмеялись. Оставив в покое высокие материи, гости наконец-то ощутили прелестный букет выдержанных армянских коньяков, домашнего вина «Лыхны», присланного юбиляру из Абхазии, оценили кулинарный талант хозяйки, распробовав дивные закуски, приправленные разнообразными соусами, своими названиями под стать романтично звучащему кумберленду.

Острые идейные разногласия были забыты. А тут и тамада, собравшись с мыслями, подкинул тему, объединившую всех — и правых, и левых: низкие гонорары и высокие налоги. Общий враг был обозначен, душевное равновесие гостей восстановлено. Славили юбиляра и ругали власти предержавшие. Только поэт Лис, не упустивший возможности напиться, подпустил яду в адрес маститого именинника. Расплескивая на белоснежной скатерти марочный коньяк, налитый в большой фужер, щуря хитрые, почти трезвые глаза, он вдруг процитировал Поля Валери: «Слава, к сожалению, не имеет точного глаза и часто ошибается в выборе».

Помолчав многозначительно и выплеснув, теперь уже на подол соседке, очередную порцию коньяка, он добавил:

— В случае с юбиляром все получилось наоборот.

В гостиной на миг повисла неловкая тишина. Потом кто-то громко сказал:

— Ну, Василий в своем репертуаре!

Все загалдели. Кто осуждал Василия Лиса, кто оправдывал, доказывая, что он хотел польстить юбиляру, а не обидеть, но невятно выразился.

Убилава, громоздкий, нескладный, с застывшим лицом, смотрел наглыми глазами на хозяйку и шептал соседу, глухому старику, автору скучнейших исторических романов:

— Что за женщина, честное слово! Клянусь, будет моя. Честное слово, мужа зарежу, забью, крысиным ядом изведу, утоплю в Черном море, клянусь!

Старик из этой тирады услышал только про Черное море и начал рассказывать про то, как во время войны уходил на миноносце из осажденного Севастополя.

В конце вечера юбиляр, провожая гостей, отбывающих постепенно, внимательно заглядывал им в лица совершенно трезвыми глазами. Долго держал руку в своих больших жестких ладонях, и многим почему-то делалось не по себе от его испытующего взгляда. Он словно бы знал что-то не слишком приятное для них и хотел проверить: а знают ли они об этом сами?

Пока жена, накинув шубку, провожала до калитки домработницу, Алексей Дмитриевич поднялся в кабинет и раскрыл двери на балкон. Ночь стояла безветренная. Сосны, кусты боярышника и сирени, забор — все вокруг было пышно украшено белыми узорами, а тишину нарушала только громкая капель. Время от времени глухо ухали падающие с деревьев и крыши комья снега.

Маврин смотрел, как жена закрыла калитку и медленно пошла к дому. Одинокий фонарь, горевший в саду, на несколько мгновений осветил ее и посеребрил шубу, сверкнула бриллиантовая сережка. «Она у меня, как принцесса в сказочном саду», — подумал Маврин с теплотой. Но жена выпшла из светового круга и превратилась в маленькую одинокую фигурку, затерявшуюся в темном лесу. Алексея Дмитриевича пронзило острое чувство жалости к жене. «Умру скоро, — внезапно подумал он, — Алина останется беззащитной. Все на нее накинутся — Литфонд отберет эту дачу, Моссовет заявит, что городская квартира слишком велика для нее одной, мои дети потребуют раздела имущества...»

Через пару минут Алина Максимовна появилась в кабинете.

— Мы в миноре? — спросила она, выйдя на балкон и встав рядом с мужем.

— Наоборот. У меня такая благодать на душе... И голова совсем не хмельная — мог бы сейчас еще бутылку шампанского выпить.

— Вот и прекрасно, — шепнула Алина Максимовна. — Сейчас приму душ, а ты принесешь в спальню шампанское. Только обязательно полусладкое.

— Хорошо, детка. — Маврин обнял жену, поцеловал в лоб и подтолкнул к двери. — Не задерживайся.

Ему всегда было хорошо только с ней. Временами в душу закрадывалась мысль, что он женился на колдунье, только с ней он чувствовал себя мужчиной. Таким же сильным и неутомимым, как в зрелые годы.

Жена ушла. Маврин слышал, как скрипнули ступеньки, потом стукнула дверь, донесся монотонный шум воды. «Это надолго», — решил Маврин. Алину он считал водопоклонницей. Он поудобней устроился в своем кресле и вдруг с сожалением подумал, что за весь вечер никто не проявил желания потанцевать. Несколько раз Алина предлагала включить музыку, но все дружно отказывались, даже молодежь. Пили, закусывали, спорили о политике, рассказывали анекдоты, злословили. «Неужели мы все так соста-

рились и отяжелели? Ладно мы. А молодые? Может, стеснялись? — Маврин с осуждением покачал головой. — Надо было настоять, показать пример. Мы с Алиной такой бы вальс прокрутили! Или фокстрот!» Маврину нестерпимо захотелось послушать музыку.

Он встал, включил проигрыватель, перебрал пластинки. Тут было много любимых — классика и эстрада. Бах соседствовал с Леграном, Паваротти — с Мадонной и Машей Распутиной. Лещенко, Церетели, Клименко, Челентано... Нет, не этого ему хотелось. Вот в сороковом, когда он приехал в Ленинград с финского фронта и зашел к приятелю Виктору Панченко на Седьмую линию, они устроили вечеринку и он танцевал с младшей сестрой Виктора. Как ее звали? Не важно. А мелодии, под которые они танцевали, — такие щемяще знакомые и далекие! «Под небом знойной Аргентины» — «И внезапно искра пробежала в пальцах наших встретившихся рук». Нет, это не отсюда. Потом Лещенко — «Татьяна, помнишь дни золотые...». Ее звали Татьяной? Нет. И танцевали что-то быстрое. Фокстрот, наверное. Что же за название? Какое-то до боли знакомое слово. «Кариока»? Какая партнерша была нежная! И ее духи!.. Он весь растворился в ней!

«Где-то у меня есть гора довоенных пластинок», — подумал Маврин и, опустившись на колени перед книжным шкафом, стал перебирать старые, тяжелые пластинки в видавших виды конвертах. Шульженко, Утесов, Вадим Козин... А вот и знакомая синяя этикетка! Он так обрадовался, словно встретил старого друга. Маврин не стал читать этикетку — пришлось бы искать очки, — он был уверен, что это именно та пластинка.

Еле слышно гудел аппарат — большой японский музыкальный центр. «Нам бы в молодости такую штуку», — усмехнулся Алексей Дмитриевич и поставил пластинку. Вместо знакомой мелодии услышал какие-то завывания.

— Скорость, скорость, — прошептал он, останавливая проигрыватель. Такие пластинки давно не выпускают. Есть ли на этом аппарате нужная скорость? Оказалось, что чужеземные конструкторы и ее предусмотрели. Негромкая мелодия полилась в тишине. Маврин, размягчаясь душой, вернулся к креслу и стал садиться. И внезапно почувствовал, что его повело в сторону, что он теряет сознание.

Машина «Скорой помощи» свернула с проспекта и медленно поехала по заснеженной аллее в глубину старого больничного парка. У приземистого серо-желтого, с облупившейся штукатуркой здания она остановилась, водитель выключил мотор, но с минуту из машины никто не выходил. Наконец хлопнула дверца — вылез крупный молодой парень в грязноватом белом халате. Он лениво потянулся, вынул из нагрудного кармашка сигарету, закурил. Из машины вышел второй санитар — тоже в неопрятном, несвежем халате и в синей шапочке с надписью «карху». Этот был постарше и пониже первого, с небритым плоским лицом и пустыми глазами. Он открыл заднюю дверцу машины и призывно махнул напарнику. Вдвоем они вытащили носилки, на которых лежало тело, покрытое простыней. Почти

одновременно санитары издали какой-то гортанный звук, вроде «гоп-ля-ля!», и, слегка сгибаясь под тяжестью ноши, понесли в морг очередного покойника.

Санитарные кареты приезжали и уезжали. Все они были похожи друг на друга своим затрапезным видом, обшарпанными дверцами, облупившейся краской на окнах, своими санитарями в неопрятных халатах. И пушистый ковер снега, всю ночь падавшего на город и теперь слепящего глаза отвыкших от такой щедрой белизны горожан, только подчеркивал убожество и нелепость этой «службы смерти».

Подъехал к моргу первый ритуальный автобус, и с десятков хмурых молчаливых людей курили перед подъездом, ожидая, когда состоится событие, гнусно именуемое «вынос тела». Гнусно и предательски по отношению к умершему.

Молодой санитар, приехавший с первой «Скорой помощью», вышел из морга, остановился на крыльце и, подняв голову, зажмурился под солнечными лучами. Пойскав глазами место поуютнее, он отошел к углу здания — туда, где солнечным лучам не мешали ветки лип. Закурив, парень оглянулся и вытащил из кармана черную жестяную банку пива. Привычным движением он открыл ее и, запрокинув голову, залихватски влил в себя содержимое. Наверное, он очень любил пиво или был с большого похмелья, потому что на лице его отразилось блаженство. Но это выражение оказалось мимолетным, оно тут же сменилось недоумением, а потом гримасой боли и ужаса. Санитар будто переломился пополам, схватившись руками за живот, несколько секунд постоял так в оцепенении и тут же рухнул с жалобным стоном на белый снег. Черная банка датского пива «Туборг» упала рядом. Несколько мужчин, ожидавших начала церемонии, обернулись, услышав стон и глухой звук падения тела.

— Чего это он? Надрался с утра? — сказал один из мужчин — маленький, невзрачный, с обиженным лицом неудачника.

— Не похоже, — буркнул худой, с большими застывшими глазами мужчина и кинулся к упавшему. За ним потянулись несколько любопытных.

Глаза у лежащего санитара закатились, а на лице застыла гримаса боли.

— Припадок, — сказал кто-то из толпы. — Наверное, эпилептик.

— Сам ты эпилептик, — пробормотал склонившийся над телом худощавый мужчина. Он был врач и хорошо знал, как выглядит смерть.

Прошло некоторое время, пока вызвали врачей из соседнего хирургического отделения. Пришли двое санитаров, из тех, с которыми работал умерший. Привычные к покойникам, они и тут не очень удивились: вытащили из стоявшей рядом «Скорой» носилки и унесли товарища туда, куда носили всех остальных своих клиентов.

Толпившихся у входа людей пригласили в ритуальный зал — прощаться со своим усопшим.

Перед моргом опустело, и только через час приехали следова-

тель районной прокуратуры Владимир Фризе и оперативная группа с Петровки, 38.

Погибшего звали Николаем Уткиным. Служил он в малом предприятии «Харон»*, не так давно организованном для доставки покойников в морги. Деньги в «Хароне» брали большие, но и справлялись с работой отменно.

Судмедэксперт Шаров еще до вскрытия уверил Фризе, что причина смерти Уткина — отравление цианидом. Его предположение скоро подтвердилось. Недаром Шаров работал судмедэкспертом уже семнадцатый год.

Едва было произнесено слово «отравление», Фризе, успевший выяснить у свидетелей, что смерть наступила после того, как санитар выпил пиво, послал оперативника отыскать банку из-под пива, но тот вернулся ни с чем. Банки на месте смерти Уткина не оказалось. Несмотря на скептическую улыбку обиженного оперативника, Фризе сам дотошно прочесал всю территорию перед моргом, но банка словно сквозь землю провалилась.

Внутренне холодея от того, что придется долго работать в таком малоприятном заведении, как морг, Владимир Петрович начал допрос свидетелей. Первым был напарник погибшего.

В крошечном кабинете было неуютно и промозгло. Фризе подумал о том, что создавать здесь уют, когда лишь стена отделяет хозяина этой комнаты от покойницкой, выглядело бы противоестественным. Но тут же ему полезли в голову примеры прямо противоположные и, чтобы оборвать эту цепочку ассоциаций, он сказал сидевшему напротив свидетелю:

— Ну, что ж, рассказывайте.

— А что рассказывать-то? Что рассказывать?! — напористо, с каким-то даже скрытым вызовом откликнулся санитар. Звали его Аркадий Кирпичников. Неопрятный, съездившийся не то от холода, не то от прожитой жизни, он производил жалкое впечатление.

— Расскажите о том, как прошло ваше дежурство.

— А что дежурство-то? — все так же напористо отбрехивался Кирпичников. Видать, привык получать от окружающих одни только неприятности и постоянно находился в полной боевой готовности, чтобы отразить нападение.

— Аркадий Васильевич, не нервничайте, — миролюбиво призвал его Фризе. — Вы же с Уткиным не один год вместе проработали, дружили, наверное? Вот я и хотел узнать...

— А чего мне нервничать?! — по инерции брюзгливо отозвался санитар, но слова следователя его успокоили. Он глубоко вздохнул, словно выпустил из легких воздух, мешавший ему сосредоточиться, и начал рассказывать.

Они с Уткиным заступили на дежурство вчера. Дежурство прошло спокойно — два выезда за вечер и ночь. И оба недалеко. С Большой Полянки привезли умершую от старости старушку и мужчину с Комсомольского проспекта. Последний выезд — в Переделкино. В семь утра. Коля Уткин не хотел ехать — за час

* Харон — в греческой мифологии перевозчик теней умерших через реку подземного царства Стикс до врат Аида.

не управиться, а в восемь у них кончалась смена. Но ехать было некому, да еще бригадир сказал, что обещали хороший магарыч.

— Сдержали обещание? — спросил Фризе. Спросил просто из любопытства.

— А-а! Пятихатку жена сунула.

— Когда же вы вернулись из Переделкина?

— В половине десятого.

— И что произошло?

Кирпичников с недоумением посмотрел на следователя.

— Что вы делали, вернувшись? — уточнил Фризе.

— Отнесли жмурика... Покойника, значит. Коля сказал, что пойдет сигарету на улице выкурит, а я пошел переодеться. Выхожу из бытовки, мне и подносят плюху — Колюн дуба врезал.

— Закончив дежурство, вы пиво пили?

— Нет.

— А Уткин?

— И Уткин не пил. Мы ночью перекусили. Выпили по стакану водки.

— Когда вы закусывали?

— Около двух. Старушку привезли и закусили.

— Вот про закуску и поговорим подробнее.

Кирпичников рассказал, что на дежурство они всегда еду приносят из дома. Во время еды обязательно выпивают бутылку водки.

— А как же?! — Санитар со значением кивнул головой в сторону двери. — Служба такая.

— А вот экспертиза показала, что ваш друг Уткин перед смертью пива все-таки выпил! Где он его мог взять?

Санитар пропустил вопрос мимо ушей. Он, видно, решил во что бы то ни стало рассказать следователю о судьбе принесенной домой водки.

— Мы эту водку всю дома выпиваем, — долдонил он, разглядывая потеки на давно не беленной стене. — Не то что некоторые спекулянты.

— Да разве я сомневаюсь? — сказал Фризе. — Только меня не водка, меня пиво интересует.

— Да что вы к пиву-то прицепились? — вдруг рассердился Кирпичников. — Ну, выпил он пива, не выпил... Умер-то он от чего? Уж не от отравленного ли пива?

«А он не такой и глупый, как кажется, — подумал Фризе. — Просек, что к чему?»

— Почему вы так подумали?

— Ха! Еще спрашиваете? Да вы же меня замутили с этим пивом!

— Замутил? — Фризе понравилось словечко, и он, словно прикидывая его на вес, повторил: — Замутил, значит. А что делать? Выяснить-то надо. Да, выпил твой Уткин перед самой смертью баночного пива. Как ты правильно догадался — отравленного. Где взял? Может, там, где взял, все банки отравлены. У тебя баночного нет?

— Отравленного?

— Да хоть какого? — сдерживая усмешку, сказал Фризе.

— А может, он на проспекте у кооператоров взял? — Кирпичников обладал способностью игнорировать вопросы и следовать за полетом собственной мысли.

— Да не бегал он на проспект! Я тебе уже сказал.

— Если я тебе банку покажу, ты мне скажешь, откуда Уткин ее взял?

— На проспекте датским торгуют. «Туборг», черные банки по сорок рублей.

«Дался ему этот проспект!» — рассердился Фризе, но перебивать Кирпичникова не стал.

— Миха Чердынцев там частенько покупает. Может, Коля у него перехватил?

— Умница, — похвалил Фризе, подумав еще раз о том, что он явно недооценил собеседника. Похоже, что, пережив первый испуг от встречи со следователем и преодолевая похмелье, Кирпичников стал соображать получше. — Этот Чердынцев сегодня работает?

— На вызове. Скоро явится.

— Когда вы из Переделкина приехали, он был здесь?

— Нет. А вдруг Коля к нему в шкафчик залез? Приспичило!

— У вас это бывает? В чужой шкафчик?

— Да нет. За это можно не только по морде схлопотать, — мрачно усмехнулся санитар. — Но чтобы вы знали — если пиво «Туборг», у Михи такое пиво бывает.

«Сколько же надо зарабатывать, чтобы покупать пиво по сорок рублей?» — подумал Фризе и сказал:

— Банку не нашли. Свидетели видели, как Уткин пил, как упал. А банка пропала.

— Ни хрена себе! — Кирпичников присвистнул. — Это в анатомичке сказали, что пиво виновато?

Фризе кивнул:

— Датское. «Туборг». Послушай, Аркадий, а не подносили вам пиво в тех квартирах, куда вы сегодня ночью ездили?

— Куда там! На Большой Полянке, где бабушку брали, — коммуналка, считай, как нищие, живут. На Комсомольском все строго, видать, персональный пенсионер умер, бывший большой начальник. Тоже все без шику. Пузырек «Пшеничной», правда, сунули. Что было, то было.

— А в Переделкине?

— В Переделкине? — Санитар задумался, как будто уже за был, как там было. — Богатый человек умер. Писатель. Весь дом в книгах. По фамилии Маврин. — Кирпичников покосился на дверь, за которой мертвецы дожидались вечного успокоения.

— Там не поднесли по баночке?

— Нет.

«Надо проверить, — подумал Фризе. — Язык у Аркадия Васильевича не больно-то поворачивается о поездке в Переделкино рассказывать».

И спросил:

— Может, Чердынцев уже вернулся?

— А кто его знает?

— Ты меня подожди, — строго сказал Фризе. — Ни шагу отсюда. Я задам Чердынцеву пару вопросов и вернусь.

Кирпичников равнодушно пожал плечами и вытащил из кармана пластинку жевательной резинки.

Тридцатилетний бородатый здоровяк, больше похожий на кооператора, чем на санитаря из морга, натягивал на волосатые ноги джинсы-варенку.

— Ошиблись дверью, господин, — строго, но без хамства предупредил он следователя, остановившегося на пороге.

— Вы Чердынцев?

— Чердынцев. Михаил Ульянович. — Спокойный, уверенный в себе человек, совсем не похожий на спившегося Кирпичникова. Да еще краснощекий.

Фризе вошел в комнату, плотно закрыл за собой дверь, сел на большую железную скамью и только после этого представился.

Никакие чувства не отразились на лице санитаря. Он слегка поднял брови, не торопясь, надел джинсовую куртку на меху и, застегнув многочисленные «молнии», сел напротив Фризе.

— Вы знаете о смерти Уткина?

— Знаю.

— От кого?!

— Я, гражданин прокурор, не люблю в прятки играть. Вас интересует, не продал ли я Уткину баночное пиво? Не продал. И сам он без моего разрешения не брал.

Чердынцев встал, подошел к ряду давно не крашенных, облезлых шкафчиков, нашел в связке нужный ключ и открыл дверцу. Там висела пара белоснежных халатов и какое-то белье. На верхней полке стояли несколько банок «Туборга».

— Сколько? — спросил Фризе.

— Шесть. Позавчера я купил десять. Четыре выпил.

— Где покупали?

— На проспекте, в кооперативном киоске.

— Своих приятелей не угощали пивом?

— Хотите спросить, не травил ли? Не травил и не угощал. И приятелей у меня здесь нет. Сослуживцы.

— Значит, не угощали.

— Продавать — продавал, — уточнил Чердынцев. — Но очень давно. В декабре. Всего две банки. У такой шпаны, как «Кирпич», даже большие деньги не держатся! А Уткин жмет, на красивую подружку все тратит.

Фризе усмехнулся — кличка «Кирпич», хотя ее происхождение было очевидно, как нельзя точно соответствовала облику санитаря, с которым он только что беседовал.

— Пустые банки от этой партии куда выбросили? — Фризе кивнул на шкафчик.

Чердынцев в ответ только хмыкнул: дескать, что за вопрос?

— Куда? — повторил следователь.

— За моргом свалка.

Фризе подумал, что на всякий случай надо будет попросить оперативников еще раз поискать пустые банки. А вдруг?

— У вас еще вопросы? — поинтересовался Чердынцев. Он достал из кармана куртки часы с браслетом и мельком взглянул на циферблат, надевая их на руку.

— Вопросов нет, а банки с пивом придется изъять на исследование. Вы уж извините.

— Извините?! — Впервые за весь разговор в голосе Михаила Ульяновича послышалось живое человеческое чувство — раздражение. — Пиво-то денег стоит. А вы одним махом два с лишним стольника из кармана вынимаете.

— Из кармана вы сами вынули, когда пиво покупали, — миролюбиво сказал Фризе. — Да не беспокойтесь, мы все банки откупоривать не станем. Пару откроем, остальные вернем. Я вам телефон оставлю. Позвоните завтра. Может быть, и из этих двух в кувшинчик перельем, придете выпьете.

Но Чердынцев так расстроился, что даже не заметил иронии.

— Расписку напишете?

— Конечно. Сейчас найду понятых и все оформим.

Отправляясь на розыск понятых, Фризе заглянул в комнату заведующего предупредить Кирпичникова, чтобы ждал, но санитар в комнате не оказалось. Не было его и около морга. И никто не смог сказать, куда он подевался.

После того, как в присутствии понятых Фризе оформил изъятие на анализ шести банок пива «Туборг», он взял у заведующего домашний телефон Кирпичникова и набрал номер.

— Але, — откликнулся детский голос, но тут же трубку взяла женщина и сердито спросила:

— Кого надо?

— Аркадия.

— Кто его спрашивает?

— Товарищ.

— Не приходил с работы, — сердито отрезала женщина и бросила трубку.

— С какой-нибудь длинноногой завихрился, — прокомментировал заведующий. — Они ребята вольные и при деньгах.

— Что значит «вольные»?

— А то и значит! Сутки отдежурил и трое — гуляй. Никакая жена не проконтролирует, если деньжата в кармане водятся да колеса в наличии.

— У Кирпичникова есть машина? — перебил Фризе велеречивого собеседника.

— Есть. «Жигули».

Фризе сразу вспомнил испитое, невыразительное лицо санитаря.

— А как же он ездит? Он ведь с напарником на каждом дежурстве водку пьет! И помногу.

Заведующий нахмурился и стал похож на обиженного боксера:

— Про дежурства у меня сведений нет, а клиенты не жалуются.

Несколько раз в течение дня Фризе звонил домой Кирпичникову, но Аркадий Васильевич так и не появлялся. Мать — следовательно выяснил, что женщина, каждый раз снимавшая трубку, мать санитаря, — то ли понятия не имела, где обретается

ее сын, то ли не хотела говорить. «Да кто его знает, где он?! — меланхолично твердила она. — Небось на работе».

Не появился Кирпичников дома и вечером. Фризе не мог себе простить, что так ошибся в парне. С первого взгляда санитар показался ему недалеким пьянчужкой, затюканным жизнью парией, а он — владелец «Жигулей», денежный человек. И следователя не побоялся послушаться ради какой-то — если верить заведующему моргом — длинноногой прелестницы.

Выстрел дулетом

Алина Максимовна, как только открыла дверь, сразу почувствовала, что в доме не все в порядке: обычно, когда она входила с мороза в прихожую, ее захлестывала волна теплого, еще хранящего аромат любимых «мажй» воздуха, и от этого делалось на душе легко и спокойно. А сейчас в лицо ей ударил ледяной сквозняк. И едва ощутимый запах дешевых сигарет.

«Боже, что случилось?! — с тревогой подумала Алина Максимовна и в нерешительности остановилась на пороге. — Неужели воры?»

Первым побуждением было желание броситься в дом посмотреть — что они там натворили? Но она удержалась. Чутко прислушалась, затаив дыхание. В доме стояла тишина. Лишь в кухне неразборчиво бубнило радио.

Маврина не была трусихой — только осторожной и, как большинство неглупых женщин, расчетливой. И эта расчетливость подсказала ей — если, разбив окно, залезли воры, они могут быть еще в доме. Алина Максимовна осторожно отступила назад, очень медленно, стараясь не допустить щелчка, повернула ключ в замке и бегом побежала к калитке.

Через полчаса дачу осматривал наряд милиции.

— Что же вы, хозяйшкa, сигнализацию не включили? — попенял Мавриной молодой худенький капитан, осматривая распахнутое настежь окно в «гостевой» комнате. Воры просто выдавили стекло и открыли шпингалеты. Ветер уже успел нанести на синий вьетнамский ковер снежные холмики. Алина Максимовна промолчала, ей и в голову не пришло думать в такой день о сигнализации. Капитан понял неуместность своего вопроса и сказал:

— Извините. Это я по инерции.

Осмотр он провел быстро и толково — снял отпечатки следов на паркете, нашел два чинарика от «Примы». Один — на кухне, другой — на снегу, перед окном. Алину Максимовну он попросил внимательно осмотреть дом и постараться установить, что пропало. Но посмотрев, как она собирает в спальне вываленное из шкафа на пол белье и платья, махнул рукой:

— Вы, хозяйшкa, не торопитесь. Утро вечера мудренее — мы уйдем, а вы завтра утречком не спеша все проверите. И принесете нам список пропавшего, со всеми приметам.

Алина Максимовна улыбнулась. Эта «хозяйшкa», да и вся манера говорить — участливо-снисходительно — явно были с «чужого плеча» и никак не соответствовали всему облику

капитана, скорее похожего на пианиста, чем на милиционера из пригородного отделения.

Единственное, что смогла определить Маврина сразу, — это пропажа нескольких бутылок водки из холодильника. Французский коньяк и виски в баре, в кабинете покойного мужа, стояли нетронутыми.

— Алкоголик, — вынес приговор один из милиционеров. — Ради выпивки и старался. В прошлом месяце на дачу к Шестинскому забрался мужик — три дня прожил. Пока всю водку не выпил и припасы не подъял.

— Что же коньяк и виски остались? — спросила Алина Максимовна. — Да и не ищут среди одежды водку, — добавила она, вспомнив разговор в спальне.

— Среди белья он, наверное, деньги искал, — объяснил капитан. — Многие так прячут. А французский коньячок, хозяйшкa, штука приметная, с ним по городу не ходишь.

Маврина хотела возразить, но сдержалась. Ей не терпелось поскорее остаться одной, присутствие посторонних, разговоры, расспросы утомили ее. Капитан, почувствовав ее состояние, сказал:

— Ну, что, ребята, двинемся?

Алина Максимовна проверила запоры на дверях, заглянула в «гостевую», через окно которой залезли воры, секунду помедлила, глядя на запорошенный снегом ковер — не убрать ли от греха подальше? И, оставив все как есть, решительно повернула ключ в замке.

Спать Алина Максимовна постелила себе в кабинете мужа, на большом кожаном диване. Она разделась, небрежно разбросав на стульях одежду, и уже собиралась лечь, когда вдруг вспомнила про ружье, подаренное мужу еще на шестидесятилетие, — в то время они праздновали свой медовый месяц. Ружье прекрасной штучной работы, бокфлинт, стояло в шкафу рядом с другими ружьями. Невольно залюбовавшись серебряной насечкой магазинной части, она чуть помедлила, потом достала из письменного стола коробку патронов и, разломив ствол, зарядила ружье. С легким щелчком защелкнулся замок. Насколько помнила Алина Максимовна, из этого ружья ни разу не стреляли. Маврин охоту не любил. Ружье она положила рядом с диваном.

Сквозь сон она услышала, что кто-то пытается отворить балконную дверь. Алина Максимовна с трудом разлепила веки и увидела на балконе человека, который осторожно раскачивал створки дверей. И дверь подалась. Алина Максимовна напарила ружье, притянула к себе, потом, стараясь ничего не задеть, не скрипнуть пружинами, села, направила стволы на окно и выстрелила дуллетом.

Берта

У следователя прокуратуры Владимира Петровича Фризе была любовница Берта Зыбина. По укоренившейся у нас традиции не называть вещи своими именами, среди близких друзей Владимира Берта именовалась приятельницей. О существова-

нии «приятельницы» Берты знали в прокуратуре все. И в первую очередь сам районный прокурор Олег Михайлович, потому что Берта жила на одной лестничной площадке с Олегом Михайловичем. Прокурор с Бертой был хорошо знаком. Ее все в доме знали. Во-первых, приятельница Фризе была очень красивая, вторых, очень высокая — метр восемьдесят восемь. И, главное, — заслуженный мастер спорта Берта Зыбина играла в сборной страны по баскетболу.

Первое время, встречая своего подчиненного, выходящего из соседней квартиры, Олег Михайлович смущался. Но постепенно привык и нередко даже предлагал Фризе, когда у следователя автомобиль был в ремонте, прокатиться до работы на своей персональной машине. Но тот всегда отказывался. На вопрос прокурора «почему?» Владимир Петрович туманно отвечал: «Чтобы не давать лишнего повода».

Постепенно прокурор так освоился с тем, что следователь Фризе время от времени — когда Берта не была на сборах и не выезжала на соревнования — становился его соседом, что даже заглядывал «на огонек». Правда, имея в запасе какой-нибудь сугубо производственный благовидный предлог.

— Володя, — сказал однажды Олег Михайлович, раскурив сигару, — вы с Бертой такая хорошая пара. Жду не дождусь, когда погуляю на вашей свадьбе.

— Да, Володя, почему бы не доставить Олегу Михайловичу такое удовольствие? — сказала Берта и покраснела.

Фризе нахмурился.

— Не раньше, чем эта девушка прекратит бегать с мячом на публике. — Несколько секунд он помолчал, а потом добавил: — Спорт убивает женственность.

Берта фыркнула и ушла на кухню.

— Вы не правы, Володя, — тихо сказал прокурор. — Берта — само воплощение женственности.

У Фризе чуть не сорвалось с языка: «Ну и женились бы вы на ней сами!» Но он лишь улыбнулся, представив плотного маленького прокурора рядом с высокой и юной Бертой.

Обидное замечание о женственности посело в душе Берты червячок сомнения, и когда, просидев в прокуратуре до позднего вечера в бесполезных попытках разыскать так неожиданно исчезнувшего санитаря Кирпичникова, Фризе пришел к ней, он застал подругу на диване с книжкой, которую она читала вслух.

— Чего это ты разучиваешь? — спросил он, не очень-то вслушиваясь в бормотание подруги. — Может быть, подкормишь уставшего прокурора?

— Сам, сам, сам, — пробормотала Берта, не отрываясь от книги.

Фризе остановился посреди комнаты и прислушался.

— «Я настраиваюсь на ежедневную — ежедневную энергичную — энергичную половую жизнь и сейчас, и через десять лет, и через тридцать лет, и в сто лет. И через десять лет, и через тридцать лет, и через пятьдесят лет у меня будут рождаться здоровые, крепкие долголетние дети...»

— Чего, чего это будет у тебя рождаться через пятьдесят лет? — с изумлением спросил Владимир.

— «И через тридцать лет, и через пятьдесят лет я буду молодая, юная, прекрасная красавица...» — продолжала бубнить Берта, не обращая внимания на его вопрос.

Фризе подошел ближе и протянул руку за книгой.

— Дай-ка мне взглянуть.

Берта отодвинула книгу.

— «Я очень люблю мужскую ласку, мужская ласка мне приносит огромное наслаждение. Я очень люблю любовные игры со своим любимым мужем. Мне очень нравится, когда мы голенькие в постели, я так люблю поиграть-поласкаться со своим любимым. Мне очень-очень приятно от его прикосновения, мне очень приятно, когда он нежно погладит мои груди...» — Фризе сумел все-таки вырвать книгу, но, похоже, Берта знала текст наизусть, потому что продолжала: — «Мне очень приятно его прикосновение к соскам, когда он целует соски».

Книга была толстая, в красивом коленкором переплете. Называлась она «Животворящая сила».

— Что это за порнография?! — изумился Фризе.

— Никакая не порнография! Рекомендована Минздравом. Неплохо бы и тебе выучить пару настроев. «На долголетнюю мужскую красоту», например. И «против курения».

— Нет, вы только послушайте! «Мне иногда хочется встать на четвереньки, чтобы любимый ввел свой мальчик в меня — в талисманчик, погладил бы руками всю спину...» И это не порнография?! Мы у себя в прокуратуре завели уголовное дело на продавцов такой дребедени и на владельцев видеосалонов, которые гоняют порнуху, а ты...

Он недоговорил. Берта вырвала у него книгу и крикнула:

— Ну и сиди в своей дурацкой прокуратуре! И нечего мне талдычить про то, что спортсменки не женщины, что у них нежности ни на грош. — Она уткнулась в подушку и заплакала.

Фризе осторожно сел рядом с ней на диван, провел рукой по мягким темным волосам. Берта дернула головой, отстраняясь. Он нагнулся и шепнул ей в ухо:

— Эх, ты, дылdochка моя, шутки не понимаешь. Да нежнее тебя нет... — Он хотел сказать «ни одной женщины», но и тут не удержался от шутки и произнес: «Ни одной баскетболистки в мире».

Берта зарыдала в голос.

С трудом ему удалось успокоить свою подругу. Все еще всхлипывая, крепко прижавшись к Владимиру, Берта спрашивала:

— Ты, правда, считаешь меня нежной? Я нежнее, чем другие?

— Нежнее, нежнее. Ты самая, самая.

— А откуда ты знаешь?

— Ниоткуда. Просто знаю.

— А девочки говорят: нежность — ерунда. Она на площадке мешает. И про меня в «Советском спорте» писали: «мужественный игрок», муж-жест-вен-ный! Значит — не женственный!

— Девчонки твои — дуры. Из зависти говорят. А корреспондента пожалеть надо, у него просто словарный запас беден.

Утром, когда Фризе собрался на службу, Берта спала. Чтобы не разбудить ее, Владимир не стал молотить кофе, выпил растворимого. Перед уходом заглянул в спальню — не проснулась ли? Берта спала, и по одеялу рассыпались ее волосы. Что и говорить, утренний сон у нее был крепок. На полу, недалеко от кровати, валялась книга в зеленой обложке — причина вчерашних горьких слез. «Помоги себе сам, — было написано на обложке. — Метод СОЭВУС — метод психокоррекции».

В прокуратуру он пришел веселый. Уже в коридоре — унылом и холодном — Фризе перехватила секретарша из приемной прокурора Маргарита.

— Сам спрашивал.

Владимир посмотрел на часы: без десяти девять. «Не иначе какой-нибудь сюрприз», — подумал Фризе.

Вид у прокурора был озабоченный. Олег Михайлович умел преподносить себя сотрудникам деловым и озабоченным, считая, не без основания, что в наше время мало хорошо делать дело. Надо, чтобы все окружающие видели, что ты всерьез этим делом увлечен.

— Володя, ты вчера допрашивал санитаря из морга? — Прокурор взглянул на лежащую перед ним бумагу. — Кирпичникова?

— Допрашивал. Только он, можно сказать, у меня из-под носа сбежал. Я его до самого вечера разыскивал.

— И не разыскал?

— Что-то с ним случилось?

162 Прокурор нахмурился, он не любил, когда у него перехватывали инициативу.

— И для дела, и для самого Кирпичникова было бы полезнее, чтобы ты его вчера разыскал. Да еще и задержал на двадцать четыре часа.

— Не было оснований для задержания.

— А поискать как следует у тебя времени не хватило?

Фризе промолчал.

— Ночью его убили.

— Ну и раскладочка! — изумился Фризе. — Одного отравили. А каким способом ухлопали другого?

— Снесли подголовы карточью.

— Убийца, естественно, с повинной не явился?

— Ошибаешься. Убийца тут же вызвал милицию. Это вдова писателя Маврина.

— Час от часу не легче! Где же их дорожки пересекались?

— В Переделкине, на даче Мавриных.

Шеф рассказал, что вечером Алина Максимовна вызвала милицию, потому что на даче похозяйничали воры, разбив стекло в одной из комнат первого этажа. Ничего ценного не пропало. Только несколько бутылок водки из холодильника да какая-то закуска. Милиция решила, что залез пьянчуга, мучимый желанием опохмелиться. Правда, приехавшего на вызов капитана насторожило то, что преступник рылся в шкафах. Капитан договорился с хозяйкой, что утром она внимательно осмотрит дом и постарается определить, что пропало. Но среди ночи

Алина Максимовна, спавшая на втором этаже в кабинете покойного супруга, увидела, что балконную дверь кто-то пытается открыть. И выстрелила из охотничьего ружья из обоих стволов.

— И это был Кирпичников?

— Да, Кирпичников. Которого ты вчера так и не смог разыскать.

Фризе вспомнил загорелое, красноватое лицо санитаря, светлые, словно выгоревшие глаза.

— Наверное, побывав на даче Маврина, этот Кирпичников решил, что там есть чем поживиться, — сказал прокурор. — В первый раз — вечером — хозяйка его вспугнула.

— А чтобы не делиться с приятелем, «Кирпич» его утром отравил?

Прокурор легонько постучал костяшками пальцев по столу:

— Не усложняй! Все может выглядеть значительно проще. «Кирпич» — это его кличка?

— Да. Как видите, у него и кличка есть. А что же вдова?

— Алина Максимовна, как мне сообщили, мужественная женщина. Самообладания не потеряла. Готовится к похоронам мужа. Я решил сегодня ее в прокуратуру не вызывать. Ты съездишь к ней.

Фризе согласно кивнул.

Прокурор помолчал, потом спросил:

— Володя, что ты обо всем этом думаешь?

— Ума не приложу! — искренне отозвался Фризе. — Если бы не отравление Уткина, еще можно было строить какие-то домыслы! А так...

— Что показала экспертиза?

— Быстродействующий яд семейства цианидов. А в банках с «Туборгом», изъятых у сослуживца Чердынцева, на яд никакого намека. Помойку оперативники перелопатили, нашли несколько пустых банок — все чисто. Никаких признаков яда. А та банка, из которой пил Уткин, словно растворилась! Свидетели видели, как он пил пиво, как упал, уронив банку. Но в суматохе она пропала.

— Унес преступник?

— Черт его знает, кто унес! — в сердцах сказал Фризе и посмотрел на шефа. — Ну, я поеду, Олег Михайлович? У меня сегодня машина на профилактике.

Последнюю фразу Владимир произнес с намеком. Вдруг шеф расшедрится и предложит свою. Но Олег Михайлович коротко бросил:

— Поезжай.

В Москве опять потеплело. На мостовых и тротуарах стояла каша из воды и снега.

В электричку Фризе сел с мокрыми ногами. Он посмотрел на часы — половина одиннадцатого. Берта, наверное, уже приняла душ и, надев свой черно-белый махровый халат, пьет кофе со сливками.

Он открыл глаза. Низко словились серые облака. Наполовину упрятанный за ними Университет потерял свое первозданное изящество и выглядел разлапистым пеньком. На пригородных

грязных платформах ждали своих электричек неприятливые, хмурые люди. Фризе подумал про Кирпичникова. У того тоже было хмурое, злое лицо. Туповатый взгляд, который ввел следователя в заблуждение. Выстрел вдовы Мавриной снес санитару полголовы. Выстрел дуплетом. И второй дуплет — в течение суток убиты два санитара из кооператива «Харон». Или из малого предприятия «Харон»? Разница между двумя этими новыми формами собственности казалась Фризе призрачной.

Убиты не просто два санитара, а напарники. Невольно Фризе начал думать, что такое совпадение не случайно, что, как бы поразному они ни погибли, причина их смерти одна. Едва подумав об этом, он тут же себя остановил: если убийство Уткина выглядит преднамеренно, то смерть Кирпичникова случайна. И, главное, она легко объяснима. Побывав в богатом доме, санитар решил пожить. Залез вечером, но его спугнули. Полез ночью. Какое-то маниакальное стремление ограбить дачу во что бы то ни стало. Непомерная жадность? Нет! Никакой вор не полезет в один дом за одну ночь дважды. Прежде следует хорошенько оглядеться. А ведь Кирпичников к тому же утром вел душевную беседу со следователем. Мог бы и насторожиться. Он же от следователя спокойно сбежал. Зачем же он стремился побывать на даче? Попасть под картечь Алины Максимовны? Настоящий вор себя так не повел бы, а был ли он настоящим вором?

Во всей этой истории Фризе настораживала разнокалиберность действующих лиц и, как сказал бы шеф, неадекватность личности убитого, которым он был убит. Правда, последнее касалось лишь Уткина. Ну не странно ли, что простого санитара убили с помощью редкого яда, каким-то образом упрятого в банку дорогого импортного пива?!

Сквозь треск и шипение поездной трансляции донеслось что-то отдаленно похожее на слово «Переделкино».

Идя к дому Маврина, следователь пытался вспомнить, читал ли что-нибудь из книг умершего. Названия вспомнил тут же — они были постоянно на слуху. О книгах Маврина писали, по ним снимались фильмы, ставились радиоспектакли. Высокая, худая фигура Маврина, его породистое умное лицо постоянно мелькали на экранах телевизора в хроникальных кадрах.

Фризе остановился перед входом в дом, который удивительно подходил под определение «хоромы». С башенками, верандами, эркерами, пилястрами, балкончиками — дом выглядел франтом на фоне стройного сосняка. На стене красовалась табличка с названием «Тихое пристанище». Владимир Петрович мельком оглядел окна — одно из них, на балконе, было занавешено чем-то белым — и, вздохнув, позвонил. Содержание книг Маврина он так и не вспомнил. Полутора километров дороги ему для этого не хватило.

Открыла дверь молодая женщина. Вернее, Фризе в первый момент показалось, что она молода, на самом деле ей было не меньше сорока. Она принадлежала к той породе московских красавиц, возраст которых трудно определить. Эти женщины всегда «чья-нибудь» жены — крупных начальников, преуспе-

вающих дельцов, удачливых писателей. То ли они такие сытые и гладкие, потому что «чьи-то жены», то ли «чьи-то жены», потому что сытые и гладкие. Фризе подозревал, что такая порода «московских красавиц» выведена за долгие годы советской власти, как, например, «буденновская» порода лошадей.

По привычке, чуть склонив голову в дверях, чтобы не задеть за притолоку, Владимир Петрович вошел в прихожую и остановился.

— Я, наверное, разочарую вас, Алина Максимовна, — визит следователя прокуратуры...

— Меня уже трудно чем-либо разочаровать, — перебила его Маврина и опять улыбнулась. Теперь грустной, рассеянной улыбкой. — Следователю крепкий кофе не противопоказан?

— Вменяется в обязанность.

Она ввела Фризе в гостиную, где упонительно пахло кофе и — едва-едва — хорошими терпкими духами.

— Присаживайтесь, будьте добры.

На небольшом столике шумно выпустила пар кофеварка. Разлив кофе, Маврина села рядом:

— Вы не испортите мне аппетита, если начнете свой допрос за кофе. Вас зовут...

— Владимир Петрович Фризе.

Кофе был выше всех похвал, сливки подогреты.

— За одни сутки я стала вдовой, потерпевшей и убийцей. Какое из этих несчастий вас интересует?

— Все три.

— И смерть мужа? — Маврина удивленно подняла брови.

— Не сама смерть. Вы знаете, что погибли оба санитары, которые приезжали забрать тело умершего?

— Оба? Какой-то рок, право.

— Да. Одного санитары отравили сразу же после того, как он приехал из Переделкина.

Она поставила чашку и с тревогой посмотрела на следователя.

— Отравили?

— Очень сильный яд. Полной уверенности у нас нет, но, похоже, он получил его с пивом. Выпил банку датского пива и мгновенно умер.

— А второго санитары убила я. — Алина Максимовна провела ладонью по лицу, взяла чашку и залпом выпила кофе.

— Ну вот, — огорчился Фризе. — Беседы со следователем мало-приятны.

— Не обращайтесь внимания, — сказала Маврина. Она мгновенно справилась с собой и налила в чашку остатки кофе. Лицо ее стало озабоченным. — Вы ищете связь между тремя смертями? Но Алеша умер от инфаркта. Я получила сегодня документы в больнице. Делали вскрытие... Вы, наверное, знаете?

Фризе кивнул.

— Одного санитары убила я, — уже второй раз она повторила эту фразу. Только теперь произнесла ее жестко, без тени сожаления. — Это ведь называется самообороной?

— Вам не в чем себя упрекнуть, Алина Максимовна.

— Какая же может быть связь между тремя смертями? — Она смотрела на Фризе пристально, и красивые глаза ее стали похожи на колючие льдинки.

— С вами интересно разговаривать, — улыбнулся Фризе. — Я просто не мог не задать себе этого вопроса. Но цель моего прихода совсем другая. Вы проверили, что пропало на даче после «первого» визита вора?

С минуту Маврина сидела молча, рассеянно ломая на мелкие кусочки поджаренный хлеб. Наконец сказала задумчиво: — Что пропало?... Пропала водка из холодильника, какая-то еда. Деньги. Сколько — не знаю. Помню, что на полке в шкафу всегда хранились деньги на текущие расходы. Сейчас их нет. Из письменного стола Алексея Дмитриевича вытащили ящики и вывернули все на ковер. Наверное, тоже искали деньги. Его документы, рукописи я не проверяла, но воров ведь рукописи не интересуют?

— Чаще всего нет, — осторожно сказал Владимир. — Но проверить не мешает. А как вы объясните, что вечером преступник залез в комнату на первом этаже, а потом ночью полез на второй?

— Может быть, он и пробовал пойти старым путем? Но я закрыла ту комнату на ключ. А в кабинете, где я спала, была приоткрыта балконная дверь.

— Вы оставили открытую дверь, не побоялись?

— В доме жарко. Мы часто оставляли открытыми двери или окно. Это же второй этаж.

— Простите меня за назойливость, то ружье зарегистрировано?

— Да. Мужу подарили на шестидесятилетие. Но оружием он не интересовался, а я иногда стреляю на стенде. И даже ездила с друзьями на охоту.

— Куда выходит балкон в кабинете мужа?

— На противоположную сторону. К дороге. Поднимемся посмотрим?

Кабинет Маврина был просторным и светлым. Две стены занимали шкафы с книгами, на третьей висел портрет писателя, перевитый наискось черной лентой. Портрет показался Фризе неудачным — слишком застывшими и самодовольными были черты лица. И только острые, маленькие глаза, казалось, знали цену каждому, кто входил в этот кабинет.

Владимир Петрович прошелся вдоль шкафов. В одном из них пестрели издания «Академии».

Балконная дверь была завешена белой скатертью. Владимир Петрович слегка отвел ее. Выбитые стекла, расщепленные переплеты рамы. Кусок рамы аккуратно выпилен. «Коллеги все-рвез поработали», — подумал Фризе. На раме, на битом стекле, на бетоне балкона виднелись бурые пятна крови. Метрах в тридцати от дома проходила дорога. Территория участка была отгорожена высоким — метра два, не меньше, — забором. В заборе — калитка с крепкими засовами.

Фризе опустил скатерть, повернулся к Мавриной. Она сидела на диване под портретом мужа.

— Отсюда я стреляла. Навскидку. Я кажусь вам циничной?
— Вы закрыли на ночь калитку? — оставив без внимания ее вопрос, спросил следователь.

— Конечно. И вечером калитка была заперта. Но замки и калитки — для честных людей.

— В какой комнате умер ваш супруг?

— Вот здесь. — Алина Максимовна протянула руку и осторожно дотронулась до массивного кожаного кресла. — Когда я вошла, подумала, что он задремал. Алеша любил сидеть в этом кресле, смотреть в окно. Ночью перед домом горит фонарь, сосны в снегу. Фантастическое зрелище.

Фризе слушал, не перебивая.

— Я постелила на диване и подошла к нему. — Алина Максимовна закрыла глаза ладонью, но тут же опустила руку. — Он был еще теплый. И вы не поверите — улыбался.

Фризе рассеянно разглядывал корешки книг, бронзовые статуэтки на многочисленных столиках и тумбочках. Потом достал из кармана визитную карточку и, секунду поколебавшись, припсал на ней свой домашний телефон.

— Алина Максимовна, я вам и так надоел, но, если будет что-то новое, позвоните.

Она взяла визитку, внимательно прочитала.

— Обязательно позвоню, Владимир Петрович.

«Даже не спросила, каких новостей я от нее жду», — думал Фризе, выходя из дома. Он внимательно осмотрел калитку, прошел вдоль зеленого забора: никаких свидетельств того, что кто-то недавно перелезал через него. Ровная цепочка неторопливых следов по периметру участка говорила о том, что оперативники, приехавшие на происшествие, знали свое дело. Стоя у забора, Фризе внимательно оглядел фасад дачи. На балкон можно было забраться по густо разросшимся веткам дикого винограда. Он решил проверить свое предположение и пошел к дому напрямик, по снежной целине. И под балконом поддал ногой какую-то банку, запорошенную снегом. Это оказалась банка из-под пива «Туборг». Фризе постоял минуту в задумчивости — по закону ему следовало найти сейчас понятых и в их присутствии изъять банку как вещественное доказательство. Иначе она не может фигурировать в суде как подтверждение того, что и банку отравленного пива санитар Уткин мог взять в доме Мавриных. Фризе усмехнулся. Это доказательство для людей без воображения. Любой умный человек сможет найти десяток убедительных причин, чтобы вызвать к нему недоверие. Заявит, например, что я подкинул банку и только после этого пригласил понятых. И еще — Владимиру совсем не хотелось до поры до времени посвящать хозяйку дачи в свое открытие. Поэтому он достал из кейса конверт и осторожно упаковал в него банку.

Со станции Владимир Петрович позвонил Мавриной. Номер было долго занят — Фризе даже пропустил одну электричку, — наконец спокойный голос произнес «да».

— Алина Максимовна, надоевший вам следователь Фризе.

— Слушаю, Владимир Петрович. Вы что-то забыли спросить?

«А она даже запомнила мое имя», — усмехнулся Фризе.

— Забыл, Алина Максимовна, не сердитесь. Ваш супруг пил датское пиво? Баночное, «Туборг»?

— Какой странный вопрос! — В голосе Мавриной не было недовольства, только удивление. — Алеша не пил ни датское, ни «жигулевское». Нет, нет, в нашем доме пиво исключалось.

— Она красива? — спросил прокурор, когда Владимир зашел к нему на следующий день, чтобы доложить о поездке в Переделькино.

— Хорошо ухоженная московская дамочка. — Фризе пожал плечами и почувствовал, что краснеет. — Лет сорока.

— Ого! А Маврин праздновал семидесятипятилетие. — Олег Михайлович взял со стола «Литературку», где был напечатан некролог. — Породистое лицо. Наверное, от женщин не было отбоя?

— Алина Максимовна — его вторая жена, первая умерла.

— Хотел бы я знать, что у нее на уме?

Фризе удивленно посмотрел на шефа:

— Зачем?

— Если молодая, красивая женщина, подразумевается, убитая горем, без раздумья палит из ружья в человека, тут в пору задуматься.

— Палит ночью! В вора, который лезет в окно.

— Так-то оно так... — с сомнением сказал прокурор. — Но даже не каждый мужик на это решится. А тут интеллигентная дамочка! Хорошо бы все-таки выяснить, что она собой представляет.

— Самое большее, на что мы можем рассчитывать, — узнать мнение об Алине Максимовне ее друзей и знакомых.

— Опять ты за свое!

— На том стоим, — самодовольно ухмыльнулся Фризе и с горячностью продолжал: — Олег Михайлович, мы ведь живем не своими представлениями об окружающей действительности, а тем, что думают о ней посторонние, иногда даже чуждые нам по взглядам люди: знакомые, газетчики, обозреватели телевидения, ученые.

Прокурор вздохнул.

— И политические деятели! — продолжал Фризе. — К сожалению, очень часто — люди ограниченные и глупые.

— Ладно, ладно! Чтобы разузнать о Мавриной, не надо обращаться к политическим деятелям.

— Это к слову, — нахмурился Фризе. Он был недоволен, что позволил себе погорячиться. В последнее время он вдруг решил, что его характер излишне эмоционален для следователя и пытался приучить себя быть бесстрастным. Правда, пока без особых успехов. — Меня самого Алина Максимовна очень интересует. Особенно после ее заявления, что в их доме никогда не бывает пива.

— Ты эту банку из-под пива изъяс с понятиями?

— Нет, — беспечно ответил Фризе. — Сунул в кейс и отвез в институт судебных экспертиз. Результат — никаких ядов, никакой химии.

— Так! А если бы там обнаружили следы яда? Ни один судья не признал бы твою банку уликой!

— Олег Михайлович...— начал Фризе. Но прокурор перебил его:

— Не хочу слушать твои оправдания и байки про интуицию! Был бы ты стажером...

Зазвонил телефон, и прокурор снял трубку, не досказав, что бы произошло, будь Фризе стажером. Но Владимир давно усвоил урок и мог повторить, разбуди его даже среди ночи: будь Фризе стажером, прокурор записал бы ему в характеристику: «Условно годен только для работы в нотариальной конторе». Конторой Олег Михайлович пугал стажеров, как старая нянька пугает ребенка милицией: «Не доешь кашу — позову милиционера».

Графики майора Покрижичинского

У старшего оперуполномоченного уголовного розыска Ерохина всегда было озабоченное лицо. Другим его никто и не видел, наверное, и жена тоже. Фризе как-то сказал ему:

— Интересно бы, Дима, посмотреть на тебя спящего — лицо такое же озабоченное?

И вот сейчас, войдя в свой кабинет, Фризе увидел спящего опера. Ерохин спал, утонув в стареньком потертом кресле, руки его свисали до полу, на лице светилась блаженная улыбка. Рядом, на маленьком столике, стояла кофеварка.

Владимир постоял с минуту перед товарищем, удивленно покачал головой и осторожно, чтобы не разбудить его, стал варить кофе. Ерохин проснулся, когда Фризе поставил рядом с ним чашку горячего ароматного напитка.

— Что ты на меня так уставился? — спросил он, открывая глаза.— Давно не видел? — Лицо у него уже приняло свое обычное выражение.

— Никогда! Никогда не видел тебя улыбающимся.

— И не увидишь. В такое время живем. Сегодня ночью на Киевском вокзале проститутку заточкой...

— Дима, кофе стынет.

— Кофе? Я разве сварил?

— Я сварил. А ты поспал часок.

— Хватит болтать! Я никогда не могу заснуть сидя. Какая-то странная особенность организма.— Ерохин взял со столика чашку, с удовольствием отхлебнул.— Хочешь поскорее узнать про харонщиков?

— Пока не выпьем кофе, ничего не хочу знать. Лови кайф, не дергайся.

Ерохин пил и недоверчиво хмурился, как будто определял, не подмешали ли в кофе наркотик отцы колумбийской мафии.

— Значит так,— сказал он, отставив чашку.— Пройдемся вдоль и поперек. Когда умер Уткин, у морга толпились люди, приехавшие хоронить одного старичка...— Он заглянул в записную книжку.— Старичка Бинева, доктора наук.

— Давай короче, без подробностей.

— Подробности в нашем деле главное, товарищ младший советник.

— Что меня сегодня все учат?! — вспыхнул Фризе.

— Учить — не лечить. Для самолюбия приятно и ответственности никакой. Едем дальше, раз ты сегодня такой нервный. Старичок Бинев из института ферросплавов. Я вчера там полдня провел, устанавливал, кто провожал старичка в последний путь. Можешь себе представить — всех установил, а банку из-под пива никто из них не брал!

— Что за люди пришли на похороны?

— Тебе фамилии нужны? — удивился Ерохин.

— Да зачем мне фамилии?! Сам подумай хоть капельку! Пришли сослуживцы профессора, друзья, родные — народ солидный, серьезные ученые! Кто сознается, что подобрал банку из-под пива? Даже если она и очень красивая?

— То, что банку могли поднять, ты под сомнение не ставишь? Понятно. Но ведь я им доходчиво объяснял, что банка не простая. Из-под отравленного пива.

— Первый раз в жизни вижу такого доверчивого полицейского, — пробормотал Фризе.

— Жизнь у тебя еще слишком короткая, — огрызнулся старший оперуполномоченный, но вид у него был смущенный.

— Ну, а что из себя представляют эти два санитара?

— Непростые ребята. У них нынче кооператив... Нет, малое предприятие, — поправил себя Ерохин. — Что, впрочем, один хрен. Так что к больнице они постольку-поскольку относятся. За последний год серьезных жалоб не поступало — так, по мелочам. То кольцо с бриллиантом пропало, то бумажник с валютой.

— Хороши мелочи! С мертвых снимали?

— Бумажник из-под подушки вытащили, кольцо лежало на журнальном столике. Но, понимаешь, ни один случай воровства доказать не удалось.

— Наверное, не очень-то старались.

— Наверное. Но перед санитарами бригада врачей приезжала, соседи приходили, родственники. С кого спрашивать? Да и Кирпичников с Уткиным в те смены, когда были пропажи, не работали.

— А как они, эти «ангелы», между собой, дружно живут?

— Поножовщины не зарегистрировано, — осторожно сказал Ерохин.

— Глухо, значит.

— Зацепка есть. Один мужик с Петровки разрабатывал...

— Дима, чего ты тянешь в час по чайной ложке? Может, выложишь все сразу?!

— Зарегистрировано уже несколько крупных краж из квартир, в которых побывали санитары из «Харона».

— Тю, тю, тю! — возбужденно присвистнул Фризе. — С этого и надо было начинать! — Поездка в Переделкино, разговор с вдовой Маврина, взломанная дача «Тихое пристанище» — все вдруг выстроилось перед внутренним взором следователя четким пунктиром.

— Склеивается?

— Пожалуй что да, — задумчиво подтвердил Владимир и тут же, словно споткнувшись, легко бросил: — Нет!

На смену секундной возбужденности пришло разочарование.

— Дима, они же не такие олухи, чтобы лезть в квартиры, в которых только что побывали?

— Правильно, — с удовлетворением подтвердил майор. — Проходило по несколько месяцев, прежде чем использовали наколку. Мужик с Петровки не уверен, что брали квартиры сами санитары. Они могли только наводить.

— Но на дачу Маврина залезли сразу! На следующую ночь. Вернее, и вечером и ночью. Кто залез вечером, можно только предполагать. А ночью — напарник Уткина Кирпичников. Ему вдовушка залепила в голову заряд картечи. Так что теория твоего знакомого с Петровки в нашем случае не подходит.

О событиях в «Тихом пристанище» Ерохин ничего не знал, и Владимир коротко рассказал ему все, включая легкую трешку, полученную от прокурора.

— А я-то думаю, что ты на хороших людей кидаешься?! — попытался улыбнуться старший оперуполномоченный, но улыбка получилась кислой.

— Ладно тебе! Давай подробности.

— Да какие подробности?! Подробности у майора Покрижичинского.

— Ничего себе фамилия!

— Не у всех же такие короткие. Служивцы, кстати, его Крижем зовут.

— И что этот майор Криж выяснил? Если конкретно?

— Есть у него кое-что. Понимаешь, он составил график, кто и когда из санитаров дежурил, когда произошли кражи. Один график накладывает на другой.

— Прямо так и накладывает? Один на другой? — с издевкой спросил Фризе. Ерохин не смутился.

— Очень наглядно получается. Я видел. Тот, кто приезжал на квартиру за умершим, на день кражи всегда имел стопроцентное алиби. У них, похоже, все продумано.

— У майора Покрижичинского есть что-нибудь, кроме графиков? Свидетельские показания, вещдоки?

— Были. А теперь, похоже, нет. Его отстранили от расследования и отправили в отпуск.

— Поразительная забота о здоровье. Вот бы у нас так же, как на Петровке! Он что, перенапрягся?

— Наверное, — шепотом сказал Ерохин. — Ты бы, Володя, не гудел так сильно. Главное в том, что дело вообще закрыли.

— Почему? — невольно заражаясь подозрительностью товарища, сбавил тон следователь.

Ерохин показал большим пальцем вверх:

— Мэрия. Расценили как попытку дискредитировать частное предпринимательство, «задушить ростки нового», — усмехнулся он.

Несколько минут Фризе молча переваривал информацию. Потом с сомнением спросил:

— Ты не ошибаешься?

— Запиши: 231-82-99, Покрижичинский Станислав Васильевич. Это его домашний телефон. Позвони, проверь.— Ерохин посмотрел на следователя пристальным взглядом.— А можешь и не звонить. Как только глубже копнем этих харонов, и нас остерегут.

— Ладно, хватит болтать! — начал сердиться Фризе.— Одно дело — дергать кооператив с проверками, ставить палки в колеса, другое — расследовать убийство. Никакая мэрия мешать этому не будет. Телефон я записал. Теперь об этой дурацкой банке... Нам без нее не обойтись. Началось-то все со смерти Уткина, а Уткин выпил отравленного пива.

— Ты говоришь: «Все началось со смерти Уткина...» А что все? По-моему, то, что началось со смерти Уткина, этой смертью и закончилось. Уткин и Кирпичников — разные эпизоды. Маврина засадила картечью в санитара, подумав, что лезет вор. Вор и лез.

— Мне нужна банка.

— И мне тоже. Я опросил всех! Понимаешь, в с е х, ожидавших у морга. Начать по второму заходу?

— У тебя есть их адреса?

— Зачем? Я собрал их всех вместе в институте. Мы скрупулезно восстановили «картину битвы».

— Возьми в институте их домашние адреса и побеседуй днем с родственниками. То, о чем постеснялся сказать какой-нибудь профессор, может выложить его теща или дочь. Да мало ли?! Зайдешь в квартиру, а там на полках целая коллекция пивных банок!

— Ну что ж, попробую,— без особого энтузиазма согласился старший оперуполномоченный.

— Если адресов очень много — я могу тебе помочь.

— Хорошо бы, Володя,— повеселел Ерохин.— Тебе тоже не помешает пообщаться с ученым народом.

Но когда Ерохин, бросив печальный взгляд на кофеварку, удалился в институт ферросплавов раздобывать адреса сотрудников, побывавших на панихиде усопшего сослуживца Бинева, Фризе решил, что майор справится и в одиночку. И отправился в офис Юрия Игнатьевича Грачева, директора малого предприятия «Харон» при мэрии.

Руководитель «Харона» был молод, плечист и имел огромный живот. Живот нависал над широким кожаным ремнем, который чудом удерживал на председателе фирменные джинсы. Фризе не переставало удивлять, откуда среди его ровесников взялось столько упитанных сверх всякой меры мужчин. Как правило, это были люди деловые: кооператоры и ракетеры, шоферы такси и рыночные торговцы. «Резкая смена образа жизни? — думал Фризе.— Вчера стоял у станка, вкалывал на конвейере, а сегодня засел в офисе или за прилавком?» Как-то он поделился своими наблюдениями с Бертой.

— Разъелись! — вынесла она свой безапелляционный приговор.— И не выдумывай никаких других причин. Имеют «бабки» и свободный доступ к приличной жратве.

Спорить с «Большой Бертой» Фризе не стал. Он сложил ладони

трубочкой и, прищурившись, посмотрел одним глазом на свою подругу: нет, представить себе Берту с большим животом было просто невозможно.

— Рано или поздно живот у меня появится, — многозначительно сказала она.

И вот, сегодня, глядя на пузатого председателя, вальяжно расхаживающего по своему огромному кабинету, Фризе вспомнил тот разговор. Непохоже было на то, что Юрий Игнатьевич Грачев хоть месяц отработал на заводе или на стройке. Самым трудным испытанием в его трудовой биографии могла быть недолгая работа у чертежного кулъмана. Так что теория о резкой смене образа жизни явно не вытанцовывалась. По крайней мере в отношении его.

— За два года работы нашего малого предприятия — не кооператива, уважаемый господин Фризе, а малого предприятия! — ни одной жалобы. — Юрий Игнатьевич посмотрел на Фризе так, словно ожидал, что следовательно тут же бросится пожимать ему руку. Владимир Петрович молчал. Лицо у председателя сделалось слегка обиженным, но глаза явно трусили. — Ни одной! — повторил он. — Это при том, что на малые предприятия, как и на кооперативы, обыватель смотрит волком. И напрасно. Мы облегчаем ему жизнь. У нас есть конкуренты, но мы их вытесним с рынка! А сколько мы жертвуем на культуру? Вы знаете?

Фризе не знал.

— Вот видите?! А по телеку об этом не раз вещали. Мы — спонсоры Российского конкурса красоты.

— Меня интересуют ваши работники. Конкретные люди. Кирпичников, например.

Грачев перестал ходить, сел за стол, переложил с места на место пачку каких-то бумажек, перевернул листки перекидного календаря и только тогда ответил, не глядя на следователя:

— У меня нет никаких претензий к моим работникам. К Аркаше Кирпичникову тоже. Безотказный парень. Не рвач, не хам. Чего он полез на дачу Маврина? Вы знаете? Спьяну?

— Никаких следов алкоголя.

— Может быть, ему понравилась вдова?

— Вы с ней знакомы?

— Откуда? — Грачев впервые взглянул Фризе в глаза и широко развел руками.

— Ладно. Вернемся к Кирпичникову. Он, значит, был парнем хорошим. Здесь вы следуете традициям древних римлян. «О мертвых или хорошо, или ничего».

— Да, представьте себе. Это справедливо и по отношению к бедняге Кирпичникову, и по отношению ко всему нашему предприятию. «Смерть решает все».

— Юрист? — Фризе постарался не показать удивления.

— Юрист.

— Ну, тогда вам не надо объяснять прописные истины.

— Какие?

— Обязанности свидетеля при расследовании убийства.

— И права, кстати.

- И права, — согласился Фризе.
- Какое убийство вы имеете в виду?
- Оба.

Грачев помолчал, сосредоточенно разглядывая свою пухлую ладонь. Чувствовалось, что он снова насторожился. «Судя по тому, как он все время пугается, ни в прокуратуре, ни в милиции гражданин Грачев не служил, — подумал Фризе. — И в КГБ — тоже. Чего-чего, а уверенность в себе у них на всю жизнь остается, как тавро на элитной скотине». Наконец председатель спросил:

- Вы считаете, что Уткина убили?
- Самоубийцы не прибегают к помощи пива с цианом.
- А банку от пива нашли? — Похоже, Грачев был неплохо информирован.

— Нет. Но в желудке у покойного обнаружили пиво с ядом. Ваши ребята много зарабатывают?

- Много. У них хватает и на пиво, и на многое другое.
- Как вы подбираете себе работников?
- По деловым качествам. — Грачев позволил себе легкую усмешку. Первый испуг у него прошел. Приглядываясь к руководителю «Харона», Фризе думал о том, что этот толстяк или патологический трус, или честный парень, еще не привыкший к общению со следователями. На закаленного в общении с властями дельца он похож не был.

Почувствовав на себе пристальный взгляд следователя, Грачев поскучнел.

— Прежде всего мы требуем профессионализма и отличного здоровья. Каждый — шофер первого класса и санитар. Ребята работают сутками, есть дома без лифтов. Попробуйте потаскать носилки с мертвыми по узким лестницам! У нас нет вымогателей. Таких, которые выжимают из клиента на лишнюю бутылку. Для этого мы и платим по-царски. — Он помолчал, припоминая, какие еще требования он предъявляет к своим работникам. Добавил: — И еще одно специфическое условие — крепкие нервы. Люди должны быть невосприимчивы к виду мертвых. Вы сами должны понимать, — в голосе Грачева появилось раздражение, — нельзя показывать клиентам свою брезгливость или страх! Это не каждому по силам.

— Да. Здесь требуется особый склад характера, — согласился Фризе, подумав, что сам Грачев не смог бы работать с мертвыми. — Поэтому я и спросил, как вы подбираете людей.

— У кого-то есть знакомые, кто-то случайно узнал о нашем предприятии, — туманно ответил Грачев. Фризе отметил, что директор слова не сказал о самой простой возможности набрать штат — обратиться в крупные больницы. Значит, со стороны людей в «Харон» не брали.

- А уходят от вас люди?
- Нет. От добра добра не ищут, — твердо ответил Грачев. — Никогого отсева. Этим мы и сильны.
- Да. А тут сразу двое, — сказал Фризе. — И при таких обстоятельствах!

— Это не может повредить нашей репутации. — На верхней

губе директора опять выступили капельки пота. — С Кирпичниковым произошел несчастный случай. Что-то неладное. Эта вдова... Вы спрашивали ее? Может, она пригласила Аркашу?

— Залезть ночью через балкон? — Фризе вспомнил невзрачного Кирпича и красавицу Маврину.

Грачев встал.

— Извините. Мне надо уезжать в Моссовет. Депутатские обязанности отнимают много времени.

«Он еще и депутат Моссовета? — удивился Фризе. — Ничегошеньки! Ни с какого края не подсунешься. И значок депутатский не носит. Обычно стараются повесить на самое видное место!»

Они вышли вместе из подъезда.

— Вас подвезти? — спросил Грачев, показывая на новенький «мерседес» оливкового цвета.

— Спасибо. Я на колесах.

Директор проследил за взглядом, который Фризе бросил на свои «Жигули», и восхитился:

— О! «Девятка»! Прекрасный аппарат. Прокурорское жалование позволяет? — спросил он вполголоса. — Ведь по нынешним ценам — миллион!

— Что нам стоит... — усмехнулся Владимир и, отсалютовав директору, направился к машине.

— И на бензин хватает? — крикнул ему вслед Грачев, но Фризе даже не обернулся.

Нина

— Были ли у Коли враги? — В голосе у говорящей прозвучало такое удивление, что Фризе не сомневался в ответе. И ошибся.

— Господи! — Девушка сценила пальцы с длинными сиреневыми ногтями так, что они побелели. — Да только одни враги его и окружали!

— Наверное, это гипербола, не больше? — улыбнулся Фризе, подумав, что слово «гипербола» не слишком привычно для подруги санитаря Уткина.

— Нет, господин следователь, не гипербола, — не моргнув глазом возразила девушка. — Если бы вы знали, в каком обществе мы крутились в последние два года...

— Хотел бы знать.

— Только не от меня. — Она нахмурилась, и Владимир, разглядывая ее красивое лицо, понял свою ошибку. Девушка не была лишь «хорошо упакованной куклой» с двумя-тремя извилинами. Ее большие темные глаза смотрели внимательно и настроенно. — Никакие рассказы вам не помогут. Для этого надо хоть месяц там поработать. — Она неожиданно улыбнулась и добавила: — Попахать.

— Не хочешь рассказывать подробно — не надо. Отвечай на вопросы.

Нина опять улыбнулась и сказала:

— Я где-то читала: что в нашей жизни самое простое? Задавать вопросы. А что самое трудное? Отвечать на них! Хорошо же вы распределили наши обязанности!

— Я обещаю тебе ответить на твои вопросы.

— Нет у меня никаких вопросов, — со вздохом сказала она и заплакала. Заплакала тихо, без надрыва, но как-то очень горько. Фризе не стал ее успокаивать. Сидел молча, украдкой рассматривал комнату. Все здесь было устроено со вкусом — кожаная мягкая мебель под цвет слоновой кости, инкрустированные горка с посудой и большой подсервантник, на котором стояли японский телевизор и видеомагнитофон. На полу пушистый серо-голубой ковер. Красиво, но холодновато, как в номере шикарной гостиницы.

Нина сидела, не поднимая головы, приложив к глазам платочек. Ну просто воплощение скорбящей красоты. Фризе с непонятным самому себе чувством досады подумал, что еще два-три дня назад сюда приходил отработавший смену Уткин, а работа его состояла в том, что он ездил за покойниками, укладывал их на носилки, потом с носилок на столы в морге. А здесь, приняв душ, — наверное, он все-таки принимал душ, — садился за стол со своей красивой любовницей и за ужином рассказывал ей о том, как прошла смена. А о чем еще он мог рассказывать? А потом... «Стоп, товарищ следователь! — остановил себя Фризе. — Злопыхаете. Вы к своей Берте тоже не с вернисажей приезжаете».

— Вот и все! — Нина подняла на Фризе свои чуть припухшие, но все такие же красивые глаза. — Хорошо, что вы меня не стали успокаивать. А то бы я надолго разнюнилась. — Она встала, подошла к бару, налила в пузатые бокалы коньяку из темной матовой бутылки. Не спрашивая, подала один Фризе. Он лишь пригубил его. Французский коньяк был хорош, но Владимир с сожалением вспомнил армянские: «Отборный», «Двин».

— Вы не думайте, что я такая уж дура — не понимаю, почему спросили о врагах. Но... ничего серьезного за ним не числилось — не болтал, не стучал, не высовывался. Не за что приговаривать. А ножку подставить, чтобы шею сломал, — пожалуйста.

Фризе слушал внимательно, не перебивая, боясь, чтобы девушка не замолчала. Она чутко уловила его интерес и спросила:

— На магнитофон не пишете?

— Нет.

— Косо смотрели на тех, кто жил без шика. — Владимир невольно взглянул на роскошный бар, забитый напитками. Нина усмехнулась. — Председатель снимает круглый год столик в «Пекине». Обедает там каждый день с женой. И еще снят столик рядом, для двух охранников.

Фризе вспомнил Грачева. Подумал: «А в Моссовет на заседания он тоже с охранником ездит?»

— Ну, а я для них была раздражающим фактором. То один подкатывался, то другой. Шеф заработал от меня пощечину. Он Коле после этого сказал: «Эта баба не для тебя. Найди попроще».

— Ревновали, значит.

Нина горько усмехнулась:

— Такое чувство им неведомо. Грозили меня «поставить на хор».

«Поставить на хор» на блатном языке означало групповое изнасилование.

— Почему вы не поженились?

— Почему? — Девушка так удивилась, словно Фризе спросил, почему они с Николаем не уехали жить на Багамские острова. — И кем бы я сейчас была? Молодой вдовой с парой детишек. А так я еще смогу себе мужа приличного найти. Вы, гражданин следователь, женаты?

— Нет.

— Ну, вот, кандидат номер один. У меня глаз — алмаз. Вижу, что я вам понравилась. — Разухабистый тон никак не соответствовал ее грустному взгляду. Пустой бокал на подлокотнике кресла выдавал причину таких откровений.

Тут же она взяла себя в руки.

— Если хотите серьезно — любой, с кем Коля работал и... — она помедлила, подбирая слово, скривила губы, — и общался, мог ему между делом и бледную поганку в пиве настоять.

— Бледную поганку?

Легкая тень раздражения пробежала по лицу Нины:

— Это первое, что на ум пришло. Не поганку, так что-нибудь. Крысиного яду, толченого стекла. Да так, чтобы никто не заметил. Вот как сейчас — нет человека, и виноватых нет.

— Будут! А с вашей помощью могли бы найти быстрее.

— Нет, трус в карты не играет. — Нина поднялась с кресла. — Я обещала Колиной маме приготовить все к поминкам.

«Красивая — спасу нет», — подумал Фризе, вставая. Спросил:

— Где вы познакомились с Уткиным?

— Учились в Плехановском в одной группе. Удовлетворены?

— Запишите мой телефон, — попросил Фризе.

— Зачем? Думаете, в трудную минуту потянет на откровенность? Или... — Она нахально улыбнулась, бросив на Владимира оценивающий взгляд.

— Дура! — не сдержался Фризе. — Если вдруг прижмут старые знакомые!

— Дура — это совсем по-мужски, — с обидой сказала она, но телефон записала.

Любой хороший шанс не более как открывшаяся тебе возможность достичь желанного результата. Есть люди — по-видимому, их большинство, — жизнь которых не задалась, хотя провидение постоянно предоставляет им шанс круто изменить ее к лучшему. Ведь для того, чтобы использовать свой шанс, нужны решительность, готовность рискнуть и умение выложиться до последнего дыхания, чтобы развить успех. Но редкие люди обладают еще и способностью — ее, наверное, можно назвать экстрасенсорной — предчувствия своего шанса. Когда внезапное и непонятное на первый взгляд возбуждение дает тебе сигнал — не проворонь того, с чем ты соприкоснулся, но еще не успел понять.

Расхаживая по своему крошечному кабинету — семь шагов от двери до окна, — Фризе восстановил в мельчайших подробностях свой разговор с Ниной Серовой. Время от времени он присаживался к столу и записывал ее ответы. На свою память он

пожаловаться не мог, и через час весь их разговор был изложен на бумаге со стенографической точностью. «Вот, милая девушка, вы спрашивали про магнитофон, он всегда со мной», — не без самодовольства подумал Фризе.

Два факта из тех, что упомянула Серова, придавали делу «Харона» еще более мрачную окраску. Но сами по себе не выводили следствие из тупика. Владимир подчеркнул жирной чертой фразы: «Ничего серьезного за ним не числится — не болтал, не стучал, не высывался. Не за что приговаривать». И еще — фразу о бледных поганках. Она вырвалась у Нины после слез, после эмоционального срыва. Серова, похоже, даже не осознала, что высказала так глубоко упрятанное. А с бледной поганкой нечаянно проговорилась и разлилась, осознав свою промашку.

Майор Покрижичинский долго отказывался от встречи.

— Какой может быть разговор? Я отстранен от следствия, да и дело закрыто, закрыто, товарищ Фризе. — В голосе прорывались нотки обиды.

Некоторое время в трубке слышалось шумное дыхание. «Он толстяк, этот майор, — подумал Фризе. — Или астматик».

Наконец Покрижичинский сказал:

— Давайте погуляем полчаса.

— Может, выпьем кофе на Страстном бульваре? В «Лакомке»?

— Там очередь.

— Я заранее займу. — Фризе был как никогда покладист. — Приходите к одиннадцати. Самый высокий мужчина в очереди буду я.

Покрижичинский засмеялся и сказал:

— Буду.

Только когда майор подошел к нему и протянул руку, назвав свою фамилию, Фризе понял причину этого смеха: Покрижичинский едва тянул на метр шестьдесят.

— Хороши бы мы с вами были на прогулке, — сказал майор, когда, взяв кофе и несколько булочек, они заняли укромный столик в углу. В цивильном костюме он ничем особо не выделялся из толпы — пожилых низкорослых мужчин у нас хватает. Но в милицейском мундире Покрижичинский, наверное, производил комичное впечатление. Маленький, толстый, с лысиной, обрамленной пушистой порослью сивых волос.

— Бросьте вы это дело, — с какой-то покорной обреченностью посоветовал майор, выслушав рассказ Фризе о его расследовании в малом предприятии «Харон».

— Не понимаю. Один санитар отравлен, другой убит... Станислав Васильевич, как я могу бросить?

— Заставят. Вы думаете, у нас что-нибудь изменилось? Говорю по слогам: ни-че-го! Новые законы? Ха-ха-ха! А люди-то те же. Сколько мы с вами кампаний пережили? Дружины, профилактика, выездные суды, всех на поруки, больше сажать, меньше сажать, закрыть тюрьмы, открыть тюрьмы! А-а! — Он лениво

отмахнулся. — Начинаешь об этом говорить, во рту горько становится. Сейчас кампания за кооперативы. И не смейте их — говорю по слогам — ди-скре-ди-ти-ро-вать! Во, сколько слогов! Я ведь тоже за кооперативы, Владимир Петрович. Только учитываю, что потянулся к ним в первую очередь наш контингент. Уголовный. Эти ребятки посообразительней, прошли серьезные университеты и за себя постоять могут, и боссов новоявленных в обиду не дадут.

— Да знаю я все это, — вежливо, но твердо сказал Фризе. Похоже было, что майор может говорить на такие темы до бесконечности.

— Конечно, знаете, — покорно согласился собеседник. — А знаете ли вы о том, что «Харон» оплачивает почти все заграничные поездки нашего местного руководства? И в валюте тоже. — Заметив удивление в глазах Фризе, майор усмехнулся. — Вот и я также удивлялся. Люди есть люди. Демократы, консерваторы, правые, левые. Проблема не в том, в какой партии ты состоишь, а в том, хороший ты человек или плохой. С принципами или без оных.

— У вас есть доказательство?

— О том, что они ездят за счет «Харона»? Сколько угодно. Это не скроешь. Они только не афишируют, кто платит. Кстати, «Харон» зарегистрирован как малое предприятие при городской мэрии. А вот о том, сколько СКВ они оставляют на своих заграничных счетах, у меня теперь доказательств нет.

— Как это?

— А так. Некоторое время тому назад меня пригласили в госпиталь, в кардиологическое отделение. Там в отдельной палате лежал парень из «Харона», ждал операции на сердце. Степанков. Сильно трусил он перед операцией. Как и любой другой на его месте. Наговорил он мне на диктофон три кассеты, шесть часов. И о валютных вкладах за границей, и о том, кто и сколько берет за ордер на помещение, в какой валюте. Вы у директора «Харона» были? — неожиданно спросил майор.

— Был. Валяжный господин в прекрасном офисе.

— Так вот, на этот прекрасный офис начальство выдало три ордера трем разным кооперативам. «Харон» заплатил сверх миллион наличными и стал владельцем.

— А остальным вернули деньги? — Фризе усмехнулся, уже предчувствуя ответ.

— Вернули! — хохотнул Покрижичинский. — С процентами. Так вот, когда у меня отобрали дело, кассеты с записями пропали. Ну... сами кассеты остались, а записи пропали. Теперь там записан какой-то хэви-метал. Я в этих попках мало разбираюсь.

— Предприятие «Харон», как торт «Пралина», многослойно. Я занимался кражами и на Степанкова случайно наткнулся. Выяснил — санитары не воруют. Получают большие бабки за свою непосредственную работу и за наводку. Это один слой. Второй — боевики. Официально считаются телохранителями, экспедиторами, водителями. А между делом, по наводке санитаров, «берут» квартиры. Кроме похоронных забот, в «Хароне» занимаются и внешнеторговыми операциями, и биржевыми.

— И у вас есть показания свидетелей, вещественные доказательства?

Покрижичинский не ответил. Быстрым, словно только сморгнув, взглядом окинул маленький зал кафе, плеснул в чашки какой-то жидкости из плоской блестящей фляжки. Фризе не успел заметить, откуда он достал фляжку, тут же исчезнувшую.

— Не пугайтесь, — улыбнулся майор. — Это хороший коньяк. Как профилактика против гриппа.

Кофе, и правда, стал ароматным и крепким. Покрижичинский выпил свой кофе одним глотком, как водку.

— Теперь о материалах дела. Их нет. И дела нет. То, чем я располагаю теперь, не больше чем сплетня. Говорю по слогам: сплет-ня. И вам тоже не дадут собрать никакой компромат. Не по сезону! Поверьте старому сыщику. Но если я вас не остудил — милости прошу.

Фризе почувствовал, как рука майора уперлась в его колено, глаза выразительно стрельнули вниз. Он осторожно протянул руку под стол и наткнулся на плотную пачку бумаг, схваченных тугой резинкой.

— В кармашек, в кармашек! Изучите дома, — пропел майор. «С нервами у товарища не все в порядке, — подумал Фризе, пряча пакет в карман брюк. — Может быть, и от дела его отстранили по этой причине?»

Прощаясь около входа в метро, Покрижичинский сказал:

— Если мои заметки сгодятся, буду рад. Можете даже снять копии. Только не храните в служебном сейфе.

Когда Фризе пришел в прокуратуру, у него в кабинете опять сидел Ерохин и заряжал кофеварку кофе.

— Ты что, полицейский, переселился ко мне? Хочешь меня подсесть?

— О нем заботятся, кофеек варят, а он недоволен.

— Я сегодня только тем и занимаюсь, что кофе пью.

— Вот-вот, а полицейский, напившись утром жидкого чая, бегаёт по городу выполняя твое поручение.

— Важно не то, кто сколько бегаёт, а результат. Говорю по слогам: ре-зуль-тат.

— С Покрижичинским встречался! Чудной мужик, верно?

— Результат! — с нажимом повторил Фризе.

— Ты, Владимир, все-таки молодец, — со вздохом признал Ерохин.

Он включил кофеварку, освободил хозяйское кресло, сам сел за пустующий стол напротив.

— Молодец, — повторил Дмитрий с завистью. — Меня такая хорошая мысль — поработать с домочадцами — не озарила. Но интуиции и мне не занимать! Представляешь, первый заход, и в яблочко! А ведь у меня девятнадцать адресов в записной книжке.

— Не морочь мне голову! Нашел ты банку или нет?

— А что, по-твоему, в этом пакете? — Ерохин показал глазами на стандартный кулек, в которые продавцы обычно насыпают крупу или песок в те редкие дни, когда эти продукты бывают в продаже. Фризе кулек этот заметил сразу, как вошел в каби-

нет, но решил, что Ерохин раздобыл где-то пряников к кофе. Он любил пряники, особенно с повидлом.

— Читай. — Ерохин вынул из кейса несколько листков бумаги, протянул Фризе. Быстро пробежав глазами протокол, Фризе спросил:

— Банку не полапал?

— Я-то нет. А представляешь, как замусолил ее доцент Гарбуз? Ведь он целый день таскал ее в кармане — и на панихиде, и в крематории, и на поминках.

— Упаковал ее хорошо?

— Чего ты меня пытаешь?! — рассердился Ерохин. — Вот она перед тобой. Распакуй — убедишься.

— Дима, кофеварка взорвется. Сейчас выпьешь кофе, а потом я всю неделю буду поить тебя шампанским.

— У меня от шампанского отрыжка, предпочел бы коньяк.

— Будешь пить коньяк. Как говорят нынче политики, в пределах разумной достаточности.

— Значит, по сто пятьдесят, — прокомментировал майор и принялся разливать кофе.

— Нет, нет, мне не надо. — Он встал, защелкнул замок в дверях, открыл сейф и вынул из него бутылку виски.

— Ну и ну! — только вымолвил Ерохин.

— Не беспокойся, виски сверх премиального фонда. Коньяк ты будешь пить во внеслужебное время. — Фризе достал из стола две чашки, плеснул в них виски.

— Володя, что десять граммов, что сто. Ответственность одинаковая, а удовольствие разное.

Фризе засмеялся и налил почти по полной чашке:

— Это я тебя просто подразнить решил.

Они выпили до дна, и Ерохин деловито сполоснул чашки кофе:

— Береженого Бог бережет.

Пока он с выражением блаженства на лице потягивал кофе, Фризе убрал бутылку в сейф и еще раз прочитал протокол изъятия банки из-под пива «Туборг» в квартире доцента Гарбуза Семена Семеновича. Все было оформлено с дотошной пунктуальностью. И приложена объяснительная записка самого Семена Семеновича о том, что он подобрал банку на снегу, рядом с моргом Первой Градской больницы с «целью коллекционирования». Доцент написал также, что свидетелей экспроприации пустой банки не было, так как, несмотря на познавательные цели изъятия банки, Семен Семенович «испытывал неловкость и поднял банку незаметно».

После того как Ерохин закончил с кофе, Владимир попросил показать банку:

— Только, ради Бога, осторожнее.

Черная банка была упакована по всем правилам криминалистического искусства. Фризе невольно подумал, что даже его друг Шахов, криминалист-исследователь из Института судебных экспертиз, которому он собирался отвезти на исследование это вещественное доказательство, вполне одобрит старания майора.

Не притрагиваясь к банке, Владимир внимательно, сантиметр

за сантиметром, изучил ее поверхность. На букве «о» в слове «Туборг» обнаружил крошечный мазок, даже не мазок, а чуть расплывшуюся смазанную точку, не то восковую, не то пластилиновую. «Когда эксперты разрежут банку, прокол изнутри будет виден прекрасно», — подумал он.

— Едем! — Фризе энергично махнул рукой, призывая Ерохина поторопиться.

— Если ты за рулем, то я не поеду. Иди к шефу, проси машину.

— У него прошлогоднего снега не выпросишь. Да что ты боишься, я не зря тебя беру с собой. В случае чего отмажешь. Велика беда — сто граммов учительского виски! «Учительского!» Специально для учителей гонят в Шотландии. А мы с тобой кто? Суровые блюстители порядка!

— Вот именно, — проворчал Ерохин, надевая куртку и осторожно беря со стола кулек с банкой. — Не люблю я грешить по мелочам. Если тебя остановят, я свои ксивы даже не вытащу, не надейся.

— Не любишь грешить по мелочам, не пил бы виски, — усмехнулся Фризе, запирая кабинет. — Тоже мне, законник.

По дороге в институт Фризе сказал:

— Теперь давай подробности про доцента.

— Большого внимания заслуживает его матушка, Александра Андреевна, такие пироги с капустой печет!

— Дима, высажу из машины.

— Ты псих, Фризе. Если бы не матушка, не нашли бы мы никакой банки. Представляешь, звоню. Открывает седой колобок у передника. Представляюсь по форме. А она мне: «Миленький, у меня пироги в духовке, если я сейчас тебя слушать буду, подсохнут они. А то еще и сгорят. Дуй за мной на кухню».

Я чувствую, в воздухе благоухает. А на кухню вошел — обомлел: все полочки, полочки по стенам, а на полочках все баночки, баночки. И все из-под пива. Я к бабушке с вопросом, а она все твердит: «Сиди, миленький, сиди, не говори под руку». Достает противень с пирожками, перышко макает в растопленное масло и смазывает. Пироги румяные. От такого благолепия я забыл, зачем пришел. Сажу, на пироги таращусь. Александра Андреевна их смазала, листками белыми прикрыла и полотенцами укутала. Потом заварила чай — хорошо заварила, от души, — разлила по чашкам, пирожки на блюдо. Попитались мы с ней, поговорили о жизни, и только после этого она меня спросила, зачем пожаловал. А к тому времени я уже вещественное доказательство на одной из полок обнаружил. Там еще «Туборги» стояли, но другого цвета. Остальное — дело техники.

Доцент Гарбуз, ее сынок, банку в день похорон Бинева принес. Позвонила она ему в институт ферросплавов, он и приехал тут же. Благо недалеко. Один момент только острый был — бабуля банку с полки сняла и передником вытирать собралась...

— Да, действительно моментик!

— Тебе смешно, а я даже пирог на пол выронил. Такая жалость!

Они ехали по тихой московской улочке, где сохранились дере-

ванные двухэтажные дома и каменные усадьбы, которые итальянцы наверняка называли бы палаццо, если бы не отваливающаяся штукатурка и отбитые носы у грудастых дам, поддерживающих капители. Правда, несколько таких домиков были недавно отремонтированы, окна у них забраны решетками, словно на добротной тюрьме, а яркая реклама на крышах написана по-английски.

— «Роммельмеер и Бабкин. Компьютеры по ценам ниже рыночных», — прочитал майор. — Первая надпись на русском попала. Володя, а почему же они не разоряются?

Ответить Фризе не успел. Из подворотни с мяуканьем выскочил ошалелый черный кот и застыл как вкопанный посреди дороги. Владимир нажал на тормоз. Кот недовольно посмотрел на остановившийся в нескольких метрах автомобиль, оглянулся назад. Его никто не преследовал. Как ни в чем не бывало, спокойно и важно кот пошел через дорогу.

— Ну, артист! — пробормотал Ерохин и посмотрел на Фризе. Тот спокойно провожал котягу взглядом, не делая никаких попыток продолжить путь.

— Володя, ты чего? Напугался? Или в приметы веришь?

— В черных котов верю.

— Брось меня разыгрывать! То заторопился как на пожар, теперь время тянешь. Поехали!

— Пройдет первая машина, и поедem.

— Да здесь такая тихая улица! Час простоиm! — возмутился Ерохин.

— Дима, к черным кошкам в нашей семье отношение особое.

— А может быть, это кот?! — улыбнулся майор, но Фризе на его шутку внимания не обратил.

— Мой дед в тридцать восьмом году возвращался ночью от своей приятельницы. Дорогу ему перебежала черная кошка. Дед, светлая ему память, не долго думая вернулся к подруге. Утром позвонил сослуживцу и узнал, что его разыскивает НКВД. И на квартире его всю ночь засада ждала. Сечешь?

Новенький черный «БМВ» с красноватым номером совместного предприятия промчался по улице и, скрипнув тормозами, застыл у одного из зарешеченных особняков. Фризе тронул машину.

— И что же с дедом? — заинтересовался Ерохин.

— Перехватил у друзей деньги и уехал в Сибирь. Там и отсиделся. Даже фамилии не менял, работал под своим именем. Его и не искали — разверстку по врагам народа на этот момент выполнили и притормозили.

— Смотри-ка ты! Вот и не верь после этого в приметы! — Майор был искренне восхищен.

Фризе не стал рассказывать, что десять лет назад его отец, академик, крупный специалист по ракетным двигателям с твердым топливом, резко затормозил на мокром асфальте перед перебежавшей дорогу кошкой и сделал Владимира круглым сиротой. Рассказ вышел бы слишком грустным.

Оставшуюся дорогу до института судебных экспертиз они доехали без приключений и, пока Шахов занимался у себя

в лаборатории исследованием банки, играли в шахматы. Успели закончить две партии. В самый разгар третьей пришел Федор.

Засохшие капли пива содержали цианид той же группы, что был обнаружен в желудке санитары Уткина. В банке был тончайший прокол, залепленный автомобильной шпаклевкой. Шахов положил на стол несколько фотографий. На одной из них, сделанной с внутренней поверхности жести, как и полагал Фризе, отверстие было особенно заметно.

— А пальчиков мои ребята наснимали, как будто каждый второй москвич за эту банку подержался.

«Господи, — подумал Фризе, — что же за жизнь у нас нищая, когда из-за говенной пивной банки серьезному ученому врать приходится».

Открытые двери

Лифт не работал, и Фризе поднимался на четырнадцатый этаж пешком. Где-то он прочитал, что лучшее средство от инфаркта — ежедневно подниматься пешком на пять этажей. «Но не на четырнадцатый же! — думал он, останавливаясь передохнуть на девятом и вспомнив рекомендацию врача. — Четырнадцать этажей даже для моего здорового сердца многовато».

Добравшись наконец до своей квартиры и вставив ключ в затейливый финский замок, он понял, что замок открыт, а защелка заблокирована. Был открыт и второй замок, попроще, но поувесистей.

«Воры?! — подумал Владимир Петрович и пожалел, что оставил свой табельный пистолет в прокуратуре, в сейфе. — А как же сигнализация?»

Осторожно он открыл дверь, не издав ни шороха, ни скрипа. Прислушался. Из открытой двери гостиной доносилось строгое тиканье напольных часов. Прихожая выглядела нетронутой: ряд начищенных туфель, тапочки, свои и Бертины. В огромном трюмо отражалась чуть приоткрытая дверь в кухню. И эта дверь выглядела вполне мирно.

«Неужели я забыл запереть квартиру? — подумал Фризе. — А когда ходил за газетой, поставил замок на защелку?» Но он твердо помнил, что запер оба замка, и всегда, спускаясь за газетами, захлопывал двери квартиры и брал с собой ключи.

Минуты две он прислушивался, а потом вошел в прихожую, на всякий случай оставив дверь нараспашку. Первым делом он взглянул на черную коробку милицейской охраны: красная лампочка сигнализации спокойно мигала — значит, охрана не срабатывала. Фризе торопливо набрал нужные цифры — ему не хотелось объясняться с милиционерами, если окажется, что он сам забыл запереть дверь. Осторожно, шаг за шагом, Владимир обошел все комнаты. Никаких следов пребывания посторонних. Все картины на своих местах — две его любимые марины Лагорио, доставшиеся в наследство от бабушки. И дедов перстень с огромным рубином в серебряной шкатулке для карт. А также тоненькая пачка червонцев — последняя получка. Он позвонил

в отдел охраны, назвал свой номер, поинтересовался, не срабатывала ли сигнализация?

— Мы бы давно у вас были, — обиделся дежурный.

Историю с отравлением Фризе окрестил «пивным делом». Вспомнив про банку «Туборга», найденную в саду около дачи Мавриных, Фризе захотел пива. Он ощутил у себя на губах горьковатую пену и с тоской посмотрел на холодильник — там не было не только «Туборга», но и «Жигулевского». Да и запасы продовольствия подходили к концу.

Владимир ограничился чашкой чая с бутербродом, полежал полчаса на диване с книгой Макбейна про американских сыщиков из 87-го полицейского отделения, потом переоделся в спортивные брюки и толстый шерстяной пуловер, который привезла ему Берта из поездки в Данию. Натянув пуховик и спортивную шапочку, он позвонил Берте. Телефон выдавал длинные тягучие гудки. И неудивительно. Подруга обещала прийти домой в девять, а сейчас было еще без двадцати. Но ключ от Бертиной квартиры у него имелся.

Фризе включил сигнализацию, тщательно запер дверь на оба замка.

Он не собирался ехать на машине — Берта жила рядом — и только бросил мимолетный взгляд на свои «Жигули». Как обычно. В наше время это совсем не лишний ритуал. Машина была на месте, там, где он поставил ее полтора часа тому назад. Но что-то насторожило Фризе, слегка царапнуло его внимание. Он остановился и сразу понял, в чем дело: к «Жигулям» совсем недавно подходили. Снег шел весь вечер, а следы были свежие. Даже не просто следы, а целая дорожка. Могли подходить и мальчишки, и просто любопытный. У Фризе была «десятка», а они в городе появились недавно. Помня, что береженого Бог бережет, Владимир решил проверить, все ли в порядке. Его ожидал сюрприз — дверца рядом с водительским сиденьем была открыта!

«Это уже из области мистики», — прошептал он расстроено, окидывая быстрым взглядом салон и пытаясь определить, что украдено. Опять, как и в квартире, все было на месте: приемник, меховая накидка на сиденье, приборы и пачка «Мальборо» в бардачке. Фризе уже вздохнул с облегчением, подумав, что сегодня какой-нибудь особый день, — уж не магнитный ли? — напрочь лишивший его внимательности, когда заметил на сиденье маленькое черное колесико — ручку настройки от приемника.

Кто-то снял колесико и положил на самое видное место. Кто-то позаботился показать ему, что незапертая дверь — не плод его рассеянности, а нечто иное.

Он сел в машину, достал из бардачка сигареты и закурил. «Мне дают понять, что я уязвим! Что в любой момент могут войти в квартиру, угнать или повредить машину. Зачем? Намекают на то, чтобы я проявил благоразумие?»

Владимир мысленно раскрыл свой служебный сейф и представил, как вынимает хранящиеся в нем дела и раскладывает на столе.

Дело об ограблении пьяного на станции Кунцево... Грабитель, бомж Александр Яковлев, сам убогий, хромой пьяница, дожидается судного дня в следственном изоляторе. Мстить за него некому. Даже среди бомжей и спившихся старых проституток Яковлев был парией. Дело об убийстве милиционера Севастьянова. Подозреваемый — Роман Дьячков по кличке «Псих» — числится во всесоюзном розыске. Из показаний его друзей и родственников складывается довольно любопытный портрет «бегуна»: седой, полный — по некоторым определениям даже толстый — респектабельный мужчина, любитель сладко поест и застольный говорун. И еще — вор Дьячков мгновенно, по пустяковому поводу, мог впасть в бешенство. Его боялись даже признанные паханы. «Дьячков способен на все, — решил Фризе. — Особенно сейчас, когда я обложил его со всех сторон, словно лису флажками». Но то, что произошло с квартирой и машиной, никак не увязывалось с характером Романа-Психа. Попав в квартиру, он сумел бы за пару минут устроить там склад вторсырья. От одной мысли об этом Фризе поежился.

Еще одно дело — бытовое убийство: жена чересчур удачно запустила в супруга чугунной сковородкой, на которой пекла оладьи. Вся вина убитого состояла в том, что он «надоел своими советами, как испечь оладьи попышнее».

Оставалось последнее дело: о смерти санитаров «Харона» — одного от отравления, другого — застреленного Алиной Мавриной из охотничьего ружья ее покойного супруга.

Вот и все: за исключением нескольких мелочей — табельного оружия, початой бутылки виски и двух новых галстуков — сейф был пустым.

Оставались ребята из «Харона». Правда, он ведь только начал расследование! Еще ничего не обнаружил. Но ведь и они — если это действительно они — почти ничего не сделали. Лишь открыли двери. Тонкий намек? Как там говорили древние римляне? Понимающему достаточно полуслова.

«Поеду-ка я к Берте на машине, — чуть поколебавшись, решил Владимир. — И останусь у нее ночевать».

Если у Фризе и была тайная надежда, что под окнами Бертино дома «Жигули» будут в большей безопасности, то едва он поднялся на четвертый этаж, эта надежда тут же улетучилась. Встревоженная Берта стояла у дверей своей квартиры, а какой-то смазливый тип в адидасовском спортивном костюме ковырялся в замке.

— Володька! — обрадовалась Берта, увидев Фризе, выходящего из лифта. — Наконец-то! Меня, наверное, обокрали! В квартиру не попасть.

Смазливый тип разогнул спину и обернулся:

— Берта Александровна! Если бы обокрали — дверь была бы нараспашку. А у вас замочки клевые. Любой вор об них зубы сломает. — Он перевел взгляд на Фризе и почтительно поздоровался.

«Здравствуйте» получилось у Владимира не очень приветливым, но парень не обиделся и спросил вежливо:

— Извините, а вы в какой команде играете? — Почему-то

каждый, кто знал, что Берта баскетболистка, увидев Фризе, автоматически причислял его к тому же спортивному клану.

— В «Динамо», — ответил Владимир и добавил на всякий случай: — Во втором составе.

Парень был явно разочарован. Может быть, это и помогло ему справиться с замком. Через минуту он выковырял из скважины обломок ключа.

— Видали фитильку? — показал он обломок Берте. — Дайте-ка мне ваш ключ, сейчас сравним.

Берта покорно отдала парню связку ключей. Он быстро нашел аналог и радостно воскликнул:

— Надо же, один к одному! — Присмотрелся повнимательней и покачал головой. — Нет, разница есть, иначе не сломался бы.

— Можно забрать его? — протянул руку Фризе.

— Конечно. — Парень отдал ему обломок, Берте связку ключей.

— Владик... — Берта раскрыла свою сумочку.

— Нет, нет, нет! — почти пропел парень. — Никакой оплаты. Я и так ваш вечный должник. Будьте здоровы, радуйте нас, болельщиков.

— Шуба на месте, кубки на месте, сережки в порядке, — бормотала Берта, бестолково открывая то дверцы шкафа, то ящики большого комода. — Тряпки на месте. Скажи, пожалуйста, и деньги на месте! — Она вынула из хрустального ковчега пачку десятков в банковской упаковке.

— Володька, ничего не пропало! А я так перетрусила. Жуть! Есть причина выпить шампанского!

«Ничего не скажу, — решил Фризе, видя, как радуется подруга. — И поживу у нее недельку. Скоро Берте в Женеву на Европейское первенство. Нечего девушку пугать».

— Тебе же Владик сказал — раз ключ в замке сломался, в квартиру воры не добрались.

— Ты думаешь, это воры? Точно?

— Ну... может быть, Олег Михайлович.

— Володька, что ты меня разыгрываешь!

Пока Берта готовила на кухне ужин, он ломал голову над тем, как ему теперь поступать. Рассказать ли все прокурору и коллегам? Промолчать? Подождать следующего хода неизвестного противника? А что он может сказать прокурору? Открытые двери в квартире и в машине, обломок ключа в замке Бертиной квартиры. Шеф может сказать, как и мент из службы охраны: будьте внимательны, контролируйте себя, товарищ следователь.

Проще всего уладился вопрос с Бертой. После ужина с шампанским — почти всю бутылку пришлось выпить Фризе одному — Берта, как она говорила, «усиленно держала форму», она опять вспомнила про замок.

— Володя, что же делать? Как я буду тут жить с чувством страха? Куда смотрит прокуратура и лично прокурор Владимир Фризе?

— Он смотрит на свою любимую девушку.

— Нет, правда! Вот возьму и куплю в Женеве автомат. Там оружия хватает.

Фризе засмеялся, представив, как Берта ходит по квартире с автоматом.

— Нет, за автомат меня посадят. Лучше куплю самый современный замок. И тебе тоже. Тебе даже два, второй на дачу.

«Про дачу я и забыл,— подумал Владимир Петрович.— Они ведь могли и там побывать».

— Чего ты молчишь! Спать захотел? — Она принялась расстегивать пуговицы на его рубашке.

— На даче хорошие замки бесполезны,— задумчиво сказал Фризе.— Вышиб любое окно — и ку-ку.

— Значит, куплю тебе все-таки автомат. И потом, Володька, ты должен сейчас пожить у меня. Во-первых, ты давно не стоял у меня постоем, во-вторых, обещал и, в-третьих, тебе будет спокойнее за меня. Правда ведь?

Мастер острых сюжетов

— Владимир Петрович? — Голос звонившего был мягкий, благожелательный.

— Он самый.

— Вам бьет челом писатель Герман Огородников.

— Рад вас слышать,— отозвался Фризе, хотя ни одной книги Германа Огородникова не читал.

— И мне очень приятно, что судьба свела меня с вами.

«Вот еще!» — удивился Владимир Петрович. Этот обмен любезностями мог продолжаться бесконечно. Фраза о судьбе ничуть не заинтересовала следователя. Он не раз сталкивался с людьми, которые обычную вежливость принимали на свой счет со стремительностью группы захвата. Поэтому осторожно спросил:

— У вас ко мне конкретное дело?

— Еще какое конкретное! Я вам все подробности объясню...

— У нас сегодня четверг... — задумчиво начал Фризе, прикидывая, на какой день пригласить писателя, но Огородников перебил его:

— Владимир Петрович, я в двух шагах от вас, в кабинете Олега Михайловича. С его подачи и звоню.

Огородников лишил возможности выбора, и Фризе сладся. «Шеф хитер, как старый лис,— подумал он.— Сам звонить не стал. Что ж, надеюсь, что судьба нас тут же и разведет с товарищем писателем. По крайней мере до тех пор, пока у меня появится свободное время».

Герман Огородников был крупным пожилым мужчиной с худым брылястым лицом и оттопыренными ушами. Модные вислые усы были главным его украшением. Весь упакованный в джинсу, он напоминал слишком рано состарившегося плейбоя. «На шестьдесят тянет», — успел подумать Фризе, вставая из-за стола навстречу гостю.

— Владимир Петрович, голубчик, рад с вами познакомиться. — Писатель на удивление точно был похож на свой голос — такой же мягкий и доброжелательный.

— Присаживайтесь,— пригласил Фризе и сам сел напротив. Стул под Огородниковым опасно скрипнул.

Писатель молча, с ритуальной торжественностью достал из объемистой фирменной сумки книгу и раскрыл на титульном листе. На следователя смотрел с портрета еще один Огородников, тоже с усами, но лет на десять помоложе. Красивым размашистым почерком Герман Степанович написал на титуле: «Дорогому Владимиру Петровичу Фризе, талантливому следователю и Человеку на добрую дружбу». Перед тем как написать фамилию, Огородников замешкался, потом достал из одного из многочисленных карманов записную книжку и сверился с ней. Закончив священнодействие, он протянул Фризе книгу:

— На строгий суд. Вы же знаете — я пишу детективы.

Фризе не знал и сделал неопределенный жест руками, который можно было истолковать двояко: «Ну, конечно, кто же этого не знает!» или «Извините великодушно, я исправлюсь».

— В последнем моем романе «Выстрел вдогонку» главный герой — следователь прокуратуры.

— Герман Степанович, — перебил писателя Фризе, — какое же у вас ко мне конкретное дело?

— Есть, есть! — с живостью откликнулся Огородников. — Но изложить его деловым бюрократическим языком, принятым в прокуратуре, довольно сложно. — Благожелательность Германа Степановича имела пределы.

— Вы попросту, я постараюсь понять.

— Вы расследуете сейчас дело об убийстве Маврина...

Владимир хотел возразить, но Огородников остановил его, предупредительно подняв ладонь:

— Я старый друг Маврина. Да, да, несмотря на разницу в возрасте. И я пишу сейчас новый детектив. Каждый раз, когда я начинаю роман, я иду или в прокуратуру, в следственное управление, или на Петровку, 38, к сыщикам. Езжу с ними на происшествия, знакоюсь с материалами предварительного расследования. Вы же читали мои книги — там нет развесистой клюквы. Я иду путем Сименона, а не старушки Агаты. Простите мою самонадеянность. Теперь вы наверняка уже догадались, с какой просьбой я к вам пришел? Да, да! Я хочу быть рядом с вами, пока вы расследуете дело о смерти моего друга Маврина. Я уже вижу новый роман, понимаете?

Фризе, стараясь не показать своего удивления, не торопился с ответом. В молчании следователя Огородников почувствовал угрозу своим планам:

— Владимир Петрович, я понимаю, что существует профессиональная тайна, неразглашение результатов следствия и прочие ограды, за которые вы можете легко спрятаться. Но писатель Огородников — особый случай. — Он стремительным движением достал из кармана сразу несколько красных книжечек и разложил перед Фризе:

— Смотрите, это удостоверение нештатного консультанта МВД по печати. За подписью самого министра! Это — из ГУВД. Здесь даже нет слова «нештатный»! А это мне выдали в Прокуратуре России. Смотрите, смотрите — подписал Сам! Да и как иначе — миллионы читателей, знакомясь с моими романами, проникаются уважением к стражам порядка. — Он замолчал,

и легкая гримаса раздражения промелькнула у него на лице. Наверное, Огородников не совсем еще потерял способность видеть себя со стороны и сейчас почувствовал острое недовольство собой, тем, что он, известный писатель, пожилой человек, суетливо демонстрирует удостоверения и разглагольствует о своих романах. И перед кем? Перед обыкновенным мальчишкой — следователем районной прокуратуры. Но что-то в этом мальчишке со странной фамилией было неординарное. Это он смутно чувствовал. Внимательный, даже пристальный взгляд? Может быть, какое-то тщательно скрываемое за приветливой улыбкой превосходство? Чуть. Тогда что же? Прекрасно сидящий темно-серый костюм? И скромный красивый галстук. И сам он — худой, подтянутый, внимательный, внешне благожелательный. Можно даже сказать, рафинированный. Огородников впервые почувствовал себя неуютно в своей нарочито небрежной, но очень дорогой джинсе. Он всегда так одевался, направляясь в какое-нибудь официальное заведение. «Пусть бюрократы и аппаратчики чувствуют, что я независим, раскован, лишен пред-
рассудков».

Иногда он надевал золотую цепочку с декоративной бритвой и большой перстень с бриллиантом. И чувствовал себя прекрасно, непринужденно разговаривая с министром или генералом. А тут вдруг испытал острое чувство дискомфорта.

Он собрал удостоверения, спрятал их в карман и, переломив свое раздражение, с улыбкой спросил:

— Чувствую, что мое предложение вам не по душе?

— Герман Степанович, вы ведь были на юбилее у Маврина? В то воскресенье?

— Да. С женой.

— Вот вы пишете детективы... — Фризе хотел добавить, что он, к сожалению, не читал, но сдержался. — И воображение, естественно, у вас развито сильно. Если вы считаете, что Маврина убили...

— А вы так не считаете?

— Не считаю.

— А ваш шеф склоняется именно к такой мысли.

— Значит, он держит свои мысли от меня в секрете. О насильственной смерти Маврина и разговора не заходило. Такого уголовного дела не существует. — Фризе посмотрел на скептическую ухмылку писателя, и его посетила озорная мысль.

— Ну, что ж! Давайте рассмотрим такой казус, — я думаю, в разговоре с писателем это допустимо, — а вдруг кто-то из гостей Маврина помог ему отправиться к праотцам, ad patres, — как говорили в древности. О чем бы больше всего мечтал убийца, совершив преступление?

— Чтобы его не обнаружили! — не задумываясь, выпалил Огородников.

Фризе удовлетворенно рассмеялся.

— Конечно, конечно, Герман Степанович. Это, так сказать, его заветная мечта. А пока идет следствие, убийце хотелось бы знать, что предпримет следователь, какие улики он раздобыл. Правильно?

Лицо Огородникова внезапно сделалось белым, как будто чья-то рука стерла лежащий на нем грим.

— Вы не боитесь, что я могу вас заподозрить?

Несколько секунд писатель сидел молча. Потом сказал:

— Боюсь. Теперь боюсь.

— Вот видите! Но у нас с вами, Герман Степанович, разговор приватный, правда?

Огородников кивнул.

— Поэтому предостерегу вас: если бы мы расследовали убийство Маврина, вы и так были бы на подозрении. Как и все, кто присутствовал на юбилее. Будьте осторожны.— Он неожиданно улыбнулся доброй подкупающей улыбкой.— Это я сказал, приняв вашу гипотезу об убийстве, а на самом деле Маврин умер своей смертью.

«Он что, решил поиздеваться надо мной?!» — подумал Огородников. Впервые за долгие годы Герман Степанович находился в таком смятении, что просто не мог сообразить, как ему достойно ответить этому мальчишке.

— Оригинальный у вас склад ума,— только и сумел он промямлить.

— Что вы, что вы! — возразил следователь.— Мне просто интересно порассуждать вместе с писателем. С мастером детектива. И у меня вдруг мелькнула мысль... Как это говорится у вас? Сюжетный ход? Вы так к моим словам и отнеситесь. Преступник, пользуясь своим положением, получает возможность следить за тем, как его ищут. Как вы думаете, в истории мирового детектива это уже было?

— В истории детектива все было,— через силу улыбнулся Огородников. Загар постепенно возвращался на его лицо.— Но ваш ход любопытен. Даже очень.

— И вы, Герман Степанович, подумайте вот еще над чем: если следователь будет внимательным, он ведь тоже многое получит от общения с любознательным преступником. Не правда ли? — Фризе почувствовал, просто физически ощутил, как напрягся Огородников, стараясь не показать растерянности.— Хороший сюжет? — Он снова улыбнулся чуть смущенной улыбкой.— А по истории с Мавриным... Давайте договоримся так — не нарушая процессуальных законов, не разглашая секретов следствия, я буду рассказывать вам о движении дела в общих чертах. Принимается? — Он встал, протянул Огородникову руку.

— Принимается,— выдавил писатель.— И учтите, Владимир Петрович, я тоже могу оказаться вам полезным. Совсем как в вашем сюжете.— Рукопожатие его было вялым, рука влажной.— Между прочим, месяца два назад Маврин получил из архива Госбезопасности копию доноса, по которому его посадили после войны на восемь лет. Вы знаете, что он сидел?

Фризе не ответил.

— Донос писал старый друг Маврина, литературный критик Борисов.

— Но ведь Борисов был в числе приглашенных на юбилей! Огородников отметил в глазах следвателя огонек любопыт-

ства. «Вот тебе! — подумал он с удовлетворением. — Получай, всезнайка!»

— Вот именно! Был в числе приглашенных, сделал оригинальный подарок и произнес великолепный тост за юбиляра.

— Почему же Маврин не захотел предать факт доноса гласности?

— Вы думаете, найдется добрый самаритянин, отсидевший восемь лет и решивший смолчать? — вопросом на вопрос ответил Огородников. — Старик просто ждал удобного случая. Хотел устроить похороны старого друга с большой помпой. И не дождался!

«Харон» предлагает услуги

Владимир достал из сейфа записки, полученные от Покрижинского. И почувствовал укор совести, что не выполнил просьбу майора, не убрал записки подальше от служебного кабинета. «Не до такой же степени все дошло!» — подумал он в оправдание. Но недовольство не проходило, и это было недовольство самим собой. Он внимательно просмотрел все листочки, исписанные мелким четким почерком, хотя, казалось, уже знал все наизусть. Нет, никаких упоминаний о смертях, несчастных случаях, отравлениях грибами здесь не было. Списки сотрудников, пометки о том, кто из санитаров забирал покойников из квартир, подвергшихся ограблению, крестики рядом с именами боевиков! Фризе обратил внимание, что нигде не были упомянуты люди, уволившиеся из кооператива. О новичках можно было судить по датам, представленным карандашом в скобках. Неужели за это время никто не ушел? Никакой «текучести кадров», как говорили чиновники в прошлом. Не в таком уж далеком прошлом.

Владимир снял трубку, набрал служебный номер Покрижинского. Длинные, тягучие гудки. Домашний его номер тоже не отвечал. Справляться у сослуживцев майора Фризе не стал. Зачем вызывать ненужные вопросы? Наверное, он еще в отпуске.

«Может быть, Ерохин знает?» — Фризе позвонил старшему оперуполномоченному. Его телефон тоже молчал. «Работнички! Никого на месте нет!» Ворчал он зря и сам это знал. Милицию ноги кормят. На звонки исправно отвечает только дежурная служба и бездельники.

Собрав документы и убрав их в сейф, Фризе пошел обедать, что означало — если повезет, съесть холодную котлету и выпить кофе с коржиком.

После обеда, не оправдавшего даже самых скромных надежд, он снова достал записки майора с Петровки. В списке сотрудников кооператива «Харон» нашел Зеленкову, которая значилась инспектором по кадрам. Все, как у больших! Аккуратист Покрижинский записал против ее фамилии два телефона — служебный и домашний. Фризе не хотелось своим звонком заранее настораживать инспектора, и он заглянул в приемную прокурора, к его секретарше, «твердокаменной» Марго. Это звание Маргарита получила из-за того, что однажды в прокуратуру

города пришла «телега», в которой ее обвиняли в мелких поборах — духами и конфетами — за мелкие же услуги: без очереди попасть к прокурору на прием, продвинуть побыстрее документы к рассмотрению. Когда письмо обсуждали на общем собрании, шеф отвел от Марго все обвинения, назвав ее «твердокаменным кадром».

Фризе положил перед Маргаритой листок со служебным телефоном Зеленковой и объяснил, что от нее требуется.

— Это законно? — поинтересовалась секретарша.

— Законно, лапочка, — успокоил ее Фризе. — За вранье еще никому больше десяти лет не давали.

— Фризе! — игриво сказала Марго. — Ты допутишься!

— Самое большое, что мне грозит, это женитьба на тебе.

— Не самая плохая мысль! — пытаюсь продолжать разговор на той же шутливой ноте, отозвалась молодая женщина и неожиданно густо покраснела. Фризе тоже почувствовал неловкость и сказал грубовато:

— Марго, хватит издеваться над хорошим человеком, звони скорее.

«Какой у меня в последнее время урожай по матримониальной части», — подумал Фризе, глядя на «твердокаменную», нажимающую кнопки на панели телефона. Краска медленно сходила с ее пухлых, как у школьницы, щек. Он вспомнил Нину Серову, и неожиданное чувство сожаления о чем-то, что он должен был сделать, но не сделал, сжало его сердце и тут же отпустило. Маргарита уже говорила по телефону. Она подключила динамик, и Фризе слушал, что отвечает собеседница.

— Малое предприятие «Харон»?

— Да. — Трубку сняла женщина, и Владимир решил, что это и есть инспектор по кадрам.

— Мне сказали, что вам требуется опытная машинистка?

— Кто вам сказал?

— Ну... это долго пересказывать. Сестра моей соседки.

— Вам приходилось работать на факсе?

Марго посмотрела на Фризе, и он усиленно закивал головой.

— Приходилось. И я могу стенографировать.

— Где вы сейчас работаете?

Марго секунду помедлила и тут же ответила:

— В Госкомитете по статистике. — Все в прокуратуре знали, что в комитете служит ее отец на какой-то большой должности.

— Сколько вам лет?

— Двадцать шесть. Я печатаю с шестнадцати, — тут же добавила Марго.

«Вот партизанка! — с восхищением подумал Фризе. — Не проговорилась и тут». Маргарите было двадцать девять, но она усиленно скрывала свой возраст от сослуживцев.

— Пожалуй, вы нам подойдете, — сказала женщина, — только... Вы не обижайтесь, с вами будет еще беседовать председатель и... — Она опять замялась. — Короче говоря, он старается, чтобы все женщины у нас выглядели не хуже, чем манекенщицы у Кардена. — Она засмеялась. — Так что решайте сами, приезжать вам или нет.

Фризе усиленно закивал.

— Я приеду, — не слишком уверенно ответила Марго. — Могу сейчас.

— Хорошо. Соседка вам не сказала, как нас найти?

— Нет.

— Большой Гнездниковский, дом три, строение один. Увидите вывеску — «Харон» — шесть ступенек вниз. Первая дверь налево. Меня зовут Лидия Васильевна.

Фризе быстро записывал все это в свой блокнот. Очень кстати, что инспектриса по кадрам располагалась довольно далеко от апартаментов председателя.

Маргарита положила трубку, вид у нее был несколько растерянный. Она даже вопреки привычке назвала Фризе по имени.

— Володя, как ты думаешь, я бы не прошла по конкурсу в этом дурацком «Хароне»?

— Ты прошла конкурс у нас — это важнее. А у председателя «Харона» извращенный вкус: манекенщицы у Кардена — большие женщины.

— Больные? Чем, Володя?

— Дистрофией. Систематическое недоедание, понимаешь? Они тебе не конкурентки.

Он быстро поцеловал Маргариту в щеку и удалился, оставив молодую женщину в глубокой задумчивости.

Ехать до Большого Гнездниковского было пять минут. Следуя указаниям Лидии Васильевны, он спустился на шесть ступенек в полуподвальное помещение, толкнул тяжелую бронированную дверь со смотровым глазком и очутился в коридоре, обшитом светлыми деревянными панелями. Если бы не влажный воздух, попахивающий плесенью, этот хорошо освещенный лампами дневного света коридор ничем не отличался от «коридоров власти». Бывшей власти и нынешней.

Лидия Васильевна сидела в крохотной уютной комнатке. Большой пузатый шкаф — Фризе сразу решил, что это просто декорированный деревом сейф, небольшой стол со стандартными коробками картотеки, красивая настольная лампа, из тех, что можно встретить в рекламных каталогах Неккермана, толстый ковер на полу, прикрытый половичком из рисовой соломки, — защита от грязной обуви посетителей. На стене — яркий календарь с красивыми женщинами.

Сама инспектриса никак не подходила под стандарты Пьера Кардена. «Значит, родственница кого-то из членов правления», — решил Фризе. Это была разъезжая кобылица килограммов на девяносто. Черноволосая, бровастая, с темным пушком на верхней губе. Фризе называл таких женщин «бабаусиками». Когда он вошел без стука, Лидия Васильевна заполняла листок по учету кадров, на котором уже была наклеена ее фотография. Делала она это очень старательно, положив свои внушительные груди на стол и выпятив нижнюю губу. Она вздрогнула, когда Фризе сказал:

— Здравствуйте, я вам не очень помешал?

— Вы как привидение. Возникли ниоткуда, — недовольно сказала женщина.

— Я думаю, привидения не такие уж редкие гости в вашем предприятии? — усмехнулся Фризе, присаживаясь на стул и расстегивая куртку, чтобы достать удостоверение.

Инспектриса смотрела на неожиданного посетителя озадаченно. Похоже, не могла решить: прогнать его или выслушать?

Фризе не дал ей времени на раздумье, положил на стол, прямо на анкету, которую она заполняла, свое удостоверение и представился:

— Фризе, из прокуратуры.

— Что из прокуратуры? — не поняла Лидия Васильевна.

— Кто, — поправил он. — Фризе Владимир Петрович. Следователь. Это я. И мне бы хотелось посмотреть списки всех ваших сотрудников со дня основания кооператива.

Женщина молча смотрела на Фризе. Видать, с сообразительностью у нее было не все в порядке. Наконец выражение растерянности на ее лице сменилось строгой гримасой.

— Для этого нужен ордер. Ордер на обыск. — Детективные романы явно входили в круг ее чтения.

— Я не произвожу у вас обыск. Просто следственно-розыскные действия. Статья семидесятая Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Вы должны, по закону, — Фризе направил указательный палец в направлении ее большой груди, — оказать мне всяческое содействие.

Упоминание статьи произвело впечатление.

— Пожалуйста, я покажу вам учетные карточки на всех сотрудников. Но только поставлю в известность председателя.

196 — Юрия Игнатьевича? — весело сказал Фризе. — Не стоит лишний раз дергаться. Я только что от него. — Это был блеф, но Владимир решил: если инспектриса позвонит председателю и выяснит, что они не встречались сегодня, всегда можно выкрутиться. «Только что от него», если, как любят говорить юристы, «толковать расширительно», — может означать и вчерашнюю встречу. Не в прошлом же году он посетил Грачева?!

— Ой, да как-то неправильно получается, — покачала головой Зеленкова. — Без Юрия Игнатьевича... Да и смотрели уже наши карточки. Из милиции приходил майор. На шарик похожий.

— Лидия Васильевна, мне карточки не нужны, — сказал Фризе, и женщина даже не удивилась, откуда он знает ее имя. Наверное, считала, что следователю все положено знать по службе. — Вы же не храните карточки на тех людей, которые ушли из кооператива? Работают в другом месте?

— Не храним. Только карточки Кирпичникова и Уткина я еще не вынимала.

— Ну, конечно, всего три дня прошло.

— Вот ужас-то! — вздохнула инспектриса, и на глазах у нее появились слезы.

— Да. Ужас, — согласился Фризе и спросил: — Другие карточки вы уже вынули, а в книге, наверное, записаны все? — Фризе не был уверен, что такая книга существует, никто ведь не предписывает, каким способом учитывать свою рабсиду. Но он надеялся — а вдруг?

— Есть у нас амбарная книга, — как-то не очень уверенно,

с опаской сказала инспектриса. — Я туда каждого заносу при выдаче удостоверения.

— Вот и славненько, — обрадовался Фризе. — Давайте сюда вашу амбарную. Я тут, при вас, ее полистаю и дальше отправлюсь.

— Жуликов ловить? — позволила себе разок улыбнуться бабаусик. В другой обстановке она, похоже, посмеяться любила.

— И жуликов тоже, — согласился Фризе.

Лидия Васильевна встала, и тут обнаружилось, что не такая уж она толстая. Грудь и плечи — да, могучие, а ниже — все в полном ажуре. И двигалась она легко и соблазнительно.

За инкрустированной деревянной дверцей пузатого шкафа и впрямь оказался сейф. Достав из кармашка красивой куртки ключи, кадровичка открыла сейф и вынула папку на «молнии». Расстегнув «молнию», достала из папки обыкновенную тетрадь и подала Фризе.

— Садитесь на мое место, — сказала она, — а я на минутку выйду. — Она закрыла сейф и окинула комнату быстрым взглядом, определяя, не оставила ли чего-нибудь такого, что настырный следователь решит присвоить! Наверное, ничего подходящего не было, и Лидия Васильевна, пробормотав «я сейчас», вышла из комнаты, защелкнув замок.

Фризе с любопытством раскрыл тетрадь и вынул свой блокнот.

Через минуту-другую звякнул телефонный аппарат — такой же, кнопочный, как в приемной прокурора, только японский. На спаренном с ним телефоне набирали номер. Не колеблясь ни секунды, Владимир снял трубку. Сначала были длинные гудки, потом ленивый женский голос сказал:

— Приемная господина Грачева.

— Раиса, это я, Лида. Шеф у себя?

— Укатил к мэру.

— А Гриша?

— Гриша и все остальные в бизнесцентре. Какого-то поляка принимают. — Потом перешла на шепот: — В бане.

— Ну да? — также шепотом удивилась Лидия Васильевна. — И Маринка с ними?

— И сестры Федоровы. — Женщины понимающе захихикали. А Фризе подумал о том, что неизвестные ему Маринка и сестры Федоровы наверняка не посрамили бы российскую марку у Кардена, коль удостоились званого банкета в сауне Центра международной торговли в честь польского гостя.

Лидия Васильевна пожаловалась Раисе на внезапный налет следователя и повесила трубку.

Кроме звонка председателю, у Лидии Васильевны были еще какие-то неотложные дела, так как к ее возвращению Фризе успел найти в амбарной книге все, что его интересовало, и в потертом блокноте появились три фамилии бывших сотрудников предприятия «Харон». Один из них, с редкой фамилией Дюкарев, уволился по собственному желанию. Похоже, что с ним Фризе уже доводилось встречаться. А двое других — Лопатин и Жданов — «выбыли по случаю смерти». Кроме фамилий,

в следовательском блокноте появились и адреса. Что-что, а книгу выдачи удостоверений Зеленкова вела с прилежанием.

Когда Лидия Васильевна вошла в свой кабинетик, Фризе со скучающим видом листал обнаруженный на ее столе журнал «Он».

Пока Фризе ехал в прокуратуру, его не покидало чувство неловкости — вся эта комедия, разыгранная перед простоватой женщиной в конторе «Харона», теперь казалась ему излишней. Рано или поздно в кооперативе узнают, с какой целью ему потребовался полный список сотрудников. И в том, что Зеленовой грозила серьезная выволочка, у Фризе сомнений не было. Единственное утешение — день-два форы для него.

Два часа потратил Фризе на то, чтобы выяснить причину смерти шофера Виктора Лопатина и коммерческого директора кооператива Жданова. Первый погиб в автомобильной катастрофе, второй — от острого отравления грибами!

Владимир не мог совладать с нервным возбуждением и, едва закончив последний телефонный разговор со следователем госавтоинспекции, соскочил со стула и принялся ходить по кабинету. Было над чем задуматься! Вчера прелестная и умная подруга санитары случайно — случайно ли? — проговаривается о том, что Уткин — не первая жертва, а человек, связавший свою судьбу с «Хароном», — может умереть от бледной поганки. Проходят сутки, и выясняется, что некто Жданов отправился к праотцам именно таким способом. Отравился грибами! А смерть Виктора Лопатина?! Какое будничное дело — «ДТП», дорожно-транспортное происшествие! В Москве ежедневно погибают на дорогах пять — семь человек. Но шофер директора «Харона», ехавший на дачу на собственном «вольво», столкнулся лоб в лоб с выскочившим на встречную полосу «КамАЗом». «КамАЗ» этот с места катастрофы скрылся, а свидетели заявили, что номерные знаки на нем отсутствовали!

Странно, что в записках Покрижичинского не было и намека на эти две смерти. Майора интересовали только живые? Или он не успел добраться до амбарной книги? Фризе вспомнил слова Станислава Васильевича, что догадки без вещественных доказательств всего лишь сплетни. Где их теперь возьмешь, вещественные доказательства? Надо снова возбуждать уголовные дела по «вновь открывшимся обстоятельствам», а захочет ли начальство пойти на это? Обстоятельств-то с гулькин нос. И оба дела не подследственны их прокуратуре. Правда, уголовное дело с наездом скорее всего не закрыто, «повисло» в ряду нераскрытых.

Фризе снова позвонил следователю госавтоинспекции, который рассказал ему об обстоятельствах смерти Лопатина.

— Висит, висит дело на мне, будь оно неладно! — довольно добродушно доложил капитан Лисицын. — Стопроцентная висюлька. — Голос у него был густой и сочный. — А ты как на него наткнулся? — поинтересовался гаишник.

- В этом «Хароне» еще два человека погибли.
- В автокатастрофах?
- Да нет. Одного застрелила дама из ружья.
- Слышал, слышал, писательская вдова?

Фризе и не предполагал, что писатель Маврин был такой популярной личностью.

— Второго отравили. Так что не по твоей части. Вот я и углубился в историю. Не помнишь, куда Лопатин ехал в день смерти?

Лисицын некоторое время молчал. Вспоминал. Все-таки почти год уже прошел.

— Знаешь, друг хороший, вопрос ты задал дельный. Ехал он в пятницу вечером на собственную дачу в Пахру. Каждую пятницу он туда ездил. По Киевскому шоссе. И чаще всего в одно и то же время. Подходит тебе такая информация?

— Подходит. Если надумаешь ворошить старое, позвони. Окажи любезность. — Фризе продиктовал номер своего телефона и попрощался.

Он еще некоторое время ходил по кабинету, обдумывая услышанное от следователя ГАИ. Потом ход его мыслей принял другое направление — гастрономическое. Было пять часов. Подходило время ужина. Не слишком близко подходило, но ведь обед-то не удался — одна котлета с макаронами. А сегодня Большая Берта собиралась заглянуть на рынок, и это вселяло в душу Фризе надежду. Он уже решил согрешить и покинуть прокуратуру на полчаса раньше, как зазвонил телефон. Фризе не хотел брать трубку, но могла ведь звонить и Берта с приятными известиями об ужине. Звонила Алина Максимовна.

— Вы мне очень нужны, Владимир Петрович. — Голос был грустный, но тревоги в нем Фризе не почувствовал.

— Готов встретиться с вами в любое время. — Он совсем не имел в виду, что «любое время» может означать — сейчас. Но Маврина спросила:

— Сейчас можете? Я могу послать за вами машину.

— Не беспокойтесь, — запротестовал Фризе, — я на колесах. Сейчас приеду.

— Прощу вас, — тихо сказала Маврина и повесила трубку.

Фризе позвонил Берте, но ее еще не было дома. Он быстро оделся и пошел уже к двери, но, посмотрев на сейф, вернулся. Открыл его и забрал записки Покрижичинского. Положил во внутренний карман куртки. На глаза ему попался пистолет, и его он тоже сунул в карман.

Сбегая по стоптанным мраморным ступеням пологой лестницы, Фризе думал о том, что такого ужина, как у Берты, он не дожидается, но хоть чаем с бутербродами красивая вдова его накормит. А потому — скорее в Переделкино. Кто знает, может быть, и Бертин ужин еще не остынет к его возвращению?

Но быстро добраться до дачи Мавриных не удалось — все четыре ската «Жигулей» были проколоты. У машины был жалкий, обиженный вид.

— Сволочи! — громко выругался Фризе, растерянно глядя на машину. Какой-то прохожий, приняв энергичную реплику на себя, отпрянул от Фризе, чуть не сбив с ног пожилую женщину.

Несколько минут он стоял как вкопанный, не в состоянии принять хоть какое-то решение: то ли, послав к чертям Алину Максимовну, броситься к телефону и обзванивать друзей в попытке раздобыть колеса, то ли вызывать аварийку, то ли ехать

под крыло к Берте — туда, где его ожидали ужин и сочувствие.

Решил случай. К прокуратуре подкатила белая «Волга» прокурора. С приходом демократии Олег Михайлович посчитал более приличным ездить на белой машине — черные «Волги» были символом партийной номенклатуры. Увидев прокурора, не спеша вылезавшего из машины, Фризе, наконец, обрел способность действовать. Он кинулся наперерез шефу:

— Олег Михайлович, мой «жигуленок» изуродовали. — Он показал рукой на машину. — А мне срочно в Переделкино, позвонила вдова Маврина.

— Что?! Прокололи шины прямо перед окнами прокуратуры! — возмутился шеф. — Ну и накручу я хвоста этому Алейникову! — Алейников был начальником районного управления внутренних дел. — Обещаю тебе, Володя.

— А как с машиной? До Переделкина рукой подать.

— Бери. До Киевского вокзала, — недовольно буркнул прокурор. Он любил, когда его персональная «Волга» стояла наготове у подъезда. — Учти, на электричке быстрее. На дорогах гололед и прочее. Уж я-то знаю.

Фризе вскочил в последний вагон наро-фоминской электрички за несколько секунд до отправления. Вместе с потоком пассажиров он пошел по вагону вперед в поисках свободного места. Хмурые, сосредоточенные люди плотно сидели на скамьях промороженных вагонов. Ни улыбок, ни смеха. Берта сказала бы: здесь недоброжелательная аура.

В середине состава, когда Фризе уже потерял надежду найти свободное место, его окликнули.

— Владимир Петрович! — Голос был приятный и доброжелательный.

Фризе оглянулся и встретился взглядом с Огородниковым.

— Приземляйтесь, мы потеснимся. — Он указал на сиденье рядом с собой. Собственно говоря, тесниться там и не требовалось. Огородников, расстегнув добротную дубленку, расположился широко и вольготно. Рядом с ним на скамейке лежал портфель. На портфеле — толстая стопка типографских страниц. Кроме Германа Степановича, на краешке скамьи сидели одетая в легкое демисезонное пальто и мужскую ушанку старушка и молодой мужчина.

— Садитесь. — Писатель запахнул дубленку и положил портфель на колени.

Когда Фризе сел, Герман Степанович показал на стопку страниц:

— Верстка новой книги. «На последнем дыхании». Совпис торопит. Они уверены, что книга получит колоссальный резонанс. — Он пожал плечами. — Не знаю, не знаю, им виднее.

Говорил Огородников громко, не стесняясь сидевших рядом пассажиров. Фризе чувствовал их настороженное любопытство и ругал себя за то, что не остался в соседнем вагоне.

— Такой безграмотный набор. Вместо того чтобы следить за сутью, за ритмикой, я вынужден править орфографические ошибки. Кстати, как вам нравится название?

— Название хорошее, — тихо ответил Фризе. — Но если мне не

изменяет память, так назывался один французский фильм.

Сидевший напротив мужчина как-то подозрительно крикнул, будто подавился смешком.

— Не может быть! — Лицо Огородникова сразу сделалось неприветливым, и даже голос потерял свою мягкость. — А впрочем, фильмы пекут десятками тысяч. Кто помнит их названия? Это небось что-нибудь спортивное?

— Нет. Я впервые увидел в нем Бельмондо.

То ли Огородников не знал, кто такой Бельмондо, то ли ему было неприятно говорить о фильме с таким же названием, как и его обещающая сенсация книга, но он резко переменял тему разговора. И даже спрятал в карман паркер, которым правил верстку.

— А вы знаете, молодой человек, два дня я звоню вам по всем телефонам и не могу дозвониться. Следствие идет полным ходом?

Фризе готов был провалиться сквозь пол на рельсы.

— Герман Степанович, — выразительно посмотрел он на писателя. — Про политику ни слова! Договорились?

Огородников шутки не понял.

— Ну, какая же это политика? Вы обещали держать меня в курсе расследования. Я был вчера у нового министра внутренних дел, дарил ему свои книги. Так вот — мы с ним обменялись информацией об истории с Мавриным.

Он все говорил и говорил, и у Владимира зародилось подозрение: Герман Степанович так словоохотлив, потому что боится, как бы его не стал расспрашивать следователь. «Чего это он? — удивился Фризе. — Неужели я прошлый раз его так напугал? Шуток, что ли, не понимает?»

Когда они вышли на зазеленелую платформу Переделкина, Фризе вздохнул с облегчением.

— Вы к Мавриным? — спросил Огородников и, не дожидаясь ответа, добавил: — Я проведу вас коротким путем.

Фризе смирился.

В поселке, на перекрестке двух улиц — на одной на высоком зеленом заборе красовалась табличка, извещающая, что это улица Павленко, другая улица осталась Фризе неизвестной, — Огородников остановился.

— Мне направо, моя дача рядом, а вам прямо. Сориентируетесь? — Фризе кивнул. Огородников снял перчатку, протянул руку: — Владимир Петрович, позвоните мне завтра. Очень прошу. Нам нужно встретиться — вы обещали! Слово серьезного мужчины много значит. — Он все не отпускал руку, цепко ее держал. — Мне показалось. — Голос Огородникова зазвучал совсем задушевно. — Мне показалось, когда мы беседовали в электричке, что вы очень, очень скромный, стеснительный человек. Я не ошибся? — Фризе ничего не оставалось, как неопределенно хмыкнуть. — Нет, не ошибся. Прислушайтесь к старому, опытному воробью: скромность — не всегда благо. Не обижайтесь, это к вам не относится, скромность сродни ссоры. У скромного человека ограничены средства выражения. Хотите исторические примеры?

Фризе осторожно, но решительно высвободил свою руку из капкана.

— Извините, Герман Степанович, я опаздываю. Да и вас, наверное, задерживаю.

За забором соседнего дома залаяла собака.

— Не ваша? — спросил Фризе. — Небось почуяла хозяина. Выгулять надо.

— Нет, не моя! — неожиданно грубо отозвался писатель. — И при чем тут вообще собака?! — Он круто развернулся и, даже не попрощавшись, растворился в плотной темноте безымянной улицы.

«Станный все-таки тип, — думал следователь, вышагивая в одиночестве по пустынной дороге между сплошными высокими заборами, окружающими писательские дачи. — Почему он так среагировал на вопрос о собаке? Да и дорогу он выбрал короткую, похоже, только для себя. От станции до Мавриных минут двадцать, а я уже полчаса шагаю. Может быть, он просто не любит ходить один в потемках?»

Алина Максимовна появилась на крыльце, когда Фризе, стукнув калиткой, шел через сад.

— Господи! Вы без машины! Я же предложила свою, — сказала она, впуская его в дом. — Все время поглядываю в окно — не едете ли? Сегодня такая скользкая дорога.

— Извините за опоздание. Какие-то подонки прокололи шины. Пришлось ехать на электричке.

— Позвонили бы, перенесли встречу на завтра. — В ее голосе слышалось огорчение. — Вы, наверное, голодны? Без ужина?

— Голодный.

— Вот и умница, что признались, — обрадовалась она. — Сейчас я вас покормлю.

Показав Фризе ванную, где можно было вымыть руки, Маврина накрыла на стол. Появились два прибора, бутылка коньяка и хрустальный штоф с шафранного цвета жидкостью. Наверное, настоянной на апельсиновых корочках водкой. И красовались три черные запотевшие банки датского пива «Туборг».

«Что за странная демонстрация?» — удивился Фризе. В это время появилась Алина Максимовна с подносом, на котором стояли тарелки с закусками. Похоже, выставив банки с пивом, хозяйка рассчитывала на эффект, потому что спросила:

— Удивлены? Помните: «В нашем доме пиво исключалось!» — повторила она фразу, сказанную при первом знакомстве. — Что будете пить? Коньяк, водку? — Заметив его колебания, Маврина предложила: — Давайте начнем с пива. Не бойтесь, оно не отравлено.

— Откуда оно, Алина Максимовна?

— Я вас заинтриговала?

— Да. Вы купили?

— В том-то и дело, что не купила. Нашла! В кабинете Алексея Дмитриевича.

— Алина Максимовна, извините, но я обязан пиво изъять. — Владимир бросил беглый взгляд на стол и почувствовал, как у него побежала слюна. Такого великолепия ему не смогла бы

предложить и Берта. Соленые грибы в сметане, так любимый им отварной язык, лососина, сыр. И тугой, аппетитный холодец. — Вы как будто изучили мои гастрономические пристрастия, Алина Максимовна, — сказал он с восхищением.

— Десять лет я изучала вкусы Алексея Дмитриевича. Сегодня утром похоронила его...

— Извините, — тихо сказал Фризе.

— Потом, по обычаю, помянули мужа. Дома, в Москве. Собрались только близкие друзья. Алексей Дмитриевич всегда говорил мне, смеясь, что не хотел бы слушать застольные речи на собственных похоронах. «Дай каждому по бутылке, Лина, и пусть выпьют за меня у себя дома, в одиночестве». — Заметив, как серьезно слушает ее Владимир, Маврина улыбнулась: — Ну, что вы, Владимир Петрович, заскучали? Я вам испортила аппетит? Полноте! Муж был большим жизнелюбом, не любил, когда люди грустят. Может, проведете изъятие после ужина?

— Рискуя упасть в голодный обморок, сначала разберусь с пивом. — Фризе, наконец, сел, стараясь не смотреть на стол с закусками.

— Когда вы в прошлый раз спросили меня про пиво, я не солгала. У Алексея Дмитриевича побаливала печень, и он дал мне слово забыть о том, что существует такой напиток. Рюмку водки, коньяка врачи ему разрешали. Только не пиво. Я была уверена. — Маврина покачала головой. — И представьте, на другой день после вашего визита я нашла у него в кабинете огромную упаковку этого «Туборга». Ни наш шофер, ни домохозяйка ничего о пиве не знали. Наверное, он привозил его на такси из валютного магазина, когда никого дома не было.

Потом я стала читать его дневники... Все эти ночи я почти не спала, а дневники, поверьте, самое лучшее, что он написал. — Алина Максимовна вышла в соседнюю комнату и вернулась со стопкой из нескольких тетрадей. Положила их на стол перед Фризе.

— Вам нужно прочесть. Одна беда — из этой тетради вырвано несколько страниц.

— Вашим покойным мужем?

— Не думаю. — Маврина смотрела доверчиво, словно они были единомышленники в каком-то им одним известном предприятии. Наблюдая за ее спокойным лицом, ненароком встречаясь с ее бездонными черными — не заплаканными — глазами, Фризе не мог отделаться от ощущения, что для вдовы, несколько часов назад похоронившей супруга, Алина Максимовна выглядит чересчур спокойной. Откуда такая выдержка?

— Наверное, и санитару следует исключить. Во-первых, ему не удалось проникнуть в дом. Во-вторых, как говорили древние, что я Гекубе, что Гекуба мне? Чем мог грозить дневник известного писателя не слишком удачливому экспедитору мертвых?

— Вы правы, санитару нужен был не дневник. Дело в том, что я читала выданные страницы тайком от Алешки. Не верьте, если вам скажут, что есть нелюбопытные женщины.

— Ну, Алина Максимовна! — от души восхитился Фризе. —

Вы решили накормить меня не только прекрасным ужином, но и сенсацией!

— Это для вас сенсация?

— Да. Так же, как и пиво. Где же вы его нашли?

— Поднимемся в кабинет? — вместо ответа спросила Маврина.

Дверь на балкон в кабинете была уже отремонтирована: стекла вставлены, заменены куски дерева в переплете.

Маврина провела следователя к пузатому низкому шкафчику, открыла дверцы. Шкафчик был завален толстыми, туго набитыми папками, рукописями, перевязанными бечевкой, кипами машинописных страниц, не перевязанных ничем. Поверх рукописей была засунута упаковка с черными пивными банками.

— Вот здесь, поверх своих романов, Алеша и прятал от меня пиво, — с усмешкой сказала Алина Максимовна.

Фризе осторожно достал упаковку. Поставил на письменный стол.

— Те три, что на столе, отсюда? — спросил Владимир.

— Да.

— Больше вы не брали?

— Нет. Только три.

«И одну взял санитар, — хотел добавить Фризе, но промолчал. Еще неизвестно, была ли вынута отравленная банка из найденной упаковки. И удастся ли когда-нибудь это установить? А вот банка, которую он нашел в саду... Стоп, стоп! Вместе с найденной в саду получается тридцать одна! Значит, отравленную принесли отдельно?»

Фризе оглянулся в поисках пищащей машинки, обнаружил ее в футляре на подоконнике.

— Можно? Я мигом отстукаю протокол.

Алина Максимовна кивнула. Предложила:

— Хотите, я напечатаю, а вы продиктуете?

Через десять минут протокол об изъятии банок был готов. Они оба подписали его, потом Фризе осторожно упаковал все банки в пакет и наконец-то с удовольствием сел за стол.

Для начала Владимир воздал должное закускам. Маврина к еде не притронулась — с удовольствием следила, с каким аппетитом ест гость. Они перебрасывались редкими фразами. О погоде, о диких ценах в магазинах и на рынках, о том, что новые власти пытаются достичь для себя лично таких благ, которых старые аппаратчики добивались семьдесят лет.

— Так ведет себя мелкая шпана, — сказал Фризе. — А для мелкой шпаны характерна глупость. Это я вам говорю как криминалист. Кто-то из мудрецов писал: дурак видит выгоду, умный — ее последствия.

Когда они закончили ужин, Алина Максимовна предложила снова подняться в кабинет.

— Мне будет проще вам все рассказать. Там он и сам мне поможет.

В кабинете горела настольная лампа с зеленым абажуром. Маврина направилась к большому окну, отдернула занавеску. В заснеженном саду горел единственный фонарь на высоком

столбе. В отвесах его желтоватого сияния медленно летели к земле крупные снежинки.

— В тот день, — Алина Максимовна горько усмехнулась, — в день юбилея, снег падал стеной. Медленный, пушистый. И тишина. Даже проклятые самолеты не гудели. Мы с Алешей вышли проводить последних гостей, постояли в саду. Он сказал: «В такой прекрасный вечер и умереть не страшно». И умер через час вот в этом кресле. — Она показала на старое кресло с потертыми подлокотниками. — В своем любимом кресле. Счастливого человека. — Она подошла к креслу, провела рукой по спинке. Села. Слово о чем-то вспомнив, положила дневники на журнальный столик.

— Присаживайтесь. Я вас, наверное, раздражаю. Все хожу вокруг да около. — Подождав, пока Фризе сядет, Алина Максимовна раскрыла одну из тетрадей в том месте, где торчала закладка, и протянула ему. Страницы в тетрадке были пронумерованы. Фризе посчитал — отсутствовали страницы с сороковой по сорок пятую.

— Что за мины расставил на этих страницах Алексей Дмитриевич? Кто боялся на них подорваться?

— В том-то и фокус — там не было никаких мин. Никакой взрывчатки. Чего не скажешь о других страницах. Есть несколько человек, известных писателей, которым публикация дневника могла бы принести несмыслимый позор. Эти страницы целы. Алеша предупредил меня: их имена не должны попасть в прессу...

— Среди них литературный критик Борисов?

— Откуда вы знаете? — Маврина напряглась как струна. Ее темные глаза смотрели теперь с подозрением. — В КГБ мужу обещали этот донос предать забвению. Они все рассказали вам?

— Нет. Даю вам честное слово. Но есть люди, которые все знают. Они не делают из этого секрета и даже строят различные версии, не лишённые здравого смысла.

— Ерунда, — отмахнулась Маврина. — Борисов знал, что муж не собирается публиковать его донос. Кто же вам наобедничал?

У Фризе появилось искушение назвать Огородникова, но он сдержался. Еще начнут выяснять отношения! Он только развел руками, давая понять, что не волен распоряжаться чужими секретами. Но Алина Максимовна не собиралась отступить.

— Герман Огородников? — сказала она, пристально глядя на Владимира. — Он постоянно пасется в пресс-бюро КГБ. И делает какие-то глупые намеки Алеше. Бедняга. Ему всюду мерещатся интриги. Но сейчас он в трансе. Сдох любимый пес. Наверное, считает, что это козни соседей.

Фризе вспомнил, как дернулся Герман Степанович при упоминании о собаке, и мысленно посетовал на свою оплошность.

— Ладно, — вздохнула Маврина. — Возьмите с собой тетрадь. Вы все поймете. Алеша был счастливый человек. Он постоянно повторял мне строчки Шэфнера: «Если помнить все на свете, ставить все в вину судьбе, мы бы, как в потемках дети, заблудились бы в себе». Хорошо, правда?

— Ну, а вырванные страницы? Откуда у вас такая уверенность, что к этому не приложил руку сам автор?

— Когда «Скорая» увезла его ночью, я до утра читала Алешины дневники. Все страницы были на месте. Не сомневайтесь.

— Почему же вы не хотите сказать, о чем там говорилось?

— Я разве не сказала? — Маврина резко тряхнула головой, будто сбросила с себя одолевавшие ее сомнения. — На этих страницах Алексей Дмитриевич набросал план своего будущего романа. Какое-то подобие сюжета, черты характеров героев. Несколько блатных фраз. Яркие детали. Он вынашивал идею написать детектив. Даже настоящий триллер. Говорил, что серьезному романисту нечего стыдиться детектива. Приводил в пример Грэма Грина, Пристли, Сомерсета Моэма. Английских прозаиков Алеша очень ценил. Но время шло. Он писал романы, а до триллера руки так и не дошли. Жаловался: никак не найдет достойного сюжета. А недавно он лежал в больнице, познакомился с молодым парнем из какого-то кооператива при мэрии. Парня готовили к операции. Врачи намекнули Алексею, что шансов у кооператора почти нет. Да и парень это чувствовал. И он такого понарасказывал мужу! Волосы дыбом! Вернувшись из больницы, муж и сделал эти записи.

— Алина Максимовна, вы не смогли бы восстановить их? Конечно, не дословно. Все, что запомнилось.

— Зачем вам? Парень этот, наверное, умер. Да и рассказал он мужу доверительно. По секрету.

— Я не собираюсь открывать новое уголовное дело. Хочу только понять, почему исчезли эти страницы. Так обещаете?

— Попробую, — нерешительно сказала Маврина. — Только детали я вряд ли смогу передать точно. А имена, наверное, вымышленные.

Фризе поднялся.

— Мне пора. А то опоздаю на последнюю электричку.

— В эти часы у нас можно подхватить такси. Вам повезет, у меня легкая рука. Если бы я знала, что вы без машины! Не отпустила бы шофера. — Взяв со стола одну из тетрадок дневника, Алина Максимовна протянула Фризе: — Вы понимаете, как она дорога для меня?.. Может статься, и для литературы. Дневник только для вас, милый Володя. Я вам верю, у вас глаза хорошие.

Они спустились вниз, и Фризе, надев свою яркую пуховку, попробовал положить дневник в карман. Но там уже лежали пистолет и записи Покрижичинского.

— Завернуть в газету? — сказал он, все еще пребывая в смятенных чувствах после «милого Володи». Ни слова не говоря, Алина Максимовна скрылась в гостиной и тут же вернулась с узким черным дипломатом с металлическими ободами по краям и замками с кодом.

— Здесь будет целее, — улынулась она. — Мужу подарил его один арабский принц, когда он летал на Ближний Восток. Принц сказал: «Даже агенты спецслужб не смогут узнать, о ком вы пишете свой новый роман, если спрячете рукопись в этом кейсе».

Фризе положил в роскошный кейс тетрадь, достал из кармана

бумаги Покрижичинского. Перехватив внимательный взгляд Мавриной, сказал:

— Еще один секретный манускрипт. — Он хотел переложить из кармана и пистолет, да постеснялся вынимать его. Внезапно ему пришла в голову мысль: — Алина Максимовна, в больнице ваш муж, наверное, тоже вел записи? Когда он встречался с кооператором, слушал его рассказы, он же не записывал в дневник?

— Бряд ли Алеша вообще что-то записывал. Может быть, потом? У него была привычка заносить всякие мелочи в записную книжку: незнакомое словечко, бытовые детали, иногда сюжеты. — Маврина наконец поняла, к чему клонил Фризе. — Да, да! Сюжеты! Если поискать в его записных книжках, можно, наверное, наткнуться и на того кооператора.

— Записные книжки целы? — с надеждой спросил Фризе.

— Не знаю. Они могут лежать в городе.

— Поищите. Я понимаю, вам сейчас не до них...

— Ну почему же? Мне... — Она не договорила, прижала руку к горлу, как будто этим жестом помогала себе остановиться. Не высказать чего-то такого, о чем никому, кроме нее, знать не следовало.

Уже на веранде, поцеловав хозяйке руку, Фризе сказал:

— Алина Максимовна, простите мою настойчивость, но я на секунду хочу вернуться к Борису.

— А я не хочу! — Маврину словно подменили. Она стала колючей и настороженной. Куда только пропала ее мягкая и обворожительная улыбка.

— Володичка! Не спрашивайте меня о Борисове. Вы прочитаете дневники мужа. Поверьте, он все написал искренне. Алексей Дмитриевич не собирался публиковать эти записи.

— Я могу в это поверить... — Фризе начинало раздражать, что Маврина взяла за правило называть его Володичкой. Она что, не принимает его всерьез? Не может ощутить разницы между дружеским разговором и допросом?! — Я могу поверить, что это правда, — повторил он. — Но это только часть правды. А мне нужна вся. Нет объяснения тому, что человек, отсидевший восемь лет в лагере, чудом избежавший смерти, прощает доносчику и клеветнику!

— Не хочу говорить о Борисове! — упрямо повторила Маврина. — И не могу взять в толк, к чему все эти разговоры?

— Это не разговоры, Алина Максимовна, а вопрос к свидетелю.

— Свидетелю чего, Володичка?

Фризе еле удержался от едкого замечания.

— Мой муж умер от старости. У него было больное сердце. Вы этому не верите?

— Пиво с цианидом, которое выпил санитар Уткин, могло предназначаться вашему мужу. Вот о чем я думаю, хотя у меня и нет пока — пока! — доказательств. Когда санитары из «Харона» приехали за покойным, Уткин незаметно положил в карман банку «Туборга».

— А отравленное пиво подсунул мужу бедный Борисов?

— «Бедный» клеветник Борисов, — усмехнулся Фризе. — Нет, я в этом не уверен. Это лишь одна из версий. И раз она существует — мое дело исследовать ее. Но есть и другая — уцепившись за нее, я, похоже, разворошил осиное гнездо.

Нападение

Метель прекратилась. Подмораживало. Сухой снег скрипел под сапогами раздражающе громко.

Фризе медленно шел между двумя высокими заборами, за которыми спали в своих уютных дачах известные и не слишком известные писатели. А может быть, и не спали, а писали свои романы и поэмы или пили коньяк.

«Ну и суматошный денек», — думал Владимир, прислушиваясь, не заурчит ли в тиши поселка машина. И тут перед его мысленными взором предстал его родной «жигуленок» с проколотыми шинами. Кто это сделал? Обыкновенные хулиганы? Он даже не обратил внимания, с одним ли его «жигуленком» случилась беда. Или досталось и другим машинам? У подъезда прокуратуры парковал машину не он один. Но предчувствие подсказывало ему, чьи руки сделали это дело.

...Человек бесшумно метнулся на Фризе из-за угла, и он, отбросив пакет с банками пива, лишь успел инстинктивно загородиться кейсом. Удар ножа был рассчитан точно в подвздошную артерию. Лезвие со скрежетом пробило обшивку, и от резкого удара кейс вырвался из рук и полетел в канаву, зарывшись в сугробе.

— У, с-сука! — В голосе нападавшего прозвучало такое злобное разочарование, что у Фризе спина покрылась испариной. И тут же он понял причину этого разочарования: ножа в руках у бандита уже не было.

«Что у него в запасе?» — подумал Фризе и рванул «молнию» на куртке, освобождая путь к пистолету и примериваясь для удара ногой. Нападавший ловко, как акробат, отпрыгнул назад, и Фризе понял по развороту руки, что тот сейчас нажмет на спусковой крючок молниеносно выхваченного пистолета. Падая, Фризе услышал один за другим несколько негромких выстрелов. Так щелкают мальчишки, засунув палец за щеку и резко выдернув его. Похоже, пистолет был с глушителем. Фризе спас забор — одного броска ему хватило, чтобы оказаться под защитой углового столба, и когда нападавший, уверенный, что теперь-то он не оплошал, крадучись двинулся вдоль забора в его сторону, Фризе нажал на спуск. Всего один раз. Звук выстрела разнесся по поселку и отозвался эхом где-то в стороне мавринской дачи.

У бандита могли быть сообщники, и Фризе не торопился подниматься с заснеженной дорожки. Зачем подставляться еще раз? И еще он ждал, когда уляжется неприятная дрожь в ногах. Его удивило, что пытавшийся убить его человек сунулся в снег без стопа, без единого звука, словно и не был никогда живым. И сейчас он лежал совсем неподвижно, и эта неподвижность таила в себе угрозу. «Может, затаился и ждет, когда я поднимусь?» — подумал Фризе.

На соседней улице раздался резкий утробный вскрик сирены — выстрел не остался без внимания. Милицейский «Москвич» выскочил из-за угла. Фризе поднялся, положил пистолет в карман. От резкого торможения «Москвич» занесло, и он встал поперек дороги. Из машины выскочили два милиционера, один из них с автоматом. Яркий свет фар осветил распластавшееся на снегу тело. Фризе увидел, что нападавший на него человек одет в красивую черно-зеленую куртку. меховая шапка валялась поодаль. Голова была гладко выбрита.

— Руки вверх! — скомандовал милиционер с автоматом. Фризе поднял руки.

— Сюда, сюда, потихоньку. — Милиционер показал дулом автомата на дорогу перед машиной. Второй милиционер, держа руку за пазухой, внимательно оглядывался по сторонам. Как ни был Фризе ошеломлен, он отметил, что ребята опытные, действуют четко. И на место примчались моментально.

Все так же, с поднятыми руками, Владимир перешел канаву по скользкой, обледенелой доске и остановился в нескольких шагах от патрульных. Тот, что держал руку за пазухой, подошел к Фризе, скомандовал:

— Руки назад! — И защелкнул наручники.

Роста милиционер был небольшого, по плечо Владимиру, и ему пришлось приподняться на носки, чтобы залезть во внутренний карман куртки и пиджака. Но обыскал он Фризе умело, вынул пистолет, записную книжку. Раскрыв удостоверение, он удивленно воскликнул:

— Олег! — И прочитал вслух: — «Фризе Владимир Петрович, следователь районной прокуратуры».

— Что же вы молчите? — недовольно сказал тот, которого звали Олегом. — Оружие у вас табельное?

— Табельное, — буркнул Фризе. — Чего бы я тут, возле трупa, вам объяснял?

— Правда ваша, — согласился милиционер. Фризе увидел у него две звездочки на погонах. — Все бы прокуроры в наше положение входили. — Он протянул Фризе руку. — Младший оперуполномоченный Волков. — И смутился. — О черт, Геннадий, браслеты.

Второй милиционер снял наручники. Фамилия его была Завьялов, звание — старший сержант. Он отдал Фризе документы и пистолет. Потом приподнял шапку и ладонью вытер потный лоб. Лоб был крутой, и от этого Завьялов напоминал молодого бычка.

— Свяжись с отделением, — сказал ему Волков. — Пусть присылают группу. А мы с товарищем следователем посмотрим, может, жив еще. — Он бросил взгляд на человека, лежащего на снегу.

«У меня даже мысли не мелькнуло, дышит ли?» — огорчился Фризе.

Они подошли к телу.

— Каждую ночь патрулируем. Ехали по соседней улице — и вдруг выстрел. Мы, конечно, ходу. — Милиционер нагнулся и приподнял голову лежащего. Бритое лицо с крупными черта-

ми, искаженное гримасой удивления и боли. — Залетный, — прошептал лейтенант. — Похоже, и в розыске не числится, мне его лицо незнакомо. — Он повернул тело. На снегу расплылось большое темное пятно. Несколько минут он пытался определить, нет ли признаков жизни. Потом сказал со вздохом: — Мертвее не бывает. Похоже, вы его в сердце.

Рука убитого до сих пор сжимала пистолет с длинным самодельным глушителем. Лейтенант, не притрагиваясь к оружию, с интересом осмотрел его.

— Серьезная машинка. На газовый не похожа. Ваше счастье, что опередили его. Из этой штуки выстрела мы могли бы и не услышать.

— Вы и не слышали.

— Он стрелял?

Фризе кивнул. Лейтенант обрадовался:

— Тогда все проще. Иначе бы... Сами знаете, сколько объяснительных записок начальство требует.

— Он не только стрелял. Сначала пером решил побаловаться. — Фризе стал внимательно разглядывать снег. — Я нож «дипломатом» выбил. Придется поискать. — Он спустился в канаву, вытащил из снега чемоданчик и удивленно ойкнул: лезвие проткнуло кейс насквозь, по самую наборную ручку. Кончик лезвия выглядывал из второй стенки.

— Вот это удар! — В голосе лейтенанта сквозило восхищение. — Геннадий, посмотри! — позвал он сержанта.

— Вы в рубашке родились, — сказал сержант, внимательно разглядывая финку. — Чего же он хотел? Кошелек или жизнь?

— Он мне не доложил. Выхожу из-за угла и натыкаюсь на нож.

— Подстерегал? Проходил у тебя по делу? — перешел на «ты» лейтенант.

— Нет. Как и ты, впервые его вижу.

— Дела... — озадаченно сказал лейтенант, а старший сержант лихим жестом сдвинул шапку на брови, отчего теперь стал похож на мальчишку. И на бычка тоже.

— И часто ты здесь ходишь?

— Второй раз. Сегодня позвонила вдова Маврина...

— Алина Максимовна?

— Она самая. Попросила приехать — поделилась новой информацией.

Похоже, что у лейтенанта было много вопросов, но в это время приехал «рафик» с оперативной группой. Включили большой прожектор, и началась неспешная, так хорошо знакомая Фризе работа, именуемая официально следственными действиями. Привычная рутина, только на этот раз Фризе находился в необычной для себя роли — главный герой и статист в одном лице.

К Берте он приехал в четыре утра, подбросила оперативная группа. Дневник Маврина и записки Покрижичинского, проткнутые финкой, следователь местной прокуратуры вернул Фризе, а кейс арабского принца оставил у себя. Как вещественное доказательство.

Покорно предоставив Владимиру возможность снять с себя

рубашку. Большая Берта, такая теплая и разнеженная, прошептала в полусне:

— Нехороший. Я трижды ставила мясо в духовку. Засушила стейк...

Если бы она знала, какими разносолами потчевала его Алина Максимовна.

Фризе проснулся в одиннадцать утра. «Удивительно, что меня никто не потревожил. Телефон ни разу не звонил?!» Объяснение оказалось простым — уезжая в спортклуб, Берта выдернула шнур из розеток. Из всех трех — в кухне, спальне и в гостиной. И едва он включил телефон, как резкий звонок возвестил о том, что жизнь продолжается.

— Квартира Берты Зыбиной, — сняв трубку, сказал Фризе протокольным голосом.

— Кто говорит? — Он узнал сердитый басок прокурора.

— Секретарь Зыбиной по связям с прокуратурой. — Фризе хорошо выспался, и предвкушение пары чашек крепкого кофе настраивало его на веселое настроение.

— Резвишься, герой! Пора бы доложить о ночных похождениях своему непосредственному начальству.

— Только проснулся, Олег Михайлович. В пять утра освободился. — Он прибавил часок, чтобы прокурору было не обидно от его засыпа.

— Знаю, знаю. Я рад, что ты показал себя молодцом. И, главное, жив-здоров.

— Старался, Олег Михайлович, — смущенно сказал Фризе. От теплоты в голосе шефа у него пропала охота паясничать.

— Наши соседи довольны твоим сотрудничеством. В один момент у них возникло сомнение...

— Сомнение?

— Когда они нашли на соседней улице твою машину. Ты же сказал, что у нее проколоты шины.

— Мою машину? — Фризе от удивления даже встал.

— Твою, твою. Потом нашелся свидетель... А что это я тебе все докладываю? Это ты мне должен доложить. И в письменном виде. Через час у меня. — Он повесил трубку.

С минуту Фризе стоял с трубкой в руке, слушая короткие гудки. Он бы простоял и дольше, но уж очень хотелось кофе. Снова выдернув шнур, он пошел на кухню.

Смакуя обжигающий ароматный напиток, Фризе размышлял, подводил предварительные итоги прошедших суток. Когда он допил третью чашку, даже не притронувшись к бутербродам, приготовленным Бертой и укутанным в фольгу, Фризе сделал вывод: никаких случайностей, совпадений, стечений обстоятельств, — ни один синоним больше не пришел ему на ум, — в том, что с ним произошло, не было. Все эти на первый взгляд не связанные между собой происшествия — единая цепочка действий в расчете сначала запугать его, а когда первое не сработало, просто ухлопать. От этой мысли стало неудобно. По молодости он еще редко задумывался о смерти, пожалуй, даже совсем не задумывался. Считал это мероприятие отдаленной перспективой. Как, например, назначение генеральным проку-

пором. Но вот кто-то взял на себя смелость изменить ход событий, изменить его судьбу.

«Смерть одолевает даже математику», — вспомнил Фризе строчку, прочитанную недавно у Суворина. И еще: «Что значит, когда я «умру»? Освободится квартира на Коломенской, и хозяин сдаст ее новому жильцу». Что ж, продаст его квартиру и Моссовет. Продаст какому-нибудь новоявленному миллионеру. Может быть, он окажется служащим малого предприятия «Харон». Дедовы картины растащат. Продадут с аукциона дачу. Потому что у него нет наследников, а самый близкий ему человек — Большая Берта — никто для бездушной машины, именуемой государством. Он вспомнил темный силуэт бандита, застывший на тихой заснеженной улице, и громко сказал: «Не хочу! Не хочу! Не хочу!» Потом включил телефон и позвонил Берте. Томительно долго никто не снимал трубку, затем резкий женский голос выпалил:

— Клуб «Спартак».

— Не могли бы позвать Берту Зыбину?

— Следовало бы знать, молодой человек, что идет тренировка.

А с тренировок...

Фризе положил трубку. Он и сам знал, что эта резкая, желчная дама никогда никого не позовет — идут ли тренировки или не идут. «Ну и что? Объявлю Берте о нашей женитьбе вечером. Улетит она в Швейцарию уже не Зыбиной, а Фризе. То-то будут гадать спортивные комментаторы об игроке с незнакомой фамилией!» Тут же он признал свои прогнозы нереальными. До отлета оставалось два дня. Если даже уговорить работников загса поженить их, то Берта не согласится поменять фамилию, пока играет в команде. Да и фамилия Фризе ей никогда не нравилась. «Берта Фризе? Все будут считать меня стопроцентной немкой», — говорила она. Придется поостеречься, чтобы не сыграть в ящик до ее возвращения. Вообще-то есть дела поважнее женитьбы.

Кто знал, что он едет к Мавриной? Сама Алина Максимовна. Прокурор. Его водитель. Нет, шофер отпадает сразу. Он не знал конечного пункта поездки. Просто отвез Фризе на Киевский вокзал. Знал въедливый автор детективов Огородников. Берта. Как бы по-разному ни относился к каждому Фризе, никто из них не мог быть наводчиком. Оставалось одно: за ним велась слежка. Почему бы и нет? Разве не интересно, например, проследить за выражением его лица, когда он подошел к своей разоренной машине? Как говорят, «пустячок, а приятно».

Что ж, как бы за ним ни следили, — и кто, — первый урон понесли они сами. Громила с бритой головой — наемный убийца. Операцию эту кто-то готовил всерьез — в карманах убитого не нашли никаких документов, записей, ни одной бумажки с телефоном или адресом, ни одной метки на одежде. Даже билета на электричку не было. И оружие — старый «вальтер». К нему сейчас и патронов-то не найти. И «вальтер» в розыске не числится! Как и его хозяин. Значит, нет отпечатков пальцев в МУРе. Надежда только на центральное дактилоскопическое хранилище.

И еще одну загадку должен был разгадать Фризе: как и, главное, зачем его «Жигули» оказались в Переделкине?

Когда Фризе приехал в прокуратуру, его «десятка» красовалась у подъезда на почетном месте, там, где обычно стояла «Волга» шефа. Фризе подошел к машине. Колеса были в полном порядке: тугие, упругие, хорошо накачанные. Он постучал по ним ботинком.

Но эти колеса — диски и резина — были чужие. Фризе предполагал, что на замену шин ушел бы целый день, поэтому те, кто угнал машину, просто меняли колеса. Так просто, когда все есть под рукой!

Он проверил двери, заглянул в салон — все на месте, никаких признаков разорения.

«Что ж, и на этом спасибо!» — весело подумал он и поднялся в свой маленький кабинет. Красный кнопочный телефон на его столе навистывал противным милицейским свистом. Фризе много раз просил завхоза сменить аппарат, его душа автомобилиста не переносила такого кощунства. Но завхоза мало трогали терзания младшего советника юстиции, ему и со старшими хлопот хватало.

В приемной Маргарита обрадованно сказала:

— Наконец-то! Олег Михайлович меня задержал: «Соедините с Фризе!», «Разыщите Фризе», «Посмотрите Фризе в кабинете!».

— Да, Ритуля, ты даже подурнела от перегрузок. В малое предприятие «Харон» тебя бы сегодня не взяли.

Он уже собирался открыть дверь в кабинет шефа, но Маргарита ухватила его за рукав и спросила шепотом:

— Говорят, вы человека убили?

— Трех, — так же шепотом ответил он. — Два трупа засунул в канализацию. — Он приложил палец к губам и подмигнул. Но при упоминании об убитом на душе стало мутно.

— Наконец-то! — тем же восклицанием, что и секретарша, приветствовал его прокурор. Он вышел из-за стола и протянул обе руки. Но не обнял, а легонько встряхнул за плечи. — Рад, что ты жив и невредим. — Прокурор улыбнулся.

Фризе показалось, что глаза у него тревожные. Каждый сотрудник прокуратуры не раз испытывал на себе холодный, спокойный взгляд голубых глаз начальника. Сейчас прокурор сиял, а глаза были тревожные. Это было так необычно, что Фризе спросил:

— Что-нибудь случилось, Олег Михайлович?

— Случилось? Все, что случилось, случилось с тобой. Ты герой дня.

— Скорее ночи, — усмехнулся Фризе. У него отлегло от сердца — слова шефа свидетельствовали, что никаких неприятностей не предвидится. Он подробно рассказал все, начиная со звонка Мавриной.

Прокурор слушал молча. Его сухое красивое лицо было внимательным, и лишь в самом начале он заметил:

— Я как-то не уловил, что ты к вдове едешь. Понял лишь, что в Переделкино. А зачем? Дал бы я тебе машину.

Расспросы прокурор начал издали, и, когда Фризе закончил рассказ, он кивнул удовлетворенно и похвалил:

— Еще раз повторю: молодец. Напишешь короткий рапорт о применении табельного оружия, и на этом поставим точку. Удачно получилось, что пистолет оказался при тебе. А этот кейс, что спас тебя от ножа, твой?

— Увы! Не знаю, как буду расплачиваться с Мавриной. Она сказала, что кейс подарил мужу арабский принц.

— Зачем он тебе понадобился?

— Чем бы я защищался? — засмеялся Фризе. — Да ведь и пиво я на всякий случай изъясил у вдовы.

— Дневники она не дала почитать?

— Предложила приехать в любое время и полистать, — схитрил Фризе. Ему хотелось сначала самому их прочитать. — Я это сделаю обязательно, только мысли Огородникова вряд ли подтвердятся, хотя и выглядят заманчиво-правдоподобными. Маврин не собирался разоблачать Борисова. Даже пригласил его на юбилей.

— Он что же, к концу жизни толстовцем стал?

Фризе промолчал.

— Мы должны все проверить. Не бросая тень ни на Борисова, ни на работников «Харона». Понял? В конце концов Маврин умер своей смертью. Но почитать его дневники следует непременно. Это и по-человечески интересно, правда?

— Интересно, Олег Михайлович.

— Про человеческий интерес это я к слову, — нахмурился прокурор. — Но ты ведешь дело, и в нем не должно быть никаких недосмотров. Понял? Это приказ. Дело об убийстве Кирпичникова закрывай. Тут все ясно. А с Уткиным... Плохо, конечно, что они из одного малого предприятия и работали в паре. Но ситуации совсем разные. Ты согласен со мной?

— Согласен. Но так же, как и вы, Олег Михайлович, морщусь, будто клюкву раскусил.

Прокурор натужно расхохотался:

— Ха-а-рошая клюквина. Недозрелая. Маврина — богатая вдова?

— Жутко богатая. Одна дача миллион стоит.

— Насчет дачи ты загнул. Дача казенная, литфондовская. Правда, сейчас владельцы хотят откупить по дешевке. Только вряд ли вдове уступят. Вот твоя дача, точно, миллион стоит. И собственная.

— Может быть, кто-то другой займется этой братией? — спросил Фризе с кислой миной. — Гапочка, например.

Прокурор смотрел на следователя укоризненно:

— Володя, мы с вами работаем вместе уже лет пять, а вы для меня все еще загадка.

— Это чей недостаток, Олег Михайлович, мой или ваш?

— Мой, конечно, — сердито сказал прокурор. — Неужели вам самому неинтересно довести дело до конца?

— Я не любопытен.

— Нелюбопытный следователь? Это что-то новое в моей практике. Володя, не морочь мне голову! — Прокурор демонстративно схватил первую попавшуюся на столе папку и раскрыл ее.

Остывший след

— Ну уж, нет! — ярился Ерохин. — Ищи подтверждения своим фантазиям сам!

Таким сердитым майор бывал крайне редко. А поводом к неожиданному всплеску эмоций послужила просьба отыскать мавринского соседа по палате. Того, который поведал писателю криминальные подробности о «Хароне».

— Дима! — Фризе не мог понять, что так рассердило друга.

— Не надо меня уговаривать! Ты не можешь пожаловаться: я всегда доверял тебе. Твоей способности к анализу, твоей интуиции! Еще чему-то мне непонятному, черт возьми! Но в этой истории ты заблудился.

— Дима! — повторил Фризе примирительно.

— Да! Дима, Дима, Дима! И этот Дима видит в твоих рассуждениях сплошные натяжки! Если ты считаешь, что молодчики из «Харона» решили убить Маврина и уничтожить его записи разговоров с большим бедолагой, то почему они ждали целый месяц?

Фризе хотел ответить, но майор остановил его нетерпеливым жестом:

— И как это так получилось, что их же работник, санитар — водитель Уткин выпил яд, предназначенный Маврину?

— Дима, — тихо сказал Фризе, — ваш Мурашов уехал в отпуск. На Камчатку.

Ерохин посмотрел на Владимира как на сумасшедшего.

— Да! — подтвердил Фризе. — Абсолютно достоверные сведения.

— Ну и что? Он мне не докладывает. Пусть едет, куда ему вздумается.

— Вот и те, кто заправляет «Хароном», не докладывают своим шефам о том, о чем им знать необязательно. Улавливаешь мою мысль?

— Все так логично! — буркнул Ерохин.

— Теперь по поводу месячного срока. Если тот парень после операции остался жив, он что, тут же пришел к своим шефам и покался? Ставьте на правее, я, господа, раскололся перед писучим фраером?!

— Значит, он и сейчас молчит как партизан. Если только жив.

— А ты забыл Покрижичинского? Магнитофонные записи бесед стерли. А перед этим могли дать прослушать заинтересованным лицам. Да и Маврин мог рассказать кому-то из друзей.

— Где «Харон» и где друзья Маврина?!

— Во главе «Харона» стоят светские люди. Не удивлюсь, если они еще и меценаты. Сам от Грачева слышал.

Старший оперуполномоченный надолго замолчал. Сидел хмурый, с недовольным видом. То ли искал контраргументы, то ли сердился на себя за то, что дал так легко себя переубедить.

Фризе смолот кофе, зарядил кофеварку.

Потом он напоил кофе молчаливого Ерохина и поручил выяснить все, что возможно, о разоткровенничавшемся в роковой час кооператоре. Теперь уже Дмитрий не сопротивлялся.

Полтора часа дороги, с двумя пересадками, суровый вахтер, равнодушно скользнувший сонным оком по милицейскому удостоверению и пославший его хозяина в бюро пропусков, у которого стояла очередь, вконец испортили настроение Ерохину. Поднявшись на шестой этаж, майор с трудом отыскал нужную комнату. На дверях висели таблички: «д. м. н. Васильев Е. С.» и «к. м. н. Калязин М. И.».

Майор постучался и услышал из-за двери короткое: «Н-да!»

Это был светлый, уютный кабинет, мало похожий на кабинеты медицинских учреждений, в которых приходилось бывать Ерохину. Стеллаж с книгами, большая фотография Луи Армстронга, самозабвенно дующего в трубу, кофеварка на полке, невытые чашки из-под кофе рядом с кипой медицинских журналов, всевозможные медицинские атрибуты, включая велоэргометр, но они как-то ступсывались на красочном фоне уютного беспорядка. Часть кабинета была отгорожена высокой ширмой. За маленьким письменным столом сидел мужчина в белом халате и заполнял карточки. Он повернул лицо к Ерохину, а рука его продолжала строчить по бумаге. Ерохин вежливо поздоровался, стараясь забыть про все препоны, которые пришлось преодолеть, прежде чем добраться до этого кабинета.

— Н-да?! — отозвался человек.

— Майор Ерохин из уголовного розыска, — скучно проконстатировал оперуполномоченный. — Разрешите присесть? — И, не дожидаясь очередного «н-да», с удовольствием сел в мягкое кресло у журнального столика и с вождением посмотрел на кофеварку.

Поведение гостя озадачило мужчину. Его рука наконец остановилась, а сам он снял занимавшие большую часть лица очки, но тут же надел их снова. Берег ли он свой голос, экономил ли слова, но только он не издал ни звука.

— Два месяца назад в вашем отделении лежал молодой человек, Вячеслав Степанков. — Майор посмотрел на мужчину, пытаясь увидеть хоть какую-то ответную реакцию. Ее не последовало. — Мне бы хотелось узнать о его судьбе и посмотреть лечебное дело. Так, кажется, оно называется?

— Н-да. Мы справок не даем.

«Наконец-то заговорил, молчальник», — с облегчением вздохнул Ерохин.

— Врачебная тайна. Н-н-да!

У этого доктора было странное лицо — не толстое, нет, а чрезвычайно поперечное. Приплюснутое. Оттого очки закрывали даже его рот. «Не задевает ли он ложкой за очки, когда ест? — подумал Ерохин. — А целуется как?» И спросил:

— Вы, наверно, про клятву Гиппократу мне расскажете?

Неожиданно из-за ширмы раздался хохот, потом скрип пружин, и, наконец, оттуда вышел заспанный, небритый молодой человек в спортивном адидасовском костюме.

— Маркс Иванович, хорошо тебя уели! Ребятам из уголовного розыска палец в рот не клади — откусят! — сказал он, трясая большой головой.

Он подошел к Ерохину и с размаху щелкнул своей ладонью о вовремя подставленную ладонь майора.

— Молодец, полицейский.

От того, что он так же шутливо, как и Фризе, назвал его полицейским, майор повеселел: «С этим небритым мы кашу сварим».

— Не хотел вас будить, Егор Сергеевич, — начал оправдываться Калязин.

— В наказание мой чашки вне очереди, а я кофе сварю. За кофе мы с майором и поговорим о том о сем. Свои тайны ему выдадим и у него кое-что выведаем.

Егор Сергеевич был высок, подтянут, можно сказать, тощ. Лицо улыбочное, руки большие, с длинными сильными кистями. Руки настоящего хирурга. Делал он все быстро, без суеты, в движениях чувствовалась природой данная экономность.

Через десять минут все трое пили кофе из тонких фарфоровых чашечек и коньяк из банальных граненых стаканов. Коньяк был греческий. Прекрасный «Метакса». Ерохин много о нем слышал, но пить его не приходилось.

— Не осуждайте нас, майор, — разливая коньяк из длинной бутылки, говорил Васильев. — Я сейчас домой, сутки отдежурил. Ночью две трудные операции были. Маркс Иванович у нас не оперирует. Кардиотерапевт. Хотите, он вас на велоэргометре погоняет? До и после приема «лекарства». — Он поднял стакан с коньяком.

Ерохин не хотел. Он коротко рассказал врачам, какие заботы привели его в больницу. Прекрасный коньяк смягчил его душу и разгладил морщины на лице.

— Мне ваши медицинские секреты ни к чему. Хотелось бы знать, откуда этот больной. В смысле — где работал? Где жил? Анкетные данные. А от чего он умер — не моя компетенция. Его болезни меня не интересуют.

Маркс Иванович по-прежнему молчал, но теперь молчал приветливо. Кивал своей плоской головой. Ерохину казалось, что кивает он в такт его вопросам.

— Почему вы думаете, что Степанков умер? — спросил Васильев. — Живой! Выносливый парень. И мы не оплошали. Хорошо провели операцию. Без ложной скромности говорю.

— Живой? — изумился майор. — Так это же подарок судьбы! И можно узнать, где он живет, и все такое прочее?

— Конечно, можно. Раз в месяц он проходит у нас обследование. Мы ему кардиостимулятор вживили. Японский. Дорогая штука. Как уж он достал — не знаю, но пока доступны они только очень богатым людям. Коньяк мы, между прочим, его пьем. Славный коньяк.

Ерохин, пригубивший коньяк, чуть не поперхнулся и поставил стакан на стол.

— Что-нибудь не так, майор? — спросил Калязин. — Уж не опасный ли преступник наш бывший пациент? — Маркс Ивано-

вич впервые произнес такую длинную фразу, и получилось неплохо.

— Нет, не преступник, — не очень убедительно сказал майор. — Понимаете...

— Понимаем, — улыбнулся Васильев. — Выкладывайте подробности, мы тогда еще лучше пойдем. А пока допьем коньяк. Даже если он контрабандный, от этого хуже не стал. И подарил мне его Степанков от всего сердца. Подлеченного.

Они дружно выпили и принялись за кофе. Ерохин судорожно соображал, какие подробности можно выложить этим людям. О кооператоре, пожалуй, они знают намного больше, чем он сам...

— Так что же в вашем полицейском досье? Выкладывайте, выкладывайте, — напомнил Васильев.

— В одно и то же время со Степанковым у вас в отделении лежал писатель Маврин.

— Лежал, — кивнул Калязин. — Семьдесят пять — а здоровье отменное. Кто бы мог подумать? Н-да!

— Прекрасный мужик, — подтвердил Васильев. — Добрый и умный. Про таких говорят: понимающему достаточно полуслова. Степанков ему порассказывал о себе и о своих шефах. Маврин даже решился взяться за детектив. В жизни не писал — и на тебе. Алексей Дмитриевич умел располагать к себе людей. Ему человек мог любые тайны доверить. Степанков мог и пооткровенничать, уж очень он перед операцией волновался. И причины были. Мы от него не скрывали. — Васильев помолчал. — Что же, хотите теперь эти тайны из парня вытрясти?

218 — Да нет. Дело в том, что Маврин многие годы вел дневник и всю историю Степанкова в дневнике записал. Страниц десять, что ли... И эти страницы — тью-тью! — Он жестом показал, как будто выдирает из тетради страницы. — На следующий день после смерти Маврина кто-то залез на дачу и все перевернул вверх дном. А ночью полез через балкон санитар из малого предприятия «Харон», и жена Маврина всадила ему в голову дуплет картечи.

Врачи переглянулись.

— Степанков как раз работает на этом малом предприятии, — сказал Васильев.

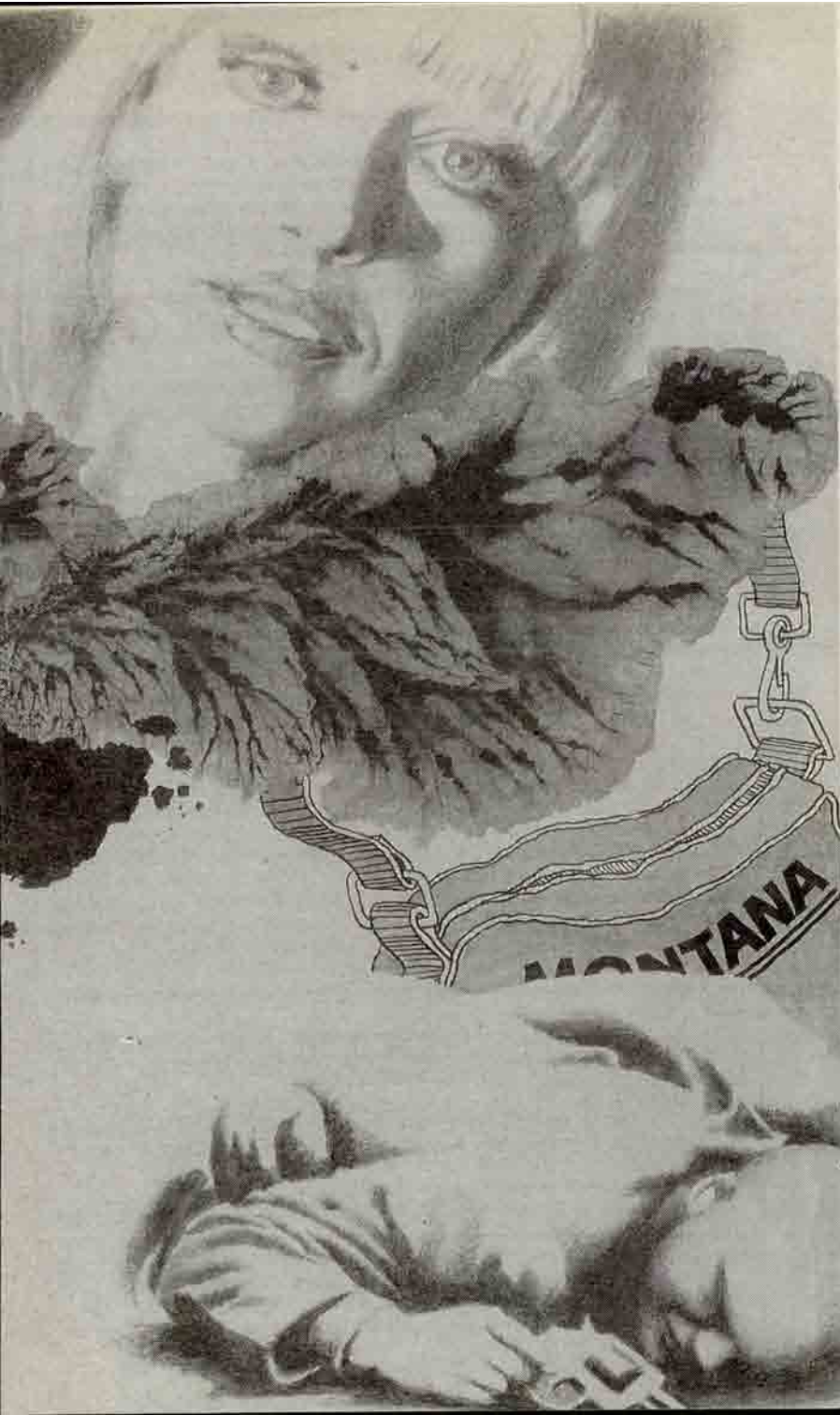
— Н-да, — подтвердил Марк Иванович.

— Они не только похоронными делами занимаются. — Васильев вынул из кармана пачку «Столичных», повертел ее и отправил на прежнее место. — Кооператив многоотраслевой. Или малое предприятие? Черт, не помню, как точно. Они и продают, и покупают. Лес, бензин, автомобили «вольво». Числятся при мэрии. Так, Марк?

— Н-да.

— Вы на Марка Ивановича не обижайтесь, — сказал Васильев и подмигнул майору. — Он человек немногословный. Это в наше время неопценное достоинство.

Широкие щеки Калязина чуть-чуть порозовели. Он опять чуть не произнес свое «н-н-да», но спохватился и только деликатно кашлянул.

Васильев снял трубку с телефонного аппарата, набрал номер и ласково попросил:

— Верочка, найди историю болезни Степанкова. Ноги в руки — и ко мне. Умница. — Он положил трубку и обернулся к майору: — Сейчас доставят. Верочка — девушка быстрая.

— М-да, — вздохнул Калязин укоризненно. Просто потрясающе, как много оттенков имела его коронная фраза.

— Дима, можно я вас так запросто? — спросил Васильев. Ерохин кивнул. — Год назад у Детского фонда украли миллион. Студента-охранника убили. Преступники найдены?

— Нет. — Майор начал было объяснять, какие трудности возникли на пути следствия, но Васильев остановил его:

— В тюрьме, перед самым освобождением, нашли повешенным Смирнова-Осташвили. Докопались, в чем там дело?

— Нет.

— А убийство Мёня?

— КГБ... — успел произнести Ерохин, намереваясь сослаться на то, что следствие взяла в свои руки эта организация, как доктор задал уже следующий вопрос:

— Я вчера вечером слышал обзор радио «Свобода» — что-то вроде «Россия — итоги года». Там комментатор прямо сказал о взяточничестве в Московской мэрии и вспомнил дореволюционный анекдот. К городскому голове приходит купец и предлагает взятку: «Ваше благородие, я даю вам триста рублей, и ни одна сволочь об этом не будет знать». «Давай пятьсот», — отвечает голова, — и пусть это будет известно всему городу».

— Н-н-да-а! — захохотал Маркс Иванович.

— Я всего лишь старший оперуполномоченный уголовного розыска... — с обидой начал майор и так густо свел морщины, что лоб у него побелел. Он хотел сказать, что, будь его воля, он бы не трепал языком о демократии, а навел для начала элементарный порядок. Без которого никакая демократия невозможна. Но в это время зазвонил телефон. Васильев слушал несколько секунд.

— Верочка, узнай в центральной регистратуре. — Прослушав еще несколько секунд, он поскучнел: — Может быть, кто-то из диссертантов взял на просмотр? Они постоянно охотятся за таким материалом. Даю тебе сутки из поиски, поняла, любовь моя?

Некоторое время он сидел молча, внимательно глядя на майора, как будто впервые увидел его. Словно продолжая спор с самим собой, произнес:

— Но это же абсурд! Степанков каждый месяц должен проходить у нас обследование — раз! Мы знаем его имя. Кстати, Маркс, вы помните отчество Степанкова?

— Нет. Н-да.

— И я не помню. Зовут Слава. Это может быть и Ярослав, и Святослав, Вячеслав и так далее. Место работы его известно! «Харон», правда, Дима?

— Это вы так утверждаете! Проверим.

— Вот тебе и миллион из Детского фонда, — сказал Васильев задумчиво и, посмотрев на единственный загнутый палец, разогнул его. Разлил остатки коньяка, и они молча выпили.

— Найдутся бумажки, — изрек Калязин. Надежды на то, что найдется сам Степанков, похоже, у него не было.

Васильев довез майора до прокуратуры на своей «Волге».

«Хороши мы будем, если какой-нибудь инспектор решит проверить водителя на алкоголь», — думал Ерохин и беспокойно вглядывался, высматривая притаившуюся на обочине машину ГАИ. Но доктор ехал предельно осторожно, ни разу не превысил скорость. Так ездят в меру выпившие интеллигентные люди.

Прощаясь, они обменялись телефонами.

— Завтра вечером позвоните. Я надеюсь, что виновато только наше разгильдяйство. Всеобщее, — добавил он и крепко пожал майору руку.

После отъезда майора в больницу на поиски кооператора Фризе позвонил в Институт судебных экспертиз. Договорился с Федором Шаховым о проверке привезенного из Переделкина пива. Особых надежд на успех у него не было. Не в каждую же банку преступники впрыскивали яд! Беглый осмотр, который провел Владимир, убедил его в том, что банки не проколоты. Да и упакованы в полиэтилен они были основательно.

«А чьи, собственно, пальчики я надеюсь найти? — думал Фризе. — Не проверять же всех подряд работников «Харона» или гостей на трагическом юбилее Маврина?!» Даже получение отпечатков пальцев критика Борисова чревато серьезными осложнениями. «Наверное, так чувствует себя человек на минном поле», — грустно усмехнулся следователь своим мыслям.

Негромкая милицейская трель прервала размышления Фризе. Телефонные звонки теперь не слишком его раздражали: не поленившись, он отвинтил у телефона дно и положил туда бумажную салфетку.

— Владимир Петрович? — спросил незнакомый мужской голос.

— Да.

— Это лейтенант Волков, из Переделкина.

— А, Волков! — Фризе вспомнил молодого милиционера, так кстати оказавшегося неподалеку от места, где на него напал бандит. Телефон до неузнаваемости изменил его голос.

— Узнал! — удовлетворенно констатировал Волков и тут же быстро добавил: — Звоню из автомата. Нужно встретиться. Есть для тебя информация.

— Где?

— Ты на машине?

— Куда подъехать? — вместо ответа спросил Фризе.

— К Киевскому вокзалу. Жду у выхода из метро на площади.

Минут через пятнадцать Владимир подъехал к вокзалу. У спуска в туннель было полно народу и ни одного милиционера в форме. Фризе остановил машину и стал внимательно вглядываться в лица. Два кавказца по-своему истолковали его взгляд и не спеша, с чувством собственного достоинства, двинулись к машине. Один уже взялся за ручку двери, когда появился лейтенант. В болотного цвета модной пуховке с сиреневым воротником он выглядел совсем как мальчишка. Фризе открыл дверцу.

— Э-э, дорогой, тебя только и ждали тут! — с ленивой угрозой сказал кавказский претендент на поездку.

Волков на секунду повернулся к нему и что-то негромко сказал. Наверное, что-то очень доходчивое: мужчина отпрянул от машины как ошпаренный.

— Какое петушиное слово ты ему замолвил? — спросил Фризе, отъезжая.

— Сказал, что «Жигули» не для него — машина не престижная. Ты далеко не уезжай, у меня через пятнадцать минут электричка.

Фризе выехал на Бережковскую набережную и остановился напротив Славянской гостиницы.

— Разговор-то у меня короткий. — Лейтенант внимательно посмотрел на Владимира. Взгляд его серых глаз был пристальный, милицкий и совсем не гармонировал с молодым приветливым лицом. — Но не хотел по телефону... Ты хорошо помнишь подробности? — Он не сказал, какие подробности, но Фризе понял, что он имел в виду.

— Еще бы! Да и вообще я памятливей.

— У нападавшего на руках были перчатки?

— Нет. По-моему, ты их вынул из кармана его куртки. Когда искал документы.

— Все точно. Так вот, теперь слушай внимательно: ни на ноже, ни на пистолете нет никаких пальчиков! И твой коллега из нашей прокуратуры утверждает: их и не было. Бандит «работал» в перчатках.

— Странно...

— Странно? — Фризе уловил сарказм в его интонации. — До того странно, что теперь нельзя установить, кто на тебя напал. А уж то, что это мужик тертый и в зоне не один раз побывал, у меня сомнений нет.

Не сомневался в этом и Фризе, но он не мог понять озабоченности лейтенанта.

— Нет «пальчиков» на оружии, но ведь есть сами пальцы?!

— Какие пальцы?! — взволнованно сказал Волков. — Ты что, не знаешь?! Труп пропал из морга!

Фризе присвистнул. Теперь ему стало понятно волнение лейтенанта. А ведь он сначала подумал, что тот просто возмущен безалаберностью следователя, допустившего халатность.

— И как же он пропал?

— Как! Сопоставь это с исчезновением «пальчиков» с оружия...

«И вспомни, что ты занимаешься делом «Харона», — подумал Фризе. — Ребятками, которые доставляют мертвых в морги и крематории».

— ...А если хочешь узнать официальную версию — звони своему коллеге Эдварду Геннадиевичу Сушкину. Он тебе расскажет, как плохо у нас работают службы быта. Покойников иногда просто теряют при перевозке... Ладно, подкинь меня поближе к вокзалу. А то следующая электричка через час.

Инициатива наказуема

Берта улетела в Женеву ранним утром. Фризе привез ее в международный аэропорт Шереметьево. Предстояло долгое стояние в очереди на регистрацию. Таможенный и паспортный досмотр отнимали почти столько же времени, как и сам полет. Зал ожидания производил странное впечатление: как будто на концерт всемирно известной рок-звезды продали больше биле-

тов, чем вмещает зал, а звезда не соизволила прибыть, и теперь боялись сообщить об этом собравшимся. Люди спали на чемоданах, на раскладушках, прямо на полу. Стояли вплотную друг к другу.

— Выпьем кофе? — Фризе с надеждой посмотрел в сторону кафе.

— Обойдемся без кофе, — сказала Берта. — Меня напоит и накормит авиакомпания, а ты вернешься домой и покойфуешь без меня, в одиночестве. Не забудь сварить геркулесовую кашу.

Берта уговорила Фризе пожить у нее. Он так и не рассказал ей про открытые замки в квартире и машине, но, похоже, она почувствовала неясную опасность. Любящим женщинам это иногда удается.

На свободном пятачке посередине зала они стояли, тесно прижатые друг к другу человеческим морем. Берта ждала, когда на спартаковском автобусе приедут «ее девочки» из команды, и все время поглядывала на входные стеклянные двери. Фризе смотрел туда же. Неожиданно в потоке людей он заметил знакомую фигуру Грачева — руководителя малого предприятия «Харон». Серая модная кепка с помпоном, серое просторное, почти до пят, пальто из твида. В одной руке — небольшой черный чемодан, скорее похожий на сундучок, в другой — зонт. Этот зонт в морозный день свидетельствовал, что там, куда собрался лететь Грачев, дождливо и тепло. Он спокойно, словно нож масло, рассек толпу, что-то сказал девушке у стойки, затем, обогнув очередь, направился к пограничникам, проверявшим паспорт. И здесь у него все обошлось просто и красиво: подал офицеру паспорт, какую-то бумажку, которую офицер внимательно прочитал и с почтением пропустил Грачева на территорию, уже считавшуюся за границей. Директор «Харона», которого Фризе предупредил не покидать город, улетал из страны.

— Что за хлюст? — спросила Берта, заметившая, с каким вниманием смотрел Владимир на мужчину с зонтом.

— Раз ты заметила — придется расколоться, — усмехнулся Фризе. — Попросил приятеля проследить за твоей нравственностью в Женеве.

— А если без трепотни?

— Это глава «Харона», господин Грачев. В его малом предприятии пахнет жареным, а он по заграницам разъезжает.

— Он тоже летит в Швейцарию? — спросила Берта и в это время увидела своих подруг. Высокие, в ярких куртках, с красивыми сумками, они привлекли всеобщее внимание.

— Я пойду? — Берта прижалась к Владимиру и поцеловала его в щеку. — Следи за мной по телеку и не забывай кормиться.

Пока Берта пробиралась к своим подругам, Фризе лихорадочно соображал, сможет ли он помешать отлету Грачева. Здравый смысл подсказывал: не сможет. Паспортный контроль Юрий Игнатьевич уже прошел, таможен нет дела, что у какого-то следователя районной прокуратуры есть претензии к вылетающему в служебную командировку гражданину. Оставалось отделение милиции на транспорте.

В небольшой комнате за столом сидел капитан. Руки у него были скрещены на груди, голова опущена. При появлении Фризе он даже не пошевелился. «Спит», — подумал Владимир и осторожно сел на стул.

— Что случилось, гражданин? — неожиданно бодрым голосом, не поднимая головы, спросил капитан.

Фризе улыбнулся:

— Как вы догадались, что не гражданка?

— Гражданка заговорила бы от самых дверей. — Он посмотрел одним глазом, второй продолжал спать.

Фризе коротко рассказал, в чем дело. Капитан окончательно проснулся и посмотрел на него осмысленно:

— Ксивы с тобой?

Фризе предъявил удостоверение, капитан бросил на него беглый взгляд и кивнул:

— Сейчас снимем с рейса. Как зовут? — Он записал фамилию и имя директора, снял телефонную трубку.

— Грачев — депутат городского Совета, — добавил Фризе, уже предчувствуя, что за этим последует. Трубка вернулась в исходное положение, а капитан, склонив голову на бок, посмотрел на Владимира, как смотрит няня в детском саду на оконфузившегося ребенка. Наверное, он хотел и подоходчивее высказаться, но недостаточно проснулся для этого. Да слов и не требовалось.

— Ну, извини! — сказал Фризе. — Я шефу позвоню?

Голос у прокурора был недовольный. Да и кто может радоваться, когда его будят ни свет ни заря. Выслушав Владимира, он сказал:

— Нечего было и пытаться задержать. Никуда твой «Харон» не денется. А на скандал бы ты нарвался.

Фризе осторожно положил трубку, хотел поблагодарить капитана, но тот снова сидел, скрестив руки и уронив голову на грудь. Спал, наверстывая упущенное за ночь. Но когда Фризе пошел к двери, пробормотал:

— Инициатива наказуема, браток. Пора бы усвоить!

Садясь в «жигуленок», Фризе увидел, как к зданию аэропорта, к тому входу, который когда-то гостеприимно принимал очень большое начальство, подкатили черный «мерседес» и машина сопровождения — «Волга», с мигалками на крыше. Из «мерседеса» не очень ловко выбрался полный, сутулый человек. Лицо чем-то напоминало птицу — усталого, выдохшегося орлана с большим опущенным клювом. Он постоянно мелькал на телеэкранах, на митингах, презентациях и симпозиумах. Этот человек, в дни выборов пообещавший москвичам вывести их из прозябания и заасфальтировать мостовые, добился своего: стал одним из столпов администрации. И теперь все ждали, когда же тронемся в путь по гладкому асфальту.

Ссутулившись, бочком, как будто стесняясь того, что ему приходится идти к самолету тем же путем, которым ходили презираемые им родственники, «орлан» прошествовал к элитному входу. Один из сопровождающих распахнул перед ним дверь, другой важно прошествовал сзади с красивым замшевым чемоданом.

Главное — чтобы остаться

Он откинулся на спинку кресла и смотрел в окно. Снег все сыпал на город, и мрачный брандмауэр соседнего дома лишь угадывался за белой пеленой. «Сыпал бы не переставая неделю, — думал Фризе. — Занесло бы сугробами улицы, встал тран-

спорт, люди не высовывали носа на улицу. Сидели по своим квартирам жулики и воры, милиционеры и младшие советники юстиции. Замолкли бы телефоны...»

На подоконник прилетела синица — пухленький серо-зеленый комочек. Она повертела головой и требовательно застучала клювом в стекло. Владимир и его сосед по комнате подкармливали синиц семечками, покупая их в подземном переходе на Тверской.

— Стучи, стучи, — сказал Фризе, но с места не тронулся. Леня было двигаться. Синица сердито вспорхнула, взметнув фонтанчик снега.

«Берта уже в Женеве, — с завистью думал Владимир. — Прошла паспортный контроль и едет в гостиницу. Глазеет по сторонам. А Грачева везут фирмачи в шикарном автомобиле, ведут с ним вежливые разговоры и не догадываются, что перед ними жулик. А может, и того хуже».

Ему стало грустно и одиноко. Все дело с убийством санитаров чудовищно расплзлось. За какой факт он ни цеплялся, с каким новым свидетелем ни знакомился, оказывалось, что этот факт лишь звено в цепочке, а у свидетеля — криминальная биография. У Владимира пробуждался азарт фокстерьера перед лисьей норой. Но фокстерьером двигал инстинкт, дарованный ему природой, а Фризе, какой бы интуицией и способностью он ни обладал, барахтался в путях служебных инструкций и устаревших законов. Иногда хотелось послать к черту все эти инструкции, политес, которым руководствовался его шеф — независимо от того, кто верховодил: аппаратчики или демократы. Но тогда надо уходить из системы, главное, из любимого дела.

Синица снова застучала в окно, и Фризе, преодолевая усталость и леня, встал и пошел за семечками.

Завистивым милицейским свистком дал о себе знать телефон. Фризе несколько мгновений помедлил, испытывая искушение не брать трубку, но все-таки взял.

— Владимир Петрович, это вы? — Голос Мавриной он узнал сразу.

— Так точно!

— Я вам звоню каждые полчаса — на службе занято, дома никто не отвечает. Книжку я нашла в городской квартире, в письменном столе.

— Там есть запись разговора со Степанковым?

— Володичка, вы же просили найти именно эту книжку. Я ее и нашла. Она вам срочно нужна?

— Еще как срочно! Вы в городе или на даче?

— В городе. Сейчас сажусь в машину и еду к вам. Скажите адрес.

— Вы поедете с шофером?

— Нет. Я и сама вожу машину. А шофера у меня больше нет. У вдовы другие возможности.

— Алина Максимовна, куда с этой книжкой из дома не выходите. Заприте дверь покрепче. У вас хорошие запоры?

— Очень хорошие, — с недоумением сказала она. — Только почему такая паника? Неужели и в городе кто-то полезет в мою квартиру? Из-за Алешиной записной книжки?

— Запритесь как следует, никому не открывайте, кроме меня. Я сейчас приеду, и мы все обсудим.

— Может быть, мне зарядить еще одно ружье? — с иронией спросила Маврина.

— Зарядите. Это серьезно.

Фризе быстро оделся, секунду постоял у сейфа, решительно открыл его и достал пистолет. И будто ожегся об него. «Странно, — думал он, — несколько дней не вспоминал о том, что из этого оружия убил человека. Даже Маврина, с этим ее «тоже», не высекала из меня искры, а взялся за пистолет — и муторно стало на душе».

Маврина жила рядом с Хамовниками, в современном, как еще недавно называли, номенклатурном, доме из светлого кирпича.

Кабина лифта была просторной и светлой, с большим зеркалом. Вполне пристойный вид, если бы не пара рисунков в стиле Мазереля, прокомментированных крепкими словечками — дети бывших номенклатурных работников не остались в стороне от городской цивилизации.

Едва Фризе позвонил, как Алина Максимовна распахнула дверь.

— Ну почему же вы не спрашиваете, кто идет?

— Я видела в окно, как вы подъехали. — Она приветливо улыбнулась и показалась еще более красивой, чем раньше. Черные облегающие брюки, серый пушистый джемпер, серебряная цепочка на шее — все было к лицу.

Маврина ввела Владимира в кабинет. Кроме окна и двери, все остальное пространство занимали книги. Беглого взгляда было достаточно, чтобы заметить несметное число энциклопедий и словарей — Брокгауз и Ефрон, словарь Венгерова, Военная энциклопедия, словарь Гранат... Редчайшие тома Еврейской энциклопедии.

— Сразу видно, что попал в библиотеку писателя! — не смог сдержать своего восхищения Фризе.

— Все эти книги подбирала я, — с гордостью сказала Маврина. — Алеша был равнодушен.

— Равнодушен к вашему выбору?

— Равнодушен к книгам.

Заметив удивление на лице Владимира, она пояснила:

— Он постоянно твердил: «Книги мне только мешают. Они корректируют мое представление о действительной жизни. Мои книги — это люди». Сердился на меня за то, что я окружила его книгами.

«Интересная мысль», — подумал Фризе, но тут же забыл о качестве писателя. Маврина протянула ему блокнот — обыкновенный потрепанный блокнот без корочек, величиной с ладонь, исписанный крупным, разболтанным почерком, с потертыми и кое-где загнутыми краями.

— Садитесь, где вам удобнее, я приготовлю кофе. Мне помнится, мой кофе пришелся вам по вкусу.

Фризе сел в глубокое кожаное кресло, включил торшер и, волнуясь, нетерпеливо начал листать страницы.

«Большиничная тяготина», «старшая сестра — как старшина — украинец в роте — ать-два», «каждый норовит всучить вам свою болезнь со всеми подробностями», «даже за едой про клистиры». «Или толкут в ступе газетную блевотину, — неизвестно, что хуже». «Единственная отрада — мой доктор: все по делу,

в душу не лезет, погонял на велоэргометре, сказал «м-да», все понятно: дела мои не слишком плохи».

Наконец, Фризе наткнулся на то, что так его интересовало: «Пришел в палату парень. Примерно 30, красавчик, волосы с пробором. Я таких не люблю. Видно, серьезно болен, губы синие, а в глазах (голубых) — страх. Даже ужас. Руки красивые — ни секунды покоя, пальцы все время шевелятся. Хватается то за ухо, то за нос, то просто стучит по колену или стулу. Я слышал: у глубоких стариков перед кончиной пальцы беспокойные — «набирают». Узнал, что я писатель, пришел исповедоваться. На следующей неделе у него операция на сердце. Пытался успокоить. Исповедоваться, говорю, надо священнику. Не согласился».

Интересная психология: «Священнику исповедуешься — при нем все и останется, а вы можете в книгу вставить. Не важно, что напишете плохое. Главное — в книжке останется. И чтобы обязательно под своей фамилией».

«Пришел доктор «М-да», разогнал нас. Моему гостю — на обследование».

«Лежал — думал. Интересное создание — человек: уйду, но пусть хоть что-то останется. Зацепка в мире живых. Алинка прочитала Николая Федорова, рассказывала мне — у него была идея, что придет время (наука позволит) и потомки души всех умерших вернут из космоса, вселят в воссозданные тела. Но нужна память. Зацепка. Может быть, это и у С. живет в подсознании».

Наверное, следующий разговор состоялся со Степанковым через несколько дней — десятка два страниц были заполнены очень меткими и образными замечаниями о больничной жизни, о «пикантной» массажистке, о медсестрах. Маврин записывал новые для него словечки из современного сленга двадцатилетних, несколько теплых слов о жене, ревниво воспринявшей рассказ о «пикантной» массажистке. Чувствовалось, что Маврину была приятна ревность жены. И только одна фраза, напоминавшая, что он не забыл визит Степанкова: «Думал о разговоре с С. Интересно, человек, лишаящий жизни другого человека, способен думать о встрече в новой жизни со своей жертвой? Надо посоветовать ему облегчить душу перед прокурором».

— Володичка! Кофе готов! — услышал Фризе. — Вы не разочарованы? Не напрасно я вас потревожила?

— У вас, Алина Максимовна, столько достоинств!

Она посмотрела с настороженностью, ждала подвоха. Фризе это почувствовал.

— Я говорю совершенно искренне: вы красивы, гостеприимны, прекрасно готовите, варите отличный кофе. У вас редкое самообладание, вы знаете литературу.

— Боже! Ни разу не слышала столько комплиментов от одного мужчины...

— ... Может быть, вы еще и занимаетесь фотографией?

— Нет. Муж любил фотографировать людей. Почему вы об этом спрашиваете?

— В доме есть фотоаппарат и хотя бы одна кассета? Я хочу переснять некоторые страницы.

— Боже! — Она почти каждую фразу начинала, вспоминая

Бога. — Какая длинная преамбула. — Маврина встала из-за стола и вышла. Через несколько минут вернулась с камерой.

Фризе взял аппарат и коробку с фотобумагой:

— Это слишком дорогое удовольствие. А что-нибудь попроще?

— Переснимайте сколько надо и ни о чем не думайте. — Она снова села. Почувствовав, что ее гость торопится скорее вернуться к прерванному чтению, Алина Максимовна больше не стала занимать его разговорами. Они молча допили кофе, и Фризе взялся за блокнот.

«Послезавтра у С. операция. Очень боится, я чувствую. Опять разговор о книге. Я ему сказал: «Слава, вы молодой сильный человек, все обойдется. А я старик — успею ли написать книгу?» Он посмотрел на мои записи: «Дневники?» — Я не ответил. «Дневники, — догадался он. — Не успеете написать роман, ваши дневники тоже опубликуют. Как у братьев Гонкуров».

«Боится, что я ему не верю. Продиктовал номер счета (23-1631 3104Б) в Швейцарском банке ЖНБ, на который поступает валюта на имя босса (не записываю его фамилию — она у каждого на слуху). Боюсь, не ошибка ли это? Ну уж, ну уж... С. — боевик, как он сам говорит, в малом предприятии «Харон». Перевозят умерших в морги при больницах и т. д. Надводная часть. Под водой — торговля с границей: нефть, лес, ценные металлы. Двойная бухгалтерия. Разница — в Швейцарские банки. Для начальства. Все, начиная с босса, ездят по миру за счет «Харона». В валюте не ограничены. Обзаводятся недвижимостью. Там. Рассказал о том, как берут взятки. Подписывают иногда по дватри разрешения разным кооперативам на одно и то же помещение. Такса — «дипломат» с «деревянными» рублями или коробка из-под конфет с долларами. Приходит хозяин, помещение занято. Ордер подписан одним и тем же лицом. И все молчат. Кто поднял шум — работа для боевиков.

Я спросил: а душа?

«Или душа, или жить по-человечески».

— И это означает «по-человечески»? Страшно.

Спросил про «страшно». Впервые засмеялся.

«Всегда отмажут. Директор — депутат. И кое-кому из прокуроров платим».

«Три убийства. Сегодня признался: все-таки страшно. А если есть загробная жизнь? Спросил: «Покаюсь, меня там простят?» Я не верю в загробную жизнь, но ему ответил: чтобы простили, надо всю оставшуюся жизнь прожить праведником. Тогда простят».

«На вечернем обходе доктор сказал мне про С.: «Забавный парень. Делащ. Предложил организовать русско-швейцарский фармацевтический банк: «Медицина — неосвоенное пространство. Если выживу...»

«Не спал всю ночь. Зачем я связался? Ничего не обещал, но выслушал!!! Если он останется жив? Прости меня, Господи, за черные мысли. Но ведь страшно?!»

На этом записи о Степанкове кончались. Маврин был напуган. Почему? С. выжил и раскаялся в том, что развязал язык?

«Какую же опасность представляют для Степанкова эти записи? — задал себе вопрос Фризе. — Никакой. Пока не преданы гласности, пока друзья «боевика» не знали, что он развязал язык. А для «Харона»? Для человека, которого Маврин называет

боссом? Тоже никакой. Потому что — беллетристика. Нет фактов, фамилий, дат. Надо долго рыть землю, чтобы хоть что-то доказать, и тем не менее к Мавриной залезли на дачу. А вам, Фризе, дали понять, чтобы не совали нос куда не нужно. Хотели даже пришить. И еще, как говорится, не вечер. Значит, единственный конкретный факт в записках — номер счета в Женевском банке — подлинный. Как сказал бы майор Покрижичинский — подлинный. Держись, Фризе, война будет продолжена».

Он сделал около сотни снимков — израсходовал почти всю бумагу. Получилось прекрасно: пять или шесть четких ясных дубликатов. Снял даже первые страницы писательского блокнота, чтобы у следствия было полное представление о том, откуда взят материал.

Закончив работу, Владимир с облегчением вздохнул и подумал: «Хороший подарок поднесла мне милая Алина Максимовна!»

Маврина словно поджидала этого момента — тут же появилась в дверях:

— Володичка, вы пообедаете у меня? Сейчас подъедет Алешин сын...

Лучше бы ему согласиться и часок провести за столом, в непринужденной беседе с хозяйкой. Да и обед в этом доме, судя по предыдущим, никогда, похоже, не бывал рядовым. Но Фризе торопился. И еще его не покидало чувство, что это не последний обед, на который его приглашают.

— Дела, Алина Максимовна. Вы дали мне такие интересные заметки...

— Интересные? — обрадовалась она.

— Очень интересные. И очень опасные. У вас есть в доме сейф?

— Есть. В кабинете. Замаскирован в книжном шкафу. — Она была готова раскрыть перед Фризе все свои секреты.

— Туда и спрячьте записную книжку и знакомым людям не открывайте двери. Даже милиции. Звоните мне.

— Володя, может быть, вы возьмете ее с собой? В прокуратуре у вас надежнее. — Маврина слегка растерялась.

— Своим знакомым вы так и говорите: записки забрал следователь. Хорошо?

— Хорошо. Если вы так считаете...

Фризе понимал, что думает она о другом: какого черта ты подвергаешь опасности слабую женщину?! Раз это опасно — храни у себя.

— Не бойтесь. Кто же поверит, что следователь добрался до ценной улики и не забрал ее с собой?!

Она улыбнулась и сказала тихо:

— Вы не бросайте меня совсем. Приезжайте просто в гости. Обещаете?

— Обещаю. И, кроме того, Алина Максимовна, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен! Помните, это сказал сенатор Катон Старший?

Несколько секунд она молча смотрела на него, и Фризе видел, как улыбка сходит с ее лица, сходит вместе с румянцем, словно кто-то провел по лицу густо напудренной ватой.

— Вы просто обыкновенный шпик. Только очень обаятельный. — Она не отводила глаз, и Фризе казалось, что от этого взгляда он начинает дымиться. — Будь вы поменьше ростом, работали бы обыкновенным топтуном. Не больше. — Эту фразу она произнесла еще тише, круто повернулась и скрылась в гостиной. Громко хлопнула дверь, и послышались ее сдавленные рыдания.

Владимир стоял, ошеломленный этой вспышкой ненависти, проклиная себя за сорвавшуюся с языка фразу. Разве мог он подумать, что она все поймет, почувствует?! Не переспросит, не посчитает двусмысленной, не примет на свой счет. Самовлюбленный осел, решивший, что доброта и душевность красивой женщины адресованы лишь ему, а не всему окружающему ее миру.

Звонок из Женевы

Поздно вечером позвонила Берта. Такого с нею еще не бывало — кто способен транжирить валюту за границей?

Сказала, словно отстучал телеграф:

— Слушай и не перебивай. Твой «Харон» Грачев остается насовсем. Дал интервью всем газетам — прокурор Фризе давит на предпринимателей, грозит тюрьмой. Меньше миллиона не берет! Ставленник Романова. Не горюй, Володька. Скоро вернусь. Ты меня целуешь?

— Целую, — ответил ошеломленный Фризе, и Берта дала отбой.

Сначала он не осмыслил тот факт, что его обвиняют во взятках. Наверное, из-за астрономической, по его мнению, суммы.

Он стал вспоминать знакомых ему Романовых. Но, кроме одного подследственного, который сидел в тюрьме и по этой причине не мог ему протектировать, и партийного босса из политбюро, никого не мог вспомнить.

«Ситуация, — невесело думал Фризе. — Взятки меня не украсят. И шеф расстроится». Но, вспомнив про сумму, он повеселел. «Младшему советнику юстиции миллион не дают! Этот идиот хватил через край. Придумал бы что-нибудь более правдоподобное».

Фризе задумался: кому позвонить и узнать про Романова? Если бы он ночевал дома, то заглянул бы в энциклопедический словарь. Берта словарей в своей маленькой библиотеке не держала.

Владимир набрал номер Ерохина. Тот долго не брал трубку, оказалось — мылся в душе.

— Дима, ты каких-нибудь Романовых знаешь?

— Может, и знаю, только ночью у меня память плохая.

— Напрягись. Мне нужен не просто Романов. А Романов — большой начальник. Который мог бы мне протектировать.

— Моя протекция тебе не сойдется? — пошутил Ерохин.

— Нет. Только Романов. Меня обвиняют в том, что я его ставленник. И знаешь кто? Грачев из «Харона». Он теперь Грачев из Женевы. Остался там. И еще. Говорит, что я беру по миллиону.

— Молодец. Высоко тебя ценит.

- Как насчет Романовых? Вспомнил кого-нибудь?
- Кто тебе про Грачева сказал?
- Берта только что из Женевы звонила.
- Транжирка, — сказал Ерохин и повесил трубку.

Утром Фризе сразу же вызвал шеф. Владимир думал, что он узнает об интервью Грачева значительно позже. Но плохие новости распространяются молниеносно.

— Знаешь, что заявил Грачев в интервью женевским газетам? — Прокурор встал с кресла, но из-за стола не вышел. Когда он отчитывал подчиненных, он всегда вставал. Считал, что тогда эзекучия выглядит более убедительно.

— Наслышан. Берта звонила.

— Вот! Еще и Берта! Хороший сюрприз для нее. — Он произнес это так, как будто Берта была его дочерью.

— Ну, Берта знает, что я старый взяточник. Меньше миллиона не беру.

Прокурор вдруг побагровел и заорал:

— Тебе все шуточки! Обвинение во взятках — это, это... — Казалось, у него не хватит воздуха в легких, чтобы выдать из груди проклятое слово. — Это позор! Черт знает что! За всю жизнь не отмоешься.

— Кто поверит глупой болтовне? Когда жулику грозит тюрьма, он сбрехнет и не такое!

— Жаждущих поверить у нас пруд пруди, — стихая, сказал прокурор. Фризе мысленно с ним согласился, но из упрямства продолжал отбрехиваться.

— А я, Олег Михайлович, останусь где-нибудь в Габоне и заявлю, что вы в детские годы убили бабушку лопатой и съели. Поверят?

Прокурор посмотрел на Владимира с ненавистью.

— И этому поверят, когда прочитают в газете или услышат по телеку. Можешь не сомневаться. А сейчас иди и пиши объяснительную записку. Могут потребовать в прокуратуре города. Или в Российской.

— Объяснительную записку, что взятки не брал?

— Записку о том, что ты допрашивал Грачева в связи с убийством двух сотрудников «Харона»! — опять заорал шеф. — И о том, что никаких претензий по деятельности самого малого предприятия у районной прокуратуры нет.

«А если есть? — хотел спросить Фризе, но побоялся, что прокурора хватит удар. — Напишу, что считаю нужным, а ты уж решай».

Он молча вышел из кабинета.

Весь день Владимир промаялся, придумывая, как половчее написать объяснительную записку. И понял, что никаких объяснений шеф от него не дождется, что интуитивное решение, которое он принял, выходя от прокурора, самое правильное.

Съестные запасы, которые оставила Берта, подходили к концу. Но даже мысль о кашах не испортила ему настроения. Он радовался, что, отбросив сомнения, решил писать докладную записку Генеральному прокурору. Фризе даже придумал для нее название: «О мафиозных структурах при органах власти столицы (Малое предприятие «Харон».)».

Поужинав, он вздремнул часок, предварительно отключив телефон. Ровно в девять Фризе сидел у большого кухонного стола

за своей запиской — ни письменного, ни обеденного стола у Берты не было, а писать за журнальным столиком Владимир не мог — рост не позволял. Закончил он работу в четыре утра, но тем не менее на службу пришел бодрый и в прекрасном настроении. Первой в кабинет заглянула Маргарита.

— Поздравляю с выигрышем! — улыбнулась она. Вчера в Женеве женская сборная по баскетболу выиграла свою первую игру. — Может, по этому поводу пригласишь меня пообедать? — Маргарита плотно прикрыла дверь и присела на край стула.

— Лапочка, это мое заветное желание. Но сейчас — цейтнот. Через пару недель...

— Через пару недель баскетболистки вернутся с чемпионата, а твой цейтнот закончится сегодня.

В словах девушки Фризе уловил тревогу и насторожился:

— Что-то случилось?

— Похоже, что да. Шеф вызвал меня на час раньше. Сам уже сидел в кабинете. — Она понизила голос. — Володя, только никому, ладно?

— Маргарита!

— Знаю. К другому бы не пришла. Олег нервничает, как девица перед абортom, и все по твоей милости. Я дважды перепечатывала приказ об отстранении тебя от дела.

В этот момент засвистел телефон и Фризе поднял трубку:

— Прокуратура.

— Здравствуйте, Владимир Петрович. Вы сейчас один? — спокойным и будничным голосом сказал звонивший. Фризе узнал голос помощника прокурора.

— Да, Виктор Евгеньевич, занимаюсь канцелярскими делами.

— Очень кстати. Загляните на пару минут. — Клади трубку, Фризе лихорадочно вспоминал — не оставлял ли он копии записной книжки Маврина в сейфе. Кажется, нет.

Маргарита торопливо прошептала:

— В первом варианте приказа отстраняли, «как лишившегося доверия», во втором — «за нарушение процессуальных требований». Понял?

Фризе обнял Маргариту и поцеловал.

— Спасибо. — Несколько секунд он стоял посреди кабинета в нерешительности, потом открыл сейф, достал бутылку виски.

— Небось, ключи отберут, — подмигнул он Маргарите. — Зачем добру пропадать? Возьмем с собой в «Макдональдс». — Он положил бутылку в кейс. — Только почему вызывает не сам Олег Михайлович?

— Он же твой друг! — усмехнулась Маргарита. — Ты что, не знаешь Олега? Дважды просил позвонить тебе и тут же давал отбой. А теперь смылся. Сказал, что поехал к городскому прокурору.

— Привет, Володя! — помахал рукой помощник прокурора. — Садись, гостем будешь.

У Виктора Андреева «на вооружении» было десятка три расхожих фраз, которыми он постоянно пользовался, не замечая, а может быть, и не желая замечать насмешливые улыбки сослуживцев. «Садись, гостем будешь» он говорил любому, кто приходил в кабинет. Даже тем, кого приводили под стражей. «Привет вам с кисточкой», «где наша не пропадала!», «везет же лю-

дям» — на каждый случай у него находилась присказка. Он был за ними, как за броней.

— Я чего тебя пригласил? — сказал помпрокурора. — Формальности ради. Ты, конечно, в курсе?

— В курсе чего?

— Шеф подписал приказ о твоём отстранении. — Он подвинул лист бумаги, лежавший на столе. Владимир взял его. Приказ был лаконичным: «За нарушение процессуальных требований при расследовании дела об убийстве санитаров Уткина и Кирпичникова (последнего в пределах самообороны) отстранить следователя прокуратуры, младшего советника юстиции Фризе Владимира Петровича от дальнейшей ведения дела».

— В чем выразилось это нарушение?

— Володя, разве тебе шеф не объяснил?

— Нет.

— Быть того не может! Когда ты его видел последний раз?

— Вчера. — Фризе хотел сказать: «Вчера вечером у меня пили коньяк», но это бы выглядело почти как шантаж.

— И он тебе ничего не сказал?

— Ну что ты заладил, как попугай? Ничего не сказал.

— Эта история с банкой из-под пива... Изъял улику без надлежащего оформления! Забыл?

— Столько времени с тех пор прошло... — Фризе вдруг стало смешно. — Виктор, вам с шефом руки укоротили? Или... — Он с трудом удержался, чтобы не сказать — «позолотили».

— Или — что? — подозрительно спросил Андреев.

— Или шею намылили?

— Намылят. Сейчас грядет комплексная проверка, и, если станут известны такие факты, как твое разгильдяйство, мало нам не будет.

— Хватит врать! — жестко сказал Фризе. — В ГУВД без всякой проверки взяли и отстранили следователя, занимавшегося тем же малым предприятием «Харон», когда запахло жареным. Ты и сам это знаешь, я тебе рассказывал. Теперь пришла моя очередь. Шеф намекал — «полегче», «без нажима». Просил «отбросить предвзятость». Ничего у вас, голубки, не получится. — Распишись на приказе, — холодно бросил помпрокурора. — И прошу... — Он протянул свою маленькую ладонь. — Ключи от сейфа. Сдашь дело Гапючке. Он завтра из командировки возвращается.

Фризе вынул из кармана ключ и, высоко подняв его, бросил в ладонь Андрееву. Тот поморщился. Наверное, получилось больно.

— Расписываться я не буду. Сейчас пойду к Генеральному прокурору.

— Иди. У тебя ходилки длинные. И валюту приготовь, — засмеялся Андреев.

Предательство

Уже часа полтора Владимир бесцельно слонялся по кабинету. Шесть шагов от окна до двери, семь — от двери до окна. В сторону окна у него почему-то всегда получалось на шаг больше. Может быть, потому, что в окно все же приятнее было смотреть,

чем на дверь, и он инстинктивно делал шаг короче. Он никак не мог сосредоточиться и решить, что ему делать. Не помогала трубка. От табачного дыма стоял сизый полумрак. Несколько раз Фризе хватался за телефон, намереваясь позвонить Мавриной. «Что скажу: — Простите, не хотел обидеть? Неумело пошутил?»

Дверь кабинета приоткрылась, и Фризе увидел Маргариту.

— Фризе, у тебя пожар? — Маргарита смешно потянула воздух красивым прямым носом. Подошла к столу. — Очаровательно. Так люблю запах грубочного табака! — В руках секретарши был синий конверт. Она призывно им помахала:

— От дамы, приятной во всех отношениях.

Владимир вскинул руку и попытался перехватить конверт, но Маргарита увернулась.

— Можешь оставить себе, — проворчал Фризе. — Личных писем мне на службу не пишут. Очередная жалоба.

— Ошибаешься. Здесь есть пометка: «Сугубо личное». Первый раз вижу такую подпись: «Сугубо личное». Хорошая приманка для любопытных. Шеф бы не удержался. — Маргарита положила письмо на стол. — А я тут же поспешила к адресату. Цени, Володя. Но — женщина, женщина! Норковая шубка до пола.

— Тебя поразила шубка? — усмехнулся Фризе, разглядывая надпись на конверте, сделанную четким незнакомым женским почерком. Он уже догадывался, чьим, и торопливо надорвал конверт, вынул несколько исписанных листков, на всякий случай потряс, чтобы показать Маргарите — недозволенных вложений нет. Он не подозревал девушку ни в чем плохом, просто хорошо знал, в какой системе работает.

— Шубка, конечно, классная, — продолжала Маргарита. — Но женщина...

— Красивая? — не отрываясь от письма, спросил Фризе.

— Не в этом дело. Красивых женщин у нас достаточно. А эта — аристократка. Нет, что я болтаю?! Аристократки — они холеные и заносчивые. А приходила милая интеллигентная дама. Володя, ты меня не слушаешь? Мог бы и минутой позже прочитать. Кто она такая?

— Вдова писателя Маврина.

— Ага. Теперь мне понятно, почему у нее заплаканные глаза. Но она, Фризе, лет на десять старше!

— Старше тебя?

— Старше тебя, Володя! — Она направилась к двери, потом на секунду обернулась: — Я молодец?

— Умница. Сейчас дочитаю и поцелую тебя в обе щечки.

— Уже не успеешь. Я уйду домой.

«Милый Володичка! — писала Алина Максимовна. — Простите за грубость и за истерику. Ваша служба такая — не любопытства ради спрашивали меня. Не вы, пришел бы другой. Или вызвали на допрос и светили лампой в лицо. А вашу тактичность и деликатность я приняла за коварство. Мы, женщины, бываем глупы и импульсивны.

Теперь о том, что вас интересует. Я рассказываю, как сложились отношения у Алеши с Борисовым, надеясь на вашу скромность. Если уж удалось сохранить эти факты в тайне при жизни мужа, мне было бы больно стать свидетельницей того, как его имя чернят после смерти. Я заметила — вы любите при случае

щегольнуть знанием латыни. Так вот: Алеша умер, а о мертвых или хорошо, или ничего.

С Борисовым был знаком с Литинститута. Однажды они поспорили о политике, и Борисов крепко ругал Сталина. Маврин совершил подлый поступок — написал об этом. Не в НКВД, нет! В партком. Но никто из членов парткома письма не прочел.

Прочла техсекретарь. Вот она-то служила на Лубянке и отнесла письмо прямо туда.

Я рассказываю вам со слов мужа. Но я верила и верю каждому его слову. Я видела, что рана, которую он сам себе нанес, так никогда и не зажила. Поверьте мне — восемь лет лагеря, полученные им, муж перенес спокойно, так как считал расплатой за свой донос. Всегда говорил мне, что эти восемь лет спасли ему жизнь — останься он на свободе, обязательно пустил бы себе пулю в сердце. Простите, Володя, меня за сбивчивость и эмоции. Вам ведь нужны факты?

Борисова, конечно, арестовали. Следователь показал ему письмо Маврина и принес в камеру портфель, набитый книгами и статьями Алексея. Предложил внимательно прочитать их и написать критический разбор на тему: как помогают произведения литератора имярек строить социализм. Если хотите ознакомиться с этим опусом, я могу вам его показать. Алеша потом говорил, что лучшей критики на свои романы он никогда не читал. Он даже просил потом Борисова опубликовать это «эссе». Борисов обнаружил в книгах Маврина то, о чем не задумывался и сам автор, когда писал их. Он обратился к подтексту. А Маврин просто писал правдивые книги, не думая ни о каком подтексте. Он присутствовал в романах помимо воли творца. Объективно. Несколько капель ненависти, которой критик разбавил свои чернила, довершили картину. Маврин получил восемь лет. Борисова освободили. Не знаю, был ли у него уговор со следователем, но в архивах ГПУ — КГБ не осталось даже Алешинного письма, его уничтожили. И когда пришло время реабилитаций и разоблачений, Маврин предстал перед всеми мучеником режима. Они встретились с Борисовым, выпили два литра водки, поплакали друг у друга на груди и поклялись молчать о том, что случилось. Когда я вышла замуж за Алешу, я думала, что Борисов его самый старый и верный друг. Скорее всего так и было на самом деле. Полгода назад в Комитете госбезопасности решили передать Союзу писателей всю эту грязь литературного быта. Алеша получил опус Борисова, с которым давно был знаком.

Каким образом с документами познакомился Огородников? Не знаю. Он буквально проходу не давал мужу — советовал опубликовать эссе, заклеить Борисова в «Литературке». Даже намекал, что, если этого не сделает Алексей, он сам напишет и разоблачит Борисова. Когда Маврин послал его к черту, Герман Степанович что-то заподозрил. Он как-то проговорился мне, что пытается отыскать следователя, который вел дело. А потом Алеша умер...

Я ответила на ваш вопрос, Володя?»

Внизу стояла незатейливая подпись: А. Маврина.

Сложив листки письма в конверт, Фризе разорвал их на мелкие кусочки, положил в большую, принесенную из дома,

бронзовую пепельницу — нагая крестьянка с плетеной корзиной — и зажег. Бумага долго не хотела разгораться, и Владимир одну за другой подкладывал в корзину горящие спички, пока наконец не обуглился последний обрывок.

«Предать забвению, — прошептал Фризе. — И оставшиеся в живых имеют право на милосердие».

Не загоняйте в угол прокурора

От высокого начальства Фризе вернулся в растрепанных чувствах. Открывая двери своего крошечного кабинета, он пожалел о том, что пришел на службу. Лучше было бы в одиночестве посидеть дома. Подумать о будущем. Самым неприятным ему представлялось признаться сослуживцам, и в первую очередь Олегу Михайловичу, в том, что ни Генеральный прокурор, ни один из его заместителей не нашли времени его выслушать.

Несколько раз свистел проклятый телефон. Подергала ручку двери Маргарита, окликнула негромко:

— Владимир Петрович! Володя! — Постояла минуту и, не дождавись отклика, ушла. Прислушиваясь к цокоту ее каблуков, Фризе подумал: наверное, она догадалась, что он заперся в кабинете — запах «Амфоры» и кофе выдавал его присутствие. «Шеф, небось, посылал, — решил он. — Обойдется. А Маргарита не выдаст».

Он пил кофе, пускал к потолку голубые колечки дыма и неожиданно понял, что делает это с большим удовольствием. Даже с наслаждением. Сплина как не бывало.

За час до окончания работы Фризе позвонил шефу.

— Я тебя разыскивал, — сухо проинформировал его прокурор.

— Я докладывал вашему помощнику, Олег Михайлович, — весело сказал Фризе. — Ходил в Генеральную прокуратуру. Зайти?

— Расскажешь завтра. Сейчас я уезжаю.

— Олег Михайлович, разрешите завтра на службе не появляться.

— Что еще случилось?

— Послезавтра должен положить Генеральному подробную записку о деле малого предприятия «Харон». Надо постараться. Возьму документы домой, поеду на дачу, напрогу серое вещество.

— Какие документы? — насторожился прокурор. — Ты что, взял дело у Гапочки?

— Нет. Я неточно выразился. Не официальные документы, а свои записи по делу. То-сё...

— «То-сё» обязан был передать Гапочке.

— Олег Михайлович, с каких пор следователь должен отдавать свои записные книжки?

Прокурор понял, что переборщил, и спросил уже не так раздраженно:

— Генеральный тебя принял?

— При личной встрече я вам все досконально расскажу, — с вызовом сказал Фризе.

Прокурор молчал. Наверное, не находил приличных слов, чтобы отбрызгать зарвавшегося собеседника.

— Так как с завтрашним днем? — напомнил Фризе.
— На дачу, значит?
— Да. В одиночестве можно будет сосредоточиться.
— Хорошо, — неожиданно согласился прокурор и повесил трубку.

«Даже не попросил показать, что я там накарябаю», — подумал Владимир. Позвонил Ерохину.

— Пробился к Генеральному? — В голосе Димы слышалось восхищение. — Поздравляю.

— Ну, не совсем к Генеральному... — уклончиво сказал Фризе. Не хотелось обманывать приятеля. — Но все же...

Пока Фризе рассказывал о том, что собирается завтрашний день провести на даче за составлением записки по делу о «Хароне», Ерохин несколько раз повторил: «Молодец!» По мере рассказа степень восхищения шла на убыль, и последний раз слово «молодец» Ерохин произнес с осуждением.

— Шеф отдал тебе дело? — спросил он.

— Не знаешь ты моего шефа! Я его так разозлил, что он неделю будет мочиться кипятком. Но у меня есть заметки Покрижичинского, фотокопии записок Маврина и голова на плечах. Неплохая голова, между прочим.

— Пока есть, — согласился Ерохин. — Володя, почему бы тебе не пригласить меня? Ум хорошо, а два лучше...

— Два таких ума, как наши с тобой, будут мешать друг другу. Если кого и следует прихватить, то ласковую девушку, умеющую варить кофе.

— Ну, ну! Бог в помощь! Не забывай только про свои открытые замки. И про убийцу. Если бы ты взял с собой Большую Берту, а не ласковую девушку, было бы спокойнее. Я что-то забыл — твоя дача на Лесной улице? Дом пять?

— Не вздумай приезжать. Не пуцц! Докладная Генеральному прокурору — дело нешуточное. Не хочу осрамиться. Чао. — Он набрал номер Покрижичинского. Майор тут же снял трубку, но по привычке молчал, дожидаясь, когда заговорит звонивший. Фризе слушал его шумное дыхание.

— Евгений Константинович, здравствуйте.

— Угу, — откликнулся тот.

— Это Фризе, из районной прокуратуры. У меня сдвинулись дела с интересующим нас заведением.

— Поздравляю, — без энтузиазма откликнулся майор.

— Я должен написать докладную Генеральному. Завтра засяду на даче за сочинение. Но это между нами. Иначе все может лопнуть.

— А что требуется от моей скромной персоны?

— Могу ли я в докладной использовать ваши заметки и сослаться на вас?

— В полной мере! — не задумываясь, ответил майор. — Говорю по слогам: в пол-ной ме-ре! Только все это — пустая трата времени.

— Дача у меня на Николиной горе. Если что-то новое придет в голову — телефон 541-15-45. Позвоните.

— Пустая трата времени и бумаги, — повторил майор.

Владимир зашел в приемную прокурора. Начальство отсутствовало. Обе двери — в комнату прокурора и его помощника — были распахнуты настежь. Маргарита — уже в шапке — подкра-

пшвала губы, внимательно разглядывая себя в зеркало. Фризе сообщил ей, что завтра отсутствует — работает над срочными документами для большого начальства.

— Утром хоть поспишь подольше, — своеобразно отреагировала девушка на его сообщение.

— Я на даче рано просыпаюсь.

— Ты даже на дачу уезжаешь? Счастливчик! Взял бы меня с собой. — И, не дожидаясь ответа, Маргарита спросила: — Где твоя дача?

— На Николиной горе. Лесная улица, пять.

Фризе хотел известить еще одного человека о том, что собирается делать на даче в ближайшие сутки — Германа Степановича Огородникова, но не смог придумать правдоподобного повода, чтобы позвонить ему. «Другого случая не представится, — размышлял Фризе. — Если моя авантюра провалится, через пару дней меня уволят без выходного пособия». Надежда была на то, что завтра писатель сам позвонит и заинтересуется в секретариате, почему телефон Фризе молчит.

На дачу он решил ехать с вечера, чтобы не давать противникам шанс расправиться с ним в городе. Они ведь могли снова послать убийцу-одиночку, а Владимиру нужен был большой сбор работников «Харона», его боевиков. Когда вечером он отъехал от своего дома, в багажнике, завернутые в одеяло, лежали два охотничьих ружья — тулка двенадцатого калибра и охотничий пистолетный автомат — тяжеловатый, но надежный «Зауэр».

«Что я затеял? — думал Владимир, бросая осторожные взгляды на машины, в потоке которых мчались его «Жигули». — Какая-то детская авантюра — все эти звонки, вранье про докладную... Я шизофреник. Подозреваю всех. Если бы Берта не уехала, я бы, наверное, устроил проверку и ей! Где «Харон» и где все эти люди, которым я звонил?! Да еще Ерохин! Позор. Просижу день на даче с дурацкими ружьями, а как потом посмотрю в глаза тем, кому наврал с три короба?!» — Он почувствовал, как начинает гореть лицо. Тревога не отпускала. Город казался враждебным, каждая обгоняющая машина таила угрозу. Не покидало чувство, что никто не хочет и пальцем пошевелить в борьбе со всеми этими взяточниками, ворами, гангстерами. Что он одинок. «Маннакальное состояние, — вспомнил Фризе учебник судебной психиатрии. — Но раз я это понимаю, значит не безнадежен».

Вдруг в голову пришла мысль, чуть не заставившая остановить машину посредине дороги. Что, если неизвестный убийца не только должен был после нападения скрыться на его «Жигулях», но в них и погибнуть? Ведь ребята из «Харона» планируют свои мероприятия всерьез. Недаром у громилы не было при себе документов. По спине пробежали мурашки, и нога непроизвольно отпустила педаль газа. Правда, со дня происшествия в Переделкине Владимир уже несколько раз садился за руль, и ничего не произошло! Но это были короткие поездки по городу. Ни разу он не развивал скорость больше 60—70 километров, не тормозил резко и не входил в крутые виражи.

«Спокойно, — уговаривал себя Фризе. — Здесь, на шоссе, я все равно ничего не смогу проверить. Остановиться на обочине и залезть под машину — значит подставиться. Завтра в гараже все проверю».

Единственное, что он сделал, — поехал так, как будто вез в багажнике хрустальную люстру. Крутой спуск и подъем возле моста в поселке преодолел на второй скорости.

Поселок удивил Владимира. Улицы были расчищены от снега. И даже глухая Лесная.

Фризе с трудом отпер застывший замок калитки и, увязнув в снегу, добрал до веранды. Деревянная лопата, которую он прятал под крыльцом, была на месте. Полчаса ушло на расчистку дорожки и площадки около гаража. Владимир работал с удовольствием, временами давая себе минутный отдых, и тогда стоял, опершись на лопату и вдыхая морозный воздух со слабым запахом хвои, прислушиваясь к далекому шуму редких машин на шоссе. Неожиданно он услышал слабое повизгиванье: у раскрытой калитки стоял лохматый пес, дружелюбно помахивая хвостом.

— Что, Василий, — ласково сказал Фризе, — заблудился? — Пес тихо заскулил. — Э-э, да ты голодный?! Бросили тебя хозяйева?

Собака приблизилась на несколько шагов и умильно склонила голову.

Владимир поднялся на крыльцо, где были сложены взятые из машины вещи. Позвал. Пес снова заскулил, но не сдвинулся с места. Видно, были у него причины не доверять человеку.

— Иди, не бойся. Не укушу.

Он покормил пса, накрошив в теплую воду от пельменей белого хлеба. Постелил в кухне половичок, и пес свернулся на нем калачиком. Каждый раз, когда Фризе проходил мимо, пес провожал его взглядом золотисто-коричневых глаз. Пока Владимир ужинал и пил кофе, пес лежал спокойно, не попрошайничал, даже не смотрел в сторону стола. Но когда Фризе занялся своим оружием, забеспокоился. Тревожно смотрел со своего половика, как он вынимает из чехлов ружья, собирает их, вкладывает патроны в патронник. Временами пес вскакивал, делал круг по комнате, ложился на свой половичок и следил за вновь обретенным хозяином.

«Решил, что я на охоту собрался? — подумал Фризе. — Но собака не охотничья. Откуда знает, что это за цацки? Почему беспокоится?» Сам он не испытывал никакой тревоги. Деловито затапливая патроны в магазин карабина, Фризе даже не пошевелил мысли, что ему придется стрелять по живым людям. «По живым людям? — горько усмехнулся он, вспомнив бритого парня, напавшего на него в Переделкине. — Нет, к черту сантименты! Если законы спят, можно их разбудить только выстрелами».

Зарядив ружья. Фризе не спеша обошел дом, прикидывая, где удобнее разместить свой арсенал. Карабин он поставил в изголовье кровати, ружье — за занавеской у окна в комнате. Пес, не упускавший из виду все передвижения Фризе, подошел к занавеске, за которой было спрятано ружье, и сердито гавкнул.

— Ты что, дружище? — спросил Фризе. Пес взглянул на него виновато и, повернув голову к окну, снова сердито гавкнул. Владимир погладил собаку. — Спокойно, дурашка, спокойно. Иди на место, спи. — Пес покорно поплелся на кухню и улегся. Несколько раз он тяжело вздохнул, совсем как огорченный человек. И, прикрыв морду хвостом, задремал.

Фризе отправился на улицу. К машине. Ему хотелось проверить свою догадку. Он уже стал отпирать ворота гаража, но передумал. Мороз, холодное помещение, застывший металл... При мысли о том, что придется загонять машину в гараж, лезть в яму, мерзнуть, Владимир поежился. «Завтра, — решил он, — может, это и к лучшему!»

Подстакана коньяка помогли ему справиться с одолевшей дрожью, и через десять минут он уже сидел у письменного стола. Экземпляр своей докладной и фотокопии страниц из блокнота Маврина Фризе положил в папку, набив ее и черновиками обвинительных заключений по старым, давно забытым делам. Первые их страницы он предусмотрительно вынул и сжег в камине. На первый взгляд создавалось полное впечатление, что вся эта тугая папка заполнена документами по делу «Харона».

Фризе окинул быстрым взглядом стол и подумал удовлетворенно: «Полное впечатление бурной деятельности. Неясно только, когда пожалуют гости». И в это время услышал, как настойчиво зарычал пес.

Ночные визиты

Фризе погасил свет и осторожно отодвинул занавеску. На дороге рядом с его машиной стоял «Москвич». Мотор работал, горели габаритные огни. Было похоже, что приехавшие не собираются выходить из машины, а просто наблюдают за домом. Но вот невидимый водитель выключил мотор, погасил огни. Пес на кухне угрожающе зарычал и царапнул дверь.

— Тихо, дружище, тихо, — успокоил его Фризе.

Из машины вышла женщина. В первую секунду Владимир подумал о Берте, но тут же увидел, что она значительно ниже ростом. Женщина постояла, внимательно разглядывая дом, потом закрыла дверцу и пошла к калитке. Секунда понадобилась ей, чтобы найти и отодвинуть задвижку. Войдя в сад, она деловито, словно пришла к себе домой, закрыла калитку и двинулась к дому. Теперь Фризе увидел, что на ней короткая меховая шубка и пушистая, тоже меховая, шапка, скорее всего мужская. Лица ее Владимир рассмотреть не мог, видел только, что женщина молода и длиннонога. И только тогда, когда она вошла в полосу света, льющегося из окон веранды, он узнал ее. Нина Серова, любимая женщина покойного санитаря Уткина!

Пока она поднималась по ступеням, Фризе напряженно вглядывался в темный силуэт «Москвича» — не вспыхнет ли огонек сигареты, не мелькнет ли тень? Появление этой женщины не поддавалось никакому объяснению. Кроме одного. Люди, которых Фризе надеялся увидеть на своей даче, прислали разведчика. Только каким образом удалось им втянуть в дело Серову?

Нина уже стучала в дверь:

— Владимир Петрович, вы здесь?

Удивительное дело, пес, только что рычавший, услышав ее голос, успокоился и снова лег.

Выходя на веранду, Фризе погасил свет и там, если Серова приехала не одна, незачем высвечиваться.

— Владимир Петрович! — крикнула Нина громче. Фризе открыл дверь. Волна ночного морозного воздуха, смешанного с аро-

матом хороших духов и помады, окутала Владимира. С освещенного крыльца гостье было не разглядеть Владимира, стоящего на темной веранде, и она спросила с тревогой:

— Владимир Петрович, это вы? — Она шагнула через порог и, наткнувшись на Фризе, прижалась к нему и прошептала: — Не опоздала. Гора с плеч...

«Не выталкивать же ее на улицу! Даже если ее послали. А ведь неплохо придумано!» Фризе закрыл дверь на замок, задвинул задвижку и только тогда, взяв Нину за руку, повел в дом. Фризе показалось, что она дрожит.

— Раздевайтесь, Нина. — Фризе протянул руки, чтобы снять с нее шубу. Потом решил и включил свет.

— Я на минутку, Владимир Петрович. Сейчас уеду. И вам нужно уезжать. Я... — Она вдруг споткнулась и медленно стала оседать на пол. Фризе подхватил ее на руки и положил на диван. Теперь, он почувствовал, что Нину трясет. Ее лицо побелело, веки закрылись.

Несколько мгновений Фризе в растерянности стоял у дивана, пытаясь придумать, как помочь неожиданной гостье. Потом бросился на кухню, где в маленьком шкафчике с незапамятных времен хранились лекарства. Он нашел вату, открыл бутылку с нашатырем, но запах показался настолько противным, что Владимир тут же заткнул горлышко и, покачав головой, улыбнулся. Вернулся в комнату, достал из бара бутылку коньяка, налил почти поставкана и осторожно поднял Нине голову. Она открыла глаза и, увидев его улыбающимся, попыталась улыбнуться. Фризе поднес ей ко рту стакан. Преодолев дрожь, она выпила.

Фризе с удивлением смотрел, как краска возвращается к ее щекам. Он все еще непроизвольно улыбался. «Человеку плохо, а у меня рот до ушей», — подумал он. Осознав, что все еще держит бутылку в руке, Владимир снова плеснул коньяка в стакан. Внимательно посмотрел на Нину:

— Еще?

Она показала глазами, что у нее кружится голова. Фризе выпил коньяк и сказал:

— Теперь и у меня закружится.

Он принес из спальни подушку и одеяло. То, что его предположение не подтвердилось, доставило ему облегчение и радость. Он не стал задумываться почему. Сказал:

— Сейчас, мадам, я уложу вас поудобнее, укрою потеплее и послушаю.

Нина не сопротивлялась, когда он снимал с нее шубу и сапоги. Она уже не дрожала, руки опять стали теплыми.

— Со мной все в порядке. Я сейчас встану, — прошептала она, пока Владимир подкладывал ей под голову большую подушку. — Владимир Петрович, вам здесь оставаться нельзя. Надо уезжать.

— Нельзя оставаться на своей собственной даче? Объясните, сударыня.

— Садитесь сюда, — попросила Нина и показала на диван. — Мне свет прямо в глаза.

Фризе зажег настольную лампу, погасил люстру. Потом сел, куда она попросила — ей в ноги.

— И куда же мы с вами поедем, хмельные?

— Подумаешь! Я перед тем, как выехать, уже выпила для

храбрости. Владимир Петрович, они вас приговорили. Сегодня ночью нагрянут.— Она села, но тут же опустила голову на подушку. То ли переволновалась, то ли много выпила.

— Не бойся,— сказал Фризе как можно спокойнее. А сам лихорадочно перебирал варианты, как ему поступить. Приезд Нины спутал все его карты. Сегодня ему не нужны были свидетели!

— Мне нечего бояться! Я сейчас уеду. Они же за вами придут! Мне позвонила одна девчонка. Федорова.

— Сестра Федорова? — Фризе вспомнил подслушанный разговор о приеме работниками «Харона» поляков в фешенебельной сауне.

— Вы знаете? Это любовница Степанкова.

— Интересно. У них жены есть или только любовницы?

— Володя! — В голосе была мольба, и Фризе смутился. Это был запрещенный удар.— Она позвонила, напрашивалась в гости с ночевкой. Ну, знаете... С одним знакомым. И проболталась, что ее благоверный едет на разборку с прокурором на Николину гору.

— Да ты, голубушка, совсем пьяная. Далеко сможешь уехать?

— Правда, господин следователь, пьяная.— Нина прижалась к Владимиру, потерлась щекой о щеку.— Как я к тебе доехала? Страх Божий! А трезвая была бы еще на полпути. Собирайся!

— Не бойся, Серова. Я тебя спрячу — не найдут. Обещаю.

— Почему ты назвал меня Серовой? — насторожилась Нина и попыталась отодвинуться, но Фризе держал ее крепко.— Почему? Какие мы официальные! Всяк сверчок знай свой шесток?

— Ты же называешь меня «господин следователь».

— И правда! — простодушно и по-детски вырвалось у Нины. Она словно только сейчас вдумалась в смысл своих слов и прошептала: — Может, это любя? Володя, миленький, я так хочу иметь от тебя сына. Или дочь.

— Да мы же с тобой виделись всего два раза! — изумился Фризе.

— Может быть, у меня и жизнь началась с того момента, как я увидела тебя!

— И когда мы займемся решением этой проблемы? Прямо сейчас?

Нина вырвалась из его рук. Казалось, что хмель моментально испарился из ее красивой головы.

— Нечего смеяться! Не думай, что я такая пьяная и хочу затащить тебя в постель. Подумаешь! — Она осеклась и уже другим, спокойным тоном продолжала: — Помнишь, ты приехал ко мне домой? Спросил, почему мы с Уткиным семью не завели? Я тебе все наврала. Такой же он был, как и все остальные. Пьянь. Ласковая, но пьянь. Дня без выпивки не проходило. И мне рожать от него ребенка? Урода тупого? Побывала я однажды в детдоме для дефективных брошенных ребят! Бр-р. Я тебя в загс не потяну, на алименты не позарюсь. Я ребенка хочу, Володя! Здоровенького, умненького. Чтобы гены хорошие достались. Неужели непонятно?

Фризе смотрел на Нину ошеломленный, не зная, верить или нет. Нельзя сказать, что он не слышал о таких случаях: женщины хотели от мужчины только одного — здорового мальчика. Слышал, но не очень-то верил.

Нина засмеялась.

— Девчонки так устраиваются. Забеременела — и адью! Даже фамилии свои настоящие не называют. Мужики и рады — попользовался и гуляй. Ну и что? Противно на меня, на пьяную, смотреть? А мне казалось, ты на меня тоже глаз с первой встречи положил. На молодую вдову.

Фризе молча обнял ее, притянул к себе, почувствовал горячее дыхание и слезы. Ему было жалко ее и тревожно. Что, если ее приезд — хорошо разыгранный спектакль? Уж слишком броса-лась в глаза разница между самоуверенной, наглой красавицей, с которой он встречался неделю назад, и этой мягкой, покорной женщиной, примчавшейся спасти его. И эта фантастическая идея с ребенком? Бред. Может, все-таки... Красивая женщина многое может. В нужный момент подсыпать снотворного, а то и яду. Тихо. Без выстрелов. Без выламывания дверей.

Пес неслышно подошел к дивану, посмотрел умными немигающими глазами на Фризе, а ткнулся мордой в Нинины колени.

— Ах ты, изменник! — Владимир хотел погладить собаку, но Нина не отпустила его руку. Положила на грудь.

— Как ты узнала, где моя дача?

— Спросила у прохожих, где живет председатель поссовета. Четвертый встречный показал мне его дом. Председатель рассказал, как найти господина Фризе. Не удовлетворены, мой следователь?

Вместо ответа он поцеловал ее в щеку и тут же чуть не задохнулся от ее поцелуя.

— Нина! Ты же сказала, что надо сматываться! — оторвав от себя девушку, сказал Фризе. — Хочешь усыпить мою бдительность?

— Хочу! С тобой я никого не боюсь. У тебя есть пистолет?

— Есть, — на всякий случай сказал Владимир.

— Ну и хорошо, — спокойно сказала она, и Фризе почувствовал разочарование в ее голосе. Нина посмотрела на часы. — Десять! Эти подонки приедут под утро. У нас мало времени. — Она снова попыталась обнять Фризе, но он осторожно освободился из теплых настойчивых рук и поднялся с дивана.

— Полежи. Я загоню твою машину в гараж. Никто не догадается, что ты сюда приезжала.

— Пошли они все! Нельзя же всю жизнь дрожать?

— Где ключи от машины?

— В шубе.

Несколько минут он стоял, прислушиваясь. Пес спокойно пробежался по расчищенной дорожке, деловито пометил свои новые владения. Зарыл морду в снег, принялся. Где-то далеко про шумела электричка.

Владимир открыл гараж, загнал в него «Москвич». Наглухо — на стальную щеколду — задрал боковую дверь, ведущую из гаража в сад, включил сигнализацию и закрыл ворота. Торопливо забросал снегом следы колес. Свою машину он поставил вплотную к воротам гаража — пусть «гости» думают, что он просто поленился загнать ее в стойло.

Когда Фризе вернулся, Нина спала. Ее красивое лицо опять было бледным. На миг Владимиру показалось, что девушка не дышит. Он взял ее руку, чтобы послушать пульс. Ее большие чувственные губы тронула улыбка, наверное, ей снился хороший

добрый сон. Фризе пристально смотрел на Нину, ожидая, что она проснется, приоткроет глаза, притянет к себе, докажет, что все, о чем она говорила час назад, не просто желание подразнить и пустая бравада. Ему нестерпимо захотелось раздеть ее сонную, лечь рядом, обнять, защитить, спрятать от тех, кто может ее обидеть. «Сейчас я это и сделаю, только положу на место ключи...» Фризе не хотел беспокоить Нину раньше времени и, так как она набросила шубу на себя, он поискал глазами Нинину сумочку. Черная сумка лежала на журнальном столике, и Фризе раскрыл ее, чтобы опустить туда ключи. И застыл от неожиданности — из сумочки выглядывал большой тупорылый «кольт».

Фризе мысленно выругался и с недоумением взглянул на Нину. Она по-прежнему улыбалась во сне. Первой мыслью была мысль о предательстве. Владимир потянулся к оружию и тут же отдернул руку. Для какой бы цели Нина не принесла оружие — сегодня ночью «кольт» был здесь лишним. Он не вписывался в ту пьесу, которую Фризе задумал разыграть. Как не вписывалась и сама молодая гостья.

Владимир бросил ключи в сумочку. Осторожно, обернув руку носовым платком, проверил, заряжен ли револьвер. Кольт был в полной боевой готовности — снимки с предохранителя и пали.

Спокойно лежавший на ковре пес вскочил и с негромким злобным рычанием подбежал к двери на веранду. Фризе прислушался. Рядом с домом опять остановилась машина — гости зачастили в его тихий приют. Мягко и ровно работал мотор. У него не было сомнений в том, кто приехал. Оставалась минута, чтобы спрятать Нину. Звякнул телефон. Фризе поднял трубку: гудка не было. Гости не теряли времени даром — отключили связь. Значит, знали, где шел телефонный провод.

Владимир осторожно тронул женщину рукой, и она открыла глаза. Приложив палец к губам, он показал ей, чтобы поднималась. Судя по тому, как она быстро вскочила, Нина все поняла. Надела шубу, схватила с дивана шапку, подняла с пола сапоги. Тревожно посмотрела на Фризе. Он сделал успокоительный жест рукой и показал на лестницу. Нина оглянулась, увидела свою сумочку и вернулась за ней. Неслышно ступая, они поднялись на второй этаж. Действуя в темноте, наощупь, Фризе раздвинул дверцы одного из шкафов и показал Нине крошечный закуток под самым коньком крыши. Там можно было только сидеть или лежать на старом диване. Свет проникал из маленького круглого оконца. Зато люк в тайник закрывался изнутри большим ржавым запором. В тридцатые годы дед Фризе прятал в этом закутке своего двоюродного брата от топтунов Николая Ежова.

— В случае чего выберешься сама, — тихо сказал Фризе.

Внизу неистово лаял пес. Похоже, что у «гостей» были сведения, что собаки в доме нет, и они держали совет, как теперь поступить. Во всяком случае, дверь пока не ломали. Владимир отогнул край занавески. У самой калитки стояла машина «Скорой помощи», а по тропинке шли два человека. На крыльце уже кто-то стоял.

Внезапно по дому потянул сквознячок, повеяло морозным воздухом. «Открыли окно, — понял Владимир. — А я не услышал».

Немудрено было не услышать. Пес лаял как бешеный и вдруг

словно осекся, жалобно заскулил. Раздался негромкий хлопок — стреляли из пистолета с глушителем. Из-за лая собаки Фризе не услышал первого выстрела.

«Хотите воевать — повоюем», — прошептал Фризе. Достал из-за занавески двустволку. Патроны, лежавшие на подоконнике, положил в карман.

Один из бандитов, громко стуча ботинками, поднимался по лестнице. Фризе распахнул дверь. Грузный любитель баночного пива Михаил Чердынцев остановился на полпути и с гримасой боли рассматривал разодранную бедным псом ладонь. В другой руке он сжимал автомат Калашникова. Похоже, боль была нешуточной: Чердынцев со стоном стал слизывать с ладони кровь.

— Миша, вы не меня ищите? — негромко спросил Фризе. Это было бравадой, но он не мог стрелять первым. Его спасло только то, что Чердынцев поспешил: нажал на спуск, не перехватив автомат второй рукой — очередь прошла мимо. Пули расщепили балясины лестничных перил. Между ними было метра три, и Владимир выстрелил из одного ствола.

Ерохин спешит на помощь

Около девяти вечера Ерохину позвонил майор Покрижичинский. Говорил очень тихо, нервничал.

— У наших общих друзей переполох, — прошептал он в трубку.

— У каких? — не понял Ерохин.

— У общих. У наших, — брызгал майор шипящими. — Твоих, моих, Фризе.

— «Харон»?

— Наконец врубился. По старой памяти один мой человек стукнул. Сказал, что сегодня серьезное дело затевается. Все боевики участвуют.

— Где, с кем?

— Он не знает. Догадался по намекам.

— Чего, чего? Не расслышал! Говори по слогам.

— Иди ты! У меня времени в обрез. Ты своему длинному скажи. Он поехал на дачу.

— Точнее бы узнать, Женя. Ты мне своего агента передать не можешь?

— Не могу. Это женщина. Трусиха. Ну, будь здоров!

Звонок встревожил старшего оперуполномоченного. Что означает сбор боевиков? Разборку с соперниками? Может, просто большое застолье? Нет. Если бы так, женщина не подняла бы панику. Она наверняка работает в «Хароне».

Он позвонил Фризе на дачу. Телефон молчал. Позвонил домой. Тягучие длинные гудки. Набрал номер Берты — тот же результат. Пока он сидел и раздумывал, что бы еще предпринять, заверещал его телефон. Почему-то возникло чувство, что сейчас он услышит голос Владимира.

— Да!

Трубка молчала.

— Не надоело молчать? — Он прислушивался минуты две. Если бы абонент не мог соединиться, он давно повесил бы трубку и перезвонил. Но на другом конце провода молча выжидали.

Ерохин со злостью бросил трубку, благо у него был старый основательный аппарат. Больше никаких звонков не последовало.

«Чего еще потребовалось ему писать?! — раздраженно думал Ерохин. — Ведь пошел в прокуратуру не с пустыми руками, а с подробной запиской по делу». Он стал вспоминать эпизоды дела и не смог придумать ничего, что не попало бы в эту записку. Фризе все делал основательно и пунктуально. «Педант чертов! — выругался Ерохин. — Решил все переписать?» У него в голове шевельнулось подозрение, что Владимир придумал какой-то хитрый ход. Но какие могут быть хитрости, когда он отстранен от дела?

...Пока Ерохин добрался до гаража, расположенного за тридевять земель от дома, пока завел свой старенький «Москвич», часы показали полночь. Он гнал машину, не обращая внимания на скользкую дорогу и светофоры.

За городом, на местном шоссе, пришлось сбавить скорость — дорога напоминала ледяное поле для хоккея. Дорожные указатели попадались редко, и Ерохин ориентировался с трудом. Въехав в поселок, он остановился у крутого спуска к реке, рядом с большим ярко освещенным домом — хотел спросить у хозяев, как проехать к Лесной улице. Едва он выключил мотор и открыл дверцу, как услышал выстрелы, даже автоматную очередь. Пальба велась совсем рядом, в стороне, куда вела дорога. Он повернул ключ зажигания, нажал на газ. Машина рванулась, колеса пробуксовали на ледяном асфальте. Ерохин с трудом справился с рулевым управлением. Еще несколько метров — и машину понесло бы под гору, на мост.

— Дьявол! — выругался майор, почувствовав, что покрылся потом, и в это время увидел, как с горы по другую сторону реки несется навстречу ему машина, прорезав темноту яркими фарами. Оставались секунды, чтобы освободить дорогу. Ерохин осторожно дал задний ход, открывая проезд, но он уже никому не понадобился. Встречная машина, не сбавляя скорости, вылетела на мост, с оглушительным ударом врезалась в высокий поребрик пешеходной дорожки, встала на дыбы — Ерохину показалось, что она сейчас вернется в прежнее положение — и, ломая перила, опрокинулась в реку. Когда он подбежал к месту катастрофы, в глубине маслянистых темных вод виднелось слабое свечение.

Выстрел из «кольта»

— Мне одно непонятно: кто застрелил этого бугая? — Следователь Васильков из областной прокуратуры кивком головы показал на труп, с которым возился судмедэксперт. — Неужели свои? Случайно?

— Мое табельное оружие в сейфе, — сказал Фризе. — Прошу позвонить в прокуратуру, пусть проверят.

— Ну что ж, для меня и для тебя это будет нелишним. Дружба дружбой...

С Васильковым Фризе был знаком несколько лет. Однажды оба выступали на научно-практической конференции, слегка попикировались, спор продолжили в кулуарах, потом дома у Ва-

силькова. Не часто, но не меньше двух раз в год, они встречались. И вот теперь Васильков приехал с оперативной группой из Москвы. Следователь районной прокуратуры, первым заявившийся на место происшествия, решил, что пять трупов заслуживают особого внимания, и позвонил в областную прокуратуру. Сейчас он сидел за письменным столом и писал протокол.

— Впрочем, это формальность, — неожиданно улыбнулся Васильков. Немного болезненное его лицо словно освещалось изнутри, но такое случалось с ним редко. Обычно Васильков был хмур и озабочен, а если и радовался чему-то, улыбались только глаза.

— Пулю мы нашли. К вечеру будем знать, из чего стреляли. Я думаю, «кольт». Главное, Володя, ты цел и невредим! — Васильков снова улыбнулся. — Ну и Мамаево побоище ты устроил!

— Одного. — Фризе поднял палец. Упоминание о «кольте» неприятно поразило его. — Одного я застрелил, когда он пустил в меня очередь из автомата. И одного, — он снова поднял палец, — ранил в ногу. Стрелял только из ружья. Охотничий билет и разрешение на него храню дома. Предъявлю по первому требованию.

Судмедэксперт поднял голову:

— Тот, которому вы всадили заряд в ногу, оказался с кардиостимулятором, а умер от перелома шейных позвонков.

— Документы при нем были? — быстро спросил Фризе.

— Да, — отозвался следователь. Он взял из стопки документов паспорт и раскрыл его. — Долгинец Эдуард Львович.

— Долгинец? — удивился Фризе. — Ну-ка, ну-ка. — Он подошел к следователю. Тот протянул ему паспорт. Владимир взглянул на фотографию, и смешанное чувство горечи и удовлетворения охватило его: — Степанков. Разыскиваю две недели. Такие люди его в институте кардиологии на ноги ставили! И поставили! — Он швырнул на стол паспорт.

— Значит, фальшивка. — Следователь вытащил из кармана большую лупу и нацелился на фотографию.

— Володя, почему они взяли твою машину? — спросил Васильков.

— Да вы взгляните, что осталось от их кареты, — не отрываясь от лупы, весело отозвался следователь. — Товарищ Фризе разделал их «скорую», как бог черепаху.

— Из этого? — спросил Васильков, показывая на карабин, стоявший у книжного шкафа рядом с дустволкой

— Из того. Докладываю: зарегистрирован в ГУВД. Вписан в охотничий билет.

— Приятно иметь дело с законопослушным гражданином, — усмехнулся Васильков. Что-то в его тоне не понравилось Фризе. — А чего ради ты на их машину ополчился?

Фризе обвел глазами кабинет. Два окна с выбитыми стеклами на скорую руку были занавешены одеялами, стекла в книжных шкафах разбиты, книги прошиты очередями из автоматов. Васильков проследил за его взглядом и воздержался от комментариев. Он ждал ответа.

— Мне не хотелось, чтобы они смылись. Надеялся, что милиция быстро приедет.

— Да, один против пяти... — Васильков наморщил лоб. — Не великие храбрецы, а? Ты же мог достать из карабина?

Фризе молчал. Он надеялся, что коллега догадается: не самое приятное ощущение — всаживать пули в живую плоть.

— Ты хоть страховал «жигуль»?

— Конечно. В новом агентстве. На кругленькую сумму. Не забудь, чтобы после экспертизы мне вернули останки. Для предъявления страховой компании.

— Какая экспертиза? — отмахнулся Васильков. — На шоссе такой гололед! Ты как считаешь, Леонид Иванович?

— С машиной все ясно, — подтвердил местный следователь. — Если бы они лучше знали дорогу да не гнали так... А тут махнули с горы и даже не пытались притормаживать. О чем мне экспертов спрашивать?

Когда под утро Фризе проводил следователей и заглянул в тайник под крышей, он был пуст. Когда успела гостя улизнуть? Наверное, пока Владимир вместе со следственной бригадой стоял на мосту и следил, как водолазы и пожарники доставали со дна реки «Жигули» с мертвыми бандитами. «Москвич» Серовой стоял в гараже. «Как же лапушка добиралась до станции? — с тревогой подумал Фризе. — Одна, ночью! В дорогой шубе!» И тут же вспомнил про «кольт». «А ведь это Нина уложила Селюрину из своей машинки», — подумал он. Селюрин был самым крупным мужчиной среди нападавших. И, по словам Василькова, уже год находился в розыске за убийство и рэкет.

Он пришел на службу расстроенный. Погибшие в реке «боевики» его доконали. То, что трое из них попали в воду уже мертвыми, было слабым утешением. И радость на Петровке, 38, — Чердынцев, он же Семенов, он же Славин — убийца и грабитель, находился шесть лет в розыске, а еще у одного боевика, Гондадзе, нашли в кармане пистолет, из которого убили часового, охранявшего склад с оружием в Краснодаре, — эта естественная радость розыскников не добавила оптимизма Владимиру.

В двери торчала записка. Фризе развернул ее. «Я у Гапочки», — уведомлял Ерохин. Не заходя к себе, Владимир толкнул дверь напротив. Гапочка и Ерохин пили чай.

— Продался за чечевичную похлебку? — усмехнулся Фризе, присаживаясь на колченогий пыльный стул. — А я тебя, между прочим, натуральным кофе поил, а не жидким чаем.

— Чай-то жасминовый, — извиняющимся тоном сказал Дима. — Слава из командировки привез.

— Тебе не предлагаю, — проинформировал Гапочка. — Знаю, что супермены с утра только крепкими напитками балуются. Да и чашки третьей нет.

— Что, попьете чай, и начнем с Богом?

— Нет, не начнем. Ты кашу заварил — ты ее и расхлебывай.

— Приказ начальства разве нынче не закон для подчиненных?

— С такими подчиненными никакое начальство не справится, — поддел старший оперуполномоченный.

— А у вас справляется? Теперь, наверное, во всех районных управлениях начальники геологи? Или ботаники? — обернувшись к Фризе, сказал Гапочка. — Шеф меня сегодня поднял ни свет ни заря, сообщил, что дело остается за тобой. Ты его знаешь, у него семь пятниц на неделе. — Подумав, добавил: — Насколько мне известно, теперь это дело само собой угаснет. «Харон» ты

разорил под корень. Кого привлекать к ответственности? «Иных уж нет, а те далече».

Фризе встал и с неудовольствием посмотрел на свою модную куртку — она была в пыли. Сказал:

— У тебя, Слава, в школе хорошая учительница литературы была. Классиков без ошибок цитируешь. А по части логики... Ведь я с чего начал расследование, к тому и пришел. Ни на сантиметр не продвинулся.

Гапочка удивленно посмотрел на Ерохина:

— Что с твоим приятелем? Сильный жар?

— Володя, ты что? Правда, не здоровится? Такую банду накрыли...

— Это все побочные результаты. С чего началось? С убийства санитар-водителя Уткина. Кто и почему его отравил? Я не знаю. А ты, доблестный розыскник?

Ерохин пожал плечами.

— Что-то они не поделили между собой. Теперь уж не узнаешь. Помнишь отравление грибами?! Такой же «глухарь».

— Думаешь, нынче все спешится? Нет, дружок. Николай Уткин выпил чужое пиво. Это тебе должно быть ясно. Я смутно догадывался с самого начала. И один настырный писатель меня удивленно к этой мысли подталкивал. Не впрямую, нет. Просто говорил, что Маврина убили, и намекал — за что.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил Ерохин Гапочку.

— Ничегошеньки.

— А тут еще меня зашახовали, машину украли, в квартиру залезли, в Переделкине замочить хотели. — Он театральным жестом схватился за голову: — Ой, ой, бедный Володичка! Бессонница, еда всухомятку, шеф достает...

— ...связи со случайными женщинами, — тихо добавил Ерохин.

Фризе осекся. Подозрительно посмотрел на товарища.

— Извини! Голова кругом. Вместо того, чтобы крепко задуматься, я стал быстро бегать. Скорее, скорее! К одному свидетелю, к другому.

— Ходилки длинные, — не удержался Ерохин.

— Кончай ты подъялдыкивать! — заорал Фризе. — Я перед вами стриптизом занимаюсь, а вы как два идиота!

— Нэ волнуйтесь, товарищ Фризе, — голосом Сталина произнес Гапочка. — Мы вас в обиду нэ дадим!

Фризе не выдержал и улыбнулся. Сказал виновато:

— Ребята, засуетился я, что и говорить. Кинулся в аферы. Стрельба, то да сё. Вот Ниро Вульф все распутывал, не выходя из дома.

— И гладиолусы успевавал выращивать, — вставил Гапочка.

— Орхидеи.

— Если честно, Володя, — сказал Гапочка, — я тебя не совсем понимаю. Прошла неделя с того дня, как ты завел дело об убийстве Уткина. За это время наворочал — дай Боже! Нечего заниматься самокритикой. Дима прав — обезврежена целая банда.

— Суетился я, суетился! За событиями шел. Если бы всерьез вел поиск того, кто отравил пиво, раскрыл дело.

Гапочка смотрел на Фризе с сомнением.

— Да! Систематично, без лишнего шума и выстрелов. Тогда бы и депутат Грачев не разгуливал по Женеве, а сидел в «Матросской Тишине» и кололся на тему, куда утекали миллиарды. Ведь жмурики — это ширма!

— Вот ты о чем! — понимающе кивнул Гапочка. — Да тебе бы Моссовет не дал санкции на арест.

— Не дураки же там сидят! Я бы им доказательства в зубы. И не вопил бы Грачев из Женевы, что я взяточник. Сидя в Москве, побоялся обвинения в клевете.

— В женеvский суд обратись, — усмехнулся Ерохин.

— Сделаю, — серьезно ответил Фризе. — Найду хорошего международного юриста, составлю бумагу. А теперь, милый мой майор Дима, нам с тобой предстоит...

Резко зазвонил телефон. Гапочка снял трубку и сказал отрывисто:

— Здесь совещание.

— Я подумал, — уточнил Фризе, — это, Дима, предстоит не нам, а тебе. Записывай.

Ерохин взял со стола лист бумаги, достал авторучку.

— Первое — банки с пивом. На каждой полно цифр. Сравни отравленную, одну из тех, что изъяли у Чердынцева и у вдовы Маврина. Там ведь должен быть номер партии и срок годности. По-моему, кооператоры продают залежалое пиво. Я где-то читал. А в «Березке» свежее. Второе — выясни, кто из гостей Маврина имеет возможность покупать в валютке? Из тех, кто приходил на юбилей.

Ерохин хотел возразить, но Фризе продолжал:

— Постарайся узнать, кого издают за границу, у кого счет во Внешэкономбанке. Узнай, как покупал пиво сам Маврин. Он это тайком от жены делал, и я не сомневаюсь, что такие классики сами по магазинам не бегают. Даже по валютным. Значит, поручал кому-то. Потом мы с тобой сядем рядком и поговорим ладком о том, кто мог старику это пиво подсунуть? Будем думать, а не бегать. Время стрельбы закончилось.

— Блажен кто верует, — вернул Гапочка.

Фризе, излив душу и выпустив пары, отбыл в свой кабинет, майор отправился вслед за ним. В комнату он не зашел, встал на пороге.

— Кофе поить тебя не буду, — сообщил Владимир.

— Старик, ты и правда думаешь, что нужен весь этот твист вокруг пива?

— Я тебе поручал когда-нибудь заниматься глупостями?

— Бывало.

— Да зайди ты наконец в кабинет! Посиди пять минут.

— Если я сяду, то надолго, — вздохнул майор. Он был на удивление меланхоличным. «Выпили мы вчера много!» — решил Владимир и сказал:

— Не считай это мелочевкой, Дмитрий. Я тебе со стопроцентной гарантией могу предсказать результаты. Но нам не мои прогнозы нужны, а задокументированные факты.

Когда Ерохин ушел, Фризе достал список гостей на юбилей покойного Маврина и выписал повестки первым пяти. Это были критик Борисов, детективщик Огородников, абхазский прозаик с постоянной московской пропиской Убилава и два поэта — Лис и Двужильный. Повестки Владимир решил послать с курьером,

чтобы уже завтра иметь возможность допросить этих людей.

В тот же день вечером ему позвонил Ерохин. Несмотря на минорное настроение, он хорошо поработал. Срок годности пива, которым баловался Чердынцев, был просрочен чуть ли не на год. Ныне покойный гангстер сильно подрывал свое здоровье пивными консервантами. А вот Маврин пил свежее пиво — «Березка» — подводила своих клиентов. Банка «Туборга», которым отравился Уткин, тоже была из «Березки», но партии оказались разные — разные серийные номера и сроки годности.

— Что и следовало ожидать, — сказал Фризе. — Теперь следует вычислить, как эта банка попала в дом классика. Но умер он, не прикоснувшись к ней. Зато Уткин выпил банку до дна. — Фризе подумал о Нине. Ее «Москвич» все еще стоял в гараже на даче. А сама Нина разгуливала по городу с кольтom в сумочке. Владимир был в этом уверен, хоть она и пообещала выбросить оружие в Москву-реку.

— Выходит, что Огородников прав?

— Отчасти. Маврина хотели отправить на тот свет, но совсем по другим соображениям.

— Больше всего издают за границей поэта Двужильного, — продолжал майор, — но говорят, он очень жадный и из-за доллара застрелится. А банка пива стоит без малого доллар. Счета во Внешторгбанке у Огородникова и у Борисова. Убилава без счета эскавз имеет. Кроме того, Володя, разве доллары сейчас проблема? Любая шпана купить может.

— Любая шпана всегда валюту имела.

— Тогда записывай. — И майор продиктовал десятка два фамилий. В списке были писатели и художники, актеры, один генерал, несколько человек из российской и московской администрации. Владимир сравнил этот список с тем, что дала ему Алина Максимовна. Не имел валютного счета во Внешторгбанке только поэт по фамилии Лис.

Пора ли ставить точку?

К двум часам Фризе вызвали в прокуратуру. Огромное здание на Пушкинской еще несколько месяцев назад принадлежало Союзной прокуратуре и теперь сменило хозяина. За Российской прокуратурой остался и старый дом. Поговаривали, что начальство на этом не хочет останавливаться и просит у мэрии еще одно здание. Владимир не переставал удивляться, как мало заботятся новые власти о своем престиже — взять хотя бы свистопляску с помещениями. Был огромный дворец на Красной Пресне. Все там размещались: и Верховный Совет, и правительство. Теперь прихватили Кремль, целый город на Старой площади, где сидели цекисты. Мэрия отхватила здание СЭВ. В Ленинграде Собчак сидит в Смольном, в кабинете Романова. Люди, что, слепые и глухие? Отдали бы Смольный под гостиницу, заколачивали валюту. В конце концов продали бы иностранцам. Нет! Все гребут под себя. Шесть лет гудели в парламенте и на всех перекрестках о привилегиях. Будущий президент записался в районную поликлинику, ездил на «Жигулях». А теперь?

Владимир поморщился. Невеселые мысли, возникшие, пока он шагал по ковровой дорожке длинного коридора, выписывая нуж-

ный кабинет, настроили его враждебно и по отношению к хозяину кабинета. Незнакомому ему следователю Мишину В. Т.

В большой светлой комнате Мишин находился в одиночестве. Имелся, правда, еще один стол, но, как определил Фризе, — необитаемый. Увидев входящего, хозяин поднялся ему навстречу. Его рукопожатие было дружеским.

Мишин был приблизительно тех же лет, что и Фризе, может быть, на год-два старше. Невысокий, стройный, волосы тщательно уложены на пробор. В комнате витал легкий запах хорошего одеколона. «Здесь за собой следят», — подумал Фризе не без удовольствия. Он любил, когда люди хорошо вымыты и опрятны.

— Вилен Тимофеевич.

— Владимир Петрович.

Мишин показал на стул возле маленького столика-приставки. Извинился:

— А мне придется вернуться на рабочее место. Больно много бумаг скопилось по делу «Харона». Ну и названиями они себе придумали!

— Да, не откажешь в остроумии.

Мишин постучал кончиками пальцев по столешнице, будто собирался с мыслями.

— Владимир Петрович, ваша докладная записка у Генерального. Вот ведь коловращение жизни?! Из реки достали. Можно сказать, из мертвых рук бандита.

Фризе молчал. Он подумал было, что следователь — обыкновенный любитель поболтать, но, взглянув в глаза, увидел, что взгляд у него жесткий и холодный. Значит, идет «пристрелка».

— Можно на «ты», Володя? Так проще.

— Почему нет? Давай на «ты».

По тому, как произвольно дернулись у следователя губы, Фризе понял, что предложение касалось только одной из договаривающихся сторон.

— Кстати, ты в партии состоял?

— В какой? — решил поиграть Владимир.

— В той самой.

— Нет. Не состоял, не привлекался, не женат и даже не выезжал дальше Золотых песков. Ведь перед тобой мое личное дело. — Он заметил, как Мишин открыл знакомую папку.

— Решил перепроверить, — улыбнулся Мишин. — Уж больно непривычно — следователь прокуратуры и никогда в партии не состоял.

— Состоял бы — сидел на месте твоего шефа. А если бы писал книги по научному коммунизму, то на месте Бурбулиса.

— А что тебе Бурбулис? — Глаза следователя насторожились. — Толковый мужик.

— Может быть, — согласился Фризе. — Его собаки, наверное, не любят.

На лице Мишина застыл незаданный вопрос.

— Голос у него скрипучий. Людей с таким голосом собаки не любят и кусают, — разъярил Фризе. И подумал: «Он меня небось за идиота принял».

— Фризе, Фризе... Странная фамилия. Ты еврей или немец?

— Русский.

Мишин неожиданно громко рассмеялся:

— Как Жириновский. Мама украинка, папа — юрист.

— Нет, Вилен. Если тебя интересуют детали — фамилия немецкая. Мои предки — обрусевшие немцы, породнившиеся со многими русскими дворянскими фамилиями. В Петербурге, на Васильевском острове, владели домами. И в Москве. Мать у меня русская. Отец — на три четверти немец. Дальше в генеалогию залезать?

— Нет, нет! — Мишин поднял руки. — Вижу, белая косточка. Давайте, Владимир Петрович, займемся теперь материями менее приятными.

На панибратстве был поставлен крест.

— Шеф, естественно, потребует от вас подробные объяснения по фактам, изложенным в докладной записке... — начал Фризе, но следователь остановил его.

— Позвольте закончить. Все, что касается «Харона», предельно ясно. Последние события поставили точку. Но вы еще и бросаете тень на руководство мэрии, обвиняя их в коррупции.

— Не обвиняю. Вы же читали мою записку. Суд определит...

— Возбуждать уголовное дело против популярных политических руководителей?! Без достаточных оснований! Их и без того задержали. Дело дошло до того, что люди подают в отставку.

— Уходя — уходи, — буркнул Фризе.

— Что, что? — не расслышал, а может быть, и не понял Мишин.

— Я говорю: не красны девицы! Уж лучше один раз суд, чем терпеть газетные наскоки да пересуды в очередях. Суд вынесет вердикт — невиновны. И все заткнутся.

Мишин хотел возразить, но Владимир ринулся во все тяжкие:

— Как вы расцениваете признание мэра о том, что сам он дает некие суммы за услуги, но его всегда мучает гамлетовский вопрос: сколько дать. У нас что, отменена статья о даче взятки? А когда я пытаюсь разворошить муравейник, прокурор отстраняет меня от следствия!

— Прокурор арестован, — тихо сказал Мишин и почему-то посмотрел на часы.

— Арестован?!

— В записной книжке Чердынцева найдены телефоны Олега Михайловича, записи о том, когда и сколько денег он получил от малого предприятия «Харон».

— Но это могла быть провокация! — Фризе хоть и зол был на шефа, но поверить в его предательство не мог. — Мало ли чего понапишут мафиози в своих записных книжках!

— Владимир Петрович, Чердынцев же не подставил свою голову под вашу пулю, только ради того, чтобы скомпрометировать районного прокурора?!

— Да. Но трудно поверить.

— Может, это вы подсуеятились? Пока суд да дело — вписали несколько строчек в книжку? Шучу, шучу. Мы все проверили. Почерк Чердынцева, записям не меньше месяца. В этой записной книжке такого понаписано! И все пока сходится. А главное — в директорском сейфе нашли ведомость на выплаты за консультация. И там ваш бывший шеф приложился собственной ручкой.

Фризе молчал, подавленный.

— Вы даже не спрашиваете, сколько платили в «Хароне» за

консультации? Сто тринадцать тысяч. — Несколько секунд следователь пристально смотрел на Владимира, затем спросил:

— Впечатляет, коллега? Одного не пойму — почему еще и тринадцать? И спросить не у кого. Ведь среди тех, кого вы угробили, был и бухгалтер.

— Вилен Тимофеевич, я застрелил только Чердынцева. В порядке самообороны. Вы читали протокол осмотра места происшествия? Сколько пуль он в меня выпустил?

— Много. — Фризе уловил в голосе собеседника нотку разочарования. — Длинную очередь. Странно, что с такого близкого расстояния и промахнулся. А на автомате ваших пальчиков нет.

Владимир рассмеялся невеселым смехом:

— Вы искали? А ведь я мог и схватить автомат! Ко мне вломился не один Чердынец.

— Почему же не схватили? — быстро спросил Мишин. — Почему?

— Нагнулся бы, секунду промедлил — получил пару дыр в голове.

— Да. Наверное. А ля гер ком, а ля гер. А второй убитый? В саду? — Мишин заглянул в лежащие перед ним бумаги. — Селюрин, водитель-санитар. Убит двумя пулями из револьвера. В спину.

Заметив, что Фризе смотрит на него с недоброй усмешкой, Мишин свел брови к переносице:

— Напрасно так смотрите на меня. Вы наш! Работник прокуратуры. А жена Цезаря... Помните? Я ведь хочу снять все заморочки, проработать версии. Обижаться нечего.

«Вот и прорвался в тебе, Вилен, аппаратчик, — подумал Фризе. — Лексикон что надо. И ни латынь, ни французский не спасут».

— С револьвером, ладно. Разобрались. С ним «наследили» еще два года назад в Ростове. Убийство и тяжелое ранение. Выходит, здесь кто-то из своих «промахнулся». Но оружия так и не нашли! Выбросили по дороге в снег?

— А в реке?

— Искали. — Мишин откинулся на спинку кресла, потянулся. — Ладно. Будем искать. Главное — вы здесь чисты как стеклышко. А вот с машиной, с вашими «Жигулями», есть загадки.

Владимир давно ждал вопроса о машине. Значит, экспертизу все-таки провели. Это у Василькова все просто получалось. У него предвзятости не было.

— Загадки есть, — спокойно сказал Фризе. — А вот «Жигулей» нет.

— Получите хорошую страховку. Вы как в воду глядели — перестраховали машину на более крупную сумму, как раз накануне несчастья.

Фризе опять стало смешно. Он не сдержался, рассмеялся, но теперь без всякой злости, и подумал: «Опять мне придется разочаровать коллегу».

— Ведь это не я повысил цены на машины, Вилен Тимофеевич, а правительство. Что было делать? — Настал удобный момент упомянуть про угон. Фризе лихорадочно соображал: сказать или еще поиграть? Пожалуй, сказать сразу вышло бы естественнее.

— Вы, наверное, знаете, неделю назад мою машину угнали.
— Угнали? — Мишин искренне удивился, и Владимир пове-
рил, что про угон следователь ничего не знал. Капкан опять не
сработал.

— Мало того, что угнали. На моих «Жигулях» в Переделкино
приехал бандюга, собиравшийся меня убить. Вот уж где Гене-
ральная прокуратура должна была бы разобраться! — Фризе
повысил голос. — На меня нападает громила с пистолетом и но-
жом, при мне оружие изымается со всеми предосторожностями
работниками милиции, а потом оказывается, что на нем нет ни
одного отпечатка.

— Перчатки?

— Никаких перчаток! Их просто стерли, эти отпечатки.
А труп исчез из морга.

— Вы об этом написали в своей записке. Виновные будут
наказаны, — вяло бросил Мишин. Чувствовалось, что думает он
сейчас совсем о другом.

— Да ведь столько времени прошло, никто даже не чухнулся!
Одно должностное преступление за другим!

— Володя, давайте минут на пять прервемся.

— Пожалуйста.

— Всего несколько минут. Я вас позову.

Фризе стоял у окна в коридоре и смотрел во двор, на проход-
ную.

Дальше за проходной, на Пушкинской улице, бурлил темный
поток прохожих, цеплявшийся за выстроившихся шпалерами
торговцев, словно за камни на перекате. Владимир подумал
о своем шефе. Прокурор — мафиози — это сейчас мало кого
удивит. А вот мафиози — Олег Михайлович — это страшно.

От невеселых мыслей Фризе отвлек голос следователя. Мишин
закрывал двери кабинета.

— Владимир Петрович, меня неожиданно вызвало руковод-
ство. Сказали, ненадолго. Может быть, зайдете пока в буфет,
перекусите? Через полчаса мы снова встретимся.

— Может быть.

Есть Владимиру совсем не хотелось. Он спустился вниз, оделся
и вышел на Пушкинскую. С первого попавшегося автомата
позвонил в приемную. Маргариты на месте не оказалось —
трубку взял сам Олег Михайлович.

— Слушаю вас? — Голос у него был спокойный и властный.
Фризе повесил трубку. «Что за чертовщина?! На месте! А как же
сто тринадцать тысяч? Телефоны в записных книжках боевиков
«Харона»! Того ли шефа имел в виду Мишин? Может, он спутал,
в какой прокуратуре я служу? Может, сболтнул раньше времени?
Недаром поглядывал на часы. Но если только Мишин говорил об
Олеге Михайловиче и произошла какая-то осечка, ему, Фризе,
несдобровать! С такой информацией его не отпустят. Только не
в бега же пускаться, как дед когда-то! Владимир медленно
побрел в прокуратуру.

Мишин уже вернулся, расхаживал из угла в угол, и взгляд
у него был растерянный.

— Очень хорошо! — сказал он, садясь за стол. — Я уже забес-
покоился — пропал мой собеседник.

Владимир взглянул на часы: он отсутствовал тридцать минут.

— Как было приказано, явился точно через полчаса.

— Скажу вам со всей откровенностью — мы провели техническую экспертизу вашей машины. Причина аварии — подпиленные рулевые тяги. То, что этот майор из уголовного розыска, — Мишин заглянул в бумажку, — Ерохин в показаниях выставил себя чуть ли не героем — еще бы, на таран шел — не более, чем блеф. Так вот: рулевые тяги! — Он задумался на несколько секунд, словно потерял нить разговора.

— Подпилены, — тихо подсказал Фризе. Мишин посмотрел на него долгим взглядом. Владимир приготовился услышать резкость, но у Мишина хватило выдержки. Сдержался. «Молодец, — мысленно похвалил его Фризе. — А меня, дурака, все шутить тянет».

— Да, рулевые тяги подпилены, и у нас было подозрение, что это сделали вы. — Он посмотрел на Фризе, словно ожидал возражений. — Многое на это указывало: вы не загнали машину в гараж, хотя всегда это делаете; вы стреляли в «Скорую», на которой приехали бандиты, вместо того, чтобы стрелять в самих бандитов.

— Я стреляю в людей только тогда, когда угрожают моей жизни.

— Вы перестраховали «Жигули» на крупную сумму. — Заметив протестующий жест Владимира, Мишин остановил его: — Знаю! Правительство виновато! Но когда все выстраивается в ряд — зрелище впечатляет. Скажу вам со всей откровенностью...

«Ну вот, опять со всей откровенностью!» — подумал Владимир.

— Мы поддались магии фактов. Но угон ваших «Жигулей» от прокуратуры, их появление в Переделкине заставляет на все посмотреть иначе.

«Фантастика! — подумал Фризе. — Он способен на искренность?»

И, улыбнувшись широко и чуть-чуть сконфуженно — он умел так располагать к себе людей, — сказал:

— Вилен, пошли ты ее всю к дьяволу, эту магию! Постарайся ответить только на один вопрос: меня эти похоронщики телеграммой известили о своем прибытии? Чтобы я приготовился как следует к их визиту? Тяги подпилил?! На этот вопрос ответишь — все остальные сами собой отпадут.

— Умный человек видит на два хода вперед, — сказал Мишин и улыбнулся. — А ты — умный. А вот я сглупил.

— Не переживай. Я не проговорюсь. Даже любимой девушке не расскажу. И шеф ни сном ни духом не почувствует, что я знаю.

— Догадался?

— Да просто позвонил в приемную, а он снял трубку.

— Я могу не докладывать про свою оплошность?

— Со всей откровенностью скажу — да.

Они оба рассмеялись.

Мишин пересел к маленькому столу. Лицом к лицу с Фризе.

— Понимаешь, подсчитали, что сейчас не время — правые сразу уцепятся. Шумиха в прессе. Да и в Законе не сказано, что прокурор не имеет права быть консультантом.

— Ш-ш-ш, приехали! — засмеялся Фризе.

— Ладно, ворошиловский стрелок! Я думаю, твоя записка

пришлась ко времени — готовится указ президента о коррупции. Понимаешь?

— Напрягусь, может, и пойму.

Мишин вдруг вернулся к старой теме. Как у него крутились мысли в голове, какие совершали обороты, понять было трудно:

— Если тормозные тяги подпилили ребята из «Харона», то какого черта они решились ехать на твоих «Жигулях»?

— Отсутствие информации.

— Не понимаю. — Похоже было, что Мишин эти слова воспринял как шутку и собрался обидеться.

— Не всем же скопом они курочили тормоза! Кто-то один, и его могло уже не быть в живых.

— Чердынцев?

— Не обязательно. Погиб же их санитар Уткин от пива, которое они подсунули Маврину?! Каждый из них знал только то, что ему положено. Не больше. А о чем-то — лишь сам начальник. Тот, что обосновался теперь в Женеве. Народный депутат. Не все его приказы в коридорах вывешивали.

— На все у тебя есть ответ. А может быть, они просто рискнули? Решили, раз уж ты едешь, значит, отремонтировался.

— Молодец, соображаешь, — похвалил Фризе. — Ты что предпочитаешь: водку, коньяк, виски?

— Я люблю шампанское, — мечтательно произнес Мишин. — Полусладкое.

— За мной не пропадет. Как обзаведусь новым автомобилем, приглашу тебя на дачу. На ту самую. А пока спи спокойно.

Допросы

— Владимир Петрови! Наконец-то вы вспомнили обо мне! — с порога проворковал Огородников. — Я уже чего только не передумал?! Почему меня держит на расстоянии мой молодой друг?

— Все в бегах, Герман Степанович. Текучка заела. — Фризе подстроился под ласково-развязный тон писателя. — Присаживайтесь рядком.

— Да поговорим ладком? — усмехнулся Огородников. — Ладком бы вздумали поговорить, не присылали повестку. Не думал, что, написав столько книг во славу прокуроров и милиционеров, начну получать официальные повестки. Разговор будет под протокол?

— Под протокол. А за повестку извините. Технические службы подвели, — соврал Фризе не моргнув глазом.

— Да уж! Два слова по телефону — и лауреат премий МВД мгновенно предстал бы перед вами. И какова же у нас тема разговора? — Последнюю фразу Огородников произнес деловым, жестким тоном. От его сладкоголосицы и след простыл.

— Тема — баночное пиво. Разных марок, но предпочтительнее «Туборг». Я включаю микрофон?

Огородников согласно кивнул.

— Пиво люблю, но жарким летним днем. Зимой равнодушен. И, кстати, хочу предостеречь: баночное пиво — штука вредная. Очень много консервантов.

— А покойный Маврин как относился к пиву?

— С большим одобрением. Но супруга на пиво наложила табу.— Он задумался и довольно долго молчал. Выражение лица, взгляд писателя наглядно демонстрировали напряженную работу мысли. Фризе показалось, что эта мимическая сценка разыграна для него.— Значит, возвращаемся на круги свой? Отравили-таки старого классика. И судя по теме нашего разговора — пивом? Я вас правильно понял?

— Герман Степанович, постарайтесь вспомнить: на юбилее Маврина вы видели пиво? Не обязательно за столом. Где-нибудь? Или слышали разговоры о пиве?

— Да! Да! Я знаю, что Борисов подарил юбиляру целую упаковку баночного пива.

— От кого вы узнали?

— От самого Борисова. Он пришел с букетом гвоздик, а когда вручал их Алеше, шепнул ему, что пиво поставил на веранде. Сказал: поди спрячь. Все ведь знали...

— Какое пиво?

— Баночное.

— Марка?

— Да! Вас ведь интересует только «Туборг», но я не знаю. Уловил, что баночное, а сорт...

— Вы хорошо помните тот юбилейный вечер?

— Первую половину. Вторую — расплывчато. Такой коньяк Алексею подарили — семидесятипятилетней выдержки! Трудно удержаться. С вами такое бывает?

«И не такое бывает», — хотелось сказать Фризе, но допрос-то шел под магнитофон.

— Может быть, вы заметили, кто из гостей поднимался на второй этаж? Заходил в кабинет Маврина?

— Трудно вспомнить всех.— Брови писателя соплились домиком.— Но вот как хозяйка повела наверх Убилаву, я видел. Потом сам юбиляр водил туда генерала — не запомнил его фамилию, что-то бронетанковое.

— Колесов,— подсказал Владимир.

— Да. Они втроем пошли — этот генерал и какой-то помощник по культуре из Совмина. Маврин показывал им дом, они у него были впервые. Лис ходил.

— Один?

— Один. Маврин его о чем-то попросил, и он потопал наверх.

— И долго там был?

— Когда он вернулся, я не видел. Может, поспать решил,— засмеялся Огородников.

— Что за человек этот Лис? Я его стихов не читал.

— Что же вы?! Оплошали! Василий Лис — поэт модный. Пишет русские танки.

— Чем они отличаются от японских?

— У них не тридцать один слог, а тридцать пять. Лис очень популярен среди женщин, обладает большими экстрасенсорными способностями. И нашел Шамбалу. Знаете, что такое Шамбала?

— Знаю,— сказал Фризе и подумал о том, что если в русских танках Лиса тридцать пять слогов вместо тридцати одного, то это, наверное, уже не танки?

— Да! — радостно воскликнул Огородников.— Я сейчас вспомнил: вот уж кто любитель пива, так это Василий! В треску-

чий мороз может стоять у пивного ларька с кружкой. — Он внимательно посмотрел на Фризе: — Не вяжется, да? Танки, Шамбала и дует бочковое пиво вместе с забуддыгами.

«Немудрено. Лис, единственный из гостей Маврина, не имеет валютного счета. Видно, русские танки не очень-то популярны на Западе. Да и на Востоке тоже».

— Может быть, Лис ходил наверх пивка выпить? — высказал догадку Огородников. — Маврин шепнул, где взять.

Фризе хотел спросить писателя, поднимался ли он сам на второй этаж, но передумал. Что-то в словах лауреата всех детективных премий его насторожило. Чтобы не возникло неловкой паузы, он спросил первое пришедшее на ум:

— Вы с Мавриным были в близких отношениях?

— Да. — Огородников наклонил голову, словно флаг приспустил. — Мы с Алешей были знакомы много лет. Не смотрите, что я молодо выгляжу — мне пятьдесят шесть.

По правде говоря, Фризе думал, что ему больше.

— Маврин когда-то рекомендовал меня в Союз, помогал пробиваться в литературу. Написал первую большую статью о моих романах. Леша был везунчик, и его везение, его успехи шли на пользу его друзьям. Везунчик, — повторил он. Владимиру показалось, что в голосе появилась какая-то угрожающая интонация.

При прощании Огородников сказал:

— Я вас очень прошу, Владимир Петрович, держите меня в курсе дела. Ведь шеф ваш дал добро. Мне для нового романа этот материал вот как нужен! — Он провел ладонью по горлу.

«Вот как получается, — усмехнулся Фризе, — под стенограмму любезнейший лауреат — сама сдержанность. Не пытался мне внушить, что убийцу знает. И про то, кто на кого донос писал в НКВД, — молчок».

Он стал вспоминать, что насторожило его при допросе Огородникова? Какая фраза? Хотел было открутить ленту назад и послушать, но в это время в дверь постучали. Точно в назначенный час пришел Лис.

Невысокий, чуть расплывшийся, с припухшим сосредоточенным лицом, Василий Лис произвел на Фризе странное впечатление. Увидев его, хотелось вскинуть руку и, похлопав по плечу, сказать: «Здорово, Вася!» Но тут вы замечали умный пристальный взгляд, высокий лоб, скрытый челкой, волевой подбородок, и ваша рука оставалась на месте.

— Не обижайтесь на вопросы, которые я буду задавать, — попросил Фризе. — Отнеситесь к ним как к неизбежному злу.

Создатель русских танк согласно кивнул. Он оказался человеком покладистым.

Для начала они обсудили вопрос о пиве. Лис знал, что критик Борисов подарил юбиляру упаковку баночного пива марки «Турбог».

— Вы видели эту упаковку?

— Конечно. Мне Маврин похвастался, он знал, что я люблю пиво. Отозвал в сторону — еще застолье не началось, народ клубился по дому — и сказал: «Иди на веранду. Там в углу, под газетами, пиво. Можешь провести дегустацию, но только одну банку. Банку унеси, сунь себе в пальто, что ли!»

— Ну и..?

— Я все исполнил в лучшем виде. — Василий улыбнулся. —

Чтобы не закосеть, пиво надо пить перед крепкими напитками. Иначе «ерш»!

— Сколько банок было в упаковке?

— Много. Я не считал. Выдернул одну с трудом. Они в полиэтилен прочно укутаны. Снова навел маскировку и вышел на крыльцо. Там и всосал.

— А банка?

Лис смутился:

— С банкой я поступил опрометчиво. Швырнул в сад. А что было делать, на веранде народ появился — курить мужчины вышли. Карманы брюк узкие, я без пиджака. Вот и швырнул.

«Понятно, что за банку я нашёл», — подумал Фризе.

— В тот день не заходили в кабинет Маврина?

— Заходил. Это в самый разгар веселья было. Мне надо было позвонить. Я спросил у Маврина. Он сказал, чтобы я звонил из кабинета, и попросил отбуксировать туда пиво. Незаметно, пока народ галдит и супруга отвлечена: «Засунь в пузатый комод и прикрой газетой». Вот что он мне шепнул.

— Операция прошла удачно?

— Вполне. Я эту упаковку в газеты завернул и понес как свадебный пирог.

— Все банки были на месте?

— Даже с лишком.

— Как это понимать? — насторожился Фризе.

— Я же одну выдернул? Так? Выпил и выбросил. А когда за упаковкой пришел — ни одного гнездышка свободного.

— Вы пересчитывали?

— Чего пересчитывать?! — удивился Лис. — Количества не знаю, но гнезда свободного не было.

— У вас нет никаких объяснений этому?

Лис внимательно посмотрел на Фризе и еле заметно улыбнулся:

— Правдоподобных объяснений может быть много, а правды я не знаю. Разве Маврин ушёл не своей смертью?

— Маврин умер от сердечного приступа. Можно назвать это «своей смертью». Но одна банка «Туборга» была с отравленным пивом.

— Значит, я мог...

— Могли бы, выпив ещё банку, когда несли упаковку в кабинет.

— Какая была умница моя мама. Она приучила меня ничего не брать без спроса. И вы думаете, что лишняя банка... Ну, не Борисов же? Исключено!

— Я тоже в этом уверен, — подтвердил Фризе. — И вы его главное алиби.

— А мое алиби?

— У вас алиби нет. — Заметив, как опрокинулось лицо поэта, Фризе засмеялся: — Отсутствие алиби иногда сильнее, чем все алиби на свете. Не переживайте. Кому вы звонили из хозяйского кабинета?

— Жене. Она простудилась и не могла приехать.

— Вот и хорошо. Вернемся теперь к пиву. Не видели ли вы кого-то из гостей, кто подходил к тому месту, где лежала упаковка с пивом?

— Да нет. На веранде курили мужики. Домраба там постоянно появлялась, хозяйка. Вся закуска была на холодке сосредоточена. Такое благоухание!

Допросы шли один за другим. Владимир даже не выстроил десяти минут, чтобы сварить себе кофе. Когда он допрашивал Убилаву, заглянула Маргарита. Заговорщицки подмигнула и помахала ключом от сейфа. Фризе подставил ладонь и вместе с ключом обрел всю недавно утраченную власть.

— Шеф просил, когда освободитесь, заглянуть, — сказала Маргарита.

Разговор с писателем продвигался у него туго. Вписывая в протокол паспортные данные, Фризе спросил о гражданстве.

— Абхазия, дорогой. Надо понимать.

Для первого раза Владимир простил ему «дорогую», сделал скидку на темперамент.

— Чего ты меня спрашиваешь о всякой хурде-мурде?! Открой лобную мою книгу — там полная биография. — Убилава прикрыл лоб большой ладонью, как будто от вопросов у него началась мигрень.

— Гражданин Убилава, — мягко, но отчетливо сказал Фризе, — мы с вами детей не крестили, на брудершафт не пили, рано еще на «ты» переходить.

Убилава набылся, крупное его тело напряглось, лицо закаменело. Он нескончаемо долго молчал, уставившись на Фризе недоуменным взглядом. Владимир даже забеспокоился: «Вспоминает, не пили ли мы с ним на брудершафт?»

Ничего не вспомнив, Убилава сказал:

— Какая женщина вдовой осталась!

— Да, — согласился Фризе. Надо было налаживать отношения со свидетелем.

— На такой женщине и ты бы... — Убилава осекся и опять долго молчал. Махнул рукой, так и не закончив фразу. Наверное, местоимение «вы» не входило в его лексикон.

— На юбилейном вечере у Маврина вы пиво пили? — спросил Фризе. Ему хотелось, чтобы Убилава сказал: «Пил». Тогда ему можно было подкинуть информацию о том, что одна из банок была с отравленным пивом. Почему-то у Фризе сложилось впечатление, что если этого заторможенного свидетеля слегка напугать, он начнет соображать быстрее и многое может вспомнить.

— Не знаю, — сказал Убилава.

— Не помните?

— Не помню, не знаю, ничего не слышал, не видел, не, не, не. Все «не». Такая женщина! Соски сквозь кофточку темнеют, как вишенки! Если бы не дети в Сухуми... — Он подумал и добавил: — И в Гагре. Ей-богу, женился бы! Ты можешь меня понять? Видел я что-нибудь, кроме нее?

— Не видел, — согласился Фризе и отключил магнитофон.

— Вот видишь?! Только она не согласится. В Сухуми дети. В Гагре дети.

— Что ж, желаю успеха. Попытка не пытка.

— Ты, прокурор, хороший человек. — И добавил: — Вы.

Осторожно прикрыв за собой дверь, он вышел. Фризе настроился сварить себе кофе, как дверь открылась и снова возник Убилава.

— Про пиво слушай, такая история. Сигареты я в дубленке забыл, «Мальборо» курю. Пошел в коридор, нашел дубленку, сунул руку в карман, там банка пива.

— Ну-ка, ну-ка, дорогой! — Фризе вскочил и чуть ли не за рукав втянул писателя в кабинет. Подвинул кресло, включил магнитофон: — Теперь подробнее.

— Я тебе все сказал.

— А ты повтори с подробностями. Что за пиво, чья дубленка? Оказалось, что Убилава залез не в свою дубленку.

— Точно, как у меня, знаешь? В «Березке» столько долларов отдал! Что за пиво лежало — не помню. Эта женщина перед глазами, понимаешь. Белый свет не вижу, неделю писать не могу. Говоришь — пиво!

Потом они вместе спустились в вестибюль, и Фризе помог Убилаве надеть его импортную дубленку. Длинную, чуть ли не до пят, с голубоватым мехом, покрытую снаружи каким-то сопливым составом. Наверное, чтобы кожа не мокла. Такую же дубленку Фризе видел на авторе детективов Огородникове.

Кофепитие так и не состоялось, потому что вслед за Убилавой в дверь постучал Борисов. Он оказался первым, кто спросил о причине вызова в прокуратуру.

— У нас есть основание подозревать, что была попытка отравить Маврина.

— В слове попытка уже заложен признак неудачи. — Значит, жертвы нет. И преступления не было?

— Преступный замысел тоже считается преступлением. В случае, о котором идет речь, жертва есть. Санитар из малого предприятия «Харон».

— «Харон»?! Какая прелесть! И само словосочетание: малое предприятие «Харон»! Это что же, бывшие «Похоронные услуги»? Ведомство Безенчука?

Ничто в этом человеке не указывало на его принадлежность к изящной словесности. Сухой, подтянутый, хорошо подстриженный. С приятным лицом, при взгляде на которое тебя посетит мысль: где-то мы с этим человеком уже встречались! Хороший темно-серый костюм, умело подобранный галстук... Все удивительно в меру, и в то же время ощущение незавершенности, отсутствие последнего штриха. Идеальный тип государственного чиновника, которому пора на пенсию, несмотря на то, что он хорошо сохранился.

— И как же умер санитар?

— Разве Алина Максимовна вам ничего не говорила?

— Нет. Мы виделись с нею только на похоронах. На поминки я не пошел. Должен сказать, у нас с Алиной контры. Это, может быть, слишком сильно сказано. Я отговаривал Маврина от этого брака. Алина об этом знает и не может простить. А брак получился удачным. Так как же все-таки он умер?

— Выпил банку датского пива «Туборг».

— Вот так штука! — Удивление его показалось Фризе искренним. — Я подарил покойному целую упаковку! Значит, я и отравитель?

— После — не значит поэтому.

— Известный постулат Римского права. Но у нас в большем почете другой постулат — я так считаю, — значит, так и есть на самом деле.

— Давайте вернемся к теме разговора, — предложил Фризе. — Где и когда вы покупали пиво?

— По известным, наверное, вам обстоятельствам я подозреваемый номер один?

— Я задал вопрос! — Фризе начал терять терпение.

— Хорошо, хорошо! Где и когда? — Борисов секунду подумал. — Накануне юбилея. В субботу, в магазине на Профсоюзной улице. Я живу рядом.

— Вы часто бываете в этом магазине?

— Редко. С нашими-то гонорарами? Иногда себе позволяю купить хорошего чаю, конфеты жене. Вас интересует, запомнили ли продавцы, как я покупал пиво?

Владимир молчал.

— Продавицу зовут Валентина. Странное совпадение — я всегда прихожу в ее смену. Не сомневайтесь, она меня узнает.

— Полиэтиленовая оболочка не нарушена?

— Кажется, нет. В девственном виде привез все Алексею. К банкам не притрагивался.

— Где вы оставили пиво?

— Спрятал на веранде, подальше от глаз хозяйки. Алина считала, что у мужа больная печень. А он взял и умер от сердечного приступа.

Борисов внимательно смотрел на Фризе. Может быть, ожидал, что следователь опровергнет его диагноз?

— Вам известно, кто отнес пиво в кабинет?

— Об этом поэт Лис может подробнее рассказать.

— Расскажите вы.

— Лис отнес пиво наверх. Наверное, по просьбе Маврина.

— Вы это сами видели?

— Конечно. Он был изрядно подшофе и так торжественно прошествовал наверх, что не заметить этого было невозможно.

— Видел это кто-то еще из гостей?

— Все видели. Он еще пробурчал сам себе под нос какой-то марш. Большой любитель подурачиться, когда сильно разогреется.

— Но ведь пиво было хорошо упаковано. Вы знали, что в коробке, а другие могли и не знать?

— Верно. Можно было подумать, что он возносится с большим тортом. Кто-то мог и догадаться. Огородник знал, он видел, как я покупал упаковку.

— Он тоже клиент «Березки»?

— Еще бы! Его бесконечные криминальные опусы печатают по всей Европе.

— Когда вы с Огородниковым встретились в магазине, вы сказали, что пиво Маврину в подарок?

— Нет. Огородник мне не симпатичен. А его творения... — Борисов пренебрежительно махнул рукой. — Детективы я не читаю. Это не литература. Поделки на продажу.

«Куда же это мы идем семимильными шагами? — подумал Фризе, распрощавшись с Борисовым. — Неужели моя шутка при первой встрече с Огородниковым оборачивается попаданием в десятку?» Он вспомнил, как побледнел Герман Степанович при упоминании, что заветная мечта убийцы — знать, какими уликами располагает следователь. «Вы не бойтесь, что я могу вас

заподозрить?» — спросил тогда Фризе. И поступил глупо просто потому, что разозлился на шефа, подославшего к нему известного писателя в тот момент, когда следствие только начиналось. Огородник, как его называет Борисов, мог бы пожаловаться и был бы прав.

Он вспомнил, что прокурор просил заглянуть к нему, когда будут закончены допросы. Но идти не хотелось. Фризе боялся, что не сумеет сдержаться себя и выдаст произвольной интонацией, взглядом. «Начнем со звонка», — решил он.

— Здравствуйте, Олег Михайлович. Вы сказали зайти?..

— Ты освободился?

— Нет еще. Через час не будет поздно?

— Горячо? Люблю, когда все трудятся на полных оборотах. Зайдешь завтра утром.

Фризе с облегчением положил трубку. Завтра будет видно. Сейчас наступил долгожданный момент. Он захлопнул дверь на запор и стал готовить кофе. Подумал о том, что теперь надо ждать Ерохина. У того было седьмое чувство — «чувство кофе». Он всегда безошибочно подгадывал к торжественному моменту созревания напитка. Не оплошал и сегодня. Едва Фризе стал наливать кофе в чашку, как раздалась барабанная дробь в дверь.

— Прекрасно, — откомментировал Дима ситуацию в кабинете. Быстро снял куртку и, даже не потрудившись повесить ее в шкаф, полез за чашкой.

— Допросы ты, конечно, провел с блеском? — спросил он после первого глотка.

— Естественно.

— Будешь выписывать ордер на арест?

— Как только сосчитаю это проклятое пиво. А хорошее название для романа: «Пивное дело»?

— Не очень. — Ерохин глотнул обжигающий кофе. — Зимой не будут покупать. Ты замечал, что в морозы у пивных ларьков очереди почти нет? Так что с подсчетами?

— Одна банка роковая. — Фризе взял лист бумаги, не отрывая от поверхности листа шариковой ручки, нарисовал банку. Очень красиво. — Еще одну я нашел в саду...

— И получил за это по шапке.

— Как выяснилось, забросил ее туда поэт Лис, — оставив без внимания реплику Ерохина, сказал Фризе. — Слышал о таком?

— Это не по моей части.

— Как знать?! — Фризе нарисовал вторую банку. — Одна банка лежала в дубленке не установленного пока гостя.

На листе появилась третья банка.

— Есть очень серьезные подозрения, что дубленка принадлежит Огородникову. А Маврина нашла в комодке упаковку, в которой отсутствовала только одна банка!

Фризе бросил на него непонимающий взгляд и продолжал:

— Какую же выбросил открыватель Шамбалы Лис? И откуда в дубленке, предположительно — Огородникова, еще одна?

Догадка пришла им в головы одновременно:

— Еще одна упаковка! — чуть ли не хором воскликнули Фризе и Ерохин.

— О боже! Что я за кретин? — добавил Фризе. — Две завернутые вместе упаковки можно принять и за торт! А уносить лишние банки можно и в портфеле!

Где собака зарыта?

— Едем? — не то спросил, не то подтвердил Ерохин. Темно-зеленые, нефритовые его глаза поблескивали от нетерпения.

— На электричке? — усмехнулся Владимир.

— На электричке замах пропадет. С легу всегда удачнее получается. И голова лучше соображает, и напору больше. Проси у шефа разгонную карету!

— Тебе бы в летчики, — проворчал Фризе и, сняв трубку, позвонил в приемную. Марго проинформировала, что все машины в разъезде. Владимир поморщился и набрал номер прокурора.

— Олег Михайлович, Фризе беспокоит. Срочно нужно попасть в Переделкино, допросить свидетеля. Машины все в разъезде. — «Все» звучало солидно, хотя в прокуратуре имелось два стареньких «Москвича». — Не дадите своей?

Шеф упомянул про пожар и посоветовал вызвать свидетеля повесткой.

— Очень тороплюсь.

— Фестина ленте*, — продекламировал прокурор из своей любимой латыни. — Не забыл университетские азы?

Точного адреса Германа Степановича Фризе не знал. Помнил то место, где они расстались несколько дней назад, и направление, в котором пошлягал детективщик.

Увидев на дороге мужчину с большим заплечным мешком, Владимир попросил шофера остановиться и вышел из машины.

— Подскажите, где дача писателя Огородникова?

Мужчина остановился. Одет он был в потертый ватник и старенькую шапку со спущенными ушами.

— Это вы тут разъезжаете? — сказал мужчина знакомым голосом, и Фризе узнал популярного детективщика.

— Здравствуйте, Герман Степанович! — Владимир улыбнулся. Так непохож был этот мужичок на одетого в модную джинсу лауреата всех милицейских наград.

— Не узнали? Богатым буду. Ходил за комбикормом для кур. — Огородников дернул головой, показывая на заплечный мешок. — Вы действительно ко мне?

— Так точно.

— Тогда подвезите. Плечи уже затекли. Этот комбикорм такой тяжелый, словно камни. — Он стал снимать со спины ношу. Сообразив, что новый пассажир собирается водрузить свой мешок на светлое плюшевое кресло, шофер запротестовал:

— Стоп, стоп. Я сейчас багажник открою.

В машине Фризе познакомил Огородникова с майором.

— Вы ко мне целой компанией, — не очень приветливо прокомментировал Огородников и спросил Ерохина: — Значит, из уголовного розыска?

— Да, Герман Степанович.

— С Петровки?

— Нет. Из районного управления.

* Торопись медленно.

— Я с ними мало общаюсь. Вот на Петровке знаю всех. Начиная с Мурашова. И в министерстве тоже. Я у них постоянный гость. — Помолчав, он добавил: — Впрочем, и не гость. Свой человек. — Он хотел еще что-то сказать, но вместо этого требовательно бросил шоферу: — Тормозни. Прибыли.

Дача Огородникова оказалась попроще, чем у покойного Маврина. Одноэтажная, не такая вычурная. Зато забор был на славу: глухой, высокий, с двумя нитками колочей проволоки, пущенной по верху. Рядом с дачей стоял большой гараж. Подъезд к нему был расчищен от снега, виднелись следы протекторов. «Почему же он комбикорм таскает на собственном горбу?» — подумал Фризе, и, словно отвечая ему, Огородников сказал:

— На машине теперь езжу в крайнем случае. Бензинчик-то — в два раза дороже, чем раньше водка стоила. Не разездишься. Особенно на короткие расстояния. Пока мотор разогреваешь — червонца как не бывало. — Он посмотрел на мешок, стоящий рядом, и спросил: — Не подождете пять минут? У меня куры не кормлены.

— Конечно, подождем, — согласился Фризе и бросил короткий взгляд на хмурое лицо майора.

— Большой у вас курятник?

— Хотите посмотреть? — обрадовался Герман Степанович. Его совсем не смущало то обстоятельство, что его застали за таким прозаическим занятием, как кормление кур.

В просторном холодном сарае, приспособленном под курятник, гуляли сквозняки. Лампы дневного света, неумело подвешенные под дырявым потолком, только усиливали впечатление неустроенности. Штук пятьдесят пестро-коричневых кур стремительно бросились к хозяину, едва он переступил порог курятника. Казалось, еще мгновение — и они расклюют его на мелкие кусочки. Фризе невольно задал себе вопрос: а если бы сегодня в магазине не оказалось комбикорма? Впрочем, не только этот вопрос возник у него при первом взгляде на хозяйство Германа Степановича. Душа Владимира, привычная к чистоте и порядку, возмутилась, соприкоснувшись с хаосом, царившим на птичьем дворе.

— И как с яйценоскостью? — хмуро спросил Ерохин, блеснув знанием специальной терминологии.

— С яйценоскостью? — переспросил Огородников, задумчиво глядя на пеструшек. — Да, знаете, что-то не сильно. Не сильно! Правда, вчера три яйца взял. А сегодня еще не смотрел. Мне сосед говорил, поэт Ермоленко, надо речного песку им в корм подсыпать. Для скорлупы. Да все не соберусь съездить — роман держит.

Фризе нестерпимо захотелось дать этому бауэру хорошего пинка. Но это было бы грубым нарушением всех процессуальных норм. И закона тоже. Поэтому он решил приступить к делу, ради которого они примчались в Переделкино.

— Герман Степанович, отчего ваш коккер-спаниель сдох?

От неожиданности Огородников уронил алюминиевую миску с кормом, и напуганные куры с диким квохтаньем разлетелись по сторонам. Потом он деловито потер ладонь о ладонь, стрихивая остатки корма, и спросил с вызовом:

— Вы что, расследуете смерть моей собаки?

— Я думаю, если мы с майором хорошо поищем, то найдем на вашем участке место, где вы ее похоронили. Эксперты выяснят,

что сдохла она от яда из группы цианидов. От того же яда, которым отравили санитаря Уткина.

Огородников нахмурился. Несколько секунд стоял молча. Наверное, ситуация, которую он прокрутил в своем мозгу, не оказалась ему безысходной. Он усмехнулся и сказал:

— Поговорим в доме.

В доме было уютно и тепло. Несметное количество пестрых книжек в мягких обложках — покетбук детективных серий на английском — и грузных отечественных приключенческих библиотек в ледериновых корочках стояли на простеньких книжных полках до самого потолка.

— На юбилее Борисов подарил Алеше Маврину много хорошего баночного пива, — сказал Огородников, когда они сели в кресла. — Подарил тайком от Алины. Она запретила старику пиво, стерва. Я видел, как Борисов это пиво на веранде под газеты прятал. Потом вышел на веранду, а там Лис, поэт, — я вам уже рассказывал, — пиво из банки хлещет. Думаю, ему можно, а мне нельзя! Взял я несколько банок и сунул в карман дубленки. Решил: выпью за здоровье юбиляра дома. Алеше шепнул: я, дескать, пару банок заморского у тебя реквизирувал.

— А он?

— Алеша человек широкий. Сказал: «Умница!» Засмеялся, поцеловал меня в щеку.

— Сколько банок вы взяли?

— Четыре, — буркнул Огородников и отвел взгляд.

— И что же произошло потом?

— В тот день я много выпил. Как дотащился до дома — не помню. Дом открыл, снял дубленку в передней. То ли она с вешалки упала, то ли я просто бросил ее на пол. Когда на следующий день проснулся...

— В котором часу проснулись?

— В три, — вздохнул Огородников. — Проснулся, вышел в прихожую, а там мой Рокки на полу лежит, рядом с дубленкой. Уже окоченел. И чертова пивная банка тут же. И пиво из нее сочится — все пузырьками. Рокки, наверное, лизал. Я схватил банку, понюхал — миндалем пахнет. Циан! Мы же с вами знаем, что это за яд! — Он замолчал и долго сидел в безмолвии. Резкие черты его лица застыли, и только брови двигались вверх-вниз.

Фризе и Ерохин молча ждали, когда хозяин снова заговорит.

— В это время мне позвонили, что классик умер, — нарушил молчание Огородников.

— Кто позвонил? — спросил майор.

— Жена. Она у меня в городе живет. На дух дачу не переносит. А жене Маврина сообщила. Можете себе представить: стою над мертвым псом и банки тут же. А пиво-то Алеше предназначалось. Мог у меня возникнуть вопрос, отчего Маврин умер? Я собаку закопал вместе с пивом. Со всеми четырьмя банками, а у самого озноб не проходит. Ведь вчера не успел выпить пивка потому, что в стельку был пьян! А днем уж точно опохмелился бы! Логично?

— Логично, — поддержал Огородникова майор. Похоже, его неприязнь к Герману Степановичу, так ясно читавшаяся на

лице во время посещения птичьего двора, прошла. Уступила место живейшему интересу и сочувствию.

— Поэтому я и к прокурору поехал, и к вам, Владимир, напросился. Я ведь вам открытым текстом выложил, кто был заинтересован в смерти Маврина, кто хотел скрыть донос. А вы уперлись в свою версию и ни на шаг в сторону! Эксперты ведь тоже ошибаются!

— Маврин умер своей смертью, — сказал Фризе. — Но отравленное пиво предназначалось ему. Один из санитаров, приехавших за его телом, прихватил в карман банку «Туборга», стоявшую на столике, рядом с креслом, в котором умер Маврин.

— Счастливчик, — прошептал Огородников.

— Герман Степанович, а почему вы нам не рассказали обо всем?

— Я же вам намекнул! — Огородников тяжело вздохнул. — Следующей жертвой был бы я. Борисов догадывался, что мне известно о доносе.

— Вы покажете, где зарыт ваш Рокки?

Писатель кивнул.

— Майор пригласит понятых, потом оформит протокол. — Фризе внимательно посмотрел на Ерохина. — А мне нужно съездить еще в одно место. Хорошо?

Маленький замызганный лифт медленно отщелкивал этажи. Фризе вдруг захотелось протянуть руку, нажать кнопку «стоп», спуститься вниз и уехать куда глаза глядят: в Архангельское, к себе на дачу, в Женеву к Берте. Лучше, конечно, в Женеву. Если бы у подъезда стояла его собственная машина, Владимир уехал бы, наслав на Лиса своего друга и помощника Ерохина. Но его ждала прокурорская «Волга», которую давно следовало вернуть Олегу Михайловичу. Ох, как не хотелось ему встречаться с поэтом, предъявлять ему обвинения в пособничестве убийству, выслушивать несусветную ложь в оправдание! А разве может быть оправданием корысть?

На звонки в квартире поэта никто не отзывался. Владимир постучал в дверь — на тот случай, если бы звонок был сломан. Тоже никакого ответа. Полная тишина за дверью. И когда Фризе, испытав чувство разочарования и облегчения одновременно, направился к лифту, женский голос спросил из-за двери:

— Кто там?

— Я хотел бы увидеть товарища Лиса.

— Кто вы? — спросила женщина, но дверь даже не приоткрыла.

— Следовательно Фризе. Из прокуратуры.

— А-а! — судя по интонации, женщина слышала о Фризе от Лиса. Прогрели засовы, и дверь распахнулась. На пороге стояло совсем молодое создание, в большом белом, с красной отделкой, халате и с головой, обвязанной полотенцем.

— Проходите, — пригласила женщина. Судя по всему, приход следователя заставил ее покинуть ванну. Женщина была молода и красива. Ее портили только очень мелкие, как у мышки, зубы. «Наверное, дочка», — подумал Фризе. И ошибся, потому что она сказала:

- Мужа нет. Он в мастерской.
- Он вернется не скоро?
- Не знаю. Наверное, только к ужину.

Фризе хотел спросить, нет ли там телефона, но женщина опередила его:

— Мастерская рядом, в соседнем доме. Муж рассказывал мне о вас, так что я заочно с вами знакома. Меня зовут Дора. — Она протянула Фризе маленькую руку. Он осторожно пожал ее.

— Вы советуете заглянуть в мастерскую?

— Самое разумное. У него там есть телефон. Но когда он работает, трубку не берет. Вы с ним пообщаетесь и приходите пить чай. К вашему приходу я приведу себя в порядок. Вы на меня не сердитесь?

— Ну что вы, Дора! — улыбнулся Фризе. Он смотрел на женщину со смешанным чувством восхищения и жалости. Не с доброй вестью пришел он к ней в дом. — Это я виноват. Должен был предварительно позвонить. Простите за бесцеремонность.

Дора рассказала ему, как найти мастерскую, и Владимир ушел.

«Знала бы ты, красавица, с чем я пожаловал, никогда бы дверь не открыла», — сердито думал Фризе, дожидаясь лифта.

Дом, где у Лиса была мастерская, как близнец, походил на тот, в котором жил поэт. Мастерские писателей находились на последнем этаже.

Лис не отозвался ни на звонки, ни на стук. Фризе позвонил в соседнюю дверь и попросил старого, всклокоченного человека, вышедшего на звонок, разрешить ему позвонить по телефону.

— Внизу, у подъезда, автомат, — подозрительно глядя на следователя, сказал мужчина. — Звоните сколько влезет.

«Больше времени уйдет на объяснения, — подумал Фризе. — Позвоню из машины».

— Шеф уже беспокоится, — сообщил шофер, когда Владимир сел в «Волгу». — Домой собрался. Послал на смену дежурную.

— Один звонок — и вы свободны. — Фризе набрал номер квартиры Лисов, пожалев, что не записал телефон мастерской. Тут же откликнулась Дора.

— Это опять Фризе беспокоит. В мастерской нашего мужа нет. Не мог он куда-нибудь уйти?

— Что вы, я на всякий случай ему позвонила, после вашего ухода. Он откликнулся. Сказал, что ждет вас, и пообещал привести на чай.

«Эх, Дора, Дора! — с неодобрением подумал Фризе. — Как же понимать твои слова: «Когда муж работает, звонить ему бесполезно, отключает телефон»? Он спросил:

— Номер мастерской — 16?

— Да, правильно.

— Там никто не отвечает. Может, это вы его напугали?

— Подождите меня у мастерской. Я сейчас подойду, — сказала Дора. В голосе ее послышались нотки тревоги.

...Дора повернула ключ в замке, и сильный порыв ветра распахнул дверь. Фризе едва успел подставить ногу, чтобы уберечь женщину от удара.

— Чего ради он устроил такой сквозняк?! — недовольно сказала она. — У него же хронический бронхит!

У Фризе мелькнуло подозрение, что Лис разом избавился от всех болезней. Отодвинув в сторону Дору, он кинулся через маленькую прихожую в комнату. Дверь оказалась запертой. Владимир оглянулся на хозяйку. Дора стояла у стены, прижав к горлу руки. Белое лицо застыло от ужаса. Не спрашивая ни о чем, Владимир плечом надавил на дверь. Замок оказался никчемный, дверь подалась, но изнутри ее заблокировали, пригнув что-то громоздкое.

Когда Фризе наконец вломился в комнату — это оказался рабочий кабинет поэта, — там было пусто. Хлопала на ветру балконная дверь. Владимир осторожно подошел к перилам — он панически боялся высоты. Посмотрел вниз. К застывшему на асфальте телу уже подбежали люди. Путь, выбранный Лисом, оказался коротким. Десять этажей.

На пороге стояла Дора. Он подвел ее к дивану, усадил. Потом открыл дверь на балкон и позвонил в прокуратуру.

На письменном столе, заваленном книгами и альбомами, заставленном индийскими и японскими статуэтками из нефрита и бронзы, поверх всех бумаг — рукописных и машинописью — лежали две записки. Одна, лаконичная: «Фризе. Ку-ку, ищейка». Вторая, на полстраницы, — Доре.

«Дора, прости меня. Помнишь, я всегда говорил: надо знать, на какую карту поставить. А не повезет — проигрывать с улыбкой. Маврина я всегда ненавидел. Ну почему ему во всем везло?! Он был посредственностью, а его превозносили до небес и печатали миллионами. Даже его провалы служили ему во благо. Даже в смерти ему повезло — он умер, когда перед ним стояла банка с отравленным пивом. Он должен был его выпить! А яд получил другой. Но, как бы я ни презирал, ни ненавидел его, не верь, если тебе скажут, что я хотел его отравить. В эти последние мои минуты, клянусь тебе: я не знал...»

Закончить письмо Лис не успел.

Фризе поймал себя на том, что испытывает странное облегчение от развязки. Это было кощунственно, и он укорил себя за цинизм, вспомнив строку из Библии: «Псу живому лучше, чем мертвому льву». Но грешное чувство не проходило, и он, отмахнувшись от своих терзаний, занялся делом.

Только поздним вечером Фризе вместе с Ерохиным, в присутствии двух понятых, нашли в тайнике двести тысяч рублей в банковской упаковке. Дора ничего не знала об этих деньгах, и у следователя не было никаких сомнений в ее искренности. Тщательная проверка установила, что эти деньги получены главным бухгалтером малого предприятия «Харон» в Сбербанке. Фризе нашел также черную сумку с этикеткой «Монтана» и в ней — два десятка банок «Туборга». Остатки от подаренного юбиляру Борисовым.

Война продолжается?

Все последующие дни — пожалуй, такого напряженного времени еще не было в его жизни — Фризе допрашивал свидетелей, ездил на задержания, проводил утомительные часы в кабинете над протоколами допросов и составлением обвинительного заключения. И все это время его сознание разъедала одна мысль. Угнетающая мысль о том, что ему приходится служить вместе

с бесчестным человеком, и не только вместе служить, но и находиться в прямой зависимости от него, быть под началом прокурора-взяточника. С этой мыслью Фризе засыпал и просыпался. Засыпал в том случае, если бессонница не заставляла его промучиться до рассвета.

И однажды вместо того, чтобы глотать снотворное, Владимир даже не стал расстилать постель. Он сварил крепкий кофе, достал из старых запасов бутылку «Двина» и провел ночь за составлением прошения об отставке. К шести утра гора родила мышь — прошение было готово.

«Районному прокурору.

По причине того, что мои нравственные принципы и взгляд на законность противоречат Вашим, прошу освободить меня от работы в прокуратуре.

Младший советник юстиции Фризе В. П.».

И приписал еще одну строчку: «Копия — прокурору города Москвы». Это на тот случай, если у Олега Михайловича появится соблазн порвать заявление и бросить в корзину для мусора. Городской прокурор производил на Владимира впечатление честного, порядочного человека.

«Шедевр канцелярской переписки! — самодовольно усмехнулся Фризе, сгребая со стола бесчисленное количество черновиков — пространных и покороче — и торжественно препровождая их в мусорное ведро. — Бывший младший советник поработал на славу!»

Владимир заснул, едва прикоснувшись к подушке. Он даже не откинул одеяло, свернулся клубком под своим любимым махровым халатом. Единственно, на что у него хватило энергии, — вытащить телефонный шнур из розетки.

Три последовавшие дня напоминали кошмарный сон. Штурм унд драг. Объектом бури и натиска, естественно, был младший советник юстиции Фризе. Задача, которую ставили перед собой руководители прокуратуры различных рангов, — добиться, чтобы он забрал назад свое заявление. Атаки следовали одна за другой, и каждый раз атакующие пытались решить хотя бы одну из ограниченных задач: придать заявлению благопристойный вид, сохранить статус-кво, оставить заявителя в своей прокуратуре, но на более высокой должности, перевести в городскую прокуратуру, в прокуратуру республики, подобрать службу в любой из стран СНГ. Отличная характеристика и достойное место гарантировались.

Самым суровым испытанием была беседа с Мишиным.

— Фризе! Ты ведь обещал, что не проговоришься. — В печальных глазах Вилена затаилась обида.

— Я нем как рыба.

— А это? — Мишин щелкнул по плотному листу бумаги. Фризе удивился: он писал и заявление, и копию на обычном листке. Плотный лист оказался ксерокопией.

— Интересно, — повертел он в руках бумагу. — Выдали по экземпляру каждому сотруднику?

— Не смешно. Генеральный сразу набросился на меня. Считает, что я выдал служебный секрет.

— В моем заявлении нет и намека на взятку.

— Люди не идиоты. Что стоят твои слова о нравственных принципах!

— А может, шеф сделал гнусное предложение моей невесте?

— Правда?

— Нет. Я бы не успел вмешаться. Невеста послала бы шефа в нокаут. Если по правде, — он не дает мне отпуска в сентябре уже третий год, а при поступлении на службу я специально оговорил этот пункт. Ты не считаешь, что это безнравственно?

— Пять лет назад тебя бы засадили в психушку!

— Тебя подставил прокурор. Коллегия. Все те, кто решил не привлекать взяточника к суду. Ты сам себя подставил. — Фризе перевел дух. — Извини. Дал себе слово молчать, но сорвался. Плевал я на все ваши должности. Можешь доложить своим боссам. А мое нежелание работать с Олегом Михайловичем можешь объяснить им любой причиной. Я возражать не стану.

— Может, ты решил уехать в Германию? — спросил Мишин. — Вернуться на землю предков?

— У меня предки похоронены в России. На Смоленском православном кладбище. Даже не на лютеранском...

— Если решил, — не слушая возражений, продолжал Мишин, — то сам знаешь! С моими шефами лучше не ссориться.

— И ты с ними продолжаешь работать? — Фризе встал. Вопрос прозвучал риторически. На ответ рассчитывать было нечего, и Владимир, не оглядываясь, пошел к двери.

Вместо автомата Берта привезла Фризе из Женевы золотой «Роллкс». Денег, полученных за выигрыш в чемпионате, хватало теперь и на такие дорогие подарки: государство перестало обирать спортсменов до нитки.

Состояние легкой эйфории, разнеженности не покидало БERTУ все эти дни — она даже из постели редко выбиралась. Часок другой погулять по Москве. Отпуска Владимира на службу, где он готовил к сдаче свои дела, брала с него клятву: при первой же возможности улизнуть отсюда. Фризе не хотел портить ей кайф и на ее расспросы отвечал уклончиво и односложно. Но долго водить за нос свою подругу Владимиру не удалось. Даже у такой молодой женщины, если она не стопроцентная дура, интуиция развита много лучше, чем у мужчины.

Жили они в квартире Фризе — Владимиру не хотелось ненароком встретиться с прокурором.

— Смотри, Володька! Если мне не будет очень скучно, я, может быть, останусь здесь насовсем. — Но Фризе, так решительно настроенный на женитьбу месяц назад, сейчас никак не отреагировал на ее намек. Тянул. Никак не мог избавиться от навяздения по имени Нина.

Однажды среди ночи, приготовив по сочному бифштексу с жареной картошкой — путь домой из прокуратуры проходил теперь для Фризе через Центральный рынок — и глядя, с каким удовольствием Владимир управляет с ним, Берта сказала:

— Похоже, без меня ты сильно оголодал. Неужели она тебя так плохо кормила?

— Не кормила вовсе!

— Стерва. — Берта осуждающе покачала головой. — Превратила тебя в выжатый лимон и выбросила. Давай-ка рассказывай, кто тебя заездил! Так могут затравить человека только друзья или коллеги. У тебя же веко дергается не переставая!

Фризе знал, что теперь Берта не успокоится, пока не выпрошит его, но попытался сопротивляться.

— Кто из нас следователь?

— По особо важным делам — я! — сказала она нахально. — Чистосердечное признание облегчит твою совесть.

Когда Фризе закончил рассказывать, Берта притянула его к полной крепкой груди. Руками, которые славились тем, что могли без промаха забросить мяч в корзину с самой дальней дистанции. Сказала тихо:

— Какой же ты у меня молодец! Я и не надеялась, что ты когда-нибудь распростишься со своей дурацкой прокуратурой!

Такой реакции Фризе не ожидал. Освобождаясь из ее сильных рук, проговорил с обидой:

— Ты что, думаешь, я пойду воспитателем в детский сад?

— А что? Это идея. Рожу тебе двух девочек и двух мальчиков... — И неожиданно переменяла тему: — Знаешь, в Швейцарии есть такие маленькие городки в горах... Загляденье. И маленькие виллы среди цветов.

— Разве у меня на Николиной горе хуже?

— Не хуже, милый. Но слишком близко от прокурора Олега Михайловича. — Берта внимательно смотрела на Фризе. В глазах светились любовь и участие. — Не обижайся, Володька. У тебя такое мученическое лицо, как у святого Себастьяна на той картине. — Берта перевела взгляд на небольшое полотно эпохи кватроченто — «Мучения святого Себастьяна», — висевшее напротив кровати. Фризе проследил за ее взглядом и вздрогнул. У мученика действительно было его лицо.

Владимир соскочил с кровати и, не спуская глаз с картины, подошел к ней. Очень искусно, с большим тщанием на лицо святого Себастьяна, пронзенного стрелами, наклеили вырезанное из фотографии и профессионально раскрашенное лицо Фризе.

Он стоял, не в силах отвести взгляд от картины.

— Володя, что ты там обнаружил? — спросила Берта. — Что-нибудь не так?

Фризе мог поклясться, что еще три дня назад картина была в полном порядке.

Ни разу за эти дни не сработала сигнализация.

Замки были нетронуты.

Берта отлучалась из дома лишь ненадолго.

Ночи они проводили почти без сна, в постели. Рядом со святым.

Война продолжалась?

ПРОСТО ДЖОРДЖ

В комнате, наполненной сладкими восточными благовониями, за украшенным цветами столом сидел необычный молодой человек: нарумяненное лицо, подведенные брови, ярко накрашенные губы, в руке бабочкой трепещет веер.

— Как вас называть? Мистер Джордж? Мистер О'Дауд? Или как-нибудь иначе?

— Джордж, просто Джордж.

Мой собеседник — английская поп-звезда Бой Джордж, бывший вокалист группы «Калчз Клуб», чье настоящее имя Джордж О'Дауд.

Он родился в католической ирландской семье. После школы работал в магазине модной одежды. Однажды попробовался в качестве певца, но — без успеха. Вторая попытка обратить на себя внимание состоялась в апреле 1981

года, когда Джордж и его приятель барабанщик Джон Мосс создали группу под названием «CULTURE CLUB» («Культурный клуб»). К ним присоединились гитарист Рой Хэй и басист Майкл Крейг. Центральной фигурой в ансамбле стал вокалист под псевдонимом «Мальчик Джордж» и с несколько шокирующим имиджем. С 1982 по 1986 год квартет записал четыре альбома («Kissing To Be Clever», «Colour By Numbers», «Waking Up With The House On Fire», «Fromluxury To Heartache»), которые имели большой успех. Несколько песен стали интернациональными хитами.

Бой Джордж считает «Калчз Клуб» поп-группой, а себя соответственно поп-певцом. Несмотря на это, они фигурируют в рок-энциклопедиях. Кажущийся парадокс объясняется просто: словечком

«поп» на Западе пользуются не столько для обозначения строго определенного музыкального стиля, сколько для обозначения уровня популярности. Поп-музыкой может быть и джаз, и классика, если они пользуются успехом. Добавлю, что тот примитив, который у нас многие называют поп-музыкой, на Западе не считают за музыку вообще. Так, например, в результате проведения последнего московского фестиваля «Интершанс» несколько наших рок-групп были ангажированы зарубежными менеджерами, но ни одна отечественная поп-звезда не вызвала аналогичного интереса.

В американской рок-энциклопедии «Rock Of Ages», не очень-то щедрой на похвалы, «Калчэ Клуб» назван одним из наиболее заметных ансамблей, а о его ведущем вокалисте сказано следующее: «Бой Джордж — прекрасный пример реинтегрированной рок-звезды: он обладает приятным тенором и убедительной музыкальной эрудицией...»

В 1987 году Бой Джордж покинул группу «Калчэ Клуб» и выпустил свой первый сольный альбом.

— *Что случилось с «Калчэ Клуб»?*

— Она пришла к логическому концу. Произошло то, что и должно было произойти. В группе возникли творческие противоречия: каждый хотел делать что-то свое, и мы разошлись, чтобы каждый мог заняться тем, чем хочет. Я хотел более импульсивной музыкальной деятельности.

— *Поддерживаете ли вы отношения с бывшими коллегами?*

— Да, конечно. Мы работаем теперь в разных группах, но остались друзьями.

Расставшись с «Калчэ Клуб», Бой Джордж начал сотрудничать с гитаристом и продюсером Джоном Темисом. Вместе они впервые посетили Москву летом 1990 года, чтобы принять участие в антирасистском фестивале, состоявшемся благодаря усилиям Центра Стаса Намина и французской молодежной организации «СОС Расизм». На Фонтанной площади ЦПКИО имени Горького собралось тогда несколько десятков тысяч зрителей. Разогретая выступлением французской рок-группы и крепкими напитками, часть публики буянила вовсю. Небольшие перерывы между выступлениями артистов многие переносили с большим трудом — жаждали выхода следующей звезды. Бой Джордж не торопился. Появившись на несколько секунд и окинув взглядом собравшихся, он опять скрылся за кулисами. Казалось, что звезда капризничает и выступать вообще не собирается. На сцену полетели монеты, скомканные фантики и прочее.

Через несколько минут Бой Джордж все-таки появился и запел под аккомпанемент инструментальной фонограммы свои знаменитые хиты. Публика пришла в восторг, но «мусорный град» не прекратился. Я наблюдал за происходящим через объектив фотоаппарата и видел лицо певца крупным планом. Следующее мгновение заставило меня напрячься в предчувствии «взрыва»: какой-то очередной предмет из зрительского «арсенала» полетел прямо в щеку Джорджа... Однако ни один мускул не дрогнул на лице певца. Он продолжал работать как ни в чем не бывало. Вот вам и «капризная звезда»!

С тех пор прошло два года.

— Какие наиболее значительные события произошли со дня вашего первого приезда в Москву?

— Я много работал. Гастролировал. Побывал в нескольких восточных странах. Занимался музыкой и расслаблялся, когда была возможность. Еще я пишу книгу о моей жизни и о группе «Калчэ Клуб», собираюсь выпустить новый альбом.

— Как часто вы даете концерты?

— Я выступаю приблизительно два раза в месяц, мы довольно ленивая группа.

— Может быть, вы предпочитаете работать в студии звукозаписи?

— Я действительно не любил играть на сцене и только последние два года получаю удовольствие от своих концертов, потому что работаю с очень хорошим гитаристом.

— Что будет из себя представлять ваш новый альбом?

— Моя музыка — это некая комбинация разных новых стилей. Мои песни — о любви, об обществе, в котором я живу, это отражение того, что я вижу и чувствую. Я пою о жизни. Люблю писать импульсивно, и самая импульсивная из моих песен — «Bend Down Mister».

Надо полагать, что эта песня помогла Джорджу снова оказаться в Москве. В припеве звучат слова из мантры: «Hare Rama, Hare Krishna», — и организаторы Харе Кришна фестиваля пригласили певца принять участие в программе. Он согласился. Привлекла его в первую очередь благотворительная деятельность последователей Кришны. В Лондоне Бой Джордж видел, как они помогали бездомным, бесплатно кормили нуждаю-

щихся. Он слышал, что и здесь, в России, аналогичная помощь оказывается студентам. Джордж хотел своим участием в программе Харе Кришна фестиваля, на котором выступал бесплатно, помочь собрать средства для благотворительных целей. А кроме того, он любит всякие праздники с песнями и танцами. Не отрицает и своего увлечения кришнаитством.

Один из главных организаторов Фестиваля обмолвился на пресс-конференции, что у Джорджа были проблемы личного плана, приведшие его в лоно «приверженцев сознания Кришны». Какие проблемы имелись в виду — мистер умолчал. Может быть, наркотики? От Боя Джорджа я узнал, что он действительно употреблял их, но давно, уже шесть лет, как с этим покончено.

На мой взгляд, участие певца в столь специфичном шоу — это скорее всего дань движению хиппи, с его культом цветов и всеобщей любви.

В заключение нашей беседы певец дал автограф для читателей «Смены».

АЛЕКСЕЙ ЗАЙКИН

Фото на 4-й обложке автора

Шахматная эпиграмма

278

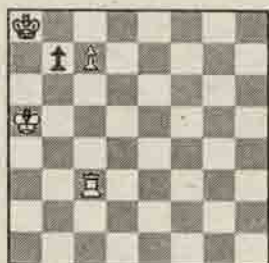
Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Еще не подведены итоги конкурса составления шахматных задач-миниатюр за 1992 год, но главный итог уже ясен — конкурс удался! Вот лишь одно, но весьма авторитетное мнение международного мастера М. Марандюка (Украина): «Таких сильных конкурсов давно не было! Участие многих известных мастеров делают конкурсы «Смены» солидными и значительными. Это событие в жанре миниатюры, и очень хотелось бы, чтобы соревнование стало традиционным. Рад, что я участник этого праздника миниатюры!» Созвучные мысли содержатся и в письмах других наших читателей.

Сегодня мы публикуем оригинальные задачи, присланные на II международный конкурс «Смены» (условия см. в № 12, 1992). Приглашаем участвовать в конкурсе всех любителей шахмат!

1. О. САКС

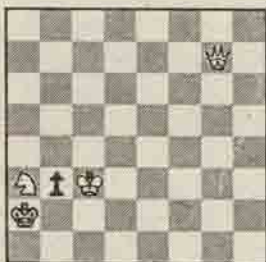
п. Таллин Мадгасинской обл.

Мат в 2 хода

2. В. ПОПОВ

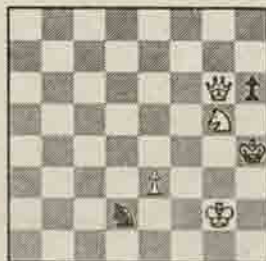
Самара

Мат в 2 хода

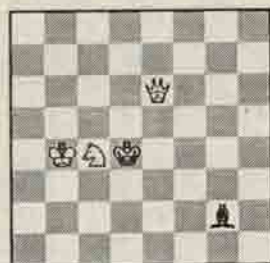
3. В. МЕЛЬНИЧЕНКО

г. Котовск Одесской обл.

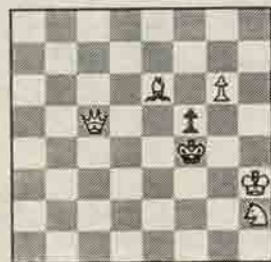
Мат в 2 хода

4. Ю. ЛЯЛЮШКИН
Екатеринбург

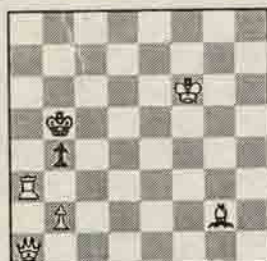
Мат в 3 хода

5. В. КОЖАКИН
Магадан

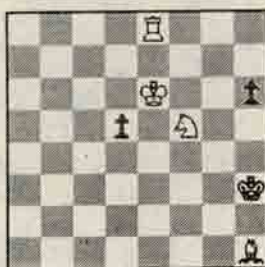
Мат в 3 хода

6. В. ЖУПИКОВ
г. Люберцы Московской обл.

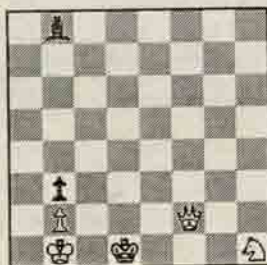
Мат в 3 хода

7. Н. ЗИНОВЬЕВ
Усть-Каменогорск

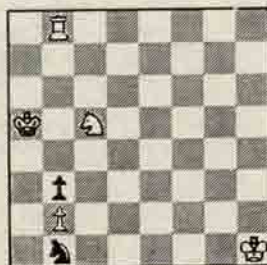
Мат в 4 хода

8. В. САМИЛО
Харьков

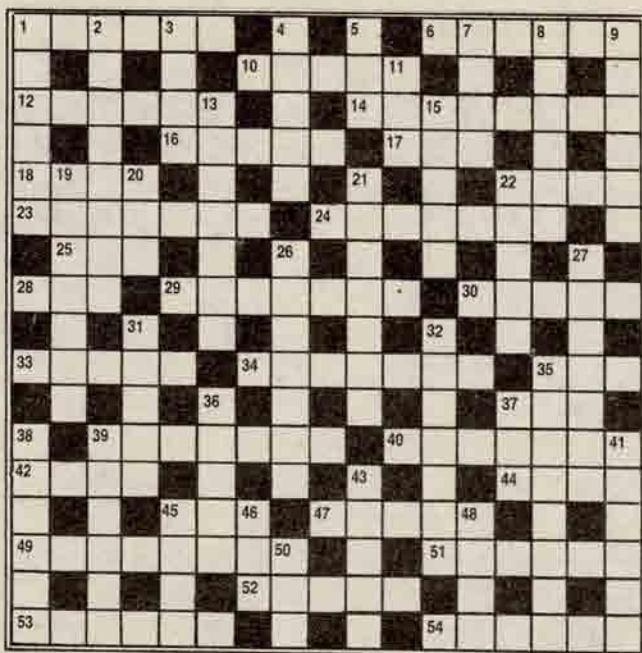

Мат в 4 хода

9. В. ЖЕЛТОНОЖКО
Екатеринбург

Мат в 7 ходов

По горизонтали:

1. «Обнимаю тебя горизонтом голубым — и руками двумя» (прием в стихотворении М. Цветаевой). 6. Поэт, создатель жанра современной немецкой баллады. 10. Медный предмет в руке Аристотеля, с которым он ежедневно засыпал. 12. Дальневосточная промысловая лодка. 14. Хоровая культовая песнь, созданная Арионом и Ласом. 16. Автор знаменитой книги «Боги, гробницы, ученые». 17. Самое устойчивое в городской среде хвойное дерево. 18. «Словесный предмет», который иногда забывает «плохой питомец Мельпомены» (А. Пушкин. «Руслан и Людмила»). 22. Старинное название говоруна, рассказчика-сказок. 23. Жирный рассыпчатый казахский творог, приготовленный из айрана. 24. Территория, большая медье (в Венгрии). 25. Медная римская монета, сначала равная по весу фунту. 28. Прибор. За его изобретение Петр Первый был избран в Парижскую академию наук. 29. Человек, заявивший миру: «Я пришел творить волю Пославшего Меня». 30. Каждый из жителей единственной в мире автономной теократической республики «Айон Орос». 33. Деревянный наклонный помост, по которому сбрасывают в реку или выпаскивают из нее сплавной лес. 34. Человек в любой должности, которому запрещен доступ на Святую гору (Афон). 35. Имя японской гимнастки Киоко, самой легкой спортсменки мира. 37. Польский писатель, всерьез считающий, что покупатель должен платить налог за плохие книги. Чем книга сквернее, тем

налог выше. 39. Подмосковный город, до сих пор не восстановивший свое исконное имя Богородск. 40. Библейский пророк, предсказавший, что Иерусалим будет поражен проклятием. 42. «Мебельное» дерево. 44. Самый знаменитый из путешественников, не выходящих из дома. 45. Казахстанская река, летом порой распадающаяся на отдельные плесы. 47. Родитель медузы. 49. Способ знахарского лечения. 51. Кустарник. Если прикоснуться к его листьям, они складываются и опускаются. 52. Название в иконописи сияния, окружающего Божественные Лики. 53. Один из первых кактусов, увиденных европейцами. 54. Васильев месяц, просинец или сечень.

По вертикали:

1. Стенка флешки. 2. Спортсмен на пороге возможной победы. 3. Ковыль, мятлик или пырей. 4. «Рафинированный негодяй» (Р. Холл, канадский ученый). 5. Француз, один из четырех писателей, больше всех, по словам Н. Берберовой, повлиявших на ее творчество. 7. Мать Севера Александра, последняя из «сирийских женщин» у римского трона. 8. Плод, с помощью которого в Азербайджане выясняют, ловок или неуклюж претендент на руку девушки. 9. Художник, возглавлявший фламандскую школу живописи в эпоху барокко. 11. Моби Дик (существо). 13. Основной источник нитратов, вносимых в почву. 15. В Древней Греции — эриния, в Риме — ... 19. Представительница живущего в Индии народа, чей главный тотем — обезьяна. 20. Культура, сбор урожая которой в Западной Африке сопровождается праздником, равным Новому году. 21. Ледовое ... случилось 5 апреля 1242 года. 22. Титул, присвоенный Наполеоном художнику Луи Давиду. 26. Мишель Монтень как писатель. 27. Материал красного платка героини в повести А. Куприна «Олеся». 31. Формула, выведенная Омаром Хайямом задолго до Ньютона. 32. Временное распоряжение во времена Реформации с целью прекратить религиозные споры между католиками и протестантами. 35. Русская баскетболистка, самая высокая спортсменка мира. 36. Мастер Оружейного приказа, царский «жалованный иконописец» в двадцатых годах XVII века. 37. Крылатое животное на гербе Венеции. 38. Соратник Л. Ландау на поприще теоретической физики. 39. Самолет, на котором П. Нестеров впервые продемонстрировал «мертвую петлю». 41. Кант однажды воскликнул: «О, если бы ты, маленькая муха, могла говорить! Насколько иным было бы все наше знание о прошлом мира!» (объект его созерцания при этом). 43. Лиза — Софье: «Грех не беда, ... нехороша» (А. Грибоедов. «Горе от ума»). 45. Аквариумная рыбка из бассейна Амазонки, подкармливающая мальков «молоком», выделяемым ее кожей. 46. Персонаж в «Маленьком принце» Экзюпери, сказавший, что мы в ответе за того, кого приручили. 48. Цветок, самым первым, по Плинию, вошедший в культуру. 50. Дерево, которое древние германцы считали обиталищем «духа лесов».

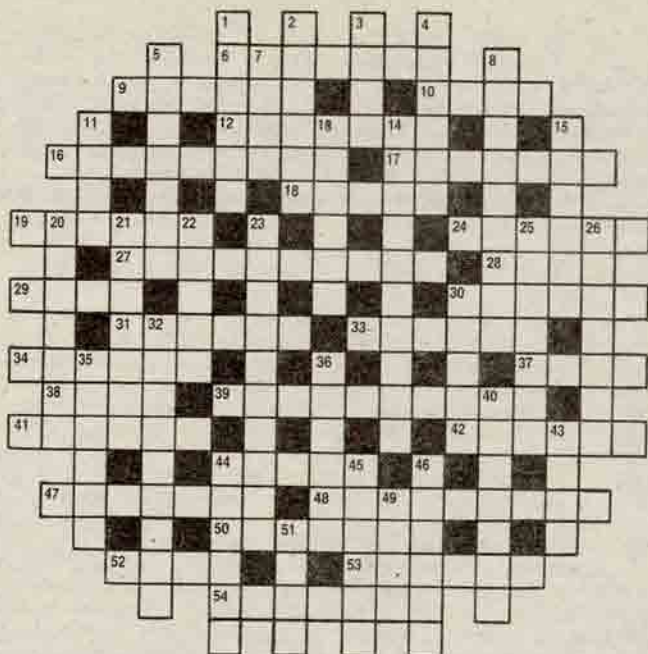
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ» НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

1. Жанрист. 5. Изумруд. 11. «Ретвизан». 12. Эйдети́зм. 14. Мале (Мальдивская Республика). 15. Цимифан. 17. Веер. 19. Бит. 21. Аппоматокс. 22. Матисс. 24. ... знаки ... 25. Гавот. 31. Лаутар. 33. Шопенгауэр. 34. Уош. 36. Мозг. 37. Медведь. 38. Отец ... (роман Бальзака). 41. Дьяконов. 42. Аникушин. 43. Чаканье. 44. Призрак.

По вертикали:

2. Антилопа. 3. ...раис. 4. Статистика. 6. Зейнаб. 7. Мишл. 8. Умиление. 9. Еремиаш. 10. Юморист. 13. Кошка. 16. Ним. 18. Ямантау. 20. Таволга. 23. Камердинер. 26. Хламида. 27. Фудзияма. 28. Почва. 29. Пустышка. 30. Драцена. 32. Ром. 35. Шелонь. 39. Кожа. 40. Сказ.

КРОССВОРД
Составил
В. ФЕДОСЕЕВ,
Чебоксары

По горизонтали:

6. «Глаз да глас», «Мимоходом» или «Нарочно не придумаешь» в «Крокодиле». 9. Имя героя в комедии Бомарше, ставшее синонимом расторопного слуги. 10. Зверь, способный за две минуты свалить осину толщиной семь сантиметров. 12. Писательница, совместно с Н. Некрасовым создавшая романы «Три страны света» и «Мертвое озеро». 16. Ископаемая птица, жившая в меловой период. 17. Химический элемент, открытый в 1901 году Е. Демарсе. 18. «Корона» древних ассирийских и персидских царей. 19. Северный народ, впервые упомянутый в русских документах в 1630-х годах. 24. Греческая богиня, чьим священным животным была собака. 27. Горная порода, применяемая для отделки зданий. 28. Стихотворная строфа из девяти строк. 29. Серый полугай, большой любитель кукурузы. 30. Бетон — это цемент, ... и вода. 31. Один из предметов поисков нумизмата. 33. Другое название восточного злака гоми. 34. Отложения, выводящие из строя котлы. 37. Герой крыловской басни, видевший в Риме огурец с гору. 38. Грамматическая категория глагола. 39. Бетатрон, фазотрон или циклотрон (суть). 41. Наставление, нравоучение. 42. Самоцвет, богемский топаз. 44. Один из самых крупных домашних цветков. 47. Риека, Сплит, ... — главные порты Хорватии. 48. Летние женские туфли. 50. Соленое озеро в Казахстане. 52. Остров, резню на котором изобразил Эжен Делакруа. 53. Мастер по украшениям, которого

в античные времена даже освобождали от налогов. 54. Звание, означающее в переводе с арабского «владыка на море».

По вертикали:

1. Тяжелый занавес со складками. 2. Черный электроизоляционный материал, получаемый вулканизацией резины. 3. Ткань, из которой шит сюртук доктора в «Господах Головлевых» М. Салтыкова-Щедрина. 4. Игра, развлечение. 5. Одно из транспортных средств, в которых съезжались соседи на именины в дом Лариных (А. Пушкин. «Евгений Онегин»). 7. Планета, вопреки всем остальным вращающаяся в обратном направлении. 8. Теория происхождения жизни путем усложнения неорганических веществ. 11. Бурятский хороводный танец. 13. Вещество, каким солдаты чистят пуговицы. 14. Минерал, способный в двадцать раз увеличить объем, если его нагреть до тысячи градусов. 15. Второй по высоте после Фудзиямы вулкан в Японии. 20. Большой веер. 21. Самый «подсолнечный» жудец (область) Румынии. 22. Начальный пункт судоходства на реке Янцзы. 23. Мир причудливых представлений, расцветивший сказки всех народов. 25. Металл, один из изотопов которого по радиоактивному излучению в шестьсот шестьдесят раз превосходит радий. 26. Французский ученый, участвовавший в издании сочинений Декарта, Диофанта, Ферма. 30. Фронтон без карниза. 32. Войско, создаваемое на добровольной основе. 35. Самый древний рукотворный строительный материал. 36. Живущий в Нигерии народ, в основном исповедующий христианство. 40. Изобретенная в конце прошлого века в США наборная машина. 43. Самая большая картина М. Чюрлениса. 44. Фотохимикат. 45. Украинский стихотворец. 46. Рыба, которая в озере Титикака, куда ее пустили в 1939 году, достигает пудовой и больше величины. 49. Силуха, сплюшка, сыч (общее название). 51. Тридцать вторая часть окружности морского компаса.

283

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

7. Рострум. 10. Щекотка. 13. Горох. 14. Халат. 15. Комедиант. 16. Эшшольция. 17. Малик. 18. Ванин. 19. Норейка. 22. Гиматий. 23. Орф. 25. Юнк. 26. ...кенгуру. 29. Лоток. 30. Ильм. 31. Кетч. 32. Запав. 34. Сидерит. 38. ...лат. 39. Чит. 43. Евбулид. 46. Триолет. 49. Филин. 50. Иолай. 51. Вольтерра. 52. Жимолость. 53. Невий. 54. Диван. 55. Китайка. 56. Нитинол.

По вертикали:

1. Богомол. 2. Стрелец. 3. Ёухикко. 4. Меховик. 5. Вольная. 6. Актиния. 8. Сомар. 9. Родий. 11. Ка-лам. 12. Тацит. 20. Арк. 21. Фогт. 22. Гну. 24. Фельзит. 25. Юркевич. 27. Номад. 28. Уокер. 33. Пенс. 34. Сад. 35. Тит. 36. Эвфония. 37. Бульвар. 38. Линейка. 40. Триодия. 41. Головин. 42. Цейтнот. 44. Билет. 45. Литий. 47. Иолит. 48. Ласан.

Заслуженная артистка России

Галина Беседина

ведет курс
обучения игры
на шестиструнной
гитаре
в Московской
заочной студии
«ЛИРА».

Приём производится круглогодично. Возраст не ограничен. После окончания студии лучшие ученики будут приглашены в Москву для прослушивания и участия в концерте.

Напишите нам по адресу:
115597, Москва, а/я 16,
студия «ЛИРА»,
и мы вышлем условия приема.

Внимание тех, кому нужен

ДРУГ И СПУТНИК ЖИЗНИ!

Обратитесь в Межгосударственную
службу знакомств «ПОИСК».

«ПОИСК» расширит круг ваших знакомств и окажет помощь в создании дружной, счастливой семьи.

«ПОИСК» располагает межгосударственной информационной сетью.

«ПОИСК» ИЩЕТ И НАХОДИТ!

«ПОИСК» гарантирует выполнение договорных обязательств. Сведения об условиях заключения договора вы получите БЕСПЛАТНО, обратившись по адресу:

220002, Минск-2, а/я 132

или в одном из отделений нашей информационной сети: С.-Петербург (тел. 1441386), Киев (тел. 4493310), Львов (тел. 290005), Краснодар (тел. 979764), Симферополь (тел. 832333), Новосибирск (тел. 226778).

В ПИСЬМО ВЛОЖИТЕ КОНВЕРТ СО СВОИМ АДРЕСОМ.

ДМИТРИЙ ФИЛОВ

— Дима, по образованию вы физик. Но, глядя на ваши работы, невозможно представить, что когда-то вы изучали точные науки. В них переплелись фантастика и мистика, они наполнены странными знаками Вселенной, часто персонажи ваших произведений как бы проходят между символами света и тьмы...

— Родители считали, что рисование не профессия, и заставили меня окончить университет. А рисую я давно, еще в детстве рисовал солдатиков, сражения. Когда стал работать в живописи профессионально, первые мои картины были подражанием Гогену, Жоржу Вуо, работавшему в манере сюрреализма. Но лет десять назад мне это надоело. Стало скучно повторять чужие образы, мысли. Прислушался к себе. И тогда появились вещи, совершенно непонятные даже для меня, например, какой-то неизвестный шрифт на холсте.

Я раньше никогда его не видел, и, насколько знаю, ни история, ни археология не дают о нем сведений. Один мой знакомый, побывавший на Тибете, рассказал, что видел там подобные орнаменты. Они относятся к культуре огнепоклонников, сторонников зороастризма. А иногда прямо из-под кисти появляются какие-то необычные фигуры, может быть, инопланетяне? Я полагаю, некие силы, наденешь, добрые, руководят мною, водят моей кистью. Я не ржусь в тогу какого-нибудь гуру и не кликушествую, дабы привести себя в возбужденное состояние. Я совершенно нормальный человек. Художник. А занятия физикой и наукой воспитали во мне аккуратность и педантизм. Люблю холсты мелко, скрупулезно «вышивать». Друзья удивляются, как только терпения хватает. А мне это доставляет наслаждение. Я не могу работать быстро. Подчас на одну работу уходит месяц-два. Конечно, все зависит и от размера полотна, да и от настроения.

— Зрители понимают вашу живопись?

— После выставок в книге отзывов можно прочесть хвалебный отклик: «В жизни не встречал так много хорошего, как в ваших картинах», а рядом издевательский: «Когда я бросил пить, подобные видения оставили меня».

— Как вы можете определить направление, в котором работаете?

— Если одним словом, то «космизм». Постараюсь пояснить этот термин. Что такое космос? Средоточие связи всего со всем, место, где все мысли, все слова фиксируются. Мы, например, часто говорим: интуиция подсказала какое-то решение. Нет. Подсказал космос. Может быть, космос — то же самое, что и Бог. Как некий

закон, по которому все и происходит.

Но «космизм» не направление, а скорее форма, способ выражения. Другими словами — интуитивный метод. Я верю в инопланетян, в бессмертие души, в параллельные миры, хотя у меня нет никаких теорий на этот счет. Кроме того, мне кажется, что мои картины — своего рода талисман. Как бы инструмент заклинания. Они каким-то образом влияют на окружающую жизнь. Понимаю, это трудно продемонстрировать, доказать... И все же они вмещаются в цепь определенных закономерностей.

— То, что вы говорите, несколько абстрактно. Вы пишете интуитивно, но, видимо, передаете настроение: раздражение или, наоборот, покой.

— Безусловно, да. Каждая моя работа — в каком-то смысле автопортрет. Я ничего не придумываю. Свое внутреннее состояние пытаюсь перенести на холст. После чего меня становится меньше, часть моего «я» переливается в краски.

— И все же хотелось бы конкретный пример.

— Мои знакомые купили у меня картину, довольно большую по размеру. Повесили на стенку. После этого перестали спать в той комнате, где она висит.

— Отчего же? Раздражает?..

— Раздражает — не то слово. Берedit. Достаet. Даже в темноте, когда ее не видно, она словно что-то излучает. А днем все нормально. Она красочная, «красивенькая». Мне кажется, злые люди не переносят моих картин, как нечистая сила — крестного знамения...

— Вы верующий человек?

— Я не чувствую потребность ходить в церковь, соблюдать об-

ряды, так как не верю в церковного Бога. Безусловно, все в жизни не случайно. Не случайно строились церкви, писались иконы, создавались обряды, службы... Но я не пришел к той или иной форме общения с какими-то высшими силами. В этом смысле я материалист, хотя признаю наличие каких-то непознанных вещей, энергий. Ведь энергию можно измерить приборами, это вполне физическое понятие.

— *Вы можете назвать своих учителей, если они у вас были?*

— В Алуште живет художник Алексей Завада. Он не учил меня в буквальном смысле, но на своем примере показал, как можно стать художником. В то время я уже пробовал себя в живописи, но как-то робко, самодеятельно, что ли. Ходил в художественные студии и был ужасно закрепощен: правилами, догмами, которые там преподавали. Познакомился с Завадой случайно. Он работал сторожем, рисовал совершенно необычные, как мне тогда казалось, картины: абстрактные, причудливые лица. Получая жалкую зарплату сторожа, целыми днями рисовал, читал книги и радовался жизни. Имея за плечами четыре класса образования, знал японский язык, несколько европейских, увлекался философией. Я любил бывать у него в гостях. Сидя в каморке и разглядывая его фантастически немыслимые работы, я понимал, что можно заниматься любимым делом, не забываясь в подполье, а только чуточку прикинувшись дурачком. Конечно, сейчас я немного утрирую... Он не учил меня рисовать, не знакомил с какими-то теориями, но своим примером научил быть свободным... За это я ему благодарен.

— *Вы родились в Питере, а сейчас живете и работаете в Симферополе. Никогда не приходила*

мысль уехать из этого города?

— В Симферополе я живу с десяти лет и с Крымом не могу расставаться надолго. Когда приезжаю в Москву, то уже на второй день начинаю дергаться. Не потому, что большой и сумасшедший город, я умею жить в больших городах. Но для меня очень важен Крым. Между Коктебелем и Меганомом есть одно местечко, побывав в котором, я на весь год заряжаюсь «космической» информацией.

Года два назад побывал в Париже, там проходила выставка тридцати художников. Половина из России, а половина эмигрантов, живущих во Франции. Конечно, с профессиональной точки зрения все было очень интересно. Походил по музеям, галереям, ну и что дальше? Такая грусть на меня навалилась. Через пару недель сбегал оттуда. Хотя и виза была, и принимали нас прекрасно.

— *Вас как художника знают в Симферополе?*

— Да. И думаю, благодаря объединению «Крымское товарищество современного искусства». Официально группа образовалась в 87-м году, именно тогда прошла наша первая выставка. А до этого мы показывали свои работы на квартирах. В «Товарищество» вошли художники, так сказать, левого направления. Одаренные, профессионально работающие, а главное, те, кого в Союз художников не пускали.

— *А вы пытались вступить в Союз?*

— Пытался, но получил от ворот поворот.

— *Что же вас туда так влекло?*

— Возможность покупать краски, холсты, арендовать мастерскую. И еще иметь бумагу, подтверждающую легальное существование. Раньше это была очень важная бумага. Помните закон

о тунеядстве? Сейчас, конечно, время изменилось... Мы обратились в Союз, но нам сказали, что принять не могут, ибо то, что мы делаем, — диверсия и вообще мы враги искусства и народа. Нас даже газета «Крымский комсомолец» пропечатала...

— Выставочные залы в Симферополе не пустуют? На ваши выставки ходят?

— Как ни странно, ходят даже больше, чем в Москве. Видимо, не «наелись», да и выбора поменьше. Симферополь не Москва: если у вас проходят до 40 выставок одновременно, то у нас, скажем, одна. Правда, в очереди не стоят, но все же... С одной стороны, трудно жить вдалеке от Москвы.

Удаленность от центра ощущается и в деловом, и в организационном смысле. Ведь участие

в выставках проходит через столицу. А это значит — надо возить из другого города громоздкие картины и при этом точно знать, когда именно проходит просмотр и где находится отборочная комиссия. Но, с другой стороны, не представляю, как здесь работают художники, я бы не смог. Безумный ритм жизни. К кому в гости ни приду — беспрерывно звонит телефон. Спрашиваю: «А когда же ты работаешь?» «Ой, — отвечает, — так давно не работал! Все некогда!» Я же у себя дома каждый день подхожу к мольберту и «вкалываю» часов по десять. Не потому, что я герой труда, просто это моя форма существования...

**Беседу вела
СВЕТЛАНА ТОНИНА.**

ДМИТРИЙ ФИЛОВ. Праздник на Меганоме. Групповой портрет перед тайной вечерей.

Меганом.

Возвращение.

Комендантский час.

Музыкальная антенна представляет:

Бой Джордж

TO
"SMEHA"
has always
George

ИНДЕКС 70820